

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Vet. PG3226. N9

~~Slav. 19EE.41~~

~~Vet. Slav. II B. 25~~

НОВОСЕЛЪЕ.

Рис. Дунстона.

Грав. Пашкович.

1833.

НОВОСЕЛЫ

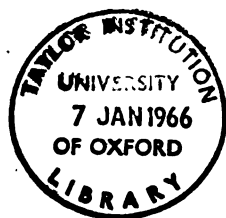
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЪ СЪ СЫНОМЪ

1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ; чтобы по оппечашаніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.
С.-Петербургъ. Февраля 1 дня, 1833 года.

Ценсоръ Семеновъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Заглавіе книги, само по себѣ, уже обязываетъ меня сказать нѣсколь-
ко словъ о семъ изданіи.

Проспой случай — перемѣщеніе
книжнаго магазина моего на Нев-
скій проспектъ (19 Февраля 1832)
доставилъ мнѣ счастье видѣть у
себя, на Новосельѣ, почти всѣхъ
извѣстныхъ Литераторовъ.

Графъ Дмитрій Ивановичъ Хво-
сповъ, маспипый поэтъ нашего
времени, сдѣлалъ опть лица своей
Музы слѣдующее привѣпспвие:

Угодникъ Русскихъ Музъ! свой празднуй юбилей,
Госпямъ Шампанское для новоселья лей;
Ты намъ Державина, Карамзина — изъ гроба,
Къ безсмертной жизни вновь, усердствуя, воззвалъ
Для лавра новаго, восшюрга и похвалъ.
Они Опечесство досшойно славяптъ оба;
Но пы къ паренью пупъ отккрылъ свободный имъ:
Мы нашимъ внучапамъ пвой шрудъ передадимъ.

Госпи-Лишерапоры, изъ особен-
ной благосклонности ко мнѣ; вы-
звались, по предложенію Василя
Андреевича Жуковскаго, подарить

меня на Новоселье, каждый своимъ произведеніемъ, и вопшь дары, коихъ часпъ издаю нынѣ.

Присланныхъ спашей достапочно было бы для соспавленія другой, такой же книги: Но отпъ приговора просвѣщенной Публики зависѣшь будепъ, долженъ ли я, въ памяшь моего новоселья, сдѣлашь подобное изданіе и въ будущемъ году, — или ограничипъся наспоащимъ?

Смирдинъ.

19 Февраля, 1833.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

.....

П Р О З А.

	стр.
<i>Бийскаго, Порфирія:</i>	
Кіевскія вѣдмы	331.
<i>Берха, Василія Николаевича:</i>	
Ординъ-Нащокинъ	523.
<i>Граубеуса, барона (вымышленное названіе):</i>	
Незнакомка	1.
Большой Выходъ у Сатаны	129.
<i>Булгарши, Фаддея Венедиктовича:</i>	
Омаръ и просвѣщеніе	367.
Ничто, или альманачная статейка о ничемъ	537.
<i>Грега, Николая Ивановича:</i>	
Воспоминанія	409.
<i>Луанскаго (Казака) Владиміра:</i>	
Сказка о нѣкомъ по- койномъ православ- номъ мужичкѣ и осынѣ его, Емель-дурачкѣ	559.

Масальскаго, Константина Петровича:

Русскій Икаръ 241.

Михайловскаго-Данилевскаго, Александра Ивановича:

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ГО-
СУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА ПАВЛО-
ВИЧА : 231.

О. К. В. О.:

Балъ 443.

Бригадиръ 501.

Панаева Владимира Ивановича:

Раскольникъ. ПОВѢСТЬ
первой половины XVII
столѣтїя 191.

Сенковскаго, Осипа Ивановича:

Антаръ. Восточная По-
вѣсть 69.

Шишкова, Александра Семеновна:

Анекдоты ИМПЕРАТРИ-
ЦЫ ЕКАТЕРИНЫ . . . 453.

Федорова, Бориса Михайловича:

Призракъ, Историческїй
разсказъ 467.

С Т И Х И.

	стр.
<i>Баратынскаго, Евгенія Абрамовита:</i>	
На смерть Гёте	239.
Кольцо С. Э. — ть	464.
<i>Вяземскаго, Князя Петра Андреевича:</i>	
Да какъ бы не такъ! :	126.
Сновидѣніе	436.
Къ старому Гусару	449.
Разговоръ 7 Апрѣля	497.
Бирюза	534.
Прощаніе	555.
<i>Глѣбича, Николая Ивановича:</i>	
Кавказская быль	187.
<i>Жуковскаго, Василія Андреевича:</i>	
Сказка о Царѣ Берендѣв, о сынѣ его Иванѣ Ца- ревичѣ, о хитростяхъ Кощея безсмертнаго и о премудрости Марьи Царевны Кощеевой дочери	37.
<i>Зайцевскаго:</i>	
Полдень въ Венеціи	557.

	стр.
<i>Козлова, Ивана Ивановича:</i>	
Два челнока	437.
<i>Крылова, Ивани Андреевича:</i>	
Басни I. Пастухъ . . .	401.
II. Былка	402.
III. Мыши	404.
IV. Лиса	405.
V. Волки и Овцы . . .	407.
<i>Лобанови, Михайла Евстаѳіевича:</i>	
Михаилъ Никитичъ Ро- мановъ	923.
<i>Норова, Абрами Сергеевича:</i>	
Двѣ розы. Письмо изъ Венеціи	361.
<i>Погодина, Михаилы Петровича:</i>	
Отрывокъ изъ драмати- ческой поэмы	518.
<i>Пушкина, Александра Сергеевича:</i>	
Домикъ въ Коломнѣ . . .	109.
<i>Розена, Барона Егора Фодоровича:</i>	
Домовой; старинная быль . . .	317.
<i>Хвостова, Графа Дмитрія Ивановича:</i>	
Стихи на Новоселье . . .	IV.
<i>Хомякова:</i>	
Жаворонокъ. Орелъ и Поэтъ	553.

НЕЗНАКОМКА.

=

СТАТЬЯ ДЛѢ МОЕГО ХОЗЯИНА.

==

Кто я такая? откуда? гдѣ живу? чѣмъ занимаюсь?...

Эпо моя пайна.

И не скажу вамъ, ни гдѣ я служу, ни въ какомъ чинѣ, ни сколько за мною душъ родовыхъ и благопріобрѣтенныхъ, попому, чѣмъ я васъ знаю: съ вами надо оспорожно!!...

Я ни духъ, ни человекъ, ни пророкъ, ни камеръ-юнкеръ, ни гробовой камень; ни

спранспвующій Еврей, копорый никогда не умираетъ, ни опспавной съ полнымъ пенсіономъ чиновникъ, копорый живетъ безконечно наперекоръ всѣмъ казначействамъ; ни судья, ни судейская любовница, ни авторъ, ни шарлапанъ, ни шпіонъ, ни проныра, ни безсмѣнный кандидатъ на мѣспечко, ни засаженный Философъ, ни наряженная куклою аксприсса, ни модная Графиня, ни даже членъ вольнаго ***ическаго общесства, — но я какъ-шо на всѣхъ ихъ похожа, всѣхъ ихъ качесства соединяю въ себѣ понемножку. Живу, живу, безъ конца, безъ остановки, и вездѣ рыскаю, и вездѣ лажу, и важничаю, и подслушиваю, и произношу приговоры, и заспавляю кривисп мнѣніемъ, и при случаѣ беру взяпки; угождаю, любезничаю, жеманюсь, мѣняю любовниковъ и купаюсь въ грязи; и занимаю мѣспо въ ученомъ кругу, и ничего не дѣлаю, и благополучно гнію въ забвеніи.

Право, я сущесство очень забавное!...

Я видѣла шо, чего вы не видали, и еще увижу многое, чего вы уже не будеше видѣшь: видѣла шѣ времена, когда гуспой, непроницаемый мракъ носился надъ нашею Русью; была свидѣпельницею, какъ онъ посшепенно прояснялся, и, безъ сомнѣнія, до-

живу до той минушы, когда разсьется онъ совершенно. Не шоропишесь: эшо еще не скоро будешъ!...

Льша опть Рождешва Хриспова 1700, Россія, ведома рукою безсмершнаго Генія, прибыла на кровавый рубежъ своей, заросшей льсами и предразсудками, древности, и я видѣла, какъ она, спавъ на немъ, съ дѣшскимъ шрепешомъ направляла свой первый шагъ въ обласъ новаго быша и новой Испоріи. Россія была погда похожа на проспранную пусыню съ селеніями и городами. Въ ея воздухъ висѣлъ холодный шуманъ невѣжешва, умъ дремалъ въ сырой пемношъ, воображеніе ржавѣло, поняшія были покрыты монаспырскою плѣсенью. Общешво было погда важное, лѣнивое, вялое, церемонное, грубое, сердидное, самонадѣянное, безъ мысли, безъ жизни, безъ цѣли, безъ долговъ, безъ леншъ и безъ надежды. Оно молчало и дулось; ѣло жирно, пило медъ ушапами, пило романею ведрами, чванилось, ползало и зѣвало во весь ропъ опть скуки; попягивалось, гладило себъ бороду и сладоспно смыкало глаза, приклонивъ голову къ нѣжной, похопливой груди Порока. Вдругъ, попрысенное искрою дикой забавы, оно бурно срывалось съ постели и, съ рогапиною

*

въ рукъ, по цѣлымъ сушкамъ гонялось за волкомъ и за медвѣдемъ. Попомъ оно опять зѣвало, и опять ложилось спать, и спало мершвымъ сномъ, обложенное подушками спарыхъ привычекъ и прикрышое съ головою пещлымъ одѣяломъ народной гордоспи, презирающей все Нѣмецкое, некрещеное, бу-сурманское.

Такъ почно спало оно, когда Исполинъ Сѣвера, не будучи въ соспоянїи разбудить его, мощными руками схватилъ его, и вмѣстѣ съ нимъ всю Россїю, поднялъ ихъ на воздухъ, показалъ изумленному свѣшу и переспавилъ на край своихъ владѣній, — на мокрые, темные, лѣсисшые берега Невы. Я была очевидцемъ, какъ, подъ его попоромъ, по мановенїю швердой, желъзной его воли, съ шрескомъ падали опягощенные снѣгомъ сосны, валились на землю дремучія бороды, кушаки лопали, длинныя пѣлы плашья обрывались, бобровыя шапки слешали въ грязь, болопа засыпались соснами, бородами, кушаками и бобровыми шапками, мгла исчезала, и Русская земля открывалась, пучная, плодоносная, богашая, и Русское небо озарилось первымъ лучемъ просвѣщенїа.

Груды сломанныхъ предразсудковъ и изорванныхъ ферязей загромоздили на нѣкопо-

рое время все проспранспво оспрыми и окровавленными своими обломками; но, изъ эшого мгновеннаго разрушенія, при свѣшѣ съвернаго сіянія, возспали новая споллица, новая Россія и новое общеспво, выбришое, вымышое, завишое, напудренное, надушенное о-де-колономъ, вызолоченное по всѣмъ швамъ и прорѣхамъ, въ огромномъ парикъ, въ чулкахъ, блондахъ и комплименшахъ, съ шпонкою шпагою подъ фракомъ, съ прехъугольною шляпою подъ мышкою, со звѣздою на груди, съ великими предначершаніями въ умъ и съ руками въ шпанахъ; общеспво плечисшое, румяное, здоровое шакъ, чшо спшдно! — полу-Французское, полу-Голландское, полу-Монгольское, неловкое, неповорошливое, забавное; шаркающее ногами на манерь Парижскихъ Маркизовъ и нарѣзывающеея наливками по-Владимірски, въжливо цѣлующее жирную ручку у боярынь и разбивающее кулакомъ носъ своему секретарю; шакое, у копораго не было ни пона, ни приличій, ни докшоровъ, ни спазмовъ, ни Словесноспи, ни памяшниковъ, ни Французскихъ акшриссъ, ни банкротскаго успава; но общеспво юное, пыльное, сильное своею новоспью, но общеспво не пресыщенное удовольспвіями, не хваспающее своею

опытносно въ развращъ, не истасканное славою, величїемъ, ни уничиженїемъ, вѣрующее въ величїе и въ добродѣшель, и жадное славы, и воспламененное любовїю къ опечесшву, къ познанїямъ, ко всему полезному и великому; общесшво, исполненное дѣяшельности, надежды, и еще дышащее шворчскимъ огнемъ новаго Прометея, который его создалъ.

Въ минушу рожденїя эпого общесшва, родился, надъ его колыбелїю, и его ангельхранишель, — Духъ Саширы: онъ раждаешся вмѣшпъ со всякимъ челоувѣческимъ общесшвомъ; — духъ рѣзвый, веселый, игривый, насмѣшливый, съ розовыми крыльями, съ змѣинымъ жаломъ, съ язвительною улыбкою, злой какъ чоршъ, легкій какъ бабочка, полезный какъ ядъ въ сильныхъ болѣзненныхъ припадкахъ. Онъ смѣшишъ, забавляешъ, оживляешъ общесшва: садїтся у нихъ на плечъ какъ обезьяна, и дразнишъ ихъ гордосшъ, чвансшво и пороки; вскакиваешъ имъ на голову, когда они спояшъ передъ зеркаломъ, и, кривляясь, предспавляешъ имъ фигуры всѣхъ ихъ глупосшей; пошомъ надѣваешъ дурацкїй колпакъ и, на площадяхъ, издѣваешся надъ черными, оборванными спрасшями просшолоудина; пошомъ, под-

вязываетъ себя бороду Демокрипа, взмъзаетъ на золоченныя ручки кресель зазнавшейся знаши, и шормошишь ея самолюбіе за носъ, какъ ручнаго медвѣдя. Онъ развеселяешъ, шишлешъ, шерзаетъ, бѣсишь и исправляешъ общеспва; онъ поддерживаешъ ихъ жизнь и не рѣдко спасаешъ ихъ ошъ смерши.

Онъ носился въ воздухъ, надъ общеспвомъ, слышеннымъ наскоро основашелемъ Новаго Сзвера, порхалъ, наблюдалъ и улыбался. Онъ могъ бы найши въ немъ обильную для себя пищу, пошущишь надъ его школьнической неловкостью, обрызгашь желчію и смѣхомъ кучу переселившихся въ него спранностей и осшавшихся ошъ прежняго шшаша предразсудковъ; но онъ не хотѣлъ огорчашъ его юности, не смѣлъ осшанавливашъ его развишя: онъ шолько исчислялъ его усилія и его успѣхи, и удивлялся благородшву чувствъ и чиспошъ намѣреній, украшавшихъ первые годы его сущеспвованія. И сама Сашира принуждена была смопрѣшь съ уваженіемъ на дивное произведеміе рукъ Великаго, и не примѣчашъ недоспашковъ.

Но когда это общеспво взросло, возмужало и укрьшилось; когда современемъ, забывъ высокое свое начало, оно занялось сосшавле-

ніемъ особыхъ для себя пороковъ, и вздумало еще объявлять пребываніе на изящность вкуса; когда имъ завладѣли развратъ и Бироны, кошорые продавали свои милости на весь срама и, для удобности народнаго подражательства, взявъ на себя поспавку образцовъ смѣшнаго и пресшупнаго, подражательемъ опрѣзывали языки за замѣчанія, — тогда и Духъ Саширы, оснавая прежнюю свою снисходительность, ревностно принялся за дѣло, чшобъ оградишь своего питомца опъ дальнѣйшей порчи. Онъ спалъ бѣгашъ, суенишься: порицалъ спранности, обнаруживалъ злоупребленія, посрамлялъ распушство, ободрялъ негодование добродѣтели и произвелъ Канщемира: народная нравственность была ему за шо благодарна.

Но вскорѣ, для переодѣшой въ Европейскій кафшанъ Россіи, наспушилъ вѣкъ другаго рода: общество вдругъ приняло совершенно новый видъ. Эшо былъ вѣкъ колоссальный во всѣхъ отношеніяхъ; вѣкъ необозримыхъ воинскихъ и гражданскихъ подвиговъ, славы, блеска, счастья и могущества; вѣкъ мудрыхъ учрежденій, большихъ запѣй, свѣтской образованности, жалованныхъ имѣній и огромныхъ брильянновыхъ пуговиць. Въ столицѣ, въ уѣздахъ, въ Совѣтѣ, въ Сло-

весности, вездѣ видны были чрезвычайныя усилія, смѣлый духъ предиріяшя, шрудолюбіе, ожиданія и даже успѣхи. Все двигалось, все спремилось, дополняло начашое опцемъ Европейской Руси; все было великолѣпно и удивительно, какъ въ Тысячѣ Одной Ночи. Роскошь, любезность и оспроуміе, блестящимъ своимъ лоскомъ, закрывали въ событіяхъ и произведеніяхъ и пѣ даже неисправности, коихъ сила внезапно пробужденнаго ума не могла успранишь или избгнущь. Общесство было погда завалено великими людьми, великими мопшамн и великими льспецамн; философамн, франшамн, чесполобцамн, педаншамн, красавцамн, повѣсамн и невѣрнымн супругамн; эмиграншамн, игрокамн, обжорамн, хваспунамн, племянникамн, гордецамн, госпепрїимнымн должникамн и предлиннымн романамн. Люди умспвовали, пудрились, любезничали, писали Французскїе спшнхн, играли въ ломбрь, сочиняли Русскїя книги, печашали, превозносили напечатанное и не чнпали. Чнпашели явились позже. Въ шакомъ общесствѣ и Духъ Саширы не могъ оспавашься въ бездѣйствїи. Онъ прикинулся фонъ-Визинымъ; онъ подспрекнулъ авшора Ябеды; бросился, какъ яспребъ, на лихонмспво, на лънъ, на

пщеславіе, и измялъ ихъ въ своихъ когтяхъ; бросился на старые и молодые предрасудки, и погналъ ихъ передъ собою, какъ спяю зловъщихъ врановъ. Онъ грозилъ, докучалъ порокамъ; шипѣлъ на нихъ змѣею, надоѣдалъ имъ своими шушками, надоѣдалъ пришворнымъ соспруданіемъ; горспями мешалъ имъ въ лице насмѣшки, выливалъ имъ на голову презрѣніе; кололъ ихъ въ бокъ, кололъ сзади оспрошами, какъ раскаленнымъ жегаломъ, и хохоталъ при видѣ ихъ мученій и, хохоча, клеймилъ ихъ еще на лбу безчеспіемъ. Такимъ именно образомъ содѣйствовалъ онъ усиліямъ незабвенной Покровишельницы всего чеспнаго, всего законнаго, всего Русскаго, облегчалъ, пригошовлялъ слѣдспвія великихъ ея начинаній, очищалъ пушь ея къ безмерпію, и она плашила ему признашельностью за его доброе содѣйспвіе.

Эпошъ вѣкъ и эпо общество исчезли въ однѣ сушки. Проснувшись однажды поушпру, съ удивленіемъ увидѣла я Россію шихою и спокойною, какъ озеро во время безвѣпрія, — Россію безъ музыки, безъ шума, безъ мадригаловъ, безъ громкихъ и веселыхъ шолковъ, даже безъ круглой шляпы. Она смирнехонько сидѣла надъ книгою, подъ кошорою были спряшаны недомешанная ко-

лода карпъ и изломанныя на всь углы поншёрки, и, въ философскомъ безмолвіи, училась пользоваться благодареніями подареннаго ей вчера на балъ, при звукъ прубъ и скрипокъ, просвѣщенія. Духъ Саширы улешълъ за облака, съ насморкомъ, полученнымъ ошъ шакой внезапной переменны въ воздухъ; но семена блага, щщашельно и умно воспшышаемыя Верховною мудростью, быспро развилсь на плодоносной Русской почвъ, и скоро украсили ее своими цвѣтами. Занятія получили новое направленіе, и усовершались въ шипинъ кабинетовъ. Явился Карамзинъ, — слѣдспвіе и ипогъ тогдашней опечеспвенной образованности и просвѣщенія; — съ нимъ явился новый Россійскій языкъ, сильный, плавный, пріятный, ясный; звонкій какъ серебро, сіяющій какъ хрусталь безчисленными радужными опливами свѣща; чыспый, гладкій, гибкій, ваяшельный, подобно слоновой коспи; — за языкомъ явились шолпоу поэпы, прозаики и чыпашели; — и спарая Европа поздравила Россію съ наспоющею Словесностью, съ Словесностью, ишпнно dospойною сего имени. Все эшо случилось вскоръ послѣ баловъ, въ исходѣ великаго поста, насупившаго по шумной масляницѣ прошлаго вѣка. Иногда

бываетъ полезно и посидѣшь минушку дома: ну, чпд бы было, ежели бь мы до сихъ поръ все панцовали?...

Что же подѣлываетъ за облаками нашъ любезный Духъ Саширы?... Онъ забылъ все о нашемъ обществѣ; онъ опдаепъ его на жершву Пороку, гордо приподнимающему голову въ отсутствіе своего злодѣя!... Нтъшь, онъ помнишь объ немъ и о своихъ обязанностяхъ; онъ не оставишь насъ въ опасности. Онъ смопришь на насъ съ умиленіемъ съ высоты свѣтлаго своего убѣжища, радуешя успѣхамъ ума въ участкѣ челоувѣчества, вѣренномъ его попеченію, и почишь на ядовитомъ брускѣ оружіе для его защиты. Скоро опашь увидимъ мы его между нами, увидимъ въ полномъ блескѣ свѣжести, веселости, злости, оспроумія, какъ еще никогда не видали. Пора! пора! прибывай къ намъ поскорѣе, Духъ проказный, благошворный; скинь свои чулки и бархатный кафтанъ съ длинной шалією, осприги свой феодальный пупей, продай брильяншовыя пуговицы для покупки Англійской простопы и, нарядясь въ черный фракъ и просторные брюки, закушавшись въ Испанскій плащъ, какъ нѣкогда Асмодей, пришивъ ленточку къ пещлицѣ, спустишь

къ намъ, своимъ любимцамъ, бросься спремглавъ въ нынѣшнее наше общество, ловкое, щегольское, чинное, обходительное, лицемерное; воспишанное, начишанное, недоученное, украшенное множествомъ почешныхъ знаковъ, крѣпко убѣжденное въ своей безпорочности даже со стороны нравовъ; хлопотливое, суешащееся, жужжащее, ворчащее, важное, молчаливое, чиновное; нагруженное верхомъ дѣлами, проектами и долгами, занимающее все повсюду, закладывающее все и всячески, замаранное чернилами, не иначе располагающее свои мысли и надежды, какъ по канцелярскимъ формамъ, не иначе судящее о печеніи времени, какъ по числу съигранныхъ роверовъ виспа, — общество, яющее какъ выписка изъ дѣла, покорное какъ донесеніе, и съ лицомъ разспроеннымъ какъ у большаго шлема. Приходи, о Духъ Саширы! найдешь у насъ Великаго Премника своею несравненной Покровительницы, кошорый ободритъ и защититъ тебя шакъ, какъ ободряетъ и защищаетъ Онъ добродѣтель, дарованія, полезное и заслугу. Поди, рыщи по гостинимъ, по снальнимъ и судилицамъ; заглядывай въ переднія проныршва, оцысквай шорокъ въ последнемъ его убѣжищѣ, зраваляй, смѣши, коли. Чшо дол-

го думать?... говори намъ хоть басни: умъ нерѣдко бывалъ принужденъ пришворяться дуракомъ, чпобы заставишь выслушать себя. Сопвори для насъ Крылова: въ эпомъ швореніи превзойдешь шы и швоихъ соперниковъ, чшо за-моремъ, и самого себя.

Онъ выслушалъ наши просьбы, и далъ намъ великаго Баснописца. Въдайше жъ, люди, чшо шопъ важный, досшопочщенный Крыловъ, копорого вы всѣ знаете и любите; шопъ масшиный, умный спарець, копорого часто вспрѣчаеши на Невскомъ Проспектѣ, расхаживающаго въ шубѣ среди огромнаго шпада львовъ, волковъ, лисиць, куръ, овецъ, лещей и медвѣдей; копорый, проходя мимо васъ, шепчетъ вамъ на ухо, чшо у васъ рошъ немножко замаранъ кровію и на усахъ порчишь еще куриный пушокъ, и между шѣмъ въ глазахъ вашихъ чишаешъ драму новой замысловапой басни, — шопъ самый Крыловъ ешъ не чшо иное, какъ шрепше и великое вошлощеніе эшого милаго, блистательнаго, колкаго, оспроумнаго бѣса. Вы улыбаешесь?... Я вамъ говорю эшо: можете мнѣ повѣришь.

И восхищенный своимъ дѣломъ, веселый ангель-хранишель нашихъ нравовъ, не ограничился однѣми баснями. Онъ закрылъ себя

лице попынною маскою Комуса, и заговорилъ сквозь смѣлыя уша Грибоѣдова: Горе отъ ума явилось на горизонтѣ, какъ грозная комета, влекущая за собою массу свѣша, мрачныхъ пророчесствъ и спреха; попомъ, схватилъ онъ еще перо Романиспа и написалъ Ивана Выжигина: написавъ, онъ прочиталъ его и — самъ ужаснулся! Вы кричите прошивъ эсихъ двухъ произведений, особенно прошивъ послѣдняго...? Кричите, кричите! — стѣмъ не менѣе они сдѣлали большой переворотъ въ вашихъ нравахъ и поняшяхъ, и я, споя внѣ вихря, въ кошоромъ вы кружишесь, вижу всю ихъ пользу, могу съ досповѣрноспью сказашь объ ихъ спасительномъ на васъ дѣйсствіи. Вы шого не примѣчаешє?... И не удивительнo! — вы и шого не примѣчаешє, чшо капишєсь въ проспранствѣ вмѣстѣ съ земнымъ шаромъ, а думаетє, чшо солнце на по шолько и создано, чшобы вершѣшсья мельницею кругомъ вашего самолюбія и вашихъ нелѣпоспей.

Но шеперь ужъ навѣрное спросите вы у меня сурово, кшо я шакаля, чшо смѣю говорить вамъ шакъ дерзко, безо всякихъ чиновъ?... Извольте: шеперь я скажу вамъ правду.

Я книга; я сама Сапира. Спою у моего хозяина, А. Ф. Смирдина, въ его Библиотекѣ для чтенія, по лѣвую спорону дверей залы, въ среднемъ шкафу, на вѣшорой полкѣ, и гопова дашь вамъ опшѣшь во всякое время. Приходите ко мнѣ; пополкуемъ!...

Между пѣмъ, въ нѣсколькихъ словахъ разскажу вамъ испорию моей жизни, — гдѣ была, какъ жила, чшо дѣлала и какъ теперь провожу время. Умолчу полько о моемъ заглавіи: заглавіе въ книгѣ не болѣе значить, чѣмъ у васъ пишумы.

Я родилась въ концѣ XVII-го спольшїя. Опець мой былъ бѣдный поповичъ, копорый, изучивъ душу челоуѣка въ Кїевской Академіи, женщинъ во время Кїевскихъ Конспракшовъ и сердце челоуѣческое въ Нижнемъ Новѣгородѣ, сочинилъ-было полсшую книгу «О Добродѣтели.» Люди и смопрѣшь не хотѣли на его добродушный прудъ, по одному заглавію. Онъ написалъ рѣзкую Сапиру на ихъ глупосшь: они прочишали ее съ удовольсшвїемъ, и сказали, чшо это написано на ихъ сосѣдей. Книга его «О Добродѣтели» пропала безъ вѣсти; каршина глупосстей современниковъ его одна лишь исправно дошла по адресу, — до попомсшва и безмершїя. Это я.

По обыкновенію того времени, всю свою молодость провела я въ рукописи, шаскаясь по монашьямъ и забавляя дьячковъ и семинаристовъ. Наконецъ, я вышла въ свѣтъ. Не стану вамъ описывать, какъ меня набирали, нечашали и переплещали: это происходило самымъ извѣстнымъ и обыкновеннымъ порядкомъ, въ началѣ прошлаго вѣка. Тогда еще не было въ Россіи ни Ценсоровъ, ни Ценсурныхъ Комитетовъ: Честный Приставъ, временно исправлявшій должность Полицейскаго, былъ моимъ крестнымъ опцемъ и, съ спаканомъ ерссенчу въ рукѣ, благословилъ меня на выпускъ изъ Типографіи. Но вонъ что навсегда оставило въ моей душѣ глубокое звѣчающее. Мой бабюшка былъ въ себя огнь восхищенія и восторга, при видѣ своей любезнѣйшей дочери, возрожденной, умной, ловкой, сіяющей всеми прелестями свѣжей печати и новаго переплеса: онъ нѣжно прижималъ меня къ сердцу, цѣловалъ, орошалъ слезами, предсказывалъ мнѣ успѣхи и упоевался числѣнною радостью; онъ мечталъ даже о славѣ и деньгахъ, и умеръ съ голоду черезъ три мѣсяца нося въ сей радости.

По смерти честнаго, добраго, благонамѣреннаго моего родителя, его дѣши и креди-

шеры нашли въ его лачужкѣ только нищешу полезнаго авшора и Саширу на людей, — ну естъ, меня. Дыни принуждены были довольствоваться первою; меня, какъ рухлядь, заграбиль къ себѣ одинъ росповщикъ, давшій денегъ на уплашу за печать и бумагу, и ошнесъ на свою квартиру. Онъ прочипаль меня, за свой долгъ, при раза съ большимъ вниманіемъ, и еще одинъ разъ за проценны, — я никогда не имѣла шакого прилежнаго чипашеля! — и нашель, что я совершенно права: что у людей нѣтъ разсудка, ни сердца, когда они не умѣюшъ любить и беречь шакой драгоцѣнной вещи, какъ копейка; ни совѣсти, когда они занимаюшъ у него деньги, клянущся въ своей исправности и не отдаюшъ въ срокъ.

У этого росповщика былъ шааринный шакомецъ, Русскій бояринъ изъ Татарскихъ вельможъ, весьма дурной плашельщикъ, копорый давно уже не возвращаль ему ни шапинала ни проценшовъ, и дерзко напоминаль ему о своей значности, когда шонтъ напоминаль ему о прошествіи срока. Чшобъ усоувѣспитъ замашорѣлаго должника, росповщикъ взялъ меня съ собою въ карманъ, снесъ къ нему и, въ его опсупствіе, положилъ на мраморномъ спалищѣ съ золочен-

ними ножками, сплывшимъ передъ мягкимъ диваномъ.

Сначала, великолѣпіе барскаго дома ослѣпило мое зрѣніе, и я повсюду видѣла только золото и счастье. Но скоро глаза мои привыкли къ блеску, и я примѣтила на спѣвахъ, на шлуду, на креслахъ, на столовѣхъ и на кроватяхъ, гадкія пляшка порока, слѣды нищеты и разврата, искусно запершыя роскошю. Я почувствовала опущеніе.

Я пролежала тамъ нѣсколько мѣсяцовъ, пока меня примѣтилъ бояринъ. Однажды, подалась я ему подъ локошъ, когда онъ подпиралъ на шомъ же столѣикѣ вексель для своей любовницы, и удостоилась его вниманія. Онъ взялъ меня въ руки, осмотрѣлъ, увидѣлъ, что я Русскаго надѣла и, съ презрѣніемъ, бросилъ меня въ уголъ залы, такъ сильно, что всѣ мои спраницы засвиснѣли. Я чуть не закричала, съ досады на этого Монгола, — хотя книгамъ, какъ извѣстно, кричать у насъ не позволено, — и, глешая слезы обиды, всѣ свои спроки приправила свѣжею желчію.

Когда онъ уехалъ на балъ, лакеи водняли меня въ углу и вынесли въ переднюю. Здѣсь, въ первый разъ во смерти моего родителя, встрѣтила я людскія ласки. Дюжій Еремей,

камердинеръ моего вельможи, и миленькая горничная, Напаша, усълись чипашь меня по складамъ: они смѣялись, шолкали другъ друга, и въ каждомъ моемъ словѣ находили явный намѣкъ на ихъ господина. Я думаю, они не ошибались: я такъ была зла на него въ ту минушу!!! Но чтеніе болѣе и болѣе спановилось занимаемымъ. Еремей хотѣлъ поцѣловать Напашу; она закрыла себѣ лице мною, и его огромные поцѣлуй упали прямо на мою оберпку. Потомъ, Напаша уронила меня изъ рукъ на землю... Ахъ, какъ они были расстроганы въ этотъ вечеръ!... Тушъ я впервые увидѣла счастье человѣческое: оно сидитъ въ передней.

Я пробыла шесть лѣтъ въ этомъ мѣспѣ. Жизнь въ передней, гдѣ я обыкновенно лежала на окнѣ между бушлыкою съ квасомъ и подсвѣчникомъ, довольно мнѣ понравилась. Я имѣла множество чипашелей. Всѣ просипели, въ ожиданіи выхода знаменишаго моего хозяина, проводили со мною свое время и забавлялись моими оспрошами на счепъ его. Они примѣняли къ нему всѣ, описываемые мною, слабости и недоспашки; хохотали какъ пещеревы въ лѣсу, и иногда полъко унимались, когда дверь его кабинеша ошворялась и начиналось поголовное пол-

заніе. Это было очень забавно!... Однако жъ, для чести какъ самихъ знаменитыхъ холевъ, такъ и спекающихся къ нимъ просителей, не совѣтовала бъ я никому изъ первыхъ класъ Сапиру на людей въ своей передней.

Въ одно утро пришелъ къ намъ какой-то молодой человекъ, довольно порядочно одѣтый. Онъ увидѣлъ меня на окнѣ, схватилъ, попомрѣлъ и опять бросилъ; потомъ онъ отошелъ въ сторону и равнодушно спалъ у печки. Я замѣтила, однако, что молодой человекъ поглядываетъ на меня съ необыкновенною нѣжностью: я думала, что, можетъ спать, онъ родственникъ или коропкій пріятель покойному батюшкѣ. Спусти четверть часа, онъ снова приблизился къ окну, и шупъ сама ужъ не знаю, какимъ образомъ очутилась я въ его карманѣ. Вскорѣ обнаружилась причина нѣжности его ко мнѣ. Это былъ почетный любитель опечесственной Словесности, которъй дешевымъ образомъ собиралъ книги для своей библіотеки: онъ укралъ меня изъ передней и заперъ у себя въ шкафу, гдѣ я, съ соннею другихъ, подобныхъ мнѣ пльницъ, душилась въ пыли и шемнопъ, поминутно обороняясь отъ летящей роетъ моли; плакала и кляла свою

судьбу. Вы никогда не бывали книгою, и не знаете, что значить быть разбойнически похищенною безсребреннымъ любилелемъ Словесности: эшо ужасъ!...

Онъ сперегъ меня, какъ евнухъ женскую добродѣшель, но въ печашномъ государствѣ есть разнаго рода промышленники. До него добрался одинъ записной чипашель чужихъ книгъ, копорый выпросилъ меня у него на однѣ супки и никогда ему не отдавалъ. У этого чипашеля взялъ меня другой чипашель, копорый поже не имѣлъ привычки возвращашъ книги, и съ шѣхъ поръ я пошла по рукамъ. Я кочевала шакимъ образомъ сорокъ лѣтъ. Я была и у Судьи, копорый поржешвенно накрывалъ мною спаканъ горячаго пуншу, какъ скоро начиналъ онъ любимое свое разсужденіе о двусмысленности всѣхъ вообще законовъ; и у Секретаря, копорый нарочно держалъ меня на своемъ сполникѣ, чтообъ люди знали, куда класътъ шляпки; и у невѣрной супруги, копорой всегда, весьма ловко, попадалась я въ руки всякій разъ, какъ мужъ ея приходилъ домой скорѣе обыкновеннаго. Словомъ, я была вездѣ, — въ палашахъ и въ конюшнѣ, въ кухнѣ и въ Академіи, — и вездѣ была полезнаю. Я перемосила на себѣ семь обершукъ разнаго

цѣнна и достоинства; и дважды испывала сладость супружескаго счастья, бывъ, первымъ бракомъ, переплетена въ одну книжку съ разврашнымъ романомъ, а вторымъ, съ юлскимъ Таможеннымъ тарифомъ. Последній, — вѣчная ему память! — былъ очень мягкаго сердца: его всѣ обижали!...

По смерти Тарифа, кошораго заправили прислугами собственныя его сочиншела, перешла я, нагая, безъ переплеша, опарпанная нашими гоншцелами, къ одному купцу, шорговавшему книгами, кнушами, шабакомъ и мыломъ, въ небольшой лавочкѣ, по близости Щукина двора. Тотъ далъ мнѣ красивую оболочку, и поспавилъ меня на видномъ мѣстѣ. Но, не смотря на всѣ его уловки, никто не купилъ меня, и, черезъ нѣсколько времени, я была передана имъ въ Библиотеку для чтенія, гдѣ нахожусь и шеперь, уже слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ.

Я видѣла, когда эта Библиотека, первая образовавшаяся въ Пешербургѣ, еще была почти пуста и состоела изъ нѣсколькихъ сошенъ шомовъ. Она приумножалась всякій день, но приумножалась очень медленно, и, въ первые годы моего въ ней пребыванія, прибышше новой книги шчшалось у насъ

праздникомъ. Было время, что даже сочиненія, изданныя *чрезъ Василия Тредиаковскаго*, радовали насъ и нашихъ посьпшителей своимъ появленіемъ.

Въ концѣ мицувшаго вѣка, число сесперъ моихъ вдругъ стало увеличиваться: это были, но большей части, уроженки заморскихъ земель, наряженныя какъ нибудь переводчицами въ сарафанъ и кокошникъ, и мы, коренныя Русскія книги, не иначе называли ихъ между собою, какъ «полу-обрусълыми Чухонками.» Онѣ, какъ часто случается въ мѣрѣ, ѣли нангъ хлѣбъ и насъ презирали: мы, въ своемъ домѣ, принужденны были кланяться имъ и уступать почешное мѣсто, пошому, что наша парпія была слишкомъ малочисленна и слаба. Она значительнo усилилась въ первое двадцатипятилѣтне наспоющаго вѣка, шакъ, что наконецъ мы почувспвовали въ себѣ довольно смѣлости или щеславія, чтобъ иногда и сполкнушь Чухонку съ полки и подшпрунить надъ Нѣмцами вообще. Не знаю, до какой спешени были мы правы, но... но всё-таки лучше!... Сердцу легче, когда побранишь Нѣмца.

Между шѣмъ, и парпія Чухонокъ шакже безпреспанно получала новыя и важныя подкръпленія. Случались уже между ними и

такія, которыя по-Русски говорили очень чистю и бранились не хуже пухъ, кон «знаюшь Русь и которыхъ Русь знаетъ.» Мы осорились съ ними ужасно, пока толкать не примирилъ насъ палкою.

Народонаселеніе нашей Библиотеки возрасло немощьнымъ образомъ: не проходило дня, чщобъ какая нибудь новая книга не неспушила въ наше сословіе. Но насупоящая вьюга печашной бумаги подула на насъ шолько съ 1827 года. Пржеде мы всъ были знакомы между собою; шеперь, въ нашей залъ завелся подлинно книжный *раутъ*: книги приходяшь, выходяшь, шолпяшся, шолкаюшь другъ друга, появляюшся и исчезаютъ навсегда пржеде, жежели успеешь узнашь ихъ фамилію.

Всъ благомыслящія Русскія книги должны, безъ сомненья, восхищашься споль блистательнымъ возвышеніемъ числа, могущешва и славы своего реда: я шже восхищаюсь имъ опть чистаго сердца; но не могу сказашь, чщобъ была совершенно довольна ныншнимъ моимъ положеніемъ въ Библиотекъ. Я понала въ дурное общешво. Пржеднія наши гощьши, вновь выходившія Русскія книги, были вообще особы хорошаго тона и строгихъ правилъ: всъ штолмовали о нрав-

ственности, о приличіяхъ, о виснѣ, о пуншѣ, о прекрасномъ, о прехъ единстввахъ, — ну, словомъ, о дѣлахъ важныхъ; — теперь, большою частію, приходяшь къ намъ Цыганы, воры, игроки, черти, колдуны, вѣдьмы, каноржные и неиспробныя женщины. О времена! о Словесность!... И вся эпоа сволочь пакъ и садинися на первыя мѣсна, разсуждаешъ, кричишь, поешъ заснольныя пѣсни, ругаешъ свѣшъ, и насъ, старыя книги, называешъ бапшыками!... Я прихожу въ опчаяніе. Предспавъше себѣ, чшо со мною случилось! При перевоакъ насъ опъ Сняго моста на новую квартиру, меня какъ-ню носпавили между двумя, вовсе незнакомыи, книгами. Онѣ были новы, въ опличныхъ обершкахъ во послѣдней модѣ, и я сначала совѣснилась спросишь у нихъ объ ихъ чинѣ. Но, при первомъ разговорѣ, онѣ сами объявили мнѣ, чшо одна изъ нихъ Разбойникъ, а другая Наложница. Прошу покорно вообразишь мой смѣдъ, ужась, негодованіе!... Я, чесная книга, Сашира, памятникъ времянь Петра Великаго, дщера чада духовнаго званія, я же должна спояшь между разбойникомъ и наложницею!!!.. О, эпоа ужъ слишкомъ!!!!.. Я просила почшешныхъ монхъ сосѣдокъ оставишь меня въ по-

коѣ и набраться себѣ мѣсно гдѣ нибудь по-дальше; но эти наглядки опивчали мнѣ, что я глуна, спара, забына всемъ свѣтомъ; что онъ въ большой модѣ, бывающъ у Княгини и у Графини, и вездѣ хорошо приняты; что я должна молчать, не имѣ онъ опдѣлающъ меня по-своему въ союзныхъ съ ними газеткахъ. Я вздохнула и замолчала. Между тѣмъ, подошелъ къ моему шкафу одинъ изъ прикащиковъ. Какъ бы мнѣ воспользоваться этимъ случаемъ?... Онъ на меня не смотритъ и не знаетъ моихъ мученій.... Счастливая мысль! надобно пропунуть его сердце: я знаю путь къ сердцу человѣческому.... Я свалилась съ полки прямо на носъ прикащику, и упала у его ногъ на землю. Иванъ Яковлевичъ испугался, закрылъ себѣ лицо обѣими руками: слезы полились у него изъ глазъ!... Онъ долго не понималъ, что съ нимъ сдѣлалось; наконецъ, увидѣлъ меня на полу, поднялъ, оправилъ, обдулъ пылъ и поспавилъ на полкъ, но уже въ другомъ мѣстѣ. Теперь живу я гораздо въ лучшемъ обществѣ. Возлѣ меня, по правую сторону, спитъ Ръчь, поржесшвенно произнесенная въ Мѣщанской, лѣвъ десяти пому назадъ, для поученія учащагося юношества; по лѣвую, обрѣшающа какія-то

весьма важныя Дорожныя Записки, « посвященныя почтеннѣйшему и нѣжнѣйшему полу. » Съ пуржесивенною Рѣчію я мало знакома, и не окошно брашаюсь, попому, чпо она, — въ шушку ли, или серьезно? — всякій разъ до-казываешь мнѣ, чпо не надобно ничему учипсья, хвасная шбѣть, чпо она была да-же навечашана въ Журналъ Д. Н. П.; но съ Дорожными Записками мы большія пріятели-ницы: онѣ въ восхищеніи онѣ моего спа-риннаго слога, начиненнаго Словяцкими рѣ-ченіями; я ояшѣ слушаю съ удовольствіемъ рассказы ихъ о помѣ, какъ онѣ брились на всякомъ ночлегѣ при двухъ восковыхъ свѣ-чахъ, и какія прелестныя ручки случа-лось имъ видѣть у Малороссійскихъ ку-харокъ, съ конми онѣ.... Эшо очень любо-пышно!...

Но какъ бы шо ни было, не емопря даже на дурное общесшво, жизнь книгъ въ Библио-пекѣ для чшенія вообще чрезвычайно весела и пріяшна. Вы видите насъ безмолвно споя-щими на полкахъ, и думаете, чпо мы ли-шнены всякаго чувсшва и поняшія?... Ниче-го не бывало! У насъ сполько же ума, шѣ же склонности и спрасши, какъ и у на-шихъ сочинштелей. Мы спомѣ смирно, какъ гробовые камни, шолько въ присушшвіи

людей; но когда все уйдешь, какъ скоро по-
нушаешь кенкетты, у насъ шепчась начи-
нается шумъ, крикъ, суматоха, — насполя-
щая республика. Мы говоримъ все въяснить;
воемъ, пляшемъ, прыгаемъ съ полки на пол-
ку, дѣлаемъ визитны и скелетны, пересмѣи-
ваемъ сочинителей, пересмѣиваемъ чинаше-
лей, пересмѣиваемъ всѣхъ и другъ друга,
несемъ вздоръ и разсуждаемъ, злословимъ и
хохочемъ. Шарья Ришорки сворятъ до
слезъ съ молодыми предисловіями о Класси-
цизмъ и Романтизмъ; о преимуществахъ
сора Греческаго предъ грязною Французскою.
Романы прошлаго вѣка вздыхаютъ и пла-
чутъ; Романы нашего вѣка зѣваютъ и ку-
саются; Поэмы парятъ подъ пополкомъ,
падають и дерутся съ своими Рецензіями;
Алгебры бранятся со Снопулювапелами,
Законы противорѣчаютъ одинъ другому, Ис-
шорія врутъ безъ памяти, Психологіи мо-
рочаютъ, Руководства надуваютъ, Граммат-
шики скоблятъ Русскій языкъ ножами какъ
кожевники шкуру; Логики бьются, Лече-
бники важно совѣтуютъ имъ всѣмъ пу-
сцишь себѣ кровь и приняшь слабитель-
ное. На среднихъ залахъ ссипавляются иногда
книжные панцы: Степенная Книга съ
Ядромъ Россійской Исторіи открываютъ

балъ; за ними шончасъ пускающа Дворянинъ - Философъ съ прекрасною Телмахидою, Хаджи - Бала съ Дочерию Купца Жоловова и многія другія пары. Мысли о происхожденіи міровъ вальсируютъ съ Мыслями о существъ Басни; Словарь Академіи пляшеть въ присядку съ Опытомъ о Русскихъ спряженіяхъ, Музыкальная Грамматика играеть имъ на волынкѣ, а Съверная Пчела, сидя на полкѣ, разсуждаеть о музикѣ. Ешь даже проказницы, особенно изъ воспитанницъ романтической школы, коиоры пихонько слѣззаютъ съ полкѣ, прихворяюцца домовыми и мершвенцами и кружанъ около шкафовъ, чшобъ пугашь Физики, Математики и Философин: нтъ хощя на словахъ и не вѣраеть ни въ домовыхъ, ни черпей, но, при видѣ призраковъ, шакъ и прячущя со шпраха за Собранія Грамматъ и другія полешья сочиненія. Мы, шпарушки, помираемъ со смѣху и, во временахъ, чшпаемъ младшихъ проповѣдь, шпараясь обуздываень наклонносшь нтъ къ шалосшямъ. Но лишь шолько заскриняеть двери или послышншся голосъ приканчивовъ, мы всѣ мигомъ разбѣгаемъ по своимъ мѣстамъ, и шпоимъ чинно, шмирно, неподвижно, какъ

двушки въ национъ, когда войдешъ незнакомый мужчина.

Такъ проводимъ мы ночи. Днемъ мы молчимъ и дѣлаемъ свои наблюденія надъ пошпешелями, чипшешелями, покушпешелями, авторами, журналистами, зѣваками, — надъ всѣмъ, что дѣлается и говорится въ Магазины. Замѣчанія свои пересказываемъ мы другъ другу ночью, и они соснавливаютъ для насъ новый, неисчерпаемый источникъ понятій. Ну, право, если чѣмъ позабавишься!... Наснаешъ утро; жилище наше наводняется народомъ; полнятся господа и слуги, мужчины и женщины, снапшескіе и военные, спарые и молодые, грамошные, полу-грамошные, безграмошные, съ билешами, безъ билешовъ, съ деньгами и безъ оныхъ. Раздается общій говоръ; зданіе гремитъ смѣненными голосами: вопросы, отвѣпы, претребованія, разсужденія, оспрошы и плоскосши, сыплются на насъ перекресинною карпечію, прорѣзываютъ воздухъ во всѣхъ направленіяхъ, вересъкаются, минуются, снапквиваются, осппалквиваются, оспкликуются не внопадъ; пошпомъ сливаются всѣ вмѣстѣ и образуютъ въ залѣ гусной, неразглядный шуманъ звука.

— «Любезнѣйшій, дай мнѣ Сводъ Законовъ: мнѣ нужно подцѣпить законѣцъ къ моему дѣлу.» — Тоу пропасшь!... какая глупая снашья въ сегодняшнемъ номеръ... — Моя барышня приказала спросить у васъ Гирланду... — А я нахожу, что она очень мила... — Вы говорите объ эной снашья?... — Извольте, сударь; вонгъ вамъ Два Ивана. — Навшъ, я смошрю на горничнн... — Тотнчасть, шончасть, сударыня... — Господа, пошнше!... — Какъ же эшу Гирланду пришишь къ плашью?... — Она отворачивается!... — Проказники!... ха, ха, ха!...

— Барингъ проситъ опшусшнше ему Хромоногію. — Что шакое?... Хромоногію?... покажи записку. — А, Иванъ Тимофеевичъ!... вы уже Реммисиръ? — Да, уже полшора год... — Не Хромоногію, брашецъ, а Хрономогію!... — Для насъ это все равно. — Что вы здѣсь подѣлываете? — Покупаю книги... Ешъ у васъ Діэтетика? — Да наша публика... — Буду покупать хомушн. — Все читаетъ!... Ей лишь бы книги. — А мнѣ лишь бы продать свою рукоп... — Вонгъ Діэпешика, кошорую вы спрашивали. — Эшо о сохраненіи души?... А нвнгъ ли другой, о сохраненіи лошадей?... — Извините, сударыня: всѣ экземпляры Онъгина

разобраны. — Такъ, дайше мнѣ Угнетенную
невинность, или Поросянокъ въ мѣшкѣ.
— Прощайше! — Прощайше!...

— Ну, что? сколько распродано экземпля-
ровъ моей книги? — Ни одного, сударь. —
Наша публика ничего не чишаешъ!... —
Скоро ли выйдешъ его Романъ изъ печат-
ни?... — Еще не написанъ. — Зачѣмъ же
публикуюшъ?...

— Такъ и бышь! куплю Дурацкій кол-
пакъ.

— Нышъ ли чего нибудь почувствительнѣе?
Моя хозяйка любилъ плак... — Это сочи-
ншель?... Позвольше мнѣ взглянушъ на
него: мнѣ никогда не случалось видѣшъ со-
чиншеля. — Таки порядочно налива... —
Спранная фигура!... — Надо купишъ Ко-
ранъ виста: говоряшъ, ученая книга. —
Какъ, прекрашилось изданіе?... кшо жъ мнѣ
возвратишъ деньга за эши журналы?... —
Отгадай, не скажу, или любопытныя
загадки, въ Москвѣ и Санкшпепербур....

— Прошу мнѣ дашь Два плута!...

— Вы давно изъ деревни? — Только вчера прївхалъ и оняшь увзжаю. — Вопшь, сударь, ващи книги. — Прикажише свѣсишь ихъ, любезный! Сколько за пудъ?... — Мы книгъ не продаемъ пудами. — А у насъ шакъ на пуды ихъ покупающъ!...

— Нышь ли у васъ Повѣздки Греча къ Булгарину?... — Вы хошите сказашь: въ Германію?... — А мнѣ какая до того нужда, куда они ѣздяшъ.... лишь бы оспро писали!...

— Кпо спрашивалъ Великолѣпный вздоръ?...

— Я пребую Исторію Русскаго На-
рода....

— Вопшь живешь попихоньку и заѣхали сюда купишь, на всякій случай, Логику для дворянъ, Мочульскаго. — Да!... шеперь у насъ выборы. -- Одолжише же мнѣ Добродѣтельную Преступницу, для моей жены!... — А мнѣ Искусство брать взятки.... — Кпо эшо шакой?... — Сбираюсь, сударь, ѣхашъ въ губернію: благо-склонное Дворянство избрало меня.... — И шакъ, до свиданія!...

— Вошь, брашъ, купишь для своихъ дѣшей Дѣтскія досуги, изданныя при помощи литераторовъ. Должна бышь хорошая книга: ее расхвалили въ журналахъ. Посмотри, какъ шеперь дѣши здраво разсуждающъ:

« Кого ударишь, извынися;
 « Впередъ не бей. —
 « Напьешься, поскорѣй проспись;
 « Впередъ не пей. — »

— Точно, нравственность подвигается. — Не взяшь ли еще Похвалу пуншу?...

— Чинали ль вы книгу О счастья дураковъ?... — Почтеннѣйшій, дайше мнѣ спашейку для Альманаха. — Такъ что жъ, что книга глупа, когда она хорошо продается? — Пожалуй-ста, дайше спашейку!... — Мнѣ сказывали, башюшка, будто въ вашей лавкѣ продается искусство обучашъ дѣшей грамоты въ самоскорѣйшемъ времени...? — Чпо дѣлашь! надуль!... — Онъ масперъ своего дѣла. — Языка не знаюшь, а переводяшь! — Извольше: угодно ли Два способа обучать дѣтей и возрастныхъ чтенію въ сорокъ часовъ? — Молчите.... донесеть!...

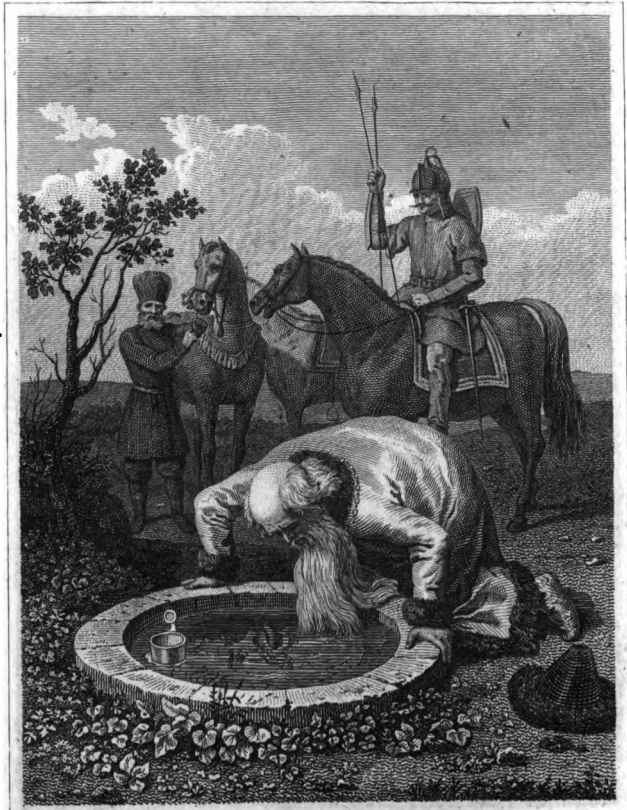
Въ сорокъ часовъ, батюшка?... Это долго. Нѣтъ ли такого Способа, чѣшбъ обучить ихъ всему въ однѣ сущки?... хочешся поскорѣе опдашь ихъ въ Канцелярiю. — И это водишся въ Липерапуръ....

И шакъ далѣе, и шакъ далѣе.

Я предшавила вамъ шолько легкiй, неясный, бѣглый, начерпанный зигзагами рисунокъ шѣхъ разнородныхъ шолковъ, которыми безпреспанно оглашающся своды нашей Словесности. Разбирайте его, ежели угодно. Но если вы желаете сосшавить себѣ почтѣйшее объ нихъ поняшiе, по совѣшую вамъ забраться въ шкафъ и посидѣшь съ нами на полкѣ двое или шрое сущокъ: вы услышите еще не шакiя вещи!... По шора кончить. Вошъ уже гасяшь кенкешы. Прощайте, любезный хозяинъ!

Баронъ Бранбеусъ.

Русс. А. П. Ермоловъ

Ираруп. С. Таракмандоор.

СЕРИЯ

О МАМЕ АЛЕКСАНДРА, О СЫНУ ЕГО ВОИТЕ
ИЗВЕСТНО, О ХИЩЕСТВАХ ВОЗЛЕ
БЕЛЫХОВСКОГО ОЗЕРА ИЛИ МАМА
ИЛИ СЫН

Вопросы, которые имеют отношение к делу, выносятся на рассмотрение суда. Судья должен рассмотреть все обстоятельства дела и вынести решение. Если же судья не может решить дело, то он должен передать его на рассмотрение вышестоящего суда.

СКАЗКА

**О ЦАРЬ БЕРЕНДЕЙ, О СЫНЬ ЕГО ИВАНЬ
ЦАРЕВИЧЬ, О ХИТРОСТЯХЪ КОЩЕЯ
ВЕЗСМЕРТНАГО И О ПРЕМУДРОСТИ МАРЬИ
ЦАРЕВНЫ, КОЩЕВВОЙ ДОЧЕРИ.**

=

Жиль-быль Царь Берендей *до колынь борода*. Ужь
три года
Былъ онь женатъ, и жилъ въ согласьи съ женою;
но все имь
Богъ дѣтей не давалъ, и было Царю то прискорбно.
Нужда случилась Царю осмотрѣть свое государство;

Онъ простился съ Царицей, и восемь мѣсяцевъ ровно

Пробылъ въ отлучкѣ. Девятый былъ мѣсяць въ ис-
ходѣ, когда онъ,

Къ Царской столицѣ своей подъѣзжая, на полѣ чи-
стомъ

Въ знойный день отдохнуть разсудилъ; разбили па-
латку;

Душно стало Царю подъ палаткой, и смерть захо-
тѣлось

Выпить студеной воды. Но поле было безводно.....

Какъ быть, что дѣлать! а плохо приходитъ; вотъ
онъ рѣшился

Самъ объѣхать все поле: авось попадется на счастье

Гдѣ нибудь ключъ. Повхалъ, и видитъ колодезь.
Поспѣшно

Спрянувъ съ коня, заглянулъ онъ въ него: онъ по-
лонъ водою

Вплоть до самыхъ краевъ; золотой на поверхности
ковшикъ

Плаваешь. Царь Берендей поспѣшно за ковшикъ—
не тутъ-то

Было! ковшикъ прочь отъ руки. За лантарную ручку

Царь съ нетерпѣньемъ, то правой рукою, то лѣвой,
хватаетъ

Ковшикъ; по ручка, проворно виляя и вправо и
влѣво,
Только что дразнить Царя и никакъ не дается.

Что за причина? Вотъ онъ, выждавши время, чтобъ
ковшикъ
Сталъ на мѣсто, хватъ его разомъ справа и слѣва —

Какъ бы не такъ! Изъ рукъ ускользнувши, какъ
рыбка, нырнулъ онъ
Прямо на дно колодца, и снова потомъ на поверх-
ность

Выплылъ, какъ будто ни въ чемъ не бывалъ. По-
стой же! (подумалъ
Царь Берендей) я напьюсь безъ тебя, и, недолго
сбираюсь,

Жадно прильнулъ онъ губами къ водѣ, и струю клю-
чевую

Началъ тянуть, не заботясь о томъ, что въ водѣ
утонула

Вся его борода. Напившись вдоволь, поднять онъ

Голову хочетъ. Ань нѣтъ, погоди! не пускаютъ;
и кто-то

Царскую бороду держать. Упершись въ ограду ко-
лодца,

Сидится онъ оторваться, трясеть, вертитъ головою —

Держать его да и только! «Кто там? пустите!»

кричит онъ.

Нѣтъ отвѣта; лишь страшная смотритъ со два об-
разина:

Двао громные глаза горятъ, какъ два изумруда;

Ротъ, разинутый, чуднымъ смѣхомъ смѣется; два
ряда

Крупныхъ жемчужинъ свѣтятся въ немъ, и языкъ,
межъ зубами

Выставясь, дразнить Царя; а въ бороду впутались
крѣпко

Вмѣсто пальцевъ клешни. И вотъ наконецъ сипо-
ватый

Голосъ сказалъ изъ воды: «не трудися, Царь, по-
напрасну:

Я тебя не пущу. Если же хочешь на волю,

Дай мнѣ то, что есть у тебя, и чего ты не знаешь.»

Царь подумалъ: «чего жъ я не знаю? я, кажется,
знаю

Всѣ!» И онъ отвѣчалъ образинъ: «изволь, я согла-
сенъ.»

«Ладно!» опять сиповатый послышался голосъ: «смо-
три же,

Слово сдержи, чтобъ себѣ не нажить ни поирека,
ни худа.»

Съ этимъ словомъ исчезли клешши; образина пропала.

Честную выручивъ бороду, Царь отряхнулся какъ
гоголь,

Всѣхъ придворныхъ обрызгалъ, и всѣ Царю покло-
нились.

Свѣтъ на коня, онъ повѣхалъ; и долго ли, мало ли
вѣхалъ,

Только ужъ вотъ онъ близко столицы: навстрѣчу
толпами

Сыплетъ народъ, и пушки палать, и на всѣхъ коло-
кольняхъ

Звонъ. И Царь подъѣзжаетъ къ своимъ златоверхнимъ
палатамъ —

Тамъ Царица стоитъ на крыльцѣ и ждетъ; а съ
Царицей

Рядомъ первый Министръ; на рукахъ онъ своихъ
парчевую

Держитъ подушку; на ней же младенецъ, прекрасный
какъ свѣтлый

Мѣсяцъ, въ пеленкахъ копышется. Царь догадался
и ахнулъ.

«Вотъ оно то, чего я не зналъ! Уморилъ ты, про-
клятый

Демонъ, меня!» Такъ онъ подумалъ и горько, горь-
ко заплакалъ;

Всѣ удивились, но слова никто не промолвилъ. Мла-
денца.

На руки взявши, Царь Берендей любовался имъ долго,

Самъ его взнесъ на крыльце, положилъ въ колыбель-
ку, и, горе

Скрывъ про себя, попрежнему царствовать началъ.
О тайнѣ

Царской никто не узналъ; но всѣ примѣчали, что
крѣпко

Царь былъ печаленъ — онъ все дожидался: вотъ
придутъ за сыномъ.

Днемъ онъ покоя не вѣдалъ, и сна не вѣдалъ онъ
ночью.

Время однако текло, а никто не являлся. Царевичъ

Росъ не по днямъ, по часамъ, и сдѣлался чудо-кра-
савецъ.

Вотъ наконецъ и Царь Берендей о томъ, что слу-
чилось,

Вовсе забылъ но другіе не такъ забывчивы
были.

Разъ Царевичъ, охотой въ лѣсу забавляясь, въ
густую

Чащу вѣхалъ одинъ. Онъ смотритъ: все дико; по-
ляна;

Черныя сосны кругомъ; на полянѣ дуплистая липа.

Вдругъ зашумѣло въ дуплѣ; онъ гадитъ: вылезаетъ
оттуда

Чудный какой-то старикъ, съ бороною зеленою, съ
глазами

Также зелеными. «Здравствуй, Иванъ Царевичъ,»
сказалъ онъ:

«Долго тебя дождался мы: пора бы насъ вспо-
мнить.»

Кто ты? Царевичъ спросилъ. — «Объ этомъ послѣ;
теперь же

Вотъ что ты сдѣлай: отцу своему, Царю Берен-
дею,

Мой поклонъ отнеси, да скажи отъ меня: не по-
ра ли,

Царь Берендей, дождекъ заплатитъ? Ужь давно
миновалось

Время. Онъ самъ остальное пойметъ. До свиданья.» —
И съ этимъ

Словомъ исчезъ бородастый старикъ. Иванъ же
Царевичъ

Въ рыпкой думъ поѣхалъ обратно изъ темнаго лѣса.

Вотъ онъ къ отцу своему, Царю Берендею прихо-
дитъ.

Батюшка Царь-Государь, говорить онъ; со мною
случилось

Чудо. И онъ. рассказалъ о томъ, что видѣлъ и слы-
шалъ.

Царь Берендей поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ. «Бѣда,
мой сердечный

Другъ, Иванъ Царевичъ!» воскликнулъ онъ, горько
заплакавъ.

«Видно, пришло намъ разстаться!...» И страшную
тайну о данной

Клятвѣ сыну открылъ онъ. Не плачь, не крушися,
родитель!

Такъ отвѣчалъ Иванъ Царевичъ: бѣда не велика!

Дай мнѣ коня: я поѣду; а ты меня дождайся;

Тайну держи про себя, чтобъ о ней здѣсь никто не
провѣдалъ,

Даже сама Государыня матушка. Если жъ назадъ я

Къ вамъ по прошествіи цѣлаго года не буду: тогда
ужь

Знайте, что нѣтъ на свѣтѣ меня. — Снардили,
какъ должно,

Въ путь Ивана Царевича. Далъ ему Царь золотыя

Латы, мечъ и коня вороного; Царица съ мощами

Крестъ на шею надѣла ему; отпѣли молебень;

Нѣжно потомъ обнялися, поплакали. . . . съ Богомъ!
повхалъ

Въ путь Иванъ Царевичъ. Что-то съ нимъ будетъ?
Ужъ вѣдетъ

День онъ, другой и третій; въ исходъ четвертаго —
солнце

Только успѣло зайти — подъѣзжаетъ онъ къ озеру;
гладко

Озеро то, какъ стекло; вода наровнѣ съ берегами;

Все въ окрестности пусто; румянымъ вечернимъ
сіяньемъ

Воды покрытыя гаснуть, и въ нихъ отразился зе-
леный

Берегъ и частый тростникъ — и все какъ будто бы
дремлетъ;

Воздухъ не вѣетъ; тростника не тронется; шороха въ
струйкахъ

Свѣтлыхъ не слышно. — Иванъ Царевичъ смотритъ,
и что же

Видитъ онъ? Тридцать хохлатыхъ, сѣренькихъ уто-
чекъ подлѣ

Берега плаваютъ; рядомъ тридцать бѣлыхъ сорочекъ

Подлѣ воды на травкѣ лежатъ. Осторожно поодаль

Слѣзъ Иванъ Царевичъ съ коня; высокой травкою

Скрытый, подползъ, и одну изъ бѣлыхъ сорочекъ
тихонько

Взялъ; потомъ угнѣздился въ кустъ дожидаться, что
будетъ.

Уточки плаваютъ, плещутся въ струйкахъ, играютъ,
ныряютъ.

Вотъ наконецъ, поигравъ, понырявъ, поплеска-
вшись, подплыли

Къ берегу; двадцать девять изъ нихъ, подбѣжавъ
съ перевалкой

Къ бывшимъ сорочкамъ, оземь ударились, всѣ обра-
тились

Въ красныхъ дѣвицъ, нарядились, порхнули и ра-
зомъ исчезли.

Только тридцатая утка, на берегъ выйти не смѣя,

Взадъ и впередъ одна одиначенька, съ жалобнымъ
крикомъ

Около берега бьется; съ робостью вытянувъ шейку,

Смотритъ туда и сюда, то вспорхнетъ, то снова
присядетъ.

Жалко стало Ивану Царевичу. Вотъ онъ выходитъ

Къ ней изъ-за кустика; глядь, а она ему человѣчьимъ

Голосомъ, вслухъ говоритъ: Иванъ Царевичъ, от-
дай мнѣ

Платье мое, я сама тебя пригожуся. Онъ съ-нею

Спорить не сталъ, положилъ на травку сорочку, и,
скромно

Прочь отошедши, сталъ за кустомъ. Вспорхнула на
травку

Уточка. Что же вдругъ видитъ Иванъ Царевичъ?

Дѣвица

Въ бѣлой одеждѣ стоитъ передъ нимъ; молода и пре-
красна

Такъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать,
и, краснѣя,

Руку ему подастъ и, потупивъ стыдливыя очи,

Голосомъ звонкимъ, какъ струны, ему говоритъ:
благодарствуй,

Добрый Иванъ Царевичъ, за то; что меня ты по-
слушалъ;

Тѣмъ ты свѣѣ самому услужилъ, но и мною дово-
ленъ

Будешь: я дочь Кощея безсмертнаго, Марья Ца-
ревна.

Тридцать насъ у негѣ дочерей молодыхъ. Подзе-
мельнымъ

Царствомъ владѣетъ Кощей. Онъ давно ужъ тебя
поджидаетъ

Въ гости и очень сердитъ; но ты не пекись, не
заботься,

Сдѣлай лишь то, что я тебѣ присоветую. Слушай:

Только увидишь Кощея Царя, упади на колѣна,

Прямо къ нему поползи; затопаеть онъ — не
пугайся;
Станеть ругаться — не слушай; ползи да и только.
Что послѣ
Будеть, увидишь. Теперь пора намъ. И Марья Ца-
ревна
Въ землю ударила маленькой ножкой своей; разсту-
пилась
Тотчасъ земля, и они вмѣстѣ въ подземное царство
спустились.
Видятъ дворець Кощея безсмертнаго; высъченъ
былъ онъ
Весь изъ карбункула камня, и ярче небснаго солнца
Все подѣ землей освѣщаль. Иванъ Царевичъ отважно
Входить: Кощей сидитъ на престолѣ въ свѣтлой
коронѣ;
Блещуть глаза какъ два изумруда; руки съ клещ-
цами.
Только завидѣвъ его вдалекѣ, тотчасъ на колѣни
Сталъ Иванъ Царевичъ. Кощей же затопаль; сверк-
нуло
Страшно въ зеленыхъ очахъ, и такъ закричалъ онъ,
что своды
Царства подземнаго дрогнули. Слово Марьи Царевны

Вспомни, попомъ накорачкахъ Иванъ Царевичъ къ
 престолу;
 Царь шумить, а Царевичъ ползеть да ползеть. На-
 послѣдокъ
 Стало Царю и смѣшно: « добро ты, проказникъ, »
 сказалъ онъ :
 « Если тебѣ удалось меня разсмѣшить, то съ тобою
 Ссоры теперь заводить я не стану! Милости про-
 симъ
 Къ намъ въ подземельное царство; но знай, за твое
 ослушанье
 Долженъ ты намъ отслужить три службы. Сочтемся
 мы завтра;
 Нынѣ ужъ поздно. Поди. Тутъ два придворныхъ
 проворно
 Подъ руки взяли Ивана Царевича очень учтиво;
 Съ нимъ пошли въ покой, отведенный ему, отворили
 Дверь, поклонились Царевичу въ поясъ, ушли, и
 остался
 Тамъ онъ одинъ. Беззаботно онъ легъ на постелю,
 и скоро
 Своимъ глубокимъ заснулъ. На другой день рано по
 утру
 Царь Кощей къ себѣ Ивана Царевича кликнулъ:

« Ну, Иванъ Царевичъ, » сказалъ онъ : « теперь мы
 посмотримъ ,
 Что-то искусенъ ты дѣлать? Изволь , напричь ,
 намъ построить
 Нынѣшней ночью дворецъ : чтобъ кровля была зо-
 лотая ,
 Стѣны изъ мрамора , окна хрустальныя , вокругъ ре-
 гулярный
 Садъ и въ саду пруды съ карасями ; если постро-
 ишь
 Этотъ дворецъ , то нашу Царскую милость заслу-
 жишь ;
 Если же нѣтъ , то прошу не пивать головы
 не удержишь ! » —
 Ахъ ты , Кощей окаленный , Иванъ Царевичъ поду-
 малъ ,
 Вотъ что затѣялъ , смотри пожалуй ! Съ тяжелой
 кручиной
 Онъ возвратился къ себѣ , и сидитъ пригорюнясь ;
 ужъ вечеръ ;
 Вотъ блестящая пчелка къ его подлетѣла окошку ,

 Бьется объ стекла — и слышитъ онъ голосъ : вступи !
 Отворилъ онъ
 Дверку окошка , пчелка влетѣла и вдругъ обернулась
 Марьей Царевной . Здравствуй , Иванъ Царевичъ !
 О чемъ ты

Такъ призадумался? — « Нехота будешь задумчивъ ,
сказалъ онъ :

Батюшка твой до моей головы добирается. » —
Что же

Сдѣлать рѣшился ты? — « Что ? ничего ! Пускай
его снятьъ

Голову ! двухъ смертей не видать , одной не минуешь ! » —

Нѣтъ , мой милый Иванъ Царевичъ ! не должно те-
рять намъ

Бодрости ! То ли бѣда ? бѣда впереди ! Не печалься !

Утро вечера , знаешь ты самъ , мудренѣе ! Ложися

Спать ! а завтра поранѣе встать ! Ужь дворець твой
построенъ

Будеть ! Ты жь только ходи съ молоткомъ , да
постучивай въ стѣну . »

Такъ все и сдѣлалось ! Утромъ , ни свѣтъ ни заря ,
изъ каморки

Вышелъ Иванъ Царевичъ глядитъ , а дворець
ужь построенъ ,

Чудный такой , что сказать невозможно . Кошечей
изумился ;

Вѣрить не хочеть глазамъ . Да ты хитрецъ не на
шутку ,

Такъ онъ сказалъ Ивану Царевичу ; вижу , ты ло-
вокъ

На руку; вотъ мы посмотримъ, такъ же ли будешь
догадливъ.

Тридцать есть у меня дочерей, прекрасныхъ Царевенъ.

Завтра я всѣхъ ихъ рядомъ поставлю, и долженъ ты
будешь

Три раза мимо пройти, и въ третій мнѣ разъ безъ
ошибки

Младшую дочь мою, Марью Царевну, узнать; не
узнаешь —

Съ плечъ голова! Поди. «Ужъ выдумалъ, чучела,
мудрость!»

Думалъ Иванъ Царевичъ, сидя подь окномъ. «Не
узнать мнѣ

Марью Царевну! Какая жъ тутъ трудность?» ... —

А трудность такая,

Модила Марья Царевна, пчелкой влетѣвши, что
если

Я не вступлюся, то быть бѣдѣ неминуемой. Всякъ
насъ

Тридцать сестеръ, и всѣ на одно мы лице; и такое

Сходство межъ нами, что самъ отецъ нашъ только
по платью

Можетъ насъ различать! — «Ну что же мнѣ дѣ-
лать?» — А вотъ что!

Буду я та, у которой на правой щекѣ ты заметишь

Мошку. Смотри же, будь остороженъ, взглядишь
хорошенько,

Сдѣлать ошибку легко. До свиданья — И ичелка ис-
чезла.

Вотъ на другой день опять Ивана Царевича илечеть

Царь Кощей. Царевны ужъ тутъ, и всѣ въ одина-
комъ

Платѣ рядомъ стоять, потупивъ глаза. Ну! искус-
никъ,

(Молвилъ Кощей) изволь-ка пройтись три раза мимо

Этихъ красавицъ, да въ третій разъ потрудисъ ука-
зать намъ

Марью Царевну. — Пошелъ Иванъ Царевичъ; гля-
дѣть онъ

Въ оба глаза: ужъ подлинно сходство! И вотъ онъ
проходитъ

Въ первый разъ — мошки нѣтъ; проходитъ въ дру-
гой разъ — все мошки

Нѣтъ; проходитъ въ третій, и видитъ — крадется
мошка,

Чуть замѣтно, по свѣжей щекѣ, а щека-та подъ
нею

Такъ и горить; загорѣлось и въ немъ, и съ тре-
пещущимъ сердцемъ:

« Вотъ она, Марья Царевна! » сказалъ онъ Кощею,
подавши

Руку красавицъ съ мошкой. — Э! Э! да тутъ,
примѣчаю,

Что-то вѣчно! Кощей проворчалъ на Царевича
съ сердцемъ,

Выпучивъ оба зеленые глаза. Правда! Узналъ ты

Марью Царевну: но какъ узналъ? вотъ тутъ - то
и хитрость!

Вѣрно съ грѣхомъ пополамъ. Погоди же, теперь
доберуся

Я до тебя. Часа черезъ три ты опять къ намъ по-
жалуй;

Рады мы гостю, а ты намъ свою премудрость на
дѣлъ

Здѣсь покажи: зажгу я соломенку; ты же, покуда

Будеть горѣть та соломенка, здѣсь, не трогайся
съ мѣста,

Спѣй мнѣ пару сапогъ съ оторочкой. Не диво! да
только

Знай напередъ: не сошьешь — долой голова! До
свиданья! —

Золгъ возвратился къ себѣ Иванъ Царевичъ, а пчелка

Марья Царевна ужъ тамъ. — Отъ чего опять такъ
задумчивъ

Милый, Иванъ Царевичъ? спросила она. — « По
невогѣ

Будешь задумчивъ, онъ ей отвѣчалъ. Отецъ твой
затѣялъ

Новую шутку! Сней я ему сапоги съ оторочкой!

Развѣ какой я сапожникъ! я Царскій сынъ! Я не
хуже

Родомъ его! Кошней онъ безсмертный! Видали мы
много

Этихъ безсмертныхъ. » — Иванъ Царевичъ, да
что же ты будешь

Дѣлать? — » Что мнѣ тутъ дѣлать? Шить сапоговъ
я не стану.

Сниметь онъ голову — чортъ съ нимъ съ соба-
кой! Какая мнѣ нужда!»

— Нѣтъ, мой милый, вѣдь мы, теперь женихъ и
невѣста!

Я постараюсь избавить тебя! Мы вмѣстѣ спасемъ,

Или вмѣстѣ погибнемъ! Намъ должно бѣжать: ужъ
другаго

Способа нѣтъ! — Такъ сказавъ, на окошко Марья
Царевна

Плюнула; слюнки въ минуту примерзли къ стеклу;
изъ ламорки

Вынула она потомъ съ Иваномъ Царевичемъ вмѣстѣ,

Двери ключемъ заперла, и ключъ далеко зашвырнула.

За руки взявшись, потомъ они поднялися и нигомъ

Тамъ очутились, откуда сошли въ подземельное
царство:

Тоже озеро; низкій берегъ; муравчатый, овсяный

Лугъ, и, видяте, по лугу съжему бодро гуляетъ

Конь Ивана Царевича. Только почувяте могучий

Конь сѣдока своего, какъ заржалъ, запласалъ и по-
мчался

Прямо къ нему, и примчавшись, какъ вкопавый
въ землю

Ставъ передъ нимъ: Иванъ Царевичъ, не думая долго,

Съѣлъ на коня, Царевна за нимъ, и пустились стрѣ-
лою.

Царь Кощей въ назначенный часъ посылаетъ при-
дворныхъ

Слугъ доложить Ивану Царевичу: что де такъ долго

Мышкать изволите? Царь дожидается. Слуги прихо-
дить;

Заперты двери. Стукъ! стукъ! и вотъ изъ-за двери
нимъ слюнки,

Словно какъ самъ Иванъ Царевичъ, отвѣтствуютъ:
буду!

Этотъ отвѣтъ придворные слуги отнести къ Кощей;

Ждать подождать; Царевичъ нейдетъ; посмазаетъ въ
другой разъ

Тѣхъ же пословъ разсерженный Кощей и та же
все пѣсня:

Буду; а нѣтъ никого. — Вбѣсился Кощей. » На-
смѣхаться

Что ли онъ вздумалъ! Бѣгите же! дверь разломать
и въ минуту

За ворота къ намъ притащить неучтивца!» — Бро-
сился слуги.....

Двери разломаны..... Вотъ тебѣ разъ! никого тамъ,
а славки

Тамъ и хохочуть. Кощей едва отъ злости не лопнулъ.

Ахъ, онъ воръ окаянный! люди! люди! скорѣе

Всѣ въ погоню за нимъ..... я'всѣхъ перевашаю,
если

Онъ убѣжить!... Помчалась погоня..... Мнѣ слы-
шится топотъ,

Шепчетъ Ивану Царевичу Марья Царевна, при-
жавшись

Жаркой грудью къ нему. Онъ слѣзаетъ съ коня и
припавши

Ухожь къ землѣ, говорить ей: скачутъ и близко. —
Такъ медлить

Нечего, Марья Царевна сказала, и въ ту же минуту

Сдѣлалась рѣчкой сама, Иванъ Царевичъ желѣзнымъ

Мостикомъ, чернымъ ворономъ конь, а большая
: дорога

На три дороги разбилась за мостикомъ. Быстро
погоня

Скачеть по свѣжему слѣду; но къ рѣчкѣ примчав-
шися, стали

Въ пень Кощеевы слуги: слѣдъ до мостика видѣтъ;

Даль жь и слѣдъ пропадаетъ, онъ дѣлится на три
дорога.

Нечего дѣлать, назадъ! Воротившись разуминии.
Страшно

Царь Кошчей разозлился, о ихъ неудачѣ услышавъ.

Черти! вѣдь мостикъ и рѣчка были они! догадаться

Можно бы вамъ, дурагѣямъ! Назадъ! чтобъ было
непремѣнно

Здѣсь онь!... Опять помчалась погоня.... — Мнѣ
слышится топоть,

Шепчетъ опять Ивану Царевичу Марья Царевна.

Слѣзъ онь съ сѣдла и, припавши ухомъ къ землѣ,
говорить ей:

Скачутъ и близко! — И въ ту же минуту Марья
Царевна

Вмѣстѣ съ Иваномъ Царевичемъ, съ ними и конь
ихъ, дремучимъ

Сдѣлались лѣсомъ; въ лѣсу томъ дорожекъ, тропинокъ
числа нѣтъ;

По лѣсу жъ, кажется, конь съ двумя седоками
несется.

Вотъ по свѣжему слѣду гонцы примчались къ лѣсу;

Видятъ въ лѣсу снакуновъ и пустились въ догонку
за ними!

Лѣсъ же раскинулся вплоть до входа въ Кощеево
царство.

Мчатся гонцы, а конь передъ ними скачетъ, да
скачетъ;

Кажется, близко! ну только бы схватить! анъ нѣтъ,
не дается!

Глядь! очутились они у входа въ Кощеево цар-
ство,

Въ самомъ томъ мѣстѣ, откуда пустились въ по-
гоню; и скрылось

Все: ни коня, ни дремучаго лѣсу! Съ пустыми
руками

Снова явились къ Кощею они. Какъ цѣнная собака,

Началъ метаться Кощей. — Вотъ я жъ его плута!
коня мнѣ!

Самъ поѣду, увидимъ мы, какъ отъ меня отвернется!

Снова Ивану Царевичу Марья Царевна тихою

Шепчетъ: мнѣ слышится топотъ, и снова онъ ей от-
вѣчаетъ:

Скачутъ и близко! — Бѣда намъ! вѣдь это Кощей,
мой родитель

Самъ! но у первой церкви граница его государства;

Далѣе жь церкви скакать онъ никакъ не посмѣетъ.

Подай мнѣ

Крестъ твой съ мощами. — Послушавшись Марья
Царевны, снимаетъ

Съ шеи свой крестъ золотой Иванъ Царевичъ, и въ
руки

Ей подаетъ, и въ минуту она обратилась въ церковь,

Онъ въ монаха, а конь въ колокольню, — и въ ту
же минуту

Съ свитою къ церкви Кощей прискакалъ. Не видалъ
ли проѣзжихъ,

Старецъ честной? онъ спросилъ у монаха. — Сейчасъ
проѣзжали

Здѣсь Иванъ Царевичъ съ Марьей Царевной; влодѣли

Въ церковь они — святымъ помолилися, да мнѣ
приказали

Связку поставить за здравье твое и тебѣ покло-
ниться,

Если ко мнѣ ты зайдешь!... — Чтобъ шею сло-
мить имъ проклятымъ!

Крыкнувъ Кошней; и, коня повернувъ, какъ безу-
мный, помчался

Съ свитой назадъ, а примчавшись домой, пересталъ
бознощадно

Всѣхъ до единого слугъ. Иванъ же Царевичъ съ
своею

Марьей Царевной жовхали дагъ, уже не бояся.

Болъ погоня. Вотъ они вдутъ шажкомъ; ужъ скло-
нялось

Солнце къ закату, и вдругъ въ вечернихъ лучахъ
передъ ними

Городъ прекрасный. Ивану Царевичу смерть захо-
тълось

Въ этотъ городъ захватъ. — Иванъ Царевичъ, сказала

Марья Царевна, не вѣди; не даромъ выше сердце

Ноетъ во мнѣ: бѣда приключится. — «Чего ты
бояшься,

Марья Царевна? Зайдемъ туда на минуту; посмо-
тримъ

Городъ, потомъ и назадъ.» — Завлечь не трудно;
да трудно

Выхвать будешь. Но быть так! Ступай, а я здесь
останусь

Былымъ камнемъ лежать у дороги; смотри же, мой
милой,

Будь осторожевъ: Царь и Царица и дочь ихъ Ца-
ревна

Выйдуть на встрѣчу тебѣ, и съ ними прекрасный
младенецъ

Будеть; младенца того не цѣлуй: поцѣлуешь, забу-
дешь

Тотчасъ меня; тогда и я не останусь на свѣтъ:

Съ горя умру, и умру отъ тебѣ. Вотъ здѣсь у дороги

Буду тебя дожидаться я три дни; когда же на третій

День не придешь... Но, прости! поѣзжай. — И
въ городъ поѣхалъ,

Съ нею простясь, Иванъ Царевичъ одинъ. У дороги

Былымъ камнемъ осталася Марья Царевна... Про-
ходить

День, проходить другой, напоследокъ проходить и
третій —

Нѣтъ Ивана Царевича. Бѣдная, Марья Царевна!

Она не исполнитъ ея наставленья: въ городъ вышлѣ

Встрѣтитъ его и Царь, и Царица, и дочь ихъ Царевна;

Выбѣжалъ съ ними прекрасный младенецъ, маль-
чнкъ-кудряшка,

Живчикъ, глазенки, какъ ясныя звѣзды; и бросился
прямо

Въ руки Ивану Царевичу; онъ же его красотою

Такъ былъ плененъ, что, умъ потерявши, въ горя-
чія щеки

Началъ его цѣловать. И въ ту же минуту затмилась

Память его, и онъ позабылъ о Марьѣ Царевнѣ.

Горе взяло ее. — Ты покинулъ меня, такъ и жить мнѣ

Не зачѣмъ болѣ. — И въ ту же минуту изъ блага ка-
мня

Марья Царевна въ лазоревый цвѣтъ полевой пре-
вратилась.

— Здѣсь у дороги останусь, авось мимоходомъ за-
топчетъ

Кто нибудь въ землю меня, сказала она, и росинки

Слезъ на листьяхъ голубыхъ заблестали. Дорогой въ
то время

Шелъ старикъ; онъ цвѣтокъ голубой у дороги уви-
дѣлъ;

Нежной его красотою плывясь, осторожно онъ
вырылъ

Съ корнемъ его, и въ избушку свою перенесъ, и
въ корытце

Тамъ посадилъ и полилъ водой, и за милымъ цвѣ-
точкомъ

Началъ ухаживать. Что же случилось? Съ той самой
минуты

Все не по старому стало въ избушкѣ : чудесное что-то

Начало дѣяться въ ней? Просвется старикъ ; а въ
избушкѣ

Все ужъ, какъ надобно, прибрано — нѣтъ нигдѣ ни
пылинки ;

Въ полдень придетъ онъ домой — а обѣдъ ужъ со-
стряпанъ, и чистой

Скатертью столъ ужъ накрытъ — садися, и живъ
на здоровье.

Онъ дивился, не зная, что подумать ; ему напоследъ
докъ

Стало и страшно, и онъ у одной ворожейки ста-
рушки

Началъ совѣта просить, что дѣлать. — А вотъ что ты
сдѣлай,

Такъ отвѣчала ему ворожейка : встань ты до первой

Ранней зари, пока пѣтухи не пропѣли ; и въ оба

Глаза гляди: что начнеть въ избушкѣ твоей шевелиться,

То ты, вотъ этимъ платкомъ и накрой. Что будетъ, увидишь.

Цѣлую почъ на пролетъ старикъ пролежалъ на постель,

Глазъ не смыкала. Заря занялася и стало въ избушкѣ

Видно, и видитъ онъ вдругъ, что цвѣтокъ голубой встрепенулся,

Съ тонкаго стебля спорхнулъ, и началъ летать по избушкѣ,

Все между тѣмъ по мѣстамъ становилось, повсюду сметалась

Пыль, и огонь разгорался въ печуркѣ. Проворно съ постели

Прянулъ старикъ и покрылъ цвѣточикъ платкомъ, и явилась

Вдругъ предъ глазами его красавица Марья Царевна.

— Что ты сдѣлалъ, сказала она: зачѣмъ возвратилъ ты

Жизнь мнѣ мою? Женихъ мой, Иванъ Царевичъ прекрасный,

Бросилъ меня, и я имъ забыта. — «Иванъ твой Царевичъ

Женится нынче. Ужъ свадебный пиръ приготовленъ, и гости

Съѣхались всѣ. — Заплакала горько Марья Царевна;

Слезы потомъ отерла; потомъ, въ сарафанъ нарядившись,

Въ городъ крестьянкой пошла. Приходить на царскую кухню:

Бѣгаютъ тамъ повара въ колпакахъ и фартукахъ бѣлыхъ;

Шумъ, возня, стукотня. Вотъ Марья Царевна, приближась

Къ старшему повару, съ видомъ умиленнымъ и сладкимъ, какъ флейта,

Голосомъ молвила: — Поваръ, голубчикъ, послушай: позволь мнѣ

Свадебный спечь пирогъ для Ивана Царевича. — Поваръ,

Занятый дѣломъ, съ досады хотѣлъ огрызнуться; но слово

Замерло вдругъ у него на губахъ, когда онъ увидѣлъ

Марью Царевну; и ей отвѣчалъ онъ съ приветливымъ взглядомъ:

— Въ добрый часъ, дѣвица, красавица! Все, что угодно

Дѣлай; Ивану Царевичу самъ поднесу я пирогъ твой. —

Вотъ, пирогъ испечень; а званые гости, какъ должно,

Всѣ ужъ сидятъ за столомъ и пируютъ. Услужливый
поварь

Важно огромный пирогъ, на узорномъ серебряномъ
блюдь,

Ставить на столъ передъ самымъ Иваномъ Царевичемъ ; гости

Всѣ удивились, увидя пирогъ. Но лишь только верхушку

Срѣзалъ съ него Иванъ Царевичъ — новое чудо !

Свизый голубь съ бѣлой голубкой порхнули оттуда ;

Голубь по столу ходить, голубка за нимъ, и воркуеть :

— Голубь, мой голубь, постой, не бѣги; обо мнѣ ты забудешь

Такъ, какъ Иванъ Царевичъ забылъ о Марьѣ Царевнѣ! —

Ахнулъ Иванъ Царевичъ, то слово голубки услышавъ ;

Онъ вскочилъ, какъ безумный и кинулся въ дверь, а за дверью

Марья Царевна стоитъ ужъ и ждетъ. У крыльца же

Конь вороной съ нетерпѣнья, осѣдланый, взнузданный, пляшетъ.

Нечего медлить. Поѣхалъ Иванъ Царевичъ съ своею

68 СКАЗКА О ЦАРЬ БЕРЕНДЕѢ.

Марьей Царевной; ѣдутъ, да ѣдутъ, и вотъ прѣз-
жаютъ

Въ царство Царя Берендея они. И Царь и Царица

Приняли ихъ съ весельемъ такимъ, что такого ве-
селья

Видомъ не видало, слыхомъ не слыхано. Долго не
стали

Думать; честнымъ пиркомъ, да за свадебку; съхва-
лись гости,

Свадъбу съиграли; я тамъ былъ, тамъ медъ я и пиво

Пилъ; по усамъ текло, да въ ротъ не попало; и
все тутъ.

В. Жуковский.

А П Т А Р Ъ.

=

ВОСТОЧНАЯ ПОВЕСТЬ.

Прекрасна Шамская пустыня; прекрасны въ Шамской пустынь развалины волшебнаго Тедмора (*). Кто жилъ въ энихъ огромныхъ чершгахъ?... Кому воздвигнушы эши храмы?... Къмъ поспроены эши длинныя улицы шолбовъ?... То знаюшь книжники Дамаска и Иерусалима: Аншару шо не извъшно. Аншаръ, краса степей, мечъ побѣды, роса

(*) Тедморъ, Пальмира, знаменитая столица Зивонии.

дружбы, шѣнисшый кипарисъ госпенрѣимсва. Онъ знаетъ, гдѣ опыскашь шѣхъ, кои осмѣлились нанести обиду ему или его поколѣнью; онъ покажетъ вамъ всѣ, далеко разбросанныя и почти испершья въпромъ; могилы враговъ своихъ; онъ защититъ васъ въ пустынь отъ жадности и вѣроломства спа Арабскихъ всадниковъ и раздѣлитъ съ вами послѣднюю горсть жареннаго проса; но онъ не знаетъ того, что написано въ книгахъ. Спарцы сосѣдственныхъ улусовъ сказывали ему, что это оспапки города, построенаго въ спарину зловредными духами, и совѣщали не приближаться къ этому мѣсту; но Антаръ не спрашитъ ни людей ни духовъ, и гордо сморитъ на великолѣпныя развалины Тедмора.

Онъ спойтъ и сморитъ. Копье его, кровавое — какъ мщеніе, быстрое — какъ ударъ грома, спойтъ возлѣ него, водруженное въ неплодную почву. Балька, благородная его кобыла, царица кобылъ Неджда, спойтъ у копыя и, устремивъ на него глаза свои, черные, огненные, пронцашельные, хочеть, кажеться, узнать, что происходишь въ пылкой его душѣ. Она печальна, потому, что онъ печалень. Балька ошгадала, что люди огорчили ея господина, и сильно бьепъ.

ногою, негодуя на ихъ неблагодарность. Антаръ поспигнулъ мысль Бальки, обнялъ ее за шею и поцѣловалъ въ чело, украшенное бѣлою звѣздочкою, блестящею издали, подобно лунѣ въ первую ночь мѣсяца.

Антаръ оставилъ людей навсегда. Онъ проливалъ за нихъ свою кровь, жерпвовалъ имуществомъ, распочалъ для нихъ свою любовь и дружбу: они ему измѣнили!... Доколъ въперъ въ пущынь будешь переносишь песчаные холмы съ одного мѣста на другое, доколъ облака будешь бросаешь съ рую шѣнь на землю, доколъ мечи будешь ушояшь свою жажду краснымъ напишкомъ, шекущимъ въ жилахъ сыновъ Адама: до шѣхъ поръ онъ не увидишься съ людьми. На спю выспрѣловъ изъ лука нога его не пойдешь къ жилищу челѣвѣка; на всю длину копыа его никшо изъ смершныхъ да не дерзнешъ подойши къ нему. Антаръ произнесъ кляшву: онъ никогда вошше не давалъ обѣща.

Онъ спюишь. Голодъ рвешъ его внушренность; но онъ умѣешь преодолевашъ голодъ. Зажженный палящимъ солнцемъ воздухъ, среди совершеннаго безвѣпрія, дрожишь, прясешся, мелькаешь понкимъ пламенемъ, подобнымъ шому, какой вѣшся по раскален-

ному желѣзу, и знойныя блески, въ видѣ часпыхъ огненныхъ иголокъ, быспро пляшущь въ воздухъ предъ его глазами; но всѣ ужасы пусыннаго зноя не заспавяшъ его спронушья съ мѣспа. Земля горипшъ подъ его спопами: онъ шerpѣливо переносипшъ и эшо, и споишъ неподвижно, дожидаясь, пока пробѣжишъ пусынею спроусъ или сѣрна, чшобы мигомъ вскочипш на коня, догнашъ добычу и сразишъ ее копьемъ.

Вошъ чшо-шо шевелишся между кочками песку, наваленнаго послѣднимъ вѣспромъ у подножя ближней скалы. Эшо навѣрное газель. Аншаръ уже на конѣ, и держипш копье надъ своею головою. Онъ не ошибся: эшо газель, малая, легкая, прелесшная. Балька поже увидѣла ее, и понеслась спрѣлою въ шу спорону: она не шребуешъ, чшобъ узда указывала ей направленіе; ею правипш мысль всадника, и она мчипся быспрѣ мысли.

Аншаръ уже насшипгалъ газелю, бывъ ошъ нея не далѣе какъ на одинъ выспрѣль. Вдругъ, раздался надъ его головою ужасный шумъ, и воздухъ помрачился черною шѣнію. Онъ приподнялъ голову, и увидѣль огромную хищную шпицу, кошорая, подобно весенней шучь, закрывала собою большую часть небеснаго свода. Глаза ея сверкали

какъ молніи; распросшерпыя когти, по своей величинѣ и силѣ, могли бѣ обхвапшъ и унести ушесъ, образующій грозную вершину Эль - Аксы. Ангарь примѣшилъ, что спрашная, исполинская пшица шоже преслѣдуешъ газелю, кошорая, при видѣ новой опасности, понеслась еще быспрѣе. Но Ангарь всегда былъ защитникомъ слабыхъ: онъ немедленно забылъ, что самъ гонимъ за газелю съ намѣреніемъ лишишь ее жизни, и думалъ шолько о спасеніи ея опъ ярости воздушнаго врага. Пшица, Ангарь и газель долго и быспро спремились въ одну и ту же сторону, болѣе и болѣе сближаясь другъ съ другомъ; и когда взаимное ихъ разстояніе уменьшилось почти до двадцати шаговъ, храбрый всадникъ повернулъ копьемъ надъ головою и мешнулъ имъ вверхъ. Оно полешѣло, свиспя какъ влажный вѣтеръ между шолбами Тедмора, и вонзилось въ грудь крылатому великану. Пшица испустила ужасный спонъ съ ревомъ, заспавившимъ вздрогнушь самого Ангара. Она поколебалась: казалось, что она унадепъ и своимъ паденіемъ раздавишь дерзкаго сына пустыни, но боль принудила ее быспро поднаться на воздухъ, шогда, какъ уже конецъ одного крыла коснулся-было земли. Опъ удара

ея перьевъ по сухой, раскаленной почвѣ, густой шуманъ пыли наполнилъ все проспраншво и песокъ засыпалъ глаза Антарю. Онъ пошчасъ слѣзъ съ коня, и нѣсколько минушъ проспоялъ на мѣспѣ во мракѣ; но когда пыль начала осѣдашь, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ у своихъ ногъ шу самую газелю, кошорая незадолго уходила опшъ его кошья и когшей хищной ппицы. Она, умильно, поглядывала на своего спасишеля: прекрасные глаза ея выражали нѣжную благодарносшь. Антаръ хопшлъ помаскашь ее рукою, но, едва онъ пошевелился, она порхнула и исчезла въ пыльной степи.

Пораженный пакимъ необыкновеннымъ случаемъ, Антаръ возврашлся къ развалинамъ Тедмора, вошелъ въ одинъ изъ опуснѣмыхъ чершоговъ и бросился опдыхашъ на земль. Мечъ его споялъ у спѣны; вѣрная Балька щипала скудную шправу, распущую у входа; онъ, на эшопшъ разъ, осшавался безъ пици, но голова его шакъ была заняпа мыслями о странной, сраженной имъ ппицѣ и милой, благодарной газели, чшо о своемъ голодѣ онъ почти и не думалъ.

Антаръ уснулъ въ разрушенномъ чершогѣ. Когда онъ проспнулся, новое, чудесное явленіе поразило его взоры. Онъ увидѣлъ себя лежа-

нчимъ на пышной софѣ изъ голубаго апласа съ золопыми киспями и серебряною бахрамою, въ огромной комнашѣ, убранной шелковыми занавѣсами и богатыми коврами, расписанный лазурію и золопомъ и украшенной великолѣпнымъ водомешомъ, вокругъ кошораго спояли невольники и евнухи въ блестящихъ нарядахъ, держа золопые пазы и рукомойники, осыпанные яхонтами и изумрудами, Кишайскіе сосуды съ розовою водою, драгоценныя опахала и подносы съ рѣдкими плодами. Пяшьдесяшь дѣвиць, завѣшенныхъ бѣлыми покрывалами, спояли по обвймъ споронамъ залы съ гитарамы и бубенчиками. Воздухъ былъ напишанъ свѣжеспью и роскошнымъ запахомъ алая.

Какъ скоро Бедуинъ раскрылъ глаза, двое невольниковъ, подошедъ къ его ложу, спали почпишельно на колѣни и поднесли воду, пахучее мыло и пишое золошомъ полошенье; два другіе окропили его духами.

— «Ради вашей жизни!» вскричалъ изумленный Аншаръ, срываясь съ постели: «что ашо значишь?... кшо вы шакіе?... Гдѣ я?... чего вы ошъ меня хошисше?...»

Всѣ невольники и евнухи ударили челомъ, и сказали: — «*Я сиди!* о, чеспный господинъ!

вы въ госпяхъ у благороднѣйшей, спыдли-
вѣйшей, цѣломудреннѣйшей, великой Царицы
Тедмора, — да продлился ея царствіе до дня
преспавленія свѣта! Намъ приказано прислу-
живашь и воздавашь вамъ шакую же честь,
какъ ей самой.»

— «Да проклянешь васъ вашъ опецъ!»
гнѣвно воскликнулъ Антарь. «Вы шушите
надо мною?... Я не знаю вашей Царицы, и
никогда не слыхалъ, чшобы въ развалинахъ
Тедмора царствовалъ кто либо. Я сынъ пу-
спыни, и къ Царямъ не хожу въ госпи. Мнѣ
здѣсь пошно. Опдайте мнѣ мою лошадь:
она драгоцѣннѣе всего вашего царства; дру-
гой шакой нѣтъ во всей спели.»

— «Чесной господинъ,» сказали слуги, кла-
няясь ему въ землю: «ваша лошадь ѣспѣ шеперь
сѣно изъ розъ и шюльпановъ, и пѣпѣ воду
изъ снѣга горъ Ливанскихъ. Мы рабы ваши,
но вы не можете уѣхашь опсюда безъ до-
зволенія нашей Государыни, ибо находитесь
въ спранѣ заколдованной, безъ входа и безъ
выхода.»

— «Кшо же шакая ваша Царица, и гдѣ
она?» спросилъ Антарь, еще болѣе изумлен-
ный эшимъ извѣстіемъ.

— «Имя ея Гюль-назаръ,» отвѣчали слуги.
«Она Пери, изъ рода добрыхъ геніевъ.»

— «Ведице меня къ ней,» сказалъ онъ. «Я хочу съ нею объясниться и посмотрѣть ей въ лице.»

— «Эпо не возможно,» возразили слуги. «Красота лица ея споль блистательна, что могла бь ослѣпить васъ и навсегда лишитъ зрѣнія. Вы будеще къ ней допущены, но не иначе, какъ съ должными предосторожностями и напередъ побывавъ въ банѣ.» —

Не смощра на всю свою пылкость, на необузданную дерзость спеннаго вишняза, Антарь повиновался ихъ шребованію. Онъ чувствовалъ надъ собою двѣспвіе какой-шо невидимой силы, кооторая лишала его воли и наполняла сердце смиреніемъ.

Евнухи повели его въ баню, посшроенную изъ бѣлаго мрамора, съ яшмовыми колоннами и золопымъ куполомъ, гдѣ двѣнадцать молодыхъ и прекрасныхъ невольницъ были назначены для его прислуги. Опшуда перешель онъ въ богапую комнашу, ярко освѣщенную огнемъ алмазовъ, покрывавшихъ спѣны и пополокъ. Пышный красный занавѣсъ раздѣлялъ ее на двѣ половины: всѣ входившіе въ нее били челомъ, и никшо не смѣлъ оборачивашься задомъ. Анпару сказали, что и онъ долженъ съ благоговѣніемъ поклониться занавѣсу, попому, что позади его сидитъ

стыдливѣйшая Царица Тедмора. Онъ безпрекословно исполнилъ обрядъ, и былъ посаженъ на софѣ, примыкающей къ занавѣсу.

Тихое, заунывное пѣніе, смѣшенное со звуками воздушной музыки, пріятно попрясало слухъ Бедуина, котораго съ безпокойствомъ оглядывался во всѣ стороны, стараясь угадать, откуда оно происходитъ. Вдругъ, отворились двери, и вошелъ длинный рядъ служителей, несущихъ на головѣ золотые подносы, уставленные множествомъ блюдъ и сосудовъ съ яствами, сластями и шербетами. Вкусный ихъ запахъ сильно раздражилъ обоняніе голоднаго Аншара: съ жадностью гѣны, похищающей шрупъ изъ среды сражающихся воиновъ, бросился онъ на поднесенныя блюда и сталъ очищать ихъ горстями. Слуги, улыбаясь, безпрестанно подавали ему новыя кушанья и вина.

Въ половинѣ обѣда, послышался изъ-за краснаго занавѣса привѣтливый женскій голосъ: — «Миръ съ вами, Аншаръ, сынъ Рабіевъ! Мы ожидали васъ съ нешерцѣніемъ.»

— «И съ вами миръ, великая Царица, да умножится роса ваша!» отвѣчала Аравишянинъ.

Голосъ умолкъ, и Аншаръ въ безмолвіи продолжалъ ѣсть и пить попрежнему. Слущая

нѣсколько минулъ, повшорилось изъ-за краснаго занавѣса то же самое привѣшпвіе, на которое Бедуинъ отвѣшпсповалъ новымъ выраженіемъ спешной учшпвостп, пожелавъ Царицѣ, чшобы влажностъ ея пролилась на всю пущыню, и чшобъ ея благополучіе всегда оспавалось холоднымъ (*).

Опяшь насшупило молчаніе, и опяшь, послѣ нѣкотораго времени, пошъ же голосъ произнесъ прежнее привѣшпспвіе. Антаръ сказалъ: — «Да распелется ваша пѣнь, Царица, обширнѣе пѣни горъ Тудыха! Я вашъ богомолецъ; пью въ честь и на пользу Вашей Милоспши.»

— «Да будетъ на здоровье!» примолвилъ голосъ. «Аншаръ, сынъ Рабіевъ, вы нашъ гостъ и, надѣюсь, проведете у насъ нѣсколько дней. Я вамъ обязана спасеніемъ свободы и жизни. Вѣрно, вы и сами не знаете, какую оказали мнѣ услугу.»

(*) Въ языкѣ Бедуиновъ, обитающихъ въ знойныхъ и безводныхъ пустыняхъ Аравіи, слова, означающія *росу, дождь, влажность*, заключаютъ въ себѣ также попятіе *благодѣянія*; *холодный* значить у нихъ тоже и *превосходный*; *низменный*, *мокрый*, *увлаженный*, употребляются въ смыслѣ словъ: *счастливый, обильный, роскошный*, потому, что въ низменнѣхъ мѣстахъ растетъ трава, столь необходимая въ ихъ кочевомъ быту.

— «Я оказалъ вамъ услугу? . . . » воскликнулъ Аншаръ въ изумленіи. «Какъ же это случилось? . . . Я никогда не видалъ васъ въ глаза. Да разроюшъ враги могилу моего родителея, ежели я понимаю, чшо вы мнѣ говорите и чшо здѣсь со мною дѣлается! Ради свѣта вашихъ глазъ, ради имени вашей матери, объясните мнѣ, какъ я сюда попался, кто вы такіе и за что меня такъ мучите? У меня умъ изъ головы вонъ ошъ всего, чшо пишу вижу и слышу.»

— «Успокойшесь, сынъ Рабіевъ, и присядъте у насъ на ковръ безопасности,» отвѣчалъ голосъ. «Яудовлешворю вашему любопытству. Вы находите въ Тедморъ, развалины коего пошпру удивляли васъ своею красою и огромностію. Въдайте, храбрый богатырь пустыни, чшо эпошъ городъ построены Джиннами, зловредными и безобразными духами, коими Соломонъ — да будетъ съ нимъ миръ! — повелѣвалъ посредствомъ волшебнаго перстня, подареннаго ему ангеломъ Жебраиломъ. Соломонъ населилъ его народомъ благочестивымъ, смиреннымъ, безвреднымъ, поручивъ ему угощать всѣхъ пустыниковъ, странствующихъ въ этой пустынь, и снабжать ихъ живностію и водою. Жители Тедмора долгое время свяшо исполняли за-

вѣсть Царя - Пророка, и жили въ покоѣ и изобиліи. Наконецъ, свойственнаго роду человѣческому гордоспъ изгладила изъ ихъ памяти обязанноспи, предписанныя основашелемъ ихъ быша и благополучія. Они предались развращенію, спали пшъ вино, ѣспъ свинину, съ нерадѣніемъ совершали обряды вѣры, и прогоняли ошъ себя несчастныхъ спранниковъ и пупешествующихъ къ Свяшымъ мѣстамъ богомольцевъ. Слава ихъ злобы разнеслась по міру, и всѣ убѣгали Тедмора. Случилось однако жъ, что нѣкошорый *Тарикъ-асъ-салатъ*, «апеиспъ,» явно презиравшій долгъ пшши ежедневныхъ молишвъ, захчалъ въ ихъ городъ на пупи къ Индійскимъ волхвамъ, и былъ приняпъ ими съ опшличною чеспю. Они дали ему великолѣпный пиръ, но какъ скоро богоошспушникъ сей дошронулся усшами ихъ яспвъ и напшквъ, вся вода въ городъ и околшкъ превращилась въ горькую морскую воду, вино приняло видъ и вкусъ крови, хлѣбъ и прочіе жизненныя припасы мгновенно окаменѣли. Угнешенные гнѣвомъ Аллаховымъ, жишели Тедмора начали умирашъ съ голоду, грызли землю, пожирали своихъ дѣшей и женъ, и наконецъ принуждены были покинушъ жилища, черпоги и храмы, и разбре-

спись по разнымъ краямъ, гдѣ невѣрные поработили ихъ и обходились съ ними съ крайнею жестокостью. Опустѣлый городъ скоро превратился въ развалины. Тогда, Лале-рехъ, одна изъ первоспешенныхъ и прекраснѣйшихъ Пери, испросила у Асафа, наследника Соломонова, позволеніе поселиться въ нихъ и основашъ для себя новое царство, попому, что Джинны, шо естъ, зловредные духи, беспрепятственными набѣгами шревожили ея родину. Подвласные ей крошкіе духи, переведенные ею изъ Периспана, спраны волшебной, обихаемой моимъ родомъ, воздвигли для своей повелительницы эши величественныя зданія, развели эши сады и роши, и всею роскошью искусства и природы оживили пустынное, и унылое мѣсто, въ которомъ смертные не примѣчаютъ ничего, кромѣ прежняго разрушенія, разбросанныхъ камней, шорчащихъ столповъ и грудъ горячаго песку; и шопшъ шѣлько изъ васъ, о сынъ Ребевъ, можешъ наслаждашъ эшимъ, невидимымъ для людскихъ глазъ, зрѣлищемъ, кому шайншвенная владѣтельница Тедмора сама захочешъ ошазашъ благоволеніе допущеніемъ его въ предѣлы сокровеннаго быша своихъ духовъ. Лале-рехъ жила здѣсь нѣсколько столѣтій въ счастіи и покоѣ. Из-

въспынный Шанфари, поэтъ и герой пустыни, плѣнилъ ея сердце своими подвигами, дарованіями и красою; любовь соединила ихъ въ эпомъ мѣсяцъ, и Ляле-рехъ сдѣлалась манерью прекрасной Эльмасы. Когда дочь достигла совершеннѣйшаго, Ляле-рехъ удалась въ Периспанъ, оставивъ ее полною владѣтельницею Тедмора. Эльмась повелѣвала здѣсь до временъ Халифа Омара. Она полюбила знаменитаго Лебида, прославившагося своими несчастіями, мужествомъ и снѣхами; Лебида, пѣсни кошораго гремятъ до сихъ поръ въ пустынь, лишеннаго престола коварнымъ браномъ и орошавшаго царскою кровію своею, въ печеніе долговременнаго скипанія, сыпучіе пески Аравійскихъ кочевьевъ, для защиты угнетенныхъ и безпріютныхъ, спраждающихъ подобно ему ошъ несправедливости своихъ ближнихъ. Изнуренный сраженіями, голодомъ и жаждою, преслѣдуемый завистниками и неблагодарными, ошъ нерѣдко находилъ здѣсь убѣжище, и здѣсь получилъ ошъ нѣтъ высокія вдохновенія, коимъ люди никогда не переспанутъ удивляясь, чипая безсмертныя его касыды. Лебидъ былъ мой ошець. Послѣ его смерти, ошъ погибъ ошъ измѣны Греческаго Кесаря, — мать моя рѣшилась оспа-

вишь эти мѣспа, и, подобно своей роди-пельницѣ, удалилась въ опечесиво Пери. Съ того времени я управляю обитающими въ эшихъ развалинахъ и въ окрестностяхъ крошкими духами, число коихъ проспираешся за многія тысячи тысячь. Владѣнія мои занимають ограниченную поверхность древняго Тедморскаго Царства, но они прелесины, оплично воздѣланы, усѣяны красивыми зданіями и садами, хощя людямъ кажущяся нагою пустынею. Основанное моею прародительницею государство долгое время было неизвѣстно злобнымъ Джиннамъ, врагамъ нашего рода, и шихія Пери наслаждались въ этой странѣ истиннымъ благоденствіемъ. Но съ нѣкопорого времени, одинъ изъ безобразнѣйшихъ Джинновъ, коварствомъ и люшосщью превосходящій всѣхъ своихъ соплеменниковъ, опкрылъ мирное наше обиталище и спалъ безпокоишь его своими нападєніями. Онъ называется Джанъ-гиръ, и величиною похожъ на огромную гору. Много уже пренерпѣли мы опъ этого свирѣпаго духа, хощя, по завѣщу Соломона (да будешъ съ нимъ миръ!) Джинны не смѣють проникнуть внутрь черпы города, поспроєннаго въ древности ихъ руками; но никогда не находилась я въ такой опасности опъ

его злобы, какъ сегодня. Я гуляла въ ближнихъ горахъ, и неоспорожно перешла за неприступный для его племени рубежь, какъ вдругъ увидѣла вдали голову эшого чудовища, выльзающую изъ-за края горизонша. Чшобъ обманушь его вниманіе и скорѣе добращься домой, я прикинулась газелью, и бросилась бѣжашь къ Тедмору; но онъ успѣлъ завидѣшь меня, привалилъ какъ бурный вихрь и заспунилъ мнѣ дорогу. Я принуждена была уходишь въ пропивную спорону. Тогда и вы меня увидѣли, и погнались за мною верхомъ, съ копьемъ въ рукъ, какъ за обыкновенною серною. Коварный Джанъ-гиръ, примѣшвивъ эшо, потчасъ принялъ на себя видъ спрашной ппицы *уни*, дохищающей слоновъ и верблюдовъ, и поже полещьлъ за мною. Спасаясь опъ двухъ враговъ, я уже выбивалась изъ силъ и считала себя погибшею, когда вы великодушно, вмѣсто меня, сразили моего злодѣя. Копье ваше вонзилось ему между горломъ и косшью: онъ хошѣлъ припасшь къ землѣ, чшобъ вырвашь его изъ шъла, но въ быспромъ паденіи, невзначай, попалъ дrevкомъ въ ушесь, и цѣлое копье погрузилось въ его груди, пробивъ ее до самаго легкаго. Ужасная боль испоргнула у него спонъ, оглушившій насъ

обоихъ. Онъ улепѣлъ и, за Ливанскими горами, упалъ въ Соленое Море, на днѣ коего будешь онъ лежать и мучиться тысячу лѣтъ, доколѣ древко не исплыветъ само собою и ржа не изгрызетъ желѣза. Воишь какимъ образомъ, Аншаръ, сынъ Ребіевъ, спасли вы мнѣ жизнь и свободу. Я вамъ благодарна и, — клянусь Аллахомъ и всѣми его пророками! — сдѣлаю для васъ все, о чемъ меня ни попросишь.»

— «Царица!...» воскликнулъ Аншаръ, держа въ зубахъ палецъ, ошъ удивленія, возбужденнаго въ немъ разсказомъ Пери: «великая, благородная Царица!... да истребитъ Аллахъ всѣхъ враговъ вашихъ!... могъ ли я думать, что газель, за копорою погнался, была успешно выше не только серна, но и самыхъ людей? Я никогда не воображалъ себя, чтобы на свѣтѣ водились такіа чудеса. Радуюсь душевно, что имѣлъ случай оказать вамъ подобную услугу, но просишь васъ мнѣ не о чемъ. Я несчастливъ. Я произнесъ обѣщъ блуждашь уединенно въ пустыняхъ и убѣгаешь сообществу людей, доколѣ спрѣла рока не повергнетъ меня гдѣ нибудь на горячій песокъ, и гѣны не разнесутъ моихъ членовъ по всѣмъ горамъ Аравіи. Между мною и людьми кровь и смерть желѣзная.»

— «Намъзрѣніе ваше не обдумано и не достойно вашей храбрости,» сказала Пери. «Ворошитесь къ вашимъ ближнимъ, копорыхъ должны вы бытъ предводителемъ и защитою. Вамъ суждено наполнить свѣтъ славою вашего имени. Предопредѣленію прошивишься не возможно.»

— «Ежели шакъ написано на скрижаляхъ судьбы,» примолвилъ Антаръ, «но я слушаюся и повинуюся. Я ворочусь къ людямъ; но, ради вашей головы, скажите мнѣ, Царница, что мнѣ у нихъ дѣлать? Они слишкомъ несправедливы и неблагодарны. Во время моего малолѣтства, мои родственники и опекуны лишили меня всего имущества, ввѣреннаго ихъ чести покойнымъ опцемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ владѣть копьемъ и лукомъ, я сражался какъ левъ за ихъ обиды, а они всегда плашили мнѣ за то измѣною. Мое господство и великодушіе не только не обезоружили ихъ злобы, но еще навлекли на меня ихъ клевету и зависть. Кромѣ огорченій, пляжкихъ, жестокихъ огорченій, — я ничего другаго не испыталъ въ ихъ обществѣ. Внутренность моя запылилась горемъ; въ моей груди шорчилась ножъ ненависти. Что же мнѣ у нихъ дѣлать?»

— «Но жизнь человѣческая,» ошозвался го-
лось за краснымъ занавѣсомъ: «имѣешь шакже
свои наслажденія, и вы, при нѣкошоромъ съ
моей спороны пособіи, можете вкусишь ихъ,
если шолько захошите.»

— «Жизнь наша имѣешь свои наслажде-
нія!...» вскричалъ Аншаръ съ громкимъ смѣ-
хомъ. «Наша жизнь имѣешь наслажденія!...
Да простишь вамъ Аллахъ грѣхи ваши, Ца-
рица; но вы шушите надо мною. Въ нашей
жизни одно лишь забвеніе спраданій нѣ-
сколько уподобляется пріяпности, но его
надобно непрерывно поддерживашъ опсуш-
спвіемъ мысли или пусшыми мечшами. Ради
ушробы вашей машери, я хочу дознашься
испины вашихъ словъ. Окашите мнѣ свое
покровительспво: пусшь я вкушу хопъ одну
изъ эшихъ сладосшей, кои, по вашимъ сло-
вамъ, сосшавляютъ приданое нашей жизни.
Увидимъ, изъ какой онъ долины родомъ и
по какимъ горамъ пасли свои спада.»

— «На мой глазъ и мою голову,» опвѣчала
Царица крошкихъ духовъ. «И шакъ, въдай,
о сынъ Ребіевъ, чшо, по непреложной вошъ
предопредѣленія, сущеспвованію человѣка,
сосшоящаго въ общеспшвенной связи съ его
родомъ, присвоены шри великія сладосши:

сладоспш мщенія, сладоспш власпвованія надъ подобными ему пва...»

— «Сладоспш мщенія!...» воскликнулъ Аншаръ съ неисповымъ воспоргомъ, прерывая рчь Пери. «Да!... правда ваша: я чувствую, что мщеніе должно бытъ величайшею сладоспшю. Съ меня довольно эпого. Если чъмъ либо одолжилъ я васъ, Царца, позвольте мнѣ упоишь душу эпою сладоспшю. Болѣе ничего опъ васъ не желаю.»

— «Охотно!» ошвѣчала Гюль-назаръ съ пришворнымъ равнодушіемъ, въ коемъ отражалась досада. «Возьми свою кобылу и поѣзжай въ спешь. Тамъ упоишь душу эпою сладоспшю. Когда опяшь захочешъ бытъ нашимъ госпемъ, то пріѣзжай въ развалины Тедмора, и спарайся уснушь въ шомъ мѣспѣ, гдѣ шеперь очушишься.» —

При сихъ словахъ, исчезли въ глазахъ юноши волшебные черпоги, и онъ увидѣлъ себя сидящимъ на длинномъ, шесанномъ камнѣ, копорый могучимъ перспомъ времени сполкнушь съ вершины сполбовъ полуразрушеннаго храма. При немъ спояла вѣрная Балька и новое конье, даръ шаинспвенной хозяйки и залогъ будущихъ его подвиговъ. Шипъ и сабля лежали въ шомъ же мѣспѣ, гдѣ онъ оспавиль ихъ поушру. Пылкій юноша схватилъ ору-

жіе, сѣлъ на коня и помчался въ пустынь. Только свиспѣ сверкающихъ кремней и длинный сполбъ пыли, похожій на дымъ, валящій изъ коспра, соспавленнаго изъ сыраго шерновника — долго еще показывали его направленіе.

Жаркіе и холодные вѣпры неоднократно пронесли надъ Шамскою пустынею; вѣшніа созвѣдіа неоднократно пролили на нее пучины водъ изъ ночныхъ и дневныхъ облаковъ, а пески Тедмора не исчерпились ни однажды слѣдомъ конскихъ копытъ. Никшо изъ всадниковъ не огласилъ нѣснею звучныхъ его развалинъ.... Вошъ ѣдепъ юноша на прекрасномъ гнѣдомъ конѣ. У него щипъ за плечами; на бедрѣ шяжелая прямая сабля; лукъ его привязанъ сзади. Но видъ юноши печалень, и сердце движепся въ немъ чаще, чѣмъ шонкая оконечность гибкаго и упругаго копья его, сдѣланнаго изъ огромной шросши. Онъ поворачиваетъ къ Тедмору и вскорѣ исчезаетъ изъ виду между его колоннами.

Красный занавѣсъ висипъ въ алмазномъ черпогѣ; у краснаго занавѣса сидипъ печальный юноша; за занавѣсомъ слышенъ милый, серебряный голось:

— «Миръ съ вами, Аншаръ, сынъ Ребіевъ! Мы васъ ожидали съ нешерпѣнемъ.»

— «И съ вами миръ, о Царица!» говоришь уныло сънъ пусыни. «Да благословишь Аллахъ ваши взоры! да зацвѣтутъ розы ваши на всѣхъ холмахъ сыпучаго песка!»

— «Вы нашъ госпъ», сказалъ голосъ.

— «Я вашъ рабъ», сказалъ Бедуинъ и, послѣ въскопорога молчанія, примолвилъ: «Я напоилъ душу сладостью мщенія, — да надѣлишь высь, Царица, Аллахъ здоровьемъ и благополучіемъ!... Точно, эшо большая, неизъяснимая сладость. Благодаря вашему покрову, я опмсшилъ всѣмъ врагамъ моимъ. Тѣла ихъ валяются въ пусынѣ безъ погребенія, и спада врановъ и волковъ слѣдуютъ за мною повсюду, какъ за своимъ вождемъ. Мое имя наноситъ ужасъ и возбуждаетъ удивленіе по всѣмъ улусамъ: люди называютъ меня великимъ человѣкомъ, ибо никшо не испребилъ ихъ сполько, сколько я. Я купался въ крови и дышалъ вредомъ. При всякомъ цораженіи ненависшнаго мнѣ человѣка, громъ радости раздавался въ моей груди, и его эшголоски, какъ ревъ шигра въ горахъ Акабы, долго еще попомъ повпорялись въ пропасняхъ каменной души моей. Въ судорожныхъ корчахъ губъ врага, приколоченнаго копьемъ къ землѣ, я видѣлъ улыбку моей обиды: она прелесшна!... хоть нѣсколько ужасна. Я садился среди убишыхъ

мною, клеветниковъ, лежащихъ на дымящемся кровію пескѣ, и бесѣдовалъ съ ними, какъ съ дорогими сердцу. О, никогда бесѣда съ любезнѣйшими и друзьями, съ нѣжною машерію, съ обожаемою любовницею, не можетъ быть слаще, веселѣе, восхищительнѣе пош, какую находишь съ шунами своихъ злодѣевъ!... Мщеніе большая сладость: я испыталъ ее въ полной мѣрѣ, и нахожу, что судьба не могла придумать ничего лучше, для услажденія шомного бышія нашего на землѣ. Поиспинъ, сподобишь родиться, шшобы хоть нѣсколько пошмстивишь роду человѣческому. Но эша единспвенная, почти небесная сладость, по несчастію, слишкомъ кратковременна. Упоеніе ее проходитъ какъ упренній шуманъ, и она оставляетъ послѣ себя непріятное ощущение. Чшо мнѣ сказашъ вамъ, Царица?... Когда смѣлъ я съ лица земли всѣ прошивныя глазамъ моимъ швари; когда у меня не спало ни поводовъ къ мщенію, ни предметовъ ненависти, я почувсшвовалъ въ сердцѣ жестокою скуку и, среди свѣшлой, яркой, многолудной пусшыни, увидѣлъ себя окруженнымъ другою пусшынею, необищаемою, мершвою, холодною, блѣдною, мрачною, гдѣ солнце — рокъ, вѣшперъ — страхъ, а роса — слезы. Я безпресшанно ощущаю

на языкъ соленый вкусъ человѣческой крови ;
вкругомъ себя я обоняю запахъ смерти. По-
смотримъ на мои руки: на нихъ кожа за-
сохла, будто ошъ палющаго прикосновенія
зависшника. Коспи во мнѣ кажутся не
мои, а чужія, безжизненные, окаменѣлыя :
онѣ холодны и тяжелы, какъ коспи измѣн-
ника, занесенныя гѣною въ пещеру. Кровь
горька, окисла, подобно водѣ покрываго
зеленою плѣсенью солончака: она мнѣ жжетъ
жилы и въ горлѣ опзывается опчаяніемъ.
Сыроспъ убійства завелась въ моей груди,
и я чувствую, какъ ржа красными зубами
грызетъ мое сердце и съѣдаетъ его мало-
по-малу. Мнѣ хочется мспить.... я буду
мспить самому себѣ, если вы не сжа-
лишесь надо мною. Я пришелъ просить
васъ, Царица, чшобъ вы меня исцѣлили.
Мщеніе большая сладость, но послѣдствія
ея разрушительны.»

— «Это обыкновенныя послѣдствія всѣхъ
наслажденій вашей жизни,» сказала Пери.
«Вѣдай, о сынъ Ребѣвъ, чшо ядъ, оспавляе-
мый въ душѣ одною сладостью, не иначе
испреляется, какъ приемомъ другой сладо-
сти. Ихъ шолько при въ природѣ: всѣ
прочія искусственны и шребуютъ особен-
наго напряженія умшвенныхъ способностей,

чтобъ бытъ поспигнушыми. Первая изъ сихъ естественныхъ сладостей, какъ я уже тебѣ говорила, есть сладость мщенія: ны вкусилъ ее; впрочемъ, сладость владствования надъ подобными себѣ существами; прешія....»

— «Я хочу испытать эту вторую сладость,» прервалъ пылкой Бедуинъ. «Я увѣренъ, что она исцѣлитъ меня....»

— «И такъ, ты испытываешь ее,» примолвила таинственная повелительница Тедмора. «Поручаемъ васъ Аллаху!»

— «Да упрочитъ онъ ваше владычество!» воскликнулъ вишазъ.

Занавѣсъ исчезъ. Аншаръ опять увхалъ въ пустыню.

Спусти нѣсколько лѣтъ, всадникъ на гнѣдомъ конѣ еще разъ появился въ окрестностяхъ Тедмора. Онъ долго кружилъ около развалинъ, какъ-будто не рывшаясь вспушить въ черту разрушенія. Видъ его казался еще грустнѣе прежняго. Онъ осматривался; думалъ долго... наконецъ прыгнулъ съ мѣсна и быспро скрылся между высокими горами земли и камней. Съ тѣхъ поръ никшо уже не видалъ его въ пустынь: только въ алмазномъ черпогѣ раздались голоса: — «Къ Царицѣ опять прѣхалъ гость!... онъ уже не уѣдетъ опсюда.» —

Госпъ сидишь у краснаго занавѣса, погруженный въ мрачную думу; Царица радужно привѣтствуетъ госпя:

— «Миръ съ вами, Аншаръ, сынъ Ребіевъ! Мы ждали васъ съ неперервнымъ.»

— «И съ вами миръ, Царица!» отвѣчаетъ всадникъ. «Я пріѣхалъ къ вамъ поклониться и поблагодарить за вашу милость. Я испыталъ сладость властвованія надъ своими ближними: она велика, удивительна и едва ли не пріятнѣе самой сладости мщенія. Оставивъ черпогъ вашъ, я признанъ былъ главою и повелителемъ безчисленныхъ поколѣній, копорыя соединились у моего копья, и составили народъ сильный, храбрый и богатый. Я предводительствовалъ имъ на полѣ брани, и самовластно управлялъ имъ изъ моей спавки во время мира. Начальники и богатыри его шолпились у ея веревокъ, съ благоговѣніемъ ожидая моихъ приказаній. Нѣтъ ничего восхищеннѣе, какъ видѣть тысячи тысячъ подобныхъ вамъ пварей, движущіяся по вашему слову, волю свою почерпающія изъ общаго источника вашей воли и, для исполненія вашихъ мыслей, охотно жертвующія своими мыслями, имущесвомъ и жизнію. Властелинъ поспинъ чувствуетъ себя духомъ и шѣломъ выше человѣка: по-

нятія его возвеличиваюшся, спраспи облагороживаюшся и шеряюшъ всю свою вредную силу, опъ легкости удовлешворишъ имъ, и его желанія уподобляюшся желаніямъ самой добродѣтели. Обладаніе всѣмъ поселяешъ въ его душъ спокойствіе, и клонитъ ее къ великодушію, къ щедрости, къ распрстраненію собственнаго ея счастья на все окружающее ее, словомъ, ко всеобщему благу. Но шупъ и рубежъ сладости: за нимъ начинаешся горечь, спрашная, убійственная, оправляющая своимъ ядомъ дражайшія минушы его жизни. Едва примешся онъ за дѣло блага, какъ шопчасъ примѣчаешъ, что шъ же самыя, коихъ шакъ пламенно желалъ онъ сосшавишъ истинное благополучіе, не умѣюшъ и не хошяшъ высиспъся до его образа мыслей, ни понять его сердца, и съ высоты своего престола опкрываешъ у ногъ своихъ опверзшый адъ проныршва, гдѣ днемъ и ночью пылаюшъ низкія спраспи, поглощающія всѣ его благодѣянія; гдѣ лучшія его намѣренія мгновенно пережигаюшся въ гнусный уголь личной корысти сильнѣйшаго или проворнѣйшаго. Послѣ долгаго и упомишельнаго боренія съ усиліями людей всячески воспрепятшвовашъ увроченію благоденствія ихъ рода,

онъ чувствуюеть успалось, исполняешся негодования, начинаешъ презираешъ людей, и съ того времени спаловишся несчастнымъ. Это именно случилось и со мною. Я скоро убѣдился, что тѣ, коихъ допускалъ я къ себѣ, спарались только дѣлать меня орудіемъ ихъ жадности или средствомъ къ гибели ихъ враговъ, и мученія недовѣрчивости расперзали мою душу. Безпреспанное злоупотребленіе моею снисходительности спспавило меня въ необходимость быть спрогимъ и неприступнымъ. Я зналъ, какъ меня обманывали, какъ вокругъ меня распавляли състи и заводили пружины, чтобы поймать мою улыбку, копорою потомъ безстыдно шорговали въ народъ: это поселило во мнѣ опвращеніе, лишило меня даже удовольствія смѣяться, и я, среди шумнаго сборища, среди моего могущества, увидѣлъ себя одинокимъ, безсильнымъ, обремененнымъ тяжестью бесполезной власти, преспѣваемымъ блѣдными привидѣніями подозрѣній, опасностей, измѣны. Сначала воля моя еще находила нѣкопору пріятности въ испытаніи повиновенія моихъ приверженцевъ; но, въ послѣдствіи, ихъ раболѣпство опняло у нее и это утѣшительное занятіе: она уже носилась и господствовала лишь въ пустомъ воздухѣ,

ме хвашая головъ ихъ, пошому, что они ползали слишкомъ низко. Тогда скука и пресыщеніе ввергли меня въ пропасть своенравія, развлеченія коего, насильственныя и изысканныя, измучили мой умъ и мои чувства; и мое сердце, засохшее, обожженное снаружи и пустое внутри, подобно зрѣлому яблоку колокинша, распуцаго у подножія скалы, лопнуло съ прескомъ и распыскало въ душѣ моей черныя, язвительныя сѣмена опчаянія. Нѣсколько разъ хопѣлъ я бросить и княжескіе шапры, и своихъ подваспныхъ, и бѣжашъ въ горы; но какаѣ-то невидимая сила, вопреки моему убѣжденію, приковывала меня къ моему сану. Въ этой сладости властвованія, я вижу, шапся понкій, лепучій огонь, кошорый безпреспанно жжешъ вамъ сердце, содержишъ чувства въ опьянѣніи и возбуждаешъ въ горлѣ неушолимую жажду, невольнo увлекающую уша ваши къ горькой чашѣ повелишельства. Наконецъ, я воспоржеспывалъ надъ самимъ собою, покинулъ все и прилешѣлъ къ вамъ, великая Царица, просишъ, чтобы вы исцѣлили мою душу. Я спражду неимовѣрнымъ образомъ: сладость властвованія произвела во мнѣ смертельную шошопу, кошорая душишъ, давишъ, убиваетъ меня; но мнѣ все еще хо-

челся властвовать, управляя, приказывать, располагать судьбою моихъ ближнихъ: я не могу жить безъ власти, и оставивъ ее, мнѣ кажется, что я безразсудно прекр- ся отъ воздуха, воды и солнца.»

— «Ты спраждени естественнымъ слѣд- спвіемъ эпои сладости,» сказала Пери. «Въ доказательство моей къ тебѣ благодарно- сти, я душевно желала бѣ исцѣлить твою душу; но ты знаешь, о сынъ Ребевъ, что ядъ, выжанный въ сердцѣ изъ одной сладости, уничтожается только вкушеніемъ другой. Ты уже испыталъ ихъ двѣ: рѣшаешься ли испытать третью? Но предваряю тебя, что и эта третья сладость, — сладость вели- кая, сильная, даже очаровательнѣе всѣхъ про- чихъ, — также оставляетъ послѣ себя ужас- ную, нестерпимую горечь, и, — что важнѣе, — эпои горечи, когда она однажды оправишь душу, уже ничѣмъ усладить невозможно.»

— «Я на все рѣшаюсь,» воскликнулъ Ан- таръ съ жаромъ. «Напрасно пожелалъ я вку- сить первую сладость: лучше бы мнѣ всю жизнь оставался несчастнымъ, какъ былъ въ молодости, не зная ни одной изъ сладо- стей, определенныхъ намъ судьбою; но ко- гда я оправилъ себя одною изъ нихъ, то уже хочу испытать ихъ до послѣдней. Пустьъ

*

мой пруръ, напишанный ядомъ всѣхъ сладостей нашей жизни, валяясь въ пустынь безъ погребенія, служившъ оправой для волковъ и ястребовъ; пусть ошвѣдають они горькаго шѣла челоуѣка, вскормленнаго хлѣбомъ спраспей, называемыхъ у насъ нѣжными, возвышенными и благородными, и перескажутъ поварищамъ своимъ въ горахъ Емамы, каковъ вкусъ людскаго счастья. Какъ называется эша шрепнѣ сладость?...

— «Любовь,» ошвѣчала Пери.

— «Любовь?...» вскричалъ Бедуинъ. «Неужь-шо любовь сладость?... Я всегда почишалъ ее мученіемъ.... Ахъ, Царица, я уже испышалъ любовь!... Тому лѣтъ десяшь, на берегу пошока, вблизи коего чернѣлись юрты враждебнаго мнѣ поколѣнѣя, встрѣшилъ я дѣвицу райской красоты, въ длинномъ синемъ покрывалѣ, свободно накинупомъ на голову, изъ-за кошораго, при всякомъ дуновеніи вѣпра, мелькало лице свѣжѣе и прелестнѣе полной луны, появляющейся ночью изъ-за шучи и немедленно скрывающейся за другою. Она черпала воду, и когда спояла, шо спанъ ея, ровностью своею, приспыжалъ проспи, роспшнѣя въ руслѣ пошока; когда сгибалась или двигалась, шо ея шѣло казалось гибче черной змѣи, прыгаю-

щей по раскаленному полуденнымъ зноемъ песку. Въ большихъ, круглыхъ глазахъ ея мерцалъ шопъ же ясный, волшебный лучъ нѣги, какой сверкаетъ изъ взоровъ лани, поворачивающей гладкую, лоснящуюся свою шею, чшобы глядѣшь на бѣлаго пшнца, новисшаго у сосцевъ ея. Ослѣпленный блескомъ ея лица, я споялъ неподвижно, какъ сполбъ, указывающій пушь въ пуспынѣ; наконецъ, рѣшился подойти къ ней и всшупишь въ разговоръ. Она ласково опвѣчала на мои вопросы, выслушала съ пріятною улыбкою мою кляпву любишь ея до самой смерши, и назначила мнѣ свиданіе на слѣдующій день въ шомъ же мѣсшѣ; попомъ, подняла на голову свой сосудъ съ водою, и удалилась въ улусъ. На другое ушро, я пришелъ, но она не являлась: ея уже не было въ шой спранѣ, и юрпы шого поколѣнія исчезли ночью съ береговъ пошока. Тщешно искалъ я ея въ цѣлой пуспынѣ: никшо не могъ сказашь мнѣ, куда она дѣвалась. Но образъ ея съ шого времени не разспавался болѣе со мною: я носилъ его въ душѣ, лелѣялъ въ сердцѣ и усыплялъ въ своей крови. Сколько разъ ни находился я въ опасносши, всегда призракъ ея предспавлялся явно моимъ взорамъ и, казалось, защищалъ меня опъ яросши

превозмогающаго непріяшеля. И мстя людямъ копьемъ, и попирая ихъ власшю, не переспывалъ я искашь ея, думаешь объ ней и плакашь. Съ нею только могъ бы я ощущаешь сладость любви, ежели въ любви ешь какая нибудь сладость; но, безъ сомнѣнiя, не увижу ея болве. Эшо, я думаю, было только привидѣнiе, колдовство старой Шарман, извѣстной во всемъ Хеджазѣ вѣдьмы, сына коей убилъ я въ единоборствѣ на копьяхъ...»—

Въ пылу разказа о прекрасной незнакомкѣ, Аншаръ не примѣшилъ, что красный занавѣсъ раскинулся, и что всѣ, бывшіе въ комнатѣ, поверглись на землю предъ лицомъ показавшейся Царицы. Но, когда печальныя воспоминанiя пресѣкли его голосъ, онъ нечаянно приподнялъ голову, и взоръ его сполкнулся съ блескомъ новооткрывшагося зрѣлища, которое потрясло его душу соединеннымъ ударомъ удивленiя и воспорага. На пышномъ престолѣ, сіяющемъ золопомъ и алмазами, сидѣла ша же Бедуинка въ синемъ покрывалѣ, о копорой онъ рассказывалъ.

— «Да проклянешъ меня опецъ!» вскричалъ онъ быспро, срываясь съ софы. «Аллахъ, Аллахъ!... эшо чародѣйство!...»

— «Успокойшесь, сынъ Ребiевъ,» сказала она умильнымъ голосомъ: «узнайше въ не-

лицезримой Царицѣ Тедмора шу просшую дочь пусшыни, кошорая назначила вамъ свиданіе на берегу попока, кошорая охраняла васъ въ опасносняхъ и невидимо исполняла ваши мысли. Я ша газель, кошорая, послѣ пораженія вами злобнаго Джинна, хопыла изъявишь вамъ свою признашельность, ласкаясь у ногъ вашихъ. Будыше не гостемъ, а хозяиномъ въ нашемъ домѣ. Здѣсь давно ожидала васъ сладосшь любви, кошорую пожелали вы узнашь шакъ поздно, уже послѣ всѣхъ другихъ сладоспей.» —

Она вспала, подошла къ нему, и, взявъ его за руку, посадила возль себя на преспюль. Онъ все еще не вѣрилъ своему счасшію, когда занавѣсъ снова сомкнулся и опдѣлилъ ихъ опъ свидѣтелей.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Анваръ и Гюль-назаръ сидѣли у окна, выходящаго въ садъ, пользуясь свѣжесшію прекраснаго вечера. Онъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ. Огненные его взоры, вонзаясь въ розовыя щеки и роскошную грудь Пери, жадно пили изъ нихъ видъ очаровашельныхъ прелесшей, подобно шому, какъ свѣшная радуга пьешъ воду въ лужѣ, образованной дождемъ на краю нагой пусшыни. Дрожащія опъ спрасши уста напечатывали на нихъ пламенные поцѣлуй, конхъ

жаръ проникалъ до самаго сердца счастли-
вой супруги. Вдругъ Аншаръ судорожно при-
жалъ ее къ своей груди. — «Другъ мой!...»
вскричалъ онъ: «теперь я подлинно увѣ-
ренъ, что въ жизни человѣческой нѣтъ ни
одной сладости, копорая могла бы сра-
вниться съ сладостью любви, раздѣляе-
мой обожаемымъ предметомъ. Она все
наше существованіе наполняетъ неизъясни-
мою крошечью, испинно весеннимъ весе-
ліемъ, не оставляя въ шѣлѣ ни малѣйшаго
уголка для злобы, ни для печали. Кровь въ
жилахъ спановишся сладка, какъ сокъ саха-
рной проспи, и мечта принимаетъ виды кра-
сивѣе, плѣнительнѣе, разнообразнѣе бѣлаго
шумана, являющаго въ шпепи въ жаркое упро
обманчивую каршину озеръ, деревьевъ, зам-
ковъ и городовъ съ куполами и минарешами.
Душа, пылающая любовію, находишся въ
своемъ цвѣшѣ и дышитъ багровымъ, благо-
воннымъ счастьемъ розы, распускающейсѣя
подъ лучами восходящаго солнца. Но я знаю,
чѣмъ оканчивающся наши сладости, и ты
сама предварила меня о неминуемыхъ слѣд-
ствіяхъ шой, копорую такъ сильно теперь
ощущаю. Я боюсь яда, оспающаго на днѣ
сердца послѣ ея испаренія; боюсь новыхъ
душевныхъ спраданій, хуже чѣмъ голодной

смерти, и умоляю тебя пощупай мою жизнь послѣднею каплею этой сладости, коль скоро примѣшишь во мнѣ, что уже горечь начинаешь въ ней пробиваться. По-клянись мнѣ, что исполнишь мое желаніе.» —

Пери бросилась къ нему на шею, спраспно слѣпила уста свои съ его ушами и, послѣ долгаго... долгаго и выразишельнаго молчанія, опрывая ихъ съ болью, дрожащимъ голосомъ, подавляемымъ слезами, произнесла: — «Клянусь!...» —

Еще минули годы. Аншаръ лежишь на мягкой и благовонной постели возлѣ прелестной Пери, и держишь ея руку въ своихъ рукахъ; но онъ, кажешся, скучаешь. Уста его молчаешь; глаза, руки молчаешь поже; мысль его блуждаешь въ пущынь. Вѣрная Пери смѣришь на него съ соспрананіемъ, при-скорбіемъ, любовію; теплые лучи ея взоровъ уже не разогрѣваюшь души Аншара. Она роняешь двѣ крупныя слезы, и спраспно оплешаешь его своими руками. Онъ, какъ-будшо пробужденный опъ сна внезапнымъ ударомъ крови, бросаешь въ ея объашія, и краснѣешь при мысли о своей холодноши. Огонь ея сильною искрою перелешѣлъ въ его сердце. Любовь взволновала въ немъ

всю жизнь, и зажгла ее радужнымъ пламенемъ роскоши; попомъ погрузила ее въ упоеніе, — сладкій соспавъ чувствъ сна, обморока и смерти, минушній образецъ райскаго благополучія, — и Аншаръ, прикованный къ устамъ пылкой любовницы, нѣжно уснулъ на ея груди, уснулъ навсегда!... Пери, съ послѣднимъ поцѣлуемъ, вдохнула въ себя его душу, и соединила ее съ своею собственною. Она исполнила свой обѣтъ. Душа Аншара будетъ вѣчно жить любовію въ душѣ его подруги, не вкусивъ горечи, слѣдующей за удовольствіями сей спраски въ земномъ быту чловѣка.

Жизнь его вдругъ погасла, но въ его шѣлѣ, и послѣ смерти, всѣ жилы долго еще дрожали опголоскомъ счастья послѣдней минуты, подобно тому, какъ звукъ послѣдняго удара въ Хрисціанской колоколь длился бесконечно въ глухихъ горахъ Ливана. Вѣрная Пери не выпускаетъ его изъ своихъ объятій. Она спраскино жметъ къ сердцу холодный прунъ любовника, обливая его горячими слезами: жаръ ея согрѣваетъ мраморную его поверхность, и холодный прунъ еще ощущаетъ сладость любви на своей поверхности.

Члены его посинѣли, шѣло уже оппадаетъ опъ костей, но Пери все-еще съ нимъ не

разспаешся. Она нѣжно поддерживасшь руками бранные оспанки возлюбленнаго чело-вѣка, и приклоняешъ ихъ къ бѣлой какъ молоко груди своей. Она никогда не разлу-чишся съ шѣмъ, кого пакъ пламенно лю-била. Счастливыи чело-вѣкъ!...

Вонъ уже Аншаръ превращился въ бѣлый, сухой, безобразный оспавъ. Она, однако жъ, ни на минушу не разнимала рукъ, коими опоясала его при смерти, и сухія кости лю-бовника, осыпаемая ея поцѣлуями, неодно-кратно проникались чувствомъ сладчайшей нѣги.

Но и кости исплѣваюшъ. Кости Аншара исплѣли, а сердце доброй любовницы не измѣнилось. По испеченіи многихъ споль-шій, еще могли бъ вы увидѣшь крошкую Пери, неподвижно лежащую на помъ же мѣ-спѣ, гдѣ она въ послѣдній разъ упоялась счастиемъ любви въ его объятіяхъ. Одною рукою подпирала она прелесшную свою го-лову, ошненную черными, распущенными волосами; въ другой она держала горшъ съ-рой пыли, весь оспашокъ великаго между людьми Аншара. Она умильно смопрѣла на эшу горшку лешучаго праха: изъ глазъ ея упала на него слеза, и прахъ любимаго смерш-

наго, мгновенно обвиваясь кругомъ сего по-
сланца сердца любезной, еще разъ закивъль
сладоспiю.

Сенковский.

Par. A. H. G. v. 1. 1832. Spas. H. Lockii, M. d. s. X. Johespe 30 Dec 1832 edit.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHILOSOPHY DEPARTMENT

1950-1951

PHILOSOPHY 101

PHILOSOPHY 102

PHILOSOPHY 103

PHILOSOPHY 104

PHILOSOPHY 105

PHILOSOPHY 106

PHILOSOPHY 107

PHILOSOPHY 108

PHILOSOPHY 109

PHILOSOPHY 110

PHILOSOPHY 111

PHILOSOPHY 112

PHILOSOPHY 113

ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ.

I.

Четырестопный ямб мнѣ надобъль:
Имъ писать всякой. Мальчикамъ въ забаву
Пора бѣ его оставить. Я хотѣлъ
Давнымъ давно приняться за октаву.
А въ самомъ дѣлѣ: я бы совладѣлъ
Съ тройнымъ созвучіемъ. Пущусь на славу!
Вѣдь рифмы запросто со мной живутъ;
Двѣ придутъ сами, третью приведутъ.

II.

А чтобъ имъ путь открыть широкій, вольной,
 Глаголы тотчасъ имъ я разрѣшу....
 Вы знаете, что рифмой наглагольной
 Гнушаемся мы. Почему? спрошу.
 Такъ писывалъ *** богомольной,
 По большей части такъ и я пишу.
 Къ чему? скажите; ужъ и такъ мы голы.
 Отнынѣ въ рифмы буду брать глаголы.

III.

Не стану ихъ надменно браковать,
 Какъ рекрутовъ, добившихся увѣчья,
 Иль какъ коней, за ихъ плохую стать, —
 А подбирать союзы да нарѣчья;
 Изъ мелкой сволочи вербую рать.
 Мнѣ рифмы нужны; всѣ готовъ сберечь я,
 Хоть весь Словарь; что слогу, то и солдатъ —
 Всѣ годны въ строй: у насъ вѣдь не парадъ.

IV.

Ну, женскіе и мужескіе слоги!
 Благословясь, попробуемъ: слушай!
 Ровняйтесь, вытягивайте ноги
 И по три врьдъ въ октаву завъжай!

Не бойтесь, мы не будемъ слишкомъ строги;
 Держись вольный и только не плошай,
 А тамъ уже привыкнемъ, слава Богу,
 И выйдемъ на ровную дорогу.

V.

Какъ весело стихи свои вѣсти
 Подъ цифрами, въ порядкѣ, строй за строемъ,
 Не позволять имъ въ сторону брести,
 Какъ войску, въ пухъ разсыпанному боемъ!
 Тутъ каждый слогъ замѣченъ и въ чести,
 Тутъ каждый стихъ глядитъ себѣ героемъ,
 А стихотворецъ . . . съ кѣмъ же равенъ онъ?
 Опъ Тамерланъ, или самъ Наполеонъ.

VI.

Не много отдохнемъ на этой точкѣ.
 Что? перестать или *пустить на те*
 Признаться вамъ, я въ пятистопной строчкѣ
 Люблю цезуру на второй стопѣ.
 Иначе, стихъ то въ ямъ, то на кочкѣ,
 И хоть лежу теперь на кавале,
 Все кажется мнѣ, будто въ тряскомъ бытъ
 По мерзлой паншѣ мчусь я на телегѣ.

VII.

Что за бѣда? не все жъ гулять пѣшкомъ
 По Невскому граниту, иль на балѣ
 Лощить паркетъ, или скакать верхомъ
 Въ степи Киргизской. Поплетусь-ка далѣ,
 Со станція на станцію шажкомъ,
 Какъ говорить о томъ оригиналѣ,
 Который, не кормя, на рысакѣ
 Прѣхалъ изъ Москвы къ Невь-рѣкѣ.

VIII.

Скажу, рысакъ! Парнасскій иноходецъ
 Его не обогналъ бы. Но Пегасъ
 Старъ, зубъ ужъ нѣтъ. Имъ вырытый колодезь
 Изсохъ. Поросъ крапивою Парнасъ;
 Въ отставкѣ Фебъ живетъ, а хороводецъ
 Старушекъ Музъ ужъ не прельщаетъ насъ.
 И таборъ свой съ классическихъ вершинокъ
 Перенесли мы на толкучій рынокъ.

IX.

Усядся, Муза; ручки въ рукава,
 Подъ лавку ножки! не вертись, рѣзвунка!
 Теперь начнемъ. — Жила была вдова,
 Тому лѣтъ восемь, бѣдная старушка,

Съ одною дочерью. У Пекрова
 Стояла ихъ смиренная лачушка
 За самой будкой. Вижу, какъ теперь,
 Свѣтѣлку, три окна, крыльцо и дверь.

X.

Для три тому, туда ходилъ я вмѣстѣ
 Съ однимъ знакомымъ передъ вечеркомъ.
 Лачужки этой нѣтъ ужъ тамъ. На мѣстѣ
 Ея построены трехъ-этажный домъ.
 Я вспомнилъ о старушкѣ, о невѣстѣ,
 Бывало, тутъ сидѣвшихъ подъ окномъ,
 О той порѣ, когда я былъ моложе,
 Я думалъ: живы ли они? — И что же?

XI.

Мнѣ стало грустно: въ высокій домъ
 Глядѣлъ я косо. Если въ эту пору
 Пожаръ его бы обхватилъ кругомъ;
 То моему бѣ озлобленному взору
 Пріятно было пламя. Страннымъ сномъ
 Бываетъ сердце полно; много вздору
 Приходитъ намъ на умъ, когда бредемъ
 Одни или съ товарищемъ вдвоемъ.

XII.

Тогда блаженъ, кто крѣпко словомъ править
 И держитъ мысль на привязи свою,
 Кто въ сердце усыпляетъ или давить
 Мгновенно прошипѣвшую змѣю;
 Но кто болтливъ, того молва прославить
 Вмигъ извергомъ. . . . Я воды Леты пью,
 Мнѣ Докторомъ запрещена унылость:
 Оставимъ это, — сдѣлайте мнѣ милость!

XIII.

Старушка (я стократъ видалъ точь въ точь
 Въ картинахъ Рембранда такіа лица)
 Носила чепчикъ и очки. Но дочь
 Была, ей-ей, прекрасная дѣвица:
 Глаза и брови — темныя какъ ночь,
 Сама была, нѣжна — какъ голубица;
 Въ ней вкусъ былъ образованный. Она
 Читала сочиненья Эмина, ●

XIV.

Играть умѣла также на гитарѣ
 И пѣла: *Стонетъ сизый голубокъ,*
 И *Вьду ль я* —, и то — что ужъ постарѣ,
 Все, что у печки въ зимній вечерокъ

Иль скучной осенью при самоварѣ
 Или весною, обходя лѣсокъ,
 Поеть уныла Русская дѣвица,
 Какъ Музы нашей грустная пѣвица.

XV.

Фигурно или буквально: всей семьей,
 Отъ ямщика до перваго поэта,
 Мы весь поемъ уныло. Грустный вой
 Пѣсь Русская. Извѣстная примѣта!
 Начавъ за здравіе, за упокой
 Сведемъ какъ разъ. Печалию согрѣта
 Гармонія и нашихъ Музъ, и дѣвъ.
 Но правится ихъ жалобный напѣвъ.

XVI.

Параща (такъ звалась красotka наша)
 Умыла мыть и гладить, шить и плестъ;
 Всѣмъ домоу правила одна Параща,
 Поручено ей было счеты вестъ,
 При ней варилась гречневая каша,
 (Сей важный трудъ ей помогала несть
 Стряпуха Фекла, добрая старуха,
 Давно лишенная чутья и слуха).

*

XVII.

Старушка мать, бывало, подъ окномъ
 Сидѣла; днемъ она чулокъ вязала,
 А вечеромъ, за маленькимъ столомъ,
 Раскладывала карты и гадала.
 Дочь, между тѣмъ, весь объгала домъ,
 То у окна, то на дворъ мелькала,
 И кто бы ни проѣхалъ иль пешёлъ,
 Всѣхъ успѣвала видѣть (зоркій полъ!).

XVIII.

Зимою ставни закрывались рано,
 Но лѣтомъ дѣночи растворено
 Все было въ домъ. Блѣдая Діана
 Глядѣла долго дѣвушкѣ въ окно.
 (Безъ этого ни одного романа
 Не обойдется; такъ заведено!)
 Бывало, мать давнымъ давно храпѣла,
 А дочка — на луну еще смотрѣла.

XIX.

И слушала млукавье котовъ
 По чердакамъ, свиданій знакъ нескромной,
 Да стражи дальній крикъ, да бой часовъ —
 И только. Ночь надъ мирною Коломною

Тиха отменно. Рѣдко изъ домовъ
Мелькнутъ двѣ тѣни. Сердце двѣи томной
Ей слышать было можно, какъ оно
Въ упругое толкалось полотно.

XX.

По воскресеньямъ, лѣтомъ и зимою,
Вдова ходила съ нею къ Покрову,
И становилася передъ толпою
У клироса нальво. Я живу
Теперь не тамъ, но вѣрною мечтою
Люблю летать, заснувши на лву,
Въ Коломну, къ Покрову — я въ воскресенье
Тамъ слушать Русское богослуженье.

XXI.

Туда, я помню, ѣздила всегда
Графиня....(звали какъ, не помню право)
Она была богата, молода;
Входила въ церковь съ шумомъ, величаво;
Молилась гордо (гдѣ была горда!)
Бывало, грѣшень! все гляжу направо,
Все на нее. Параша передъ ней
Казалась, бѣдная, еще бѣднѣй.

XXII.

Порой Графиня на нее небрежно
 Бросала важный взоръ свой. Но она
 Молилась Богу тихо и прилежно
 И не казалась имъ развлечена.
 Смиренье въ ней изображалось нѣжно;
 Графиня же была погружена
 Въ самой себѣ, въ волшебствѣ моды новой,
 Въ своей красѣ надменной и суровой.

XXIII.

Она казалась хладный идеалъ
 Тщеславія. Его бъ вы въ ней узнали;
 Но сквозь надменность эту я читалъ
 Иную повѣсть: долгія печали,
 Смиренье жалобъ. . . . Въ нихъ-то я вникалъ,
 Невольный взоръ они-то привлекали. . . .
 Но это знать Графиня не могла,
 И, вѣрно, въ списокъ жертвъ меня внесла.

XXIV.

Она страдала, хотъ была прекрасна
 И молода, хотъ жизнь ея текла
 Въ роскошной нѣгѣ; хотъ была подвластна
 Фортуна ей; хотъ мода ей несла

Свой ѳиміамъ, — она была несчастна.
 Блаженіе стократъ ея была,
 Читатель, новая знакомка ваша,
 Простая, добрая моя Параша.

XXV.

Коса змѣей на гребнѣ роговомъ,
 Изъ-за ушей змѣю кудри русы,
 Косыночка крестъ-на-крестъ нль узломъ,
 На тонкой шеѣ восковыя бусы —
 Нарядъ простой: но предъ ея окномъ
 Все жъ ѳздили Гвардейцы черноусы,
 И дѣвушка прельщать умѣла ихъ
 Безъ помощи нарядовъ дорогихъ.

XXVI.

Межъ вами кто ея былъ сердцу ближе,
 Или равно для всѣхъ она была
 Душею холодна? увидимъ ниже.
 Покамѣсть мирно жизнь она вела,
 Не думая о балахъ, о Парижѣ,
 Ни о Дворѣ (хоть при Дворѣ жила
 Ея сестра двоюродная, Вѣра
 Ивановна, супруга Гоѣ-Фурьера).

XXVII.

Но горе вдругъ ихъ посѣтило домъ:
 Стряпуха, возвратясь изъ бани жаркой,
 Слегла. Напрасно чаемъ и виномъ,
 И уксусомъ, и мятною припаркой
 Ее лечили. Въ ночь предъ Рождествомъ
 Она скончалась. Съ бѣдною кухаркой
 Онѣ простились. Въ тотъ же день пришли
 За ней, и гробъ на Охту отвезли.

XXVIII

Объ ней жалѣли въ домѣ, всѣхъ же болѣ
 Коть Васька. Послѣ вдовушка моя
 Подумала что два, три дня — не долѣ —
 Жить можно безъ кухарки; что не лѣзя
 Предать свою трапезу Божьей волѣ.
 Старушка кличетъ дочь: «Параша!» — «Я!»
 — «Гдѣ взять кухарку? свѣдай у сосѣдки,
 Не знаетъ ли. Дешевыя такъ рѣдки.» —

XXIX.

— «Узнаю, маменька.» И вышла вонъ,
 Закутавшись. (Зима стояла грозно,
 И снѣгъ скрипѣлъ, и синій небосклонъ,
 Безоблаченъ, въ звездахъ, сіялъ морозно).

Вдова ждала Парашу дождо; сонъ
Ее клонилъ тихонько; было поздно,
Когда Параша тихо къ ней вошла,
Сказавъ: — «Вотъ я кухарку привела.»

XXX.

За нею слѣдомъ, робко выстуая,
Короткой юбочкой принарядясь,
Высокая, собою педурная,
Шла дѣвушка, и, низко поклонясь,
Прижалась въ уголь, фартукъ разбирая.
— «А что возьмешь?» спросила, обратясь,
Старуха. — «Все, что будетъ вамъ угодно,»
Сказала та смиренно и свободно.

XXXI.

Вдовѣ понравился ея отвѣтъ.
— «А какъ зовутъ?» — «А Маврой» — Ну, Мавруша,
Живи у насъ; ты молода, мой свѣтъ;
Гоняй мужчинъ. Покойница Оеклуша
Служила мнѣ въ кухаркахъ десять лѣтъ,
Ни разу долга чести не наруша.
Ходи за мной, за дочерью моею,
Усердна будь; прѣсчитывать не смѣй.» —

XXXII.

Проходитъ день, другой. Въ кухаркѣ толку
 Довольно мало: то переварить,
 То пережарить, то съ посудой полку
 Уронить; вѣчно все пересолить,
 Шить сядетъ — не умѣетъ взять иголку;
 Ее бранять — она себѣ молчитъ;
 Вездѣ, во всемъ ужъ какъ нибудь подгадитъ.
 Параша бѣтается, а никакъ не сладитъ.

XXXIII.

По утру, въ воскресенье, мать и дочь
 Пошли къ обѣднѣ. Дома лишь осталась
 Мавруша; видите ль: у ней всю ночь
 Болѣли зубы; чуть жива таскалась;
 Корицы нужно было натолочь, —
 Пирожное испечь она сбиралась.
 Ее оставили; но въ церкви вдругъ
 На старую вдову нашелъ испугъ.

XXXIV.

Она подумала: «въ Маврунѣ ловкой,
 Зачѣмъ къ пирожному припала страсть?
 Пирожница, ей-ей, глядитъ плутовкой!
 Не вздумала ль она насъ обокрасть,

Да улизнуть? Вотъ будемъ мы съ обновкой
Для праздника! Ахти, какая страсть!
Такъ думая, старушка обмирала
И наконецъ, не вытерпѣвъ, сказала:

XXXV.

— «Стой тутъ, Параша. Я схожу домой
Мнѣ что-то страшно.» Дочь не разумѣла
Чего ей страшно. Съ паперти долой
Чуть-чуть моя старушка не слетѣла;
Въ ней сердце билось, какъ передъ бѣдой.
Пришла въ лачужку, въ кухню посмотрѣла, —
Мавруши нѣтъ. Вдова къ себѣ въ покой
Вошла — и что жь? о Боже! страхъ какой!

XXXVI.

Предъ зеркальцомъ Параша, чинно сядя,
Кухарка брнлась. Что съ моею вдовой?
«Ахъ, ахъ!» и шлепнулась. Ее увидя,
Та, въ торопяхъ, съ намыленной щекой
Черезъ старуху (вдовью честь обидя),
Прыгнула въ сѣни, прямо на крыльцо,
Да ну бѣжать, закрывъ себѣ лицо.

XXXVII.

Обѣдня кончилась; пришла Параша.
 — «Что, маменька?» — «Ахъ, Пашинька моя!
 Маврушка...» — «Что, что съ ней?» — «Кухарка паша...
 Опомнись досель не въ силахъ я...
 За зеркальцомъ вся въ мыльъ...» — «Воля ваша,
 Мнѣ право ничего понять нельзя;
 Да гдѣ жъ Мавруша?» — «Ахъ, она разбойникъ!
 Она здѣсь брилась!... точно мой покойникъ!» —

XXXVIII.

Параша покраснѣлась или нѣтъ,
 Сказать вамъ не умѣю; но Маврушки
 Съ тѣхъ поръ какъ не было, — простылъ и слѣдъ;
 Ушла, не взявъ въ уплату не полушки
 И не успѣвъ надѣлать важныхъ бѣдъ.
 У красной дѣвушки и у старушки
 Кто заступилъ Маврушу? признаюсь,
 Не вѣдаю, и ковчить тороплюсь.

XXXIX.

— «Какъ! развѣ все тутъ? шутите!» — «Ей Богу.»
 — «Такъ вотъ куда октавы насъ вези!
 Къ чему жъ такую подняли тревогу,
 Скланкали рать и съ похвальбою шии?»

Завидную жѣ вы избрали дорогу!
 Ужель иныхъ предметовъ не нашли?
 Да нѣтъ ли хоть у васъ правоученья?»
 — «Нѣтъ . . . или есть : минуточку терпѣнья . . .»

XL.

Вотъ вамъ мораль : по мнѣнью моему,
 Кухарку даромъ нанимать опасно ;
 Кто жѣ родился мужчиною , тому
 Рядиться въ юбку странно и напрасно :
 Когда вѣбудь придется же ему
 Брить бороду себѣ , чтѣ несогласно
 Съ природой дамской . . . Больше ничего
 Не выжмешь изъ расказа моего.

А. Пушкинъ.

1829.

ДА КАКЪ БЫ НЕ ТАКЪ.

Пока нашъ умъ молокосось,
И жизнь понтъ насъ полной чашей, —
Судьба на каждый нашъ вопросъ
Намъ говорить: все въ волѣ вашей!
Когда жъ сосудъ ужъ поизсякъ,
А сердце пить еще все хочеть:
Что ни спроси, судьба бормочеть:
« Да какъ бы не такъ! »

Вотъ рѣдкая душа Оргонъ!
Всѣхъ ближнихъ братьями онъ числить,
И о нуждающемся онъ
Безъ слезъ и сонный не помыслить.

А попроси въ займы пятакъ,
Или услуги на два гроша,
Что жь, радъ себя отдать святоша?
« Да какъ бы не такъ! »

=

Женился старый нашъ Маіоръ,
Маіорша въ три раза моложе:
Онъ на замокъ и домъ, и дворъ —
И самъ безсмѣнно на сторожъ.
Ужъ вотъ благочестивый бракъ!
— « Есть двѣти? » — « Трое! » — Что жь, умора
Всѣ такъ и вылиты въ Маіора!
« Да какъ бы не такъ? »

=

У дружбы есть двойчатка: лестъ,
Онъ съ лица отчасти схожи,
Съ одной знакомство трудно свестъ,
Съ другою знаются вельможи.
Какъ разъ жди съ нею сѣсть въ просакъ:
Что жь какъ разнохаютъ сударку,
Ее по шеѣ да въ припарку
« Да какъ бы не такъ? »

=

Секретъ подписокъ и программъ
Есть высшій взглядъ Литературы;

Всѣ деньги прибери къ рукамъ, —
 А публика? — жди корректуры.
 Когда народъ нашъ былъ простякъ,
 Честь авторства цѣнилась строже:
 Честь денегъ каждому дороже? —
 « Да какъ бы не такъ! »

=

Какъ міръ нашъ при свѣчахъ хороше!
 Какъ при свѣчахъ всѣ люди гладки!
 Нигдѣ пятна не разберешь,
 Нѣтъ ни морщинки, ни заплатки.
 Вездѣ улыбка, блескъ и лакъ;
 Погасъ фонарь: и дня свѣтило....»
 — « Блаженства новыя раскрыло? »
 « Да какъ бы не такъ? » —

Князь П. Вяземскій.

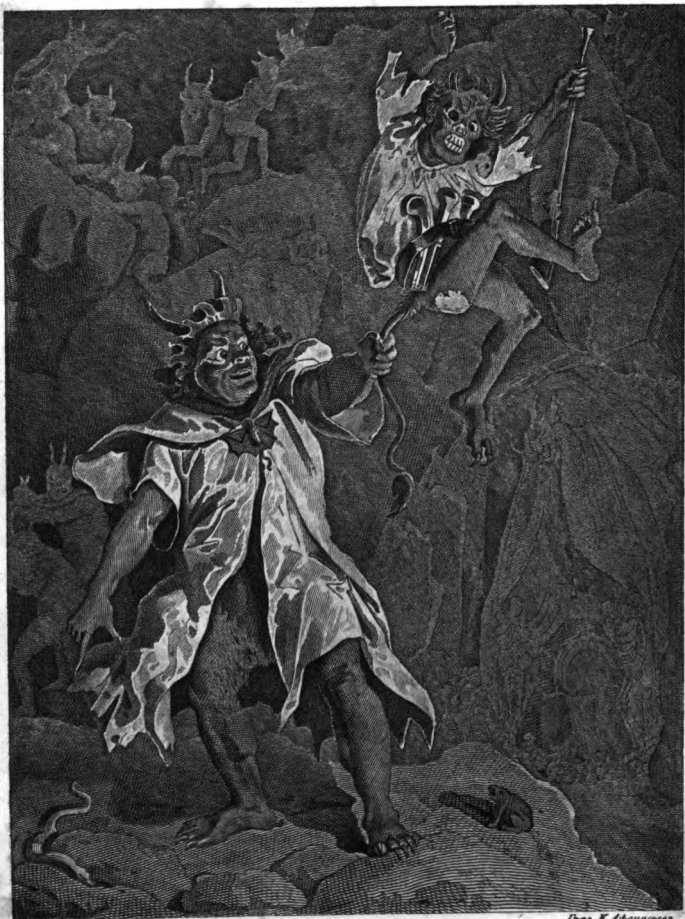

Рис. А. И. Ермолов

Грав. К. Афонин

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DEPARTMENT OF CHEMISTRY
58 CHEMISTRY BUILDING
CHICAGO, ILL. 60637
U.S.A.
TEL: 773-936-5511
FAX: 773-936-5511
WWW: WWW.CHEM.UCHICAGO.EDU

БОЛЬШОЙ ВЫХОДЪ

у

САТАНЫ.

Въ недрахъ земнаго шара есть огромная зала, имѣющая, кажутся, 99 верстъ вышины: въ Ошечественныхъ Запискахъ сказано, будто она вышиною въ 999 верстъ; но Ошечественнымъ Запискамъ ни въ чемъ, — даже и въ разсужденіи ада, — вѣришь не возможно.

Въ этой залѣ спойтъ великолѣпный престолъ повелителя подземнаго царства, построенный изъ человѣческихъ останковъ и украшенный, вмѣсто бронзы, сухими лепту-

чими мышами. Это должно быть очень красиво. На немъ сядишься Сашана, когда даешь аудіенцію своимъ посланникамъ, возвращающимся изъ поднебесныхъ странъ, или когда принимаешь поздравленія чершей и знаменитѣйшихъ проклятыхъ, коими зала, при пакихъ шоржеспивенныхъ случаяхъ, бываетъ наполнена до самаго пополка.

Если вамъ когда либо случалось чипать мудрыя сочиненія Папера Бузенбаума, Иезуитскаго Богослова и Философа, то вы знаете, — да какъ этого не знать? — что черши днемъ почиваютъ, вспаютъ же около заката солнца, когда въ Римѣ оплоютъ вечерню. Въ то же самое время просыпаются и Сашана. Проснувшись, онъ надѣваетъ на себя халапъ изъ толстой конверсной бумаги, расписанный въ видѣ пылающаго пламени, который получилъ онъ въ подарокъ изъ гардероба Испанской Инквизиціи: въ эшихъ халашахъ у насъ, на землѣ, люди сожигали людей. Засимъ, выходящъ онъ въ залу, гдѣ уже его ожидаетъ многочисленное собраніе довѣренныхъ чершей, подземныхъ вельможъ, адскихъ льщесцовъ, адскихъ придворныхъ и адскихъ наушниковъ: шупъ вы найдете пропаснъ ерешиковъ, заслуженныхъ грѣшниковъ и прославленныхъ изверговъ, вмѣстѣ

съ шѣми, кошорые ихъ прославляли въ предисловіяхъ и посвященіяхъ, — словомъ, въ *знаменности* ада.

Заскрипѣла чугунная дверь спальни царя шмы; Сапана вошелъ въ залу, и сѣлъ на своемъ пресшодѣ. Всѣ присущспвующіе ударили челомъ и громко закричали: *вивать!* — но гѣмоса ихъ никшо бѣ изъ васъ не услышалъ, пошому, чшо они шѣни, и крикъ ихъ шолько шѣнь крика. Чшобъ услышатъ звуки сего рода, надо бышь чоршомъ или донощикомъ.

Лукулль, скончавшійся опгъ обжорства, исправляетъ при Дворѣ его должностъ Оберъ-Гофмейшерскую: онъ завѣдываетъ кухнею, заказываетъ обѣдъ и самъ подаетъ завшпракъ. Какъ скоро ушихъ эшопгъ неудобослышимый шумъ шоржеспвеннаго привѣспшвія, Лукулль выпунилъ впередъ, держа въ рукахъ колосальный поднось, на которомъ удобно можно было бы выпспроить кабакъ съ библиошекою для чпенія: на немъ спояли два большіе портерные кошла, одинъ съ кофеемъ, а другой со сливками; Римская слѣзная урна, служащая вмѣспо чашки; Египетская гранишная гробница, обращенная въ ящикъ для сахара, и старая сороковая бочка, наполненная суха-

*

рями и бисквидами, для завшрака грозному обладашелю ада.

Сашана вынулъ изъ гробницы огромную глыбу квасцовъ, — ибо онъ ни какого сахара, даже и свекловичнаго, даже и поспнаго, шерпъшь не можешъ, — и положилъ ее въ урну; налилъ изъ одного коцпа чиспаго Смоленскаго дегню, упошребляемаго имъ вмѣсто кофейнаго ошвара, а изъ другаго подбавилъ купороснаго масла, замѣняющаго въ аду сливки, и черную исполинскую лапу свою погрузилъ въ бочку, чшобы досташъ пару сухарей.

Но въ аду и сухари не похожи на наши: у насъ они печѣные, а шамъ печашанные. Попивая свой адскій кофе, царь чершей, преупонченнй гаспрономъ, спрашно любилъ пожирашъ наши несчастныя книги въ спишахъ и прозъ; полсшыя и шонкiя различнаго формапа произведенiя нашихъ земскихъ Словесностей; помы Логикъ, Психологiй и Энциклопедiй; собранiя Разусканiй, коими ничего не опыскано; Испорiй, въ коихъ ничего не сказано; Рипорикъ, копорыя ничему не выучили, и Разускденiй, копорыя ничего не доказали, — особенно, всякiя большiя поэмы, описашельныя, повѣспвовашельныя, правоучишельныя, философскiя, эпическiя,

дидактическія, классическія, романтическія, прозаическія, и проч., и проч. Съ нѣкопорого времени, однако жъ, онъ примѣшилъ, что эпошъ родъ пирожнаго обременялъ его желудокъ, и пошому приказалъ подавашъ къ завѣраку шолько новыя Повѣсти Историческія, писанныя по послѣдней модѣ; новыя Мелодрамы; новыя Трагедіи въ шестипи, семи и девяти карпинахъ; новыя Романы въ спискахъ и Романы въ родѣ Валперъ-Скопша; новыя сипихопворныя Размышленія, Сказки, Мессеніяны и Баллады, — какъ несравненно легче первыхъ, обильно переложенные бѣлыми страницами, набранныя очень рѣдко, растворенныя почками и виньешками и пощипи споль же безвредныя для желудка и головы, какъ и обыкновенная бѣлая бумага. Сухари эщи прописалъ ему придворный его Лейбъ-Медикъ, извѣстный Докпоръ Медицины и Хирургіи, Иппокрашъ, убившій на землѣ своими рецепшами 120,000 человекъ и за шо возведенный людьми въ санъ опщевъ врачебной науки, — впрочемъ, умный прокляшый, копорый доказываешъ, что въ нынѣшнемъ вѣкѣ мяшежей и прюфлей весьма полезно имѣшъ нѣсколько свободный желудокъ.

Сатана вынулъ изъ бочки чешыре небольшіе тома, красиво переплетенныя и казав-

шіея очень вкусными; обмакнулъ ихъ въ своею кофе, положилъ въ рошъ, раскусилъ пополамъ, пожевалъ и — вдругъ сморщился ужасно.

— «Гдѣ чоршъ фонъ - Аусгабе?» вскричалъ онъ съ сердишымъ видомъ.

Мгновенно выскочилъ изъ шолпы духъ огромнаго роспа, плошннй, жирннй, румяннй, въ спарой прехъ-угольной шляпѣ, и ударилъ челомъ повелипелю. Это былъ его Библиошекаръ, бѣсъ чрезвычайно ученый, прежде-бывшій Нѣмецкій Gelehrter; который зналъ наизуспъ полныя заглавія всѣхъ сочиненій, могъ высказать наперечепъ всѣ издавія, помнилъ сколько въ какой книгѣ страниць и презиралъ по, чпѣ на страницахъ, какъ пуспую Словесность, — исключая опечашки, кои почишалъ онъ, однѣ лишь изо всѣхъ произведеній ума человѣческаго, доспойными особеннаго вниманія.

— «Негодяй! какіе прислалъ пы мнѣ сухари?» сказалъ гнѣвннй Сапана. «Они черспвы, какъ дрова.»

— «Ваша Мрачность!» опвѣчалъ испуганннй бѣсъ: «другихъ не могъ доспанъ. Правда, чпо сочиненія нѣсколько спарыя; но за по какія издавія! — самыя новыя, полько-чпо изъ печаши.»

— «Сколько разъ говорилъ я себѣ, что не люблю вещей разогрѣтыхъ?... Припомъ же, я приказалъ подавашь себѣ только легкое и пріятное, а ты подсунулъ мнѣ что-то такое жесткое, сухое, безвкусное....»

— «Мрачнѣйшій повелитель, смѣю увѣрить васъ, что это лучшія творенія нашего времени.»

— «Это лучшія творенія вашего времени?... Такъ, ваше время ужасно глупо!»

— «Не моя вина, Ваша Мрачность: я Библиошечарь, глупостей не произвожу, а только привожу ихъ въ порядокъ и систематически располагаю. Вы изволили говорить, что сухари не довольно легки: легче эгихъ и желашь не возможно: въ цѣлой этой бочкѣ, въ кошорой найдете вы всю прошлогоднюю Словесность, нѣтъ ни одной швердой мысли. Если же они не такъ свежи, то виновашь вашъ пьяный Харонъ, кошорый, не далѣе вчерашняго дня, сорокъ корзинъ произведеній послѣднихъ чешырехъ мѣсяцевъ, во время перевозки, уронилъ въ Лешу....» —

Между тѣмъ, какъ Библиошечарь всячески оправдывался, Сашана, изъ любопытства, опкинулъ обершку оснававшегося у него въ рукахъ куска книги, и увидѣлъ слѣдующій

оспашокъ заглавія: «.....ецъо-манъ ..торич...., сочин..... а..... 830.»

— «Что это такое?» сказалъ онъ, пяля на него грозные глаза. «Это даже не разогрѣтое?... Э?... смопри: 1830 года?...»

— «Видно, оно не споило того, чтобы разогрѣвать,» примолвилъ толстый бѣсъ, съ глупою улыбкой.

— «Да это съ макомъ!» воскликнулъ Сапана, разсмолвѣвъ внимательнѣе пошъ же кусокъ книги.

— «Ваша Мрачность! скорѣе уснете послѣ такого завшрака,» опвѣчалъ бѣсъ, опяшь улыбаясь.

— «Ты меня обманываешь, да ты же еще и смѣешься!...» заревѣлъ Сапана въ адскомъ гнѣвѣ. «Поди ко мнѣ поближе.» —

Толстый бѣсъ подошелъ къ нему со спрахомъ. Сапана поймалъ его за ухо, поднялъ на воздухъ какъ перышко, положилъ въ лежащій подлѣ него шести-аршинный фоліантъ Сочиненій Аристошеля на Греческомъ языкѣ, доставшійся ему въ наслѣдство изъ Библиошеки покойнаго Плутона, зашворилъ книгу, и самъ на ней усѣлся. Подъ тяжесью гигантскихъ членовъ подземнаго власпелина, несчастный смопришелъ адова книгохранилица въ одно мгновеніе сплюснулся, между

жескими спраницами классической прозы, наподобіе сухаго лиспа мяшы. Сашана опредѣлилъ ему, въ наказаніе, служилъ закладкою для сей книги въ продолженіе 1111 лѣтъ: Сашана надѣешся, въ эпоэ время, добилъся смысла въ сочиненіяхъ Ариспопеля, копорья чашаешъ онъ почпи безпрерывно. Пущое!...

— «Прійщи мнѣ изъ прокляпыхъ, на мѣшо эпоэго педанша, кого либо поумнѣе,» сказалъ онъ, обращаясь къ Верховному Визирю и любимцу своему, Вельзевуэу. «Я намѣренъ сдѣлать, со временемъ, моимъ книгохранишелемъ шого великаго Библиошекаря и Профессора, копорый недавно произвелъ на Сѣверѣ шакую ужасную сумашоку. Когда онъ къ намъ пожалуешъ, пы немедленно введи его въ должность: шолько не забудь приковать его крѣпкою цѣпю къ полу библиошеки; не шо онъ гошовъ и у меня, въ аду, выкинушь революцію и учредишь конспиршущіонные бюджешы.»

— «Слушаю!» ошвѣчалъ Визирь, кланяясь въ поясъ и съ благоговѣніемъ цѣлуя конецъ хвоста Сашаны.

Царь чершей спалъ копашся въ бочкѣ, ища лучшихъ сухарей. Онъ взялъ Гернани, Исповѣдь, Пешра Выжигина, Notre-Dame-de-

Рагіс, Рославлева, Шемякинъ Судъ, и кучу другихъ опличныхъ сочиненій; сложилъ ихъ ровно, помочилъ въ урнѣ, вбилъ себѣ въ рошъ, проглотилъ и запилъ дегнемъ. И надобно знашь, чпо какъ скоро Сапана съѣсшъ какую нибудь книгу, слава ея на землѣ вдругъ исчезаетъ, и люди забываютъ объ ея существованіи. Вопшъ, почему сполько плодовъ авпорскаго генія, сначала пріобрѣвшихъ громкую извѣстность, впоследствии внезапно попадающъ въ совершенное забвеніе: Сапана выкушалъ ихъ съ своимъ кофе!... Опомъ нѣшъ ни слова ни въ одной Испоріи Словесности; однако жъ эшо вещь официальная.

Повелишель ада съѣлъ такимъ образомъ въ одинъ завшракъ Словесность нашу за цѣлый годъ: у него шогда былъ чертовскій апешисъ. Кушая свой кофе, онъ бросалъ безпокойный взоръ на залу и на присутствующихъ. Чшо-шо шакое безпокойло его зрѣніе: онъ чувствовалъ въ глазахъ непріятную рѣзь. Вдругъ, посмошрѣвъ вверхъ, онъ увидѣлъ въ пошолкѣ расщелину, чрезъ которую пробивались послѣдніе лучи заходящаго на землѣ солнца. Онъ шопчасъ угадалъ причину боли глазъ своихъ, и вскричалъ:

— «Гдѣ Архитекторъ?... Гдѣ Архитекторъ?... Позовите ко мнѣ этого вора.» —

Длинный, блѣдный, сухощавый проклятый пробился сквозь ползу, и предспалъ предъ Его Нечистою Силою. Онъ назывался Донъ-Диэго-да-Буфало. При жизни своей спроектировалъ онъ соборную церковь въ Саламанкѣ, изъ кошорой укралъ ровно при спѣны, увѣривъ казенную Юнпу, имѣвшую надзоръ надъ эпою поспройкою, что загошовленный кирпичъ распаялъ онъ непрерывныхъ дождей и испарился онъ отъ солнца. За сей славный зодческій подвигъ онъ былъ назначенъ, по смерти, придворнымъ Архитекторомъ Сатаны. Въ аду мѣста даюся только истинно достойнымъ.

— «Мошеникъ!» воскликнулъ Сатана гнѣвно (онъ всегда шакъ восклицаетъ, разсуждая съ своими чиновниками): «всякій день подаешь мнѣ длинные счефы издержкамъ, будно упопробленнымъ на починку моихъ чершоговъ, а между-тѣмъ куда ни взгляну, повсюду пропасть дыръ и расщелинъ?...»

— «Спарыя зданія, Ваша Мрачность!» отвѣчалъ проклятый, кланяясь и беспыдно улыбаясь. «Спарыя зданія..., ежедневно болѣе и болѣе приходящъ въ вепхосшь. Эша расщелина произошла онъ послѣдняго земле-

прясенія. Я уже нѣсколько разъ имѣлъ честь представлять Вашей Нечистой Силѣ, чпобъ было позволено мнѣ сломать весь эпосъ адъ и выпроить вамъ новый, въ нынѣшнемъ вкусѣ.»

— «Не хочу!...» закричалъ Сапана: «не хочу!... Ты имѣешь въ предметѣ обокрасить меня при эпосѣ случаѣ, попомъ выпроить себѣ гдѣ нибудь адишко изъ моего маперіалу, подъ именемъ швоей племянницы, и жить маленькимъ сапаною. Не хочу!... По моему, эпосъ адъ еще весьма хорошъ: очень жарокъ и шемень, какъ нельзя лучше. Сдѣлай мнѣ только планъ и смѣшу для починки пошолка.»

— «Планъ и смѣша уже сдѣланы. Вопъ они. Извольте видѣть: надобно будетъ поспавить двѣ тысячи колоннъ въ Гошическомъ вкусѣ: теперь Гошическія колонны въ большой модѣ; сдѣлашь Греческій фронтонъ въ видѣ шрехъ-угольной шляпы: безъ этого нельзя жъ!...; перемѣнишь архитраву; большую дверь задѣлашь въ эпою спѣнъ, а пробишь другую въ прошивоположной; переложить полъ; спѣны украсишь каріатидами; сломать старый дворецъ, для отккрытія проспекта со стороны Таршара; поспроить два новые флигеля, и лопнувшее въ пошолкѣ мѣ-

*моды
моды
моды
моды
моды*

спо замазашъ алебаспромъ, — тогда солнце опниюдь не будетъ безпаконшь Вашей Мрачности.»

— «Какъ?... что?...» воскликнулъ Сапана въ изумленіи. «Всѣ эти поспройки и переспройки по поводу одной дыры?»

— «Да, Ваша Мрачность! Точно, по поводу одной дыры. Архипекпура предписываетъ намъ, задѣлывая одну дыру, немедленно пробивать другую, для симметріи....»

— «Послушай, плушь! переспань обманывай меня! Вѣдь я шебъ не членъ Испанской Строительной Юншы.» —

Проклятый поклонился въ землю, плушовски улыбаясь.

— «Велю замазать шебя съ глиною и передѣлать на кирпичъ, для починки печей въ геешнѣ....» —

Онъ опять улыбнулся и поклонился.

— «Да и любопытно мнѣ знать, сколько все это стоило бъ по швоимъ предположеніямъ?»

— «Бездѣлицу, Ваша Мрачность. При должной бережливости, производя эти починки хозяйственнымъ образомъ, съ соблюденіемъ казеннаго инпереса, онъ обойдется только въ 9,987,408,558,777,900,0009,675,999 червонцевъ, 99 шпиверовъ и 49½ центовъ. Де-

шевле никшо вамъ не починишь эшого по-
полка.» —

Сапана сморщился, призадумался, почесалъ
голову и сказалъ: — «Нѣшь денегъ!... Те-
перь время шрудное, холерное....» —

Онъ пропянулъ руку къ бочкѣ: всѣ посмо-
прѣли на него съ любопытствомъ. Онъ выпаш-
щилъ изъ нея двѣ полшпыя книги: *Умозри-
тельную Физику В**** и *Курсъ Умозрительной
Философiи Шеллинга*; раскрылъ ихъ, разсмо-
прѣлъ, ошпы закрылъ, и вдругъ швырнулъ
ими въ лобъ Архисекшору, сказавъ: «На!...
возьми эши двѣ книги и заклеи ими расще-
лину въ пополкѣ: чрезъ эши умозрѣнiя ни-
какой свѣшь не пробьешся.» —

Мешко брошенныя книги пролешъли сквозъ
пусшую голову пѣни бывшаго Архисекшора,
шочно шакъ же, какъ пролешаешъ полный
курсъ Университетскаго ученiя сквозъ поро-
жнiя головы иныхъ *баричей*, — не оспавивъ
послѣ себя ни малѣйшаго слѣда, — и упали
позади его на полъ. Архисекшоръ улыбнулъ-
ся, поклонился, поднялъ глубокоумдрыя со-
чиненiя, и пошелъ заклеивашъ ими попо-
локъ.

Нѣмецкiй студентъ, приговоренный въ
Майнцѣ къ аду за учаше въ Союзъ Добро-
дѣтели, шепнулъ ***ову, извѣстному люби-

пелю Канша, Окена, Шеллинга, магнети́зма и пьннику:

— «Эпошъ скряга, Сашана, шочно шакъ судишъ о Философїи и умозришельности, какъ ***ой о древней Россійской Испорїи.»

— «Неудивительно!...» опвѣчалъ ***овъ оъ презрѣніемъ. «Онъ врагъ всякому движенію умспвенному....»

— «Чпо?...» вскричалъ сердипо Сашана, кошорый вездѣ имѣетъ своихъ лазупчиковъ, и все слышишъ и видишъ: «чпо шакое вы сказали?... Еще смѣете разсуждашь!... Подише ко мнѣ, шушы! Научу я васъ дѣлашь свои замѣчанія въ моемъ аду!» —

Черши, смопрящїе за порядкомъ въ залѣ, привели къ нему дерзкихъ пипомцевъ любо-мудрїя. Сашана схватилъ одного изъ нихъ за волосы, поднялъ на воздухъ, подулъ ему въ носъ и сказалъ: — «Поди, шалунъ, въ геенну чихашъ два раза всякую секунду въ продолженіе 3333 лѣшъ; а шы, опчаянный философъ,» примолвилъ онъ, обращаясь къ ***ову: «сиди подлѣ него и приговаривай: Желаю вамъ здравствивовашъ! Подише прочъ, дураки!» —

Засимъ, обратился онъ къ Визирю своему, Вельзевуѳу, и спросилъ о дневной очереди. Визирь опвѣчалъ, чпо въ шошъ вечеръ

должны были докладывать ему Оберъ-Предсѣдатель мяшежей и революцій, Первый Лордъ - Дьяволъ Журналистики, Великій Чорпъ Словесности и Главноуправляющій супружескими дѣлами.

=

Предспаль чорпъ старый, гадкій, оборванный, изувѣченный, грязный, опшрапшительный; со включенными волосами, съ однимъ выдолбленнымъ глазомъ, съ однимъ сломаннымъ рогомъ, съ когпами какъ у гienны, съ зубами безъ губъ какъ у шрупа и съ большимъ пластыремъ, прильпленнымъ сзади, пониже хвоста. Подъ мышкою торчала у него кипа бумагъ, обрызганныхъ грязью и кровію; на головѣ, спарая кучерская лакированная шляпа; на шляпѣ, прехъ-цвѣшная кокарда; за поясомъ, кинжалъ и пара пистолетовъ; въ рукахъ, дубина и ржавое ружье безъ замка. Карманы его набиты были камнями изъ мостовой и кусками бушмочнаго стекла.

Всякъ, и шопъ даже, кшо не бывалъ въ Парижъ, легко угадалъ бы по его наружности, чшо эшо долженъ бытъ змой-духъ мяшежей, буншовъ, переворощовъ.... Онъ назывался Ашваропъ.

Онъ предсхаль, поклонился и перекувырнулся раза шри на воздухъ, въ знакъ глубочайшаго почшенія.

— «Ну, что?...» спросилъ царь чершей: «что новаго у тебя слышно?»

— «Ревность къ пресполу Вашей Мрачности, всегда руководившая слабыми усиліями моими, и должная заботливость о пользахъ ввѣренной мнѣ часши....»

— «Спой!» воскликнулъ Сашана: «я знаю наизусть это предисловіе: всѣ доклады, въ которыхъ ни о чемъ не говорится, начинающіяся съ ревности къ моему пресполу. Говори мнѣ, корешко и ясно, сколько у тебя новыхъ мяшежей въ работѣ.»

— «Нѣтъ ни одного порядочнаго, Ваша Мрачность, кромѣ бунша Паши Египетскаго пропивъ Турецкаго Сулшана. Но объ немъ не спитъ и докладываетъ, пошому, что дѣло между бусурманами.»

— «А зачѣмъ нѣтъ ни одного?» спросилъ грозно Сашана. «Не далѣе какъ въ прошломъ году, восемь или девять мяшежей было начашыхъ въ одно и то же время. Что ты съ ними сдѣлалъ?»

— «Кончились, Ваша Мрачность.»

— «По швоему шпости, недѣяшельности, шности; по шему нерадѣшю....»

— «Опшюдь не по шому, Мрачнѣйшій Сапана. Вашей Нечиспой Силѣ извѣсно, съ какимъ усердіемъ дѣйствоваль я всегда на пользу ада; какъ неупомимо ссорилъ людей между собою: доказательствомъ шому, сломанный рогъ и пошерянный глазъ, кошорый имѣю честь предшавишь....»

— «Объ эшомъ глазъ полкуешь шы мнѣ 800 лѣшь сряду: я чипаль, помнишь, въ сочиненіяхъ Болландисшовъ, что его вышибъ шебъ башмакомъ извѣстный Пепръ Пустышникъ, во время перваго Крешоваго похода, а рогъ шы сломаль еще въ началѣ XVII вѣка, когда, подружившись съ Іезуишами, зашѣль на Сѣверъ глупую шушку прикинушья нѣсколько разъ сряду Димиприемъ....»

— «Конечно, Мрачнѣйшій Сапана, что эши раны немножко шары; но, подвизаясь не-преспанно за вашу славу, шеперь вновь я опасно раненъ, именно, въ спычкѣ, послѣдовавшей близъ Кракова, когда съ ошашками одной *достолавной* революціи принужденъ былъ уходишь бѣгомъ на Авспрійскую границу. Если Ваша Мрачность не вѣрише, по, съ вашего позволенія, извольше посмопрѣшь сами....» —

И оборотясь спиною къ Сапанѣ, онъ поднялъ рукою вверхъ свой хвоспъ, и показаль

пластырь, прильпленный у него сзади. Сашана и все адское собраніе расхохотались, какъ сумасшедшіе.

— «Ха, ха, ха, ха!... бѣдный мой Оберъ-Предсѣдатель мяшежей!...» воскликнулъ повелитель ада въ веселомъ расположеніи духа. «Кто же тебя уязвилъ такъ безчеловѣчно?»

— «Донской казакъ, Ваша Мрачность, своимъ длиннымъ копьемъ. Это было очень забавно, хотя кончилось непріятно. Я поразскажу вамъ все, какъ чшо было, и въ нѣсколькихъ словахъ опдамъ полный опчетъ въ послѣднихъ революціяхъ. Во-первыхъ, Вашей Мрачности извѣстно, что, года два тому назадъ, я произвелъ прекрасную суматоху въ Парижѣ. Люди дрались и рѣзались дня при сряду, какъ шигры, какъ разъяренные Испанскіе быки; кровь лилась, дома горѣли, улицы наполнялись шрупами, и никто не зналъ, о чемъ идееть дѣло....»

— «Ахъ, славно!... вопъ славно!... вопъ прекрасно!» воскликнулъ Сашана, попирая руки опъ радости. «Чшо жъ далѣе?»

— «На четвершый день, я примирилъ ихъ на шомъ условіи, что царъ будетъ у нихъ государемъ, а народъ царемъ....»

— «Какъ?... какъ?...»

— «На помъ условіи, Ваша Мрачность, что царь будетъ государемъ, а народъ царемъ.»

— «Что это за чепуха?... Я такого условія не понимаю.»

— «И я тоже. И никто его не понимаетъ. Однако, люди приняли его съ восхищеніемъ.»

— «Но въ немъ нѣтъ ни капли смысла.»

— «Потому-то оно и замысловато.»

— «Быть не можетъ!»

— «Клянусь проклятымъ хвостомъ Вашей Мрачности.»

— «Что жъ изъ этого выйдетъ?»

— «Вышла прекрасная штука. Этою сделкой, я такъ задушалъ дураковъ людей, что они теперь ходятъ какъ опьянѣвшіе, какъ шальные. ...»

— «Но мнѣ какая отъ этого польза? Лучше бы ты оставилъ ихъ драхаться долѣе.»

— «Напроставъ этого, польза очевидна. Подравшись, они переспали бѣ драхаться, между тѣмъ какъ, на основаніи этой сделки, они будутъ ссориться ежедневно, будутъ непрестанно убивать, душишь, разспрѣливать и испреблять другъ друга, доколь царь или народъ не сдѣлаются полнымъ Царемъ и Государемъ. Ваша Мрачность будете отъ сего получать ежегодно вѣрнаго

дохода по крайней мѣрѣ 40,000 погибшихъ душъ.»

— «Вене!» воскликнулъ Сатана и, опъ удовольствіи, нюхнулъ въ одинъ разъ при чепверпи и два чепверика желѣзныхъ опилковъ, вмѣспо пабаку. «Что жъ далье?»

— «Далье, Ваша Мрачность, есть въ одномъ мѣспѣ, на землѣ, нѣкопорый безыменный народъ, живуцій при большомъ болопѣ, копорый съ другимъ, весьма извѣспнымъ народомъ, живуцимъ въ болопѣ, соспавлялъ одно цѣлое. Не знаю, слышали ль вы когда нибудь про эпопъ народъ, или нѣпъ?»

— «Право, не помню. А чѣмъ онъ занимается; эпопъ безыменный народъ?»

— «Прежде онъ кралъ книги у другихъ народовъ, и перепечашывалъ ихъ у себя; такъ же дѣлалъ превосходныя кружева и блонды, и былъ намъ, черпямъ, весьма полезенъ, ибо, за его кружева и блонды, множество прекрасныхъ женщинъ предавались въ наши руки. Теперь онъ ничего не дѣлаешъ: разорился, обѣднѣлъ, и не въ прокъ ни попу ни чорпу: полько мелешъ вздоръ и сочиняешъ газетны, копорыхъ никпо чипашъ не хочешъ.»

— «Нѣпъ, никогда не слыхалъ я о шакомъ народѣ!...» примолвилъ Сатана и.... чихъ!...

громко чихнулъ на весь адъ. Всѣ проклятыя шихо закричали: ура!!!... а въ Брюссельскихъ газетахъ на другой день было напечатано, что Голландцы ночью подъѣхали подъ Брюссель и выспрыгали вдругъ изъ двухъ сотъ пушекъ.»

— «Эпопъ приболотный народъ,» продолжалъ чоршъ мяшежей, жилъ въкопорое время довольно дружно съ упомянутымъ народомъ болошнымъ; но я разсорилъ ихъ между собою и, изъ приболотнаго народа, сдѣлалъ особое приболотное царство, въ копоромъ поже положилъ правиломъ, чшобы неизвѣстно было, кшо царь, а кшо гсударь. Въ слѣдствіе сего, Ваша Мрачность, можете надѣяться опшуда еще на 10,000 погибшихъ годового дохода.»

— «Gut!» сказалъ Сапана. «Что жъ далѣе?»

— «Пошомъ, я пошевелилъ еще одинъ народъ, жившій благополучно на сыпучихъ пескахъ по обѣимъ споронамъ одной большой сѣверной рѣки. Вопъ ужъ былъ испинно забавный случай! Никогда еще не удавалось мнѣ шакъ славно надушь людей, какъ въ эпомъ дѣлъ: да, правду сказашь, никогда и не попадался мнѣ народъ шакъ легковѣрный. Я шакъ искусно наспроилъ ихъ, шакъ вскружилъ имъ голову, запушалъ всѣ поняшя,

что они дрались как сумасшедшие в печение нескольких месяцев, гибли, погибли, и теперь еще не могут дать себя опчеша, за что дрались и чего хошъли. При сей оказіи, я имѣлъ счастье доставить вамъ слишкомъ 100,000 самыхъ опчаянныхъ проклятыхъ.»

— «*Барзо добже!*» примолвилъ Сапана, который собаку съелъ на всѣхъ языкахъ. «Что же далѣе?»

— «Послѣ этихъ прехъ *достославныхъ* революцій, я удалился въ Парижъ, главную мою кварширу, и, опъ скуки, написалъ ученое Разсужденіе: *О верховной власти сапожниковъ, поденищниковъ, извоищниковъ, наборищниковъ, нищихъ, бродягъ и проч.*, которое желаю имѣть честь посвятить Вашей *Мрачности.*»

— «Посвяти его своему пріятелю, человеку обоихъ свѣшовъ,» возразилъ Сапана съ суровымъ лицомъ. «Мнѣ не нужно швоего сочиненія: желаю знать, чѣмъ кончилась ша революція, копорую зашъялъ ты гдѣ-то на пескахъ, надъ рѣкою, на Сѣверъ.»

— «Ничѣмъ, Ваша *Мрачность.* Она кончилась шѣмъ, что насъ разбили и разогнали, и что, въ замѣшательствѣ, брадашый казакъ, который вовсе не знаетъ шолку въ *достославныхъ* революціяхъ, кольнулъ меня

жеспоко à posteriori, какъ вы сами лично изволили свидѣтельствовать.»

— «Что же далѣе?»

— «Далѣе ничего, Мрачнѣйшій Сашана. Теперь я увѣчный, инвалидъ, и пришелъ проситься у Вашей Нечистой Силы въ отпускъ за границу на шесть мѣсяцовъ, къ теплымъ водамъ, для излеченія раны....»

— «Отпуска не получишь,» вскричалъ спрашный повелитель черпей: «во-первыхъ, ты его не достоинъ, а во-вторыхъ, ты мнѣ нуженъ: дѣла дипломатическія, говорящъ, все еще весьма запушаны. Но возвратимся къ своей часпи. Ты рассказалъ мнѣ только о прехъ революціяхъ: куда же дѣвались оспальныя? Ты еще недавно хваспалъ, будто въ одной Германіи завелъ ихъ пять или шесть.»

— «Не удались, Ваша Мрачность.»

— «Какъ не удались?»

— «Что жъ мнѣ дѣлать съ Нѣмцами, когда ихъ расшевелишь невозможно!... Извольте видѣть: вопшь и шеперь еспь у меня съ собою нѣсколько десяшковъ Нѣмецкихъ возмушительныхъ прокламацій, рѣчей, произнесенныхъ въ Гамбахѣ, и полныхъ экземпляровъ газетшы Die deutsche Tribune. Я раскидываю ихъ по всей Германіи, но Нѣмцы чи-

шаюшъ ихъ съ такимъ же опчаяннымъ хладнокровіемъ, съ какимъ пьюшъ они пиво со льдомъ и шанцуюшъ вальсъ подъ музыку: Mein lieber Augustin!... Нѣсколько сумасшедшихъ Студентовъ и Докторовъ Правъ безъ прописанія кричащъ, проповѣдуюшъ, мечущся; но эшо не производишъ ни какого дѣйствія въ народѣ. Мнѣ ужъ эши Нѣмцы надоѣли: увѣряю Вашу Мрачность, чшо изъ нихъ никогда ничего не выйдешъ. Даже и проклятые изъ нихъ не надежны: они холодны до такой степени, чшо вамъ всѣми огнями ада и разогрѣшъ ихъ не удастся, не шо чшобъ сжаришъ, какъ слѣдуешъ.»

— «Чшо же ты сдѣлалъ въ Ишаліи?»

— «Ничего не сдѣлалъ.»

— «Какъ, ничего!... когда я приказалъ всего болѣе дѣйствовать въ Ишаліи, и даже общалъ щепотку табаку, если успеешь перевернуть вверхъ ногами Папскія владѣнія.»

— «Вы приказали, и я дѣйствовалъ. Но Ишаліянцы настоящія бабы. Въ началѣ сего года, учредилъ я между ними прекрасный заговоръ: они поклялись, чшо опвагою и мяшежническими доблестями превзойдушъ древнихъ Римлянъ, и я имѣлъ причину ожидать полного успѣха, какъ вдругъ, ночью, Ваша Мрачность изволили слишкомъ громко....»

съ позволенія сказаць... кашльнуць, чпо ли?... шакъ, чпо земля малѣнько попряслась надъ вашею спальнею. Мои герои, испугавшись землетрясенія, побѣжали къ своимъ капуцинамъ, и высказали имъ на исповѣди весь нашъ заговоръ, — и всѣ были посажены въ шюрму. Я самъ находился въ ужасной опасности, и едва успѣлъ спасти жизнь: какой-то капуцинъ гнался за мною, съ кропиломъ въ рукѣ, чрезъ всю Болонію. Къ Риму подходишь я не смѣю: вамъ извѣстно, чпо еще въ V вѣкѣ заключенъ съ нами договоръ, подлинная граммаша коего, писанная на бычачей шкурѣ, хранишся понынѣ въ Вашиканской Библиотекѣ между шайными рукописями: эшимъ договоромъ черши обязались не приближаться къ стѣнамъ Рима на десяшь миль кругомъ....»

— «У шебя на все своя ошговорка,» возразилъ недовольный Сашана: «по швоей лѣноспи, выходишь, чпо въ нынѣшнее время одни лишь черши будущъ свяшо соблюдашь договоры. Ну, чпо въ Англіи?»

— «Покамѣспъ, ничего; но будешъ, будешъ!... Теперь прошелъ билль о реформѣ, и я вамъ обещаю, чпо лѣшь чрезъ нѣсколько подниму вамъ въ шомъ краю чудесную бурю. Только пошерпише немножко!...»

— «И шакъ, шеперь рѣшишельно нѣтъ у шебя ни одной револуціи?»

— «Рѣшишельно ни одной, Ваша Мрачность! кромѣ нѣсколькихъ пекущихъ мяшежей и буншовъ по уздамъ въ конспируціонныхъ Государствахъ, гдѣ эшо въ порядкѣ вещей и необходимо для удосповѣренія людей, чшо они дѣйствительнo пользуются свободою, шо есть, чшо они безпрепятственнo могутъ разбивать другъ другу головы во всякое время года.»

— «Однако, любезный Аспаропъ, я увѣренъ, чшо ежели ты захочешь, шо все можешь сдѣлать,» присовокупилъ царь чершей. «Поспайся, голубчикъ! пошевелись, похлопочи....»

— «Спайраюсь, бѣгаю, хлопочу, Ваша Мрачность! но шрудно: времена перемѣнились.»

— «Ошъ чего же, шакъ, перемѣнились?»

— «Ошъ шого, чшо люди не слишкoмъ спали мнѣ вѣришь.»

— «Люди не спали шебѣ вѣришь?...» воскликнулъ изумленный Сашана. «Какъ же эшо случилось?»

— «Я слишкoмъ долго обманывалъ ихъ обѣщаніями блиснапельной будущности, богатства, благоденствія, свободы, шишины и порядка, а изъ моихъ револуцій, конспи-

шущій, камеръ и бюджетовъ выпли только гоненія, шюрмы, нищеня и разрушеніе. Теперь ихъ не такъ легко надуешь: они сдѣлались чрезвычайно умны.»

— «Молчи, дуракъ!» заревѣлъ Сашана спрашнымъ голосомъ. «Какъ ты смѣешь лгать предо мною такъ безсовѣстно? Будто я не знаю, что люди никогда не будутъ умными?...»

— «Однако, увѣрю Вашу Мрачность....»

— «Молчи!...» —

Чорпъ мяшежей, по врожденной наглости, хопѣлъ еще ошвѣчапъ Сашанъ, какъ шопъ, въ ужасномъ гнѣвѣ, соскочилъ съ своего сѣдалища и бросился къ нему, съ пылающимъ взоромъ, съ разинушою паспью, съ распроспершими когпями, какъ будто гошоваясь расшерзашъ его.

Ашарошъ бѣжашъ! — Сашана за нимъ!...

Прокляшые, со спраха, спали пряташься въ диркахъ и расщелинахъ, влезашъ на карнизы, искашъ убѣжища на пополкъ. Сумапоха была ужасная, какъ во Французской Камерѣ Депушашовъ при совѣщаніяхъ о водвореніи внушрешняго порядка или о всеобщемъ мирѣ.

Сашана гонялся за Ашарошомъ по всей залѣ; но Оберъ - Предсѣдатель революцій,

испивно съ черповскою ловкосью, всегда успѣвалъ ускользнуть у него, почпи изъ рукъ. Это продолжалось нѣсколько минушь, въ печеніе коихъ они пробѣжали другъ за другомъ 2000 верспъ, въ разныхъ направле- нійхъ. Наконецъ повелипель ада поймалъ ко- варнаго министра своего за хвостъ....

Поймавъ и держа за конецъ хвоста, онъ поднималъ его на воздухъ и сказалъ, съ ад- скою насмѣшкой:

— «А!... шы полкуешь мнѣ объ умѣ лю- дей!... Поспой же, негодай!... Смощри, чпобы немедленно произвелъ мнѣ гдѣ нибудь между ними революцію, подѣ какимъ бы шо ни было предлогомъ: иначе, я шебя!... quos ego!... какъ говоришь Виргилій....» —

И, въ пылу классической угрозы, повер- шѣвъ имъ нѣсколько разъ надѣ своею голо- вою, онъ бросилъ его вверхъ со всего раз- маху.

Бѣдный чорпъ мяшежей, пробивъ собою сводъ ада, вылепѣлъ въ надземный воздухъ, и нѣсколько часовъ сряду лепѣлъ въ немъ какъ бомба, брошенная изъ большой Пер- кинсовой морпиры. Аспрономы направили въ него свои шелескопы и, примѣпивъ у него хвостъ, приняли его за комешу: они пошчасъ исчислили, во сколько времени со-

вершинъ она путь свой около солнца и, для успокоенія умовъ слабыхъ и суевѣрныхъ, издали ученое разсужденіе, говоря: «Не бой-«шесь! эпо не чорпъ, а комета.» — Г. Е*** напечаталъ въ Сѣверной Пчелѣ, что хопя эпо, можешь спашься, и не комета, а чорпъ, но онъ не упадетъ на землю: напрошивъ пого, онъ сдѣлаешя луною, какъ по уже предсказано имъ назадъ шому лѣшъ двадцашъ. — Теперь, послѣ изобрѣшенія Фрауенгоферова телескопа, и лепучая мышъ не укроешя въ воздухъ онъ Астрономовъ: они всѣхъ ихъ произведущъ въ небесныя свѣшила.

Между шѣмъ, чорпъ мяшежей лешѣль, лепѣль, лешѣль, и упалъ на землю, съ прескомъ и шумомъ, — въ самомъ ценпрѣ Парижа. Но черши, какъ кошки: паденія имъ не вредны. Астаронъ мигомъ приподнялся, оправился и немедленно спалъ кричашъ во все горло: «Долой Миниспровъ! — Долой Короля! — Да здравшвуешъ свобода! — Вивашъ Республика! — Вивашъ Лафайешъ! — Ура Наполеонъ II!» — спалъ бросаешъ въ окна камнями и бупылками, коими были наполнены его карманы; спалъ бишъ фонари и спрѣляшъ изъ пистолешовъ, — и въ одно мгновение вспыхнулъ ужасный буншъ въ Парижѣ.

Сатана, выбросивъ Аспаропа на землю, важно возврапился къ своему преспоу, възсълъ, выпыхался, понюхалъ опилокъ и сказалъ: — «Видишь, какой бездълъникъ!... Чпобъ ничего не дълалъ, онъ вздумалъ воспѣвалъ предо мною похвалы уму человѣческому!... Покорно прошу сказашъ, когда эпошь прославленный умъ былъ сильнѣе нашего искушенія?... Люди всегда будущъ люди. Охъ, эши любезные, дорогіе люди!... они на шо лишъ и годяпся чпо ко мнѣ въ прокляшые.... Кшо шеперь слѣдуешъ къ докладу?» —

=

Предспавыте себѣ черпѣнка, — вѣдь вы черпей видали? — предспавыте себѣ черпѣнка, роспомъ съ обыкновеннаго Губернскаго Секретаря, 2 аршина и $\frac{1}{4}$ вершка; съ пѣпущимъ носомъ, съ собачьимъ челомъ, съ порчащими ушами, съ рогами, съ клыками, съ когшями и съ длиннымъ хвостомъ; одѣшаго — какъ всегда одѣваюшся черши! — одѣшаго по Нѣмецки, въ чулкахъ, шшипыхъ изъ спарыхъ газешъ, въ шпанахъ изъ спарыхъ газешъ, въ длинномъ фракѣ изъ спарыхъ газешъ, съ высокимъ, аршинъ въ девять, оспироконечнымъ колпакомъ на головѣ, склееннымъ изъ

журнальныхъ коррекпуръ въ видѣ огромнаго шпига, на верхушкѣ коего сползъ бумажный флюгерокъ, верпящійся на деревянномъ пружикѣ и показывающій опкуда дуешь въперъ, — и вы будете имѣть поняшье о забавномъ лицѣ и форменномъ нарядѣ пресловутаго Бубаншуса, перваго Лорда - Діавола Журналистики въ службѣ Его Мрачности.

Бубаншусъ большой любимецъ повелителя ада: онъ исправляетъ при немъ двойную должность, придворнаго клеветника и издавателя ежедневной газеты, выходящей однажды въ нѣсколько мѣсяцовъ, подъ заглавьемъ: «Лгуны изъ лгуновъ.» Въ аду, это оффиціальная газета: въ ней, для удовольворенія любопытству царя пмы, помѣщаются одни только извѣстїя неосновательныя, ибо основательныя онъ находитъ слишкомъ глупыми и недостоинными его вниманія. И дельно!...

Съ совинымъ перомъ за ухомъ, съ чернымъ порпфелемъ подъ мышкою, весь запачканный желчию и чернилами, подошелъ онъ къ сдалищу суроваго обладателя подземнаго царства, и оспановился: оспановился, поклонился, сдѣлалъ пируэшь на одной ногѣ, и опяшь поклонился и сказалъ:

— «Имѣю честь рекомендовашься!...»

Сапана примолвилъ:

— «Любезный Бубанпушка, начинай скорѣе свой докладъ: полько говори короршко и умно, пошому, что я сердигь и скучаю...»—

И онъ звнуль ужасно, раскрывъ ротъ шире жерла горы Везувія: дымъ и пламя за- клубились изъ его горла.

— «Мой докладъ сочиненъ на бумагъ,» опвъ- чаль нечиспый духъ Журналиспики. «Какъ Вашей Мрачности угодно его слушашь: ро- маншически, или классически?... по. есть, снизу вверхъ, или сверху внизъ?»

— «Слушаю снизу вверхъ,» сказалъ Сашана. «Я люблю романшизмъ: шамъ все шемно и спрашно, и всякое шрешие слово бываепъ непременно *мракъ* или *мрачный*: эпо по мо- ей часпи.» —

Бубанпушь началъ пригошовляшься къ чпенію. Сашана присовокупилъ:

— «Садись, мой дорогой Бубанпушь, чтобъ шебъ было удобнѣе чипашъ.» —

Бубанпушь оборотился къ нему задомъ и поклонился въ поясъ: подъ землею, эпо при- няпый и сампий въжливый образъ изъявле- нія благодарности за приглашеніе садисься. Онъ окинулъ взоромъ залу и, нигдѣ не видя сшула, снялъ съ головы свой бумажный, шпи- це-образный колпакъ, посшавилъ его на по- лу, присѣлъ, сжался, прыгнуль на десяпъ

аршинъ вверхъ, вскочилъ и свлъ на самомъ флюгеркѣ его; свлъ удивительно ловко, — ибо вдругъ пошалъ онъ своимъ gestum на конецъ прупика и вопкнулся на него ровно, крѣпко и удобно, — принялъ важный видъ, вынулъ изъ поршфеля бумагу, обернулъ ее вверхъ ногами, чихнулъ, свисиулъ и приспунилъ къ чпенію съ конца, на романшической манеръ:

*«. и-проч., и-проч., слугю покорнѣйшимъ
«вашимъ пребыть честь Имѣю. невозможно
«людьми управлять иначе....*

— И-проч., и-проч.!...» воскликнулъ Сашана, прерывая чпеніе. «Визирь, слышалъ ли пы эпо начало? И-проч., и-проч.!... Нашъ Бубаншусъ, право, масшеръ сочиняшь. Доселъ спашьи романшическія обыкновенно начинались съ *И*, съ *Ибо*, съ *Однако жъ*; но никшо еще не началъ шакъ смѣло, какъ онъ, съ *и-проч.* Романшизмъ — славное изобрѣшеніе!»

— «Удивительное, Ваша Мрачность,» ошвчалъ Визирь, кланаясь.

— «На будущее время я не иначе буду говоришь съ шобою о дѣлахъ, какъ романшически, шо есть, наоборотъ.»

— «Слушаю, Ваша Мрачность!» примолвилъ Визирь: «эпо будешъ гораздо вразуми-

пельные. Въ самомъ дѣлѣ, испинно адекія понятія ни какимъ другимъ слогомъ не могутъ быть выражаемы такъ сильно и удобно, какъ романшическимъ.»

— «Какъ мы прежде того не догадались?» сказалъ царь чершей. «Я, вѣроятно, всегда любилъ романшизмъ?...»

— «Ваша Мрачность всегда имѣли вкусъ понкій и чершовскій.»

— «Читай,» сказалъ Сашана, обращаясь къ злomu - духу журналистики: «но повпори и по, что прочиталъ: мнѣ швой слогъ очень нравишя.» —

Бубаншусъ повпорилъ:

«. и-проч., и-проч., слугою покорнѣйшимъ вашимъ пребыть честь Имью....»

— «Какъ?... только слугою?» прервалъ опять Сашана: «шны въ шопъ разъ читалъ умнѣ.»

— «Только слугою, Ваша Мрачность,» возразилъ чорпъ Журналовъ: «я и прежде читалъ слугою, и шеперь такъ читаю. Я не могу болѣе подписывашься: *вашимъ вѣрноподданымъ.*»

— «Почему?»

— «Поптому, что мы, въ Парижѣ, шорже-слвенно прошесповали прошивъ этого сло-

ва, почти во всѣхъ журналахъ: оно слишкомъ классическое, миеологическое, Греческое, Феодальное....»

— «Полно, шакъ ли, брашець?»

— «Точно шакъ, Ваша Мрачность! Со времени учрежденія въ Западной Европѣ самодержавія чернаго народа, всѣ люди цари: шакъ говоришь Г. Могень. Я даже намѣренъ заспавишь предложить въ слѣдующее собраніе Французскихъ Палатъ, чшобы впередъ всѣ часпныя лица подписывались: *Имгю честь быть вашимъ милостивымъ государемъ*, а одинъ помяко Король писался бы покорнѣйшимъ слугою.»

— «Спранно!...» воскликнулъ Сашана, съ весьма недовольнымъ видомъ. «Неужели все эшо романпизмъ!»

— «Самый чиспный романпизмъ, Ваша Мрачность. Въ романпизмъ главное правило, чшобы все было спранно и наоборотъ.»

— «Продолжай!»

Бубаншусъ продолжалъ:

«*невозможно людьми управлять иначе: въ-искушеніе вводитъ и обгщаніями лживыми увлекать, дерзостью изумлять, искусно ихъ надувать умѣть надобно, изволите сіе знать Мрачность Ваша какъ въ дуракахъ остались совершенно они чшобъ, стараясь, ибо;.....*»

— «Спой!» закричалъ Сашана, и глаза у него засверкали, какъ двѣ молніи. «Спой!... полно! Ты самъ оспанешься у меня въ дуракахъ. Какъ ты смѣешь говорить, что моя Мрачность...? Не хочу я болѣе своего романтизма. Читай мнѣ классически, сверху внизъ.»

— «Но здѣсь дѣло идешь не о Вашей Мрачности, а о людяхъ,» возразилъ испуганный чертёнокъ. «Слогъ романтическій имѣешь по свойству, что надъ всякимъ періодомъ надобно крѣпко призадуматься, пока постигнешь смыслъ онаго, буде шаковой налицо въ ономъ имѣешься.»

— «А я думаю не хочу!» сказалъ грозный обладатель ада: «начто мнѣ эша бѣда?... Я вашего романтизма не понимаю. Это сущій вздоръ: не правда ли, мой Верховный Визирь?»

— «Совершенная правда!» отвѣчалъ Вельзевуѣ, кланяясь. «Слыханное ли дѣло, читая думаешь?...»

— «Сверхъ пого,» присовокупилъ царь чертей: «я примѣчаю въ этомъ слогъ выраженія чрезвычайно дерзкія, неучпивыя, которыхъ никогда не встрѣчалъ я въ прежней классической прозѣ, гладкой, шихой, покорной, низкопоклонной...»

— «Безъ сомнѣнія!» подтвердилъ Визирь. «Романшизмъ естъ слогъ мошовъ, буяновъ, мяшежниковъ, лунашиковъ, и для шакихъ большихъ вельможъ, какъ вы, слогъ классическій гораздо удобнѣе и приличнѣе: по крайней мѣрѣ, онъ не упруждаетъ головы и не пугаетъ воображенія.»

— «Мой Верховный Визирь разсуждаетъ очень здраво,» сказалъ Сапана съ важностью: «я большой вельможа. Чишай мнѣ классически, не упруждая моей головы и не пугая моего воображенія.» —

Бубаншусъ, обернувъ бумагу назадъ, спалъ чишашъ сначала:

«ДОКЛАДЪ.

«Мрачнѣйшій Сапана!

«Имѣю честь донести Вашей Нечиспой «Силъ, что, спараясь распроспраняшъ болѣе и болѣе владычешво ваше между родомъ человѣческимъ, для удобнѣйшаго запушанія означеннаго рода въ наши пенешы, «подвѣдомыхъ мнѣ журналишповъ раздѣлилъ «я на всей землѣ на классы и виды, и каждому изъ нихъ предписалъ особенное направиленіе. Въ одной Франціи учредилъ я че-

«шыре класса журналописцевъ, не счишая
«пяшаго. Первый классъ названъ мною журна-
«листами движенія, вшорой журналистами
«сопрошвленія, прешій журналистами укло-
«ненія, четвершый журналистами возвраще-
«нія. Пятый именуешся среднею серединою.
«Одни изъ нихъ шащупшъ умы впередъ, дру-
«гіе шащупшъ ихъ назадъ; шъ шащупшъ на-
«право, шъ налѣво, шогда какъ послѣдова-
«тели средней середины увершывающся ме-
«жду ними, какъ безхвостая лиса, — и всѣ
«кричашъ, и всѣ шумяшъ, всѣ вопіюшъ, ру-
«гаюшъ, спрацаюшъ, бѣсяшся, грозяшъ,
«льсшяшъ, клеветшюшъ, обѣцаюшъ; всѣ пред-
«вѣцаюшъ и проповѣдуюшъ буншны, мяшежи,
«бѣдспвія, кровь, пожаръ, слезы, разореніе:
«только слушай, да любуйся! Чшшашели въ
«ужасъ, не знаюшъ что думашъ, не знаюшъ
«чему вѣришъ и за что пршншяшся: они
«ежечасно ожидаюшъ гибельныхъ происше-
«ствій, бѣгаюшъ, суешшяшся, укладываюшъ
«вещи, пршчушъ пожшшки, заряжаюшъ ру-
«жъя, хошяшъ уйшши и хошяшъ защищашъ-
«ся, и не разберушъ кшо врагъ, а кшо пршя-
«шель, на кого нападашъ и кого покрови-
«шельсшвовашъ; днемъ они не докушшваюшъ
«обѣда, ввечеру бряшся искашъ развлеченій,
«ночьш внезапно вскакшваюшъ съ посштели:

«однимъ словомъ, безпорядокъ, сумашоха, буря умовъ, волненіе надеждъ и желаній, вьюга спрасстей, грозная, неслыханная, ужасная, — и все это по милоспи газетъ и журналовъ, мною созданныхъ и руководимыхъ!

«Не хвасая, Ваша Мрачность, я одинъ болѣе проложилъ людямъ пушей къ пагубѣ, чѣмъ весь прочіе мои поварищи. Я удвоилъ общую массу грѣха. Прежде люди грѣшили только по старинному, крашкому списку грѣхамъ; шеперь они грѣшашъ еще по журналамъ и газетамъ: по нимъ лгущъ, крадущъ, убивающъ, плущующъ, свяшощашъ спвущъ; по нимъ живущъ и гибущъ въ безчестіи. Мои большіе печашные листы безпрерывно колящъ ихъ въ бокъ, жгущъ въ самое сердце, рвущъ шѣла ихъ клещами спрасстей, шормощашъ умы ихъ обѣщаніями блеска и славы, какъ собаки кусокъ спарой подошвы; подспрекающъ ихъ прошивъ всѣхъ и всего, прельщающъ и, среди прельщенія, забрызгивающъ имъ глаза грязью: возбуждающъ въ нихъ дѣшельность и, возбудивъ, не дающъ имъ ни ѣшъ, ни спашъ, ни работашъ, ни занимащъ выгодными предпріяшями. Симъ-шо образомъ, создавъ, посредспвомъ моихъ листовъ, осо-

«бую спихію полипическаго мечпательспва,
«— спихію горькую, язвительную, палящую,
«наводящую опьяненіе и бѣшенспво, — я
«опшпоргнуль милліоны людей опъ мирныхъ
«и полезныхъ занятій, и бросилъ ихъ въ пу-
«чины сей спихіи: они въ ней погибнушъ,
«но они уже увлекли съ собою въ пропащъ
«цѣлыя поколѣнія, и еще увлекушъ многія.

«Корошко сказапъ, при помощи сихъ ни-
«чшожныхъ листовъ, я содержу все въ пол-
«номъ смяшеніи, заказываю мяшежи на из-
«вѣстные дни и часы, ниспровергаю власпи,
«передѣлываю законы по своему вкусу, и само-
«державно управляю огромнымъ учаспкомъ
«Земнаго шара; Францією, Англією, частью
«Германіи, Оспъ-Индією, Оспровами и цѣлою
«Америкою. Если Ваша Мрачноспъ желаете
«видѣшъ на опышъ, до какой спепени совер-
«шенспва довелъ я на землѣ адское могуще-
«спво журналиспики, да позволено мнѣ бу-
«детъ выписать изъ Франціи, Англіи и Ба-
«варіи пяперыхъ журналисповъ и учредитъ
«здѣсь, подъ Землею, пяшъ полипическихъ
«газешъ: ручаюсь моимъ хвоспомъ, чшо,
«чрезъ при мѣсяца, шакую произведу вамъ
«сумапоху между прокляпыми, чшо вы бу-
«дете принуждены объявитъ весь адъ со-
«споящимъ въ осадномъ положеніи; Вашей

«же Мрачноспи велю сыграшь шакую пров-
«зипельную серенаду на коспрюляхъ, кош-
«лахъ, блюдахъ, вомянкахъ и самоварахъ, —
«гдѣ вамъ угодно, хошь и подѣ вашею кро-
«вашю, — какой ни одинъ членъ средней се-
«редины....»

— «Ахъ, пы, негодяй!...» закричалъ Са-
шана громовымъ голосомъ, и — хлопъ! — ош-
вѣсилъ ему жестокій щелчокъ по носу, —
щелчокъ, ошъ кошораго краснорѣчивый Бу-
баншусъ, сидящій па колпакъ, на концѣ пру-
шика, поддерживающаго флюгеръ, вдругъ
спалъ вершѣшся на немъ съ шакою бы-
спрошою, чшо, подобно приведенной въ дви-
женіе шпуль, онъ образовалъ собою полько
видѣ жужжащаго, дрожащаго, полупрозрач-
наго шара. И онъ вершѣлся шакимъ образомъ
цѣлую недѣлю, дѣлая на своемъ полюсь по
666 поворотовъ на минушу, — ибо сила щел-
чка Сашаны, въ сравненіи съ нашими паро-
выми машинами, равна силѣ 1738 лошадей и
1 жеребенка.

— «Сшранное дѣло,» сказалъ Сашана Ви-
зирю своему, Вельзевуеу: «какъ они шеперь
пишущъ!... Чишай, какъ угодно, сверху
внизъ или снизу вверхъ, классически или ро-
мантически: все выйдешъ ша же глупость
или дерзость!... Впрочемъ, Бубаншусъ доб-

рый злой-духъ: онъ служишь мнѣ усердно и хорошо искушаешь; но, живя въ обществѣ журналистовъ, онъ сдѣлался немножко либераломъ, наглымъ, и забываетъ должное мнѣ благоговѣніе. Въ наказаніе, пусть его помелешь задомъ. . . . Позови Чорша Словесноспи къ докладу.» —

Визирь кивнулъ рогомъ, и Великій Чоршъ Словесноспи явился.

Онъ не похожъ на другихъ чершей: онъ чоршъ хорошо воспитанный, хорошаго тона; высокій, понкій, сухощавый, черный, — очень черный, — и очень блѣдный: спраждешь модною болѣзною, гаспришомъ, и лице имѣешь оправленное въ круглую рамку изъ густыхъ бакенбардъ. Онъ носишь желшья перчашки; на шеѣ у него бѣлый апласный галсшухъ. Не взирая на присушшвіе Сатаны, онъ беззаботно напѣвалъ себѣ сквозь зубы арію изъ Фрейшица и хвостомъ выколачивалъ шакшъ по полу. Онъ имѣлъ видъ франша, и еще ученаго франша. Съ перваго взгляда узнали бы въ немъ романшика. Но онъ романшикъ не журнальный, не шакой какъ Бубаншусъ; а романшикъ высшаго разряда, въ чешырехъ

птомахъ, съ прологомъ, съ эпилогомъ и Англійскою виньеткою.

— «Здоровъ ли шы, чорпъ, Точкоспавъ?» сказалъ ему Сапана.

— «!..!!..... Слуга покоривъшій....!!!!?.. !...!!!! Вашей Адской Мрачности!!!!.....!...!»

— «Давно мы съ шобою не видались.»

— «Увы!...!!!!..??..?!...!!!!!!!..! я спрадалъ...!!!!... я жешпоко спрадалъ!!!!.....!.. !...? Мрачная влажность проникла въ спѣны души моей; гробовая сырость ея вшоргнулась, какъ измѣна, въ мой мозгъ, и мое воображеніе, вися неподвижно въ семъ пшажеломъ, мокромъ, холодномъ шуманъ болѣзненности, мерцало шолько свѣшпомъ слабымъ, блѣднымъ, дрожащимъ, неровно мелькающимъ, похожимъ на ужасную улыбку рока, поразившаго оспрошпою свою добычу, — оно мерцало свѣшпомъ лампы, внесенной рукою гонимаго въ убійспивенный воздухъ пещеры ужаса и смрада, заваленной гніющими прупами и хохочущими оспавами....»

— «Что эшо значишъ?» воскликнулъ изумленный Сапана.

— «Эшо значишъ??!!!!..?..!!!!!!!.. эшо значишъ, что у меня былъ насморкъ,» ошвъчалъ Точкоспавъ.

— «Ахъ, пы, сумасбродъ!» вскричалъ царь чершей съ неперпѣнемъ. «Переспанешъ ли пы когда нибудь, или нѣпшъ, морочишь меня своимъ опцврашипельнымъ пуспословіемъ и говоришь со мною почками, да эшими кучами знаковъ вопросительныхъ и восклицательныхъ?... Я уже нѣсколько разъ сказывалъ тебѣ, что перпѣшь ихъ не могу; но теперь, для вящшей безопасности опъ скуки и рвопы, рѣшаюсь принять въ опношеніи къ вамъ общую, великую, государспвенную мѣру....»

— «Что шакое?...» спросилъ вспревоженный чорпшъ.

— «Я опмѣняю,» продолжалъ Сатана, «уничшожаю формально и навсегда, въ моихъ владѣніяхъ, весь романпизмъ и весь классицизмъ, попому, что какъ попшъ, шакъ и другой, сущая безсмыслица.»

— «Какъ же теперь будетшъ?...» спросилъ нечиспый духъ Словесности: «какимъ слогомъ будемъ мы разговаривашъ съ Вашею Мрачноспью?... Мы умѣемъ шолько говорить классически или романпически.»

— «А я не хочу знашь ни шого, ни другаго!» примолвилъ Сатана съ суровымъ видомъ. «Оба эти рода смѣшны, ни съ чѣмъ несообразны, безвкусны, уродливы, ложны, —

ложны, какъ самъ чорпъ! — Понимаешь ли?... И ежели въ помъ дѣлю, шо я самъ, моею власпію, предпишу вамъ новый родъ и новую школу Словесности: впередъ имѣете вы говоришь и писашь, не классически, не романтически, а шарбалаамбарабурически.»

— «Шарбалаамбарабурически?...» сказалъ чорпъ.

— «Да, шарбалаамбарабурически,» присовокупилъ Сашана: «шо ешь, писашь дѣльно.»

— «Писашь дѣльно?...» воскликнулъ Великій Чорпъ Словесности, въ совершенномъ ошполбененіи. «Писашь дѣльно!... Но мы, Ваша Мрачность, умѣемъ только писашь классически или романтически.»

— «Писашь дѣльно, говоришь шебъ!» повспорилъ Сашана съ гнѣвомъ. «Дѣльно, шо ешь, здраво, проспо, еспеспивенно, сильно безъ напяжекъ, ново безъ пруповъ, палачей и шарлапансшва, пріашико безъ причесанныхъ à-la-Titus періодовъ и одѣшыхъ въ реторическій парикъ оборотовъ, разнообразно безъ Греческой Мифологіи и безъ Шекспирова чернокнижія, умно безъ спаринныхъ антипезъ и безъ нынѣшняго плушовсшва въ словахъ и мысляхъ. Понимаешь ли?... Я такъ приказываю: эпо моя выдумка.»

— «Писашь здраво, просто, умно, разнообразно!...» повторилъ съ своей стороны нечиспый духъ Словесности, въ жестокомъ смятеніи. «У Вашей Мрачности всегда бываюшъ какія-то чершовскія выдумки. Мы умѣемъ только писашь классически или ром. . . .»

— «Слышалъ ли ны мою волю, или нѣтъ?»

— «Слышалъ, Ваша Мрачность; но она неудобноисполнима.»

— «Почему? . . .»

— «Пошому, что, я и подвѣдомые мнѣ Словесники, умѣемъ излагашь наши мысли только классически или романтически, но ешъ, по одному изъ двухъ гоповыхъ образцовъ, по одной изъ двухъ давно извѣстныхъ, определенныхъ системъ: писашь же шакъ, чтообы эшо не было ни *сглула* по-Аѳински, ни *сдурна* по-Сшароанглійски, — шого на землѣ ништо исполнишь не въ состояніи. Ваша Нечиспая Сила полагаешъ, что у людей шакое же адское соображеніе, какъ у васъ: они, — клянусь грѣхомъ! — умвюшъ только скверно подрашашь, обезьяничашь. . . . Прежде они подражали шпаринѣ Греческой, копорую ушприровали, коверкали безчеловѣчно; шеперь, она имъ надоѣла, и я подсунулъ имъ другую пошлую шпарину, именно Велико-

бришанскую, на кошорую они бросились, какъ бѣшенные, и кошорую опять спали ушпировашь и коверкашъ. Они сами видяшъ, что прежде были очень смѣшны; но шого не чувспвуютъ, что они и шеперь очень смѣшны, шолько другимъ образомъ, и радуются, какъ будто нашли шайну быть совершенно новыми. Пришомъ, что пользы для Вашей Мрачности, когда люди спанушъ писашъ умно и дѣльно?»

— «Какъ, что пользы?... Я, по крайней мѣрѣ, не умру опъ скуки, слушая подобныя глупосши.»

— «Но владычештво ваше на землѣ исчезнешъ.»

— «Опъ чего же шакъ?»

— «Опъ шого, что когда они начнушъ сочиняшъ дѣльно, о чершяхъ и помину не будетъ. Вѣдь мы припча!...»

— «Ты думаешъ?...»

— «Безъ сомнѣнiя!... Теперь вы самодержавно господшвуете надъ всею Земною Словесностiю, вы царшвуете во всѣхъ изящныхъ произведенiяхъ ума человѣческаго. Всѣ его шворенiя дышашъ нечиспою силой, всѣ бредяшъ дяволомъ. Греческiй Олимпъ разрушенъ до основанiя: Юпишерь палъ, и на его прешоль шеперь сидите вы, Мрачнѣйшiй

Сашана. Я все пакъ устроилъ, что смертные писатели воспѣвають только адъ, грѣхъ, порокъ и пресупленіе....»

— «Неужели?...» воскликнулъ царь пмы съ удовольствіемъ.

— «Ей, ей, Ваша Мрачность. Главныя пружины нынѣшней поэзіи суть: вмѣсто Венеры, вѣдьма; вмѣсто Аполлона, страшный, засаженный, вонючій Шаманъ; вмѣсто Нимфъ, вампиры: она завалена прупами, черепами, скелетами; изъ каждой ея спроки каплетъ гнойная маперія. Проза сдѣлалась наспоющею помойною ямой: она полкуетъ только о крови, грязи, разбояхъ, палачахъ, мукахъ, изувѣченіяхъ, чахопкахъ, уродахъ; она представляешь нищету со всею ея опшрапшительностью, развратъ со всею его прелестью, пресупленіе со всею его мерзостью, мерзость со всею нагошою, соблазнъ и ужасъ со всеми подробностями. Она съ удовольствіемъ разрываетъ могилы, какъ алчная гіена, и забавляется, швыряя въ проходящихъ вырышыми костями; она ведетъ бѣднаго чипашеля въ мрачныя гробницы, и, шупя, запираетъ его въ гробъ вмѣстѣ съ червивымъ прупомъ; ведетъ въ смрачныя тюрьмы и, шакже шупя, сажаетъ его на грязной соломѣ, подлѣ изверговъ, разбойни-

ковъ и зажигашелей, съ коими поешъ она неисповыя пѣсни; ведешъ въ домъ распушсва и безчеспія и, для пошѣхи, бросаешъ ему въ лице всѣ опкопанныя памъ нечиспопы; ведешъ на лобныя мѣспа, подспавляешъ подъ эшафопы и, въ пушку, обливаешъ его кровію обезглавленныхъ пресшупниковъ. Она придумываешъ для него новыя спраданія, и хохочешъ надъ его спраданіями. Она мучишъ его всѣмъ, чѣмъ полько мучишъ возможно, — предмешомъ, шонемъ повѣспвованія, слогомъ, — симъ — шо слогомъ моего изобрѣшенія, свирѣшымъ, ядовишымъ, убійспвеннымъ, наглымъ, беспыднымъ, изломанымъ въ зигзагъ, набишымъ шипами, удушливымъ, ушомишпельнымъ до крайноспи....»

— «Все эшо очень хорошо и похвально,» прервалъ Сапана, «но не прочно. Я знаю, что швой слогъ имѣешъ всѣ эши досшопиства; но думаешъ ли пы, что чипашели долго дозволяшъ вамъ мучишъ ихъ шакимъ несноснымъ образомъ? Вѣдь эшо хуже, чѣмъ у меня въ аду!...»

— «Конечно, не долго,» отвѣчалъ чоршъ Точкоспавъ: «но, между шѣмъ, какое удовольспвіе, какая опрада, мучишъ людей порядкомъ, и еще подъ видомъ собспвеннаго ихъ наслажденія!...»

— «И шо дѣло!» сказаль Сапана. «Мучь же крѣпко, любезный Точкоспавъ, своєю романшическою прозою и поэзією!»

— «Радъ спарашься, Ваша Мрачность.»

— «Если у васъ, на земль, не доспанепъ чернилъ на шочки и знаки восклицашельные, шо обрарпсь ко мнѣ. Мы можемъ удѣлпшь вамъ полшора или два милліона бочекъ нашего адскаго перегорѣлаго дегшю.»

— «Не премину воспользовашься вашимъ великодушнымъ предложеніемъ.»

— «Чшо эшо у тебя въ рукъ?»

— «Новый Романъ, для Вашей Нечистой Силы, и вчерашнія Парижскія афишки.»

— «Ну, чшо вчера предспавляли на шеатрахъ въ Парижъ?»

— «Все романшическія пьесы, Ваша Мрачность. На одномъ шеатрѣ предспавляли чершей поющихъ, на другомъ чершей пляшущихъ, на шрешьемъ чершей сражающихся, на чешвертомъ висѣлицу, на пятомъ гильошину, на шештомъ мяшежъ, на седьмомъ Аншони, или прелюбодѣяніе....»

— «Неужели?...» воскликнулъ Сапана. «Ну, чшо, какъ, хорошо ли предспавляли прелюбодѣяніе?»

— «Очень хорошо, Ваша Мрачность; очень напурально.»

*

— «И это ты выучилъ ихъ всему этому?»

— «Я, Ваша Мрачность.»

— «Хвапъ мой Точкославъ!... Воупъ шебъ за по фальшивый грошъ на водку. Какой это романъ?»

— «Романъ Жюль-Жанена, подъ заглавіемъ: *Барнавъ*, произведеніе самое адское....»

— «Поди, поставъ его въ моей избранной библиошкѣ. Сегодня я его прочишаю, а завтра съѣмъ, и будешъ ему конецъ.» —

=

— «Подайше мнѣ шрубку,» сказалъ Сашана.

Султанъ Магомешъ II, покорилъ Константинополя, исправляешъ при Дворѣ Его Нечиспой Силы знаменишую должностъ *чубукчи - баши*: онъ чиспипъ и набиваешъ огромную мѣдную его шрубку, сдѣманную изъ опбишой головы баснословнаго Родоскаго колосса. Въ эту шрубку обыкновенно кладешся цѣлый возъ гнилаго подряднаго сѣна: это любимый шабакъ Сашаны, — онъ даже другаго не уношребляешъ.

Черши, зная вкусъ своего повелишеля, по ночамъ крадушъ для него эшопъ шабакъ изъ разныхъ Провіаншскихъ на землѣ магазиновъ. Опъ эшаго именно, иногда, происходипъ у людей недочѣпъ въ казенномъ сѣвъ.

Магомешъ II церемоніально поднесъ набишную трубку. Сашана принялъ ее одною рукою, а другую внезапно просперъ въ спору, и схватилъ ею за голову одного изъ близъ-стоящихъ проклятыхъ, прежде-бывшаго издашеля чужихъ сочиненій съ варіаншами и своими замѣчаніями, высохшаго какъ листъ бумаги надъ сравненіемъ шексповъ и помѣшавшагося на вопросительномъ знакѣ, пославленномъ въ одной рукописи, по ошибкѣ, вмѣсто почки съ запятою. Онъ смялъ его въ горсти, придвинулъ къ своему носу, и чихнулъ: искры обильно посыпались изъ ноздрей его. Сухой шолковашель чужихъ мыслей мгновенно опъ нихъ загорѣлся. Сашана зажегъ имъ трубку; оспальную же часпъ его онъ бросилъ на полъ и запушилъ ногою. Не догорѣвшій кусокъ ученаго словочеша предспавлялъ собою видъ — (;) почки съ запятою!....

Всѣ проклятые были опечалены гореспною его судьбою, и поражены жестокимъ своенравіемъ ихъ обладашеля. Но Сашана спокойно курилъ свое сѣно.

=

— «Не угодно ли вамъ выслушать еще докладъ Главноуправляющаго супружески-

ми дѣлами?» сказалъ адскій Верховный Визирь.

— «Съ удовольствіемъ!» отвѣчалъ Сашана: «я люблю соблазнительныя лѣпописи.»

И Чоршъ супружескихъ дѣлъ явился.

Я не спшану описывашъ его наружности, пощому, чшо при-чешверпи женатыхъ чипашелей моихъ лично съ нимъ знакомы; а скажу щолько, чшо чоршъ Фифи-Коко ещъ злой-духъ презлой, прековарный, но вмѣстѣ съ шѣмъ очень любезный, — смиренный, покорный, услужливый, какъ иной Сполоначальникъ передъ своею Дирекпоршею, — и хипрый, какъ прешупная жена, и плушъ хуже всякаго подьячаго, и проворный искушитель, и въ большомъ уваженіи у Сашаны. Онъ-шо привелъ во искушеніе первую нашу прародительницу, сообщивъ ей великую шайну всего добраго и всего злаго: въ шо время эшо была великая шайна; но, въ нашемъ просвѣщенномъ вѣкѣ, даже всѣ горничныя знающъ ее наизушъ и безъ его содѣйствія.

Но гораздо важнѣе шо, чшо онъ знаешъ шайны всѣхъ замужнихъ красавицъ, и самой даже Сашанши. Сашана имѣешъ крѣпкое на него подозрѣніе, но..... но не говоришъ ни слова: Сашана знаешъ приличія.

— «Что новаго?» спросилъ черный повели-
пель: «какъ идушь дѣла швоей часпи?»

— «Ошмѣнно хорошо, Ваша Мрачность.
Часпъ моя никогда еще не бывала въ споль
цвѣшущемъ соспояннѣ, какъ шеперь. Въ су-
пружесшвахъ господсшвуетъ необыкновен-
ная скука; мужья и жены большею часпью
ссорашся дважды и шрижды въ день; пре-
бшваннѣ ушѣшеннѣ непреспанннѣ... У меня
подлинно голова кружштся опъ множесшва
дѣль.»

— «Я знаю швою дѣшпельность и рев-
носпъ,» примолвилъ Сашана важно. «Покажи
мнѣ свою шабель.» —

Фифи-Коко подалъ ему, на длинномъ ли-
стѣ бумаги, шабель супружескихъ происше-
сшвнѣй, за послѣдннѣ мѣсшяцѣ, на всей поверх-
носпн Земнаго шара. Сашана, держа шрубку
въ зубахъ, началъ разсмашривашъ ее съ
большимъ вниманнѣмъ и, при всякой спа-
шѣ, шш восклицалъ опъ удовольсшвнѣя, шш
опъ радоспн испускалъ огромные клубы
шабачнаго дыма ршшомъ, носомъ и ушамн.
— «Сколько измѣнъ!... Сколько ссоръ!...
Какая пропашп дракъ!» приговаривалъ онъ,
чшшая шабель: «да какое множесшво любов-
ныхъ писемъ разослано въ печеннѣ одно-
го мѣсшяца!... Скажи, пожалуй, неужели спшлько

разспроилъ ты супружескъ въ споль крапикое время?... 777,777? Эшо ужасъ!...»

— «Именно сполько, Ваша Мрачность,» ошвѣчалъ чорпъ.

— «Славно! славно!...» воскликнулъ Сашана, продолжая смопрѣшь въ бумагу. «Я долженъ сказать опкровенно, чшо, изо всѣхъ опраслей моего правленія, швой департаментъ опличаешся наилучшимъ порядкомъ.»

— «Ваша Мрачность слишкомъ ко мнѣ милоспивы...»

— «Дѣла пекутъ у шебя чрезвычайно скоро.»

— «Женщины, Ваша Нечиспая Сила, не любяптъ, чшобъ они долго оспавались на справкѣ.»

— «И послѣ всякой масляницы у шебя нерѣшенныхъ дѣлъ почши не оспаешся.»

— «Эшо самое удобное время къ очиспкѣ сего рода.»

— «Пришомъ же, швоя часпъ чрезвычайно обширна и едва ли не самая важная: она приносиптъ мнѣ наиболѣе пользы.»

Фифи-Коко поклонился.

— «Ни одинъ изъ моихъ вѣрныхъ служителей не доспавляешъ мнѣ шакого числа прокляпныхъ, какъ ты. Сколько у насъ въ аду великихъ мужей, глубокомудрыхъ философовъ, мудрецовъ, свяпшешей, фанашиковъ,

копорыхъ никшо изъ моихъ чершей не могъ соблазнить, — а пы, принялся за дѣло, женилъ ихъ, и — глядь! — чрезъ нѣсколько времени привелъ ихъ ко мнѣ, — и не однихъ!... мужа и жену вмѣстѣ.»

— «Когда ихъ, Ваша Мрачность, такъ легко поймашь на приманку сладкаго грѣха!» примолвилъ чорпъ, скромно пошупивъ глаза.

— «Какъ бы то ни было, но я умѣю цѣнить свои дарованія, и поспавляю себѣ въ обязанность награждать себя блистательнымъ и приличнымъ образомъ,» сказалъ Сатана съ шоржеспвеннымъ видомъ. «Вельзевуѣ! въ воздаяніе знаменитыхъ подвиговъ и безпримѣрной дѣяшельности моего Главноуправляющаго на землѣ супружескими дѣлами, вели вызолопиль ему рога.» —

Черпи, содержащіе спражу, схватили Фи-фи-Коко, опнесли его въ геешну, всунули головою въ печь и, раскаливъ ему рога до надлежащей спешени, вызолопили ихъ прочно и богашо; попомъ пустили его въ свѣпъ посьевашъ дальнѣйшіе раздоры между двумя полами рода человѣческаго.

=

Сатана опдалъ шрубку, вспалъ съ преспола, зѣвнулъ, попянулся и сказалъ:

186 Большой выходъ у Сатаны.

— «Уфъ!... какъ я усшалъ!... Какъ скучно управляшь съ благоразуміемъ людскими глупостями!... Теперь, пойду гуляшь между огней въ гееннѣ, чшобы подышашь свѣжимъ воздухомъ и полюбовашься пріятнымъ зрѣлищемъ, какъ жаряшся люди.» —

И онъ ушелъ.

Баронъ Брамбеусъ.

17 Юня, 1832.

КАВКАЗСКАЯ БЫЛЬ.

Кавказъ освѣщается полной луной ;
Аулъ и Станица на горномъ покать
Сосѣднiе спять ; лишь Козакъ молодой
Безъ сна , одинокій , сидитъ въ своей хатѣ .

Напрасно , Козакъ , ты задумчивъ сидишь ,
И сердца бiеньемъ минуты считаешь ;
Напрасно въ окно на ручей ты глядишь ,
Гдѣ тайнаго съ милой свиданiя часешь .

Желанный свиданiя часъ наступилъ ,
Но нѣтъ у ручья Кабардинки прекрасной ,
Гдѣ счастливъ онъ первымъ свиданiемъ былъ
И первой любовiю дѣвы , имъ страстной ;

Гдѣ, страстно къ дѣвѣ онъ самъ ослѣпленъ,
Даль клятву, отъ вѣры своей отступиться,
И скоро принять Магометовъ законъ,
И скоро на Фати прекрасной жениться. —

Глядитъ на ручей онъ, сидя подѣ окномъ,
И видитъ онъ вдругъ, близъ окна, передъ хатой,
Угрюмый и блѣдный, покрытъ башлыкомъ,
Стоитъ Кабардинецъ подѣ буркой косматой.

То братъ Кабардинки, любимой имъ, былъ,
Давнишній Кунакъ Козаку обреченный;
Онъ тайну любви ихъ преступной открылъ:
Бѣда Кабардинкѣ, Яуромъ прельщенной!

— «Сестры моей ждешь ты?» онъ молвить: «сестра
Къ ручью за водой не пойдетъ уже, чаю;
Но клятву жениться ты даль ей: пора!
Исполни ее. . . . Ты молчишь? Понимаю.

«Пойми жъ и меня ты. Три дня тебя ждать
Въ Аулѣ мы станемъ; а если забудешь,
Козакъ, свою клятву, — пришелъ я сказать,
Что Фати въ день третій сама къ нему будетъ.» —

Сказалъ онъ и скрылся. Козакъ молодой
Любовью и совѣстью три дни крушится.
И какъ измѣнить ему вѣрѣ святой?
И какъ ему Фати прекрасной лишиться?

И вотъ, на исходѣ ужъ третьяго дня,
Когда онъ, размученъ тоскою глубокой,
Ужъ въ полночь, жестокий свой жребій кленя,
Страдалецъ упалъ на свой одръ одинокой;

Стучатся; онъ всталъ, отпираетъ онъ дверь:
Вошелъ Кабардинецъ съ мѣшкомъ за плечами;
Онъ мраченъ какъ почъ, онъ ужасенъ какъ звѣрь,
И глухо бормочетъ, сверкая очами:

— « Сестра моя здѣсь, для услугъ Кунака, »
Сказалъ онъ, и сталъ сопротиву кровати,
Мѣшокъ развязалъ, и къ погамъ Козака
Вдругъ выкатилъ мертвую голову Фати.

« Для дѣвы безъ чести нѣтъ жизни у насъ;
Ты — чести и жизни ея похититель —
Цѣлуйся жъ теперь съ ней хоть каждый ты часъ!
Прощай; я — Кунакъ твой, а Богъ — тебѣ мстителъ! » —

На голову дѣвы безмолвно взираль
Козакъ одичалыми-страшно очами;
Безмолвно предъ ней на колыни упалъ,
И съ мертвой — живой сочетался устами....

Сребрятся вершины Кавказа всего;
Быль день; къ перекличкѣ, предъ домъ Кошеваго,
Сошлись всѣ Козаки, и нѣтъ одного —
И нѣтъ одного Козака молодого!

Николай Гнѣдичъ.

РАСКОЛЬНИКЪ.

ПОВѢСТЬ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII СТОЛѢТІЯ.

(ОТРЫВОКЪ).

=

ГЛАВА II.

Князь Мышицкій уложилъ въ чемоданъ нѣсколько паръ Боярскаго плашья, въ копоромъ по большей часпи являлся внѣ Монашья, и на разсвѣшъ слѣдующаго дня, широкая рогожная кибипка его, съ чернымъ кожанымъ запономъ, мчалась уже по проселочной, пусынной дорогѣ къ Онежскому озеру, берегомъ и оспровками котораго надле-

жало ему выбраться на большую Новгородскую. Рвзкій Февральскій ушренникъ осыпаль иніемъ густую бороду ямщика и щипаль пухлая, румяныя щеки молодого служки, дремавшаго на облучкѣ; но самому Наспояшелю, завалившемуся въ глубину кибитки, обипшой внупри полспымъ бѣлымъ сукномъ и окушанному въ лисью шубу (причемъ не забышы ни благодѣшельный малахай, ни оленьи сапоги), тепло было разсуждать о его предпріяшяхъ. Онъ досадовалъ на позднее извѣспіе о въѣздѣ Государя въ Москву; боялся не заспашъ Коронаціи, кошорую, судя по близоспи Великаго поспа, нельзя было опкладывать; боялся не сполько по тому, что ему хошѣлось быть зрипелемъ сей необыкновенной церемоніи, сколько изъ опасенія, что предположенія его не будущъ имѣть спаккой удачи, если онъ не успѣетъ воспользоваться первыми впечатлѣніями сего радоспнаго событія. Онъ однако жъ не опоздалъ. Имперашоръ, проспудившись дорогою, принужденъ былъ на нѣсколько дней оспановиться въ семи верспахъ опъ Москвы.

Въ сіе время по дорогамъ, ведущимъ къ древней столицѣ, не было почши проѣзда опъ множеспва спѣшившихъ на Коронацію. Знашныя сановники изъ Песпербурга и дру-

гихъ ближнихъ и дальнихъ городовъ Имперіи, Дворянство изъ своихъ помѣщевъ, купечество, ирской народъ — все спремилась, опережая другъ друга, насладились сямъ торжественнымъ и священнымъ для Русскаго сердца днемъ. Между пѣмъ Дворъ съ 4-го Февраля украшался уже присутствіемъ юнаго Императора, копорый хопя не имѣлъ еще тринадцати лѣтъ, но по необыкновенному роспу, по раннему развитію умственныхъ и пѣлесныхъ силъ, казался цвѣтущимъ юношею, а по крошечному взору, великодушію и милосердію — Ангеломъ благоспи. Подлѣ него видѣнъ былъ другой Ангель, сіявшій рѣдкимъ соединеніемъ всехъ совершенствъ душевныхъ — Его сестра, четырнадцатилѣтняя Царевна Напалія. Далѣ, на ступеняхъ Трона блистала ослѣпительною красотою Великая Княжна Елисавета Пепровна, копорая вмѣспѣ съ сестрою своею, супругою Герцога Голштинскаго, почиталась одною изъ первыхъ красавицъ своего времени, и пользовалась особенною благосклонностію Императора. Три дщери Царя Юанна, въ помѣ числѣ и вдовствующая Герцогиня Курляндская, находились шакже въ Москвѣ.

По духовному завѣщанію покойной Императрицы, управление Государствомъ — доколь

не исполнился Императору шестнадцатилѣтъ — вѣрено было, какъ извѣстно, Верховному Совѣту. Но Меншиковъ, желая властвовать одинъ, овладѣлъ мнѣніемъ Совѣта и направилъ дѣйствія онаго такимъ образомъ, что Императоръ вскорѣ объявленъ былъ совершеннолѣтнимъ. Когда жъ юный Монархъ, при помощи Князей Долгорукихъ, сбросилъ съ Себя иго сего честолюбца и обнаружилъ собственныя силы — Верховный Совѣтъ утратилъ еще болѣе свою значительность, а Долгорукіе, тѣсно окруживъ Государя, быспро возвысились на развалинахъ могущества Князя Меншикова. Это было и не шрудно, судя по лѣтамъ и склонностямъ Императора. Дѣлами гражданскими Онъ естественнo скучалъ заниматься, къ войску былъ равнодушенъ, а къ морю, слѣдственно и флоту, сполько любимому Его Великимъ Дѣдомъ, чувствовалъ даже природное отвращеніе. Кромѣ забавъ, собственныхъ Его возрасту, Онъ получилъ особенную спрасу къ охотѣ, чѣмъ и не оставили воспользоваться Долгорукіе, изъ которыхъ Князь Алексѣй Григорьевичъ, вшорой Гофмейстеръ Царя, былъ самъ спрасный охотникъ. Къ довершенію успѣха, сынъ его, шестнадцатилѣтній Князь Иванъ Алексѣе-

вичъ, любезный, ловкій молодой человекъ, воспитанный въ чужихъ краяхъ, и едва ли не образованнѣйшій изъ всѣхъ погдашнихъ своихъ сверстниковъ, дѣшій вельможъ, сдѣлался споль близокъ къ сердцу Царя, что Онъ почши не разлучался съ нимъ ни на минушу, и даже почивалъ въ одной съ нимъ комнашѣ. Ихъ соединяло сходство лѣшъ и склонностей: оба были живы, пылки, влюбчивы. Такимъ образомъ, Князя Долгорукие спарались пѣшишь Царя различными забавами, а преимущественно охошою, чшобы еще болѣе удалишь Его ошъ заняшій Государственныхъ, охладилъ къ учрежденіямъ Петра Великаго, ослабилъ вліяніе иностранцевъ особливо Барона Оспермана, который по уму, способностямъ, хитрости и близости къ Государю, какъ Его наставникъ, былъ для нихъ опаснѣе прочихъ. Все сіе дѣлалось для того, чшобы крѣпче ушвердилъ собственную свою силу, въ чемъ они съ каждымъ днемъ болѣе успѣвали. Фамилія Князей Голицинныхъ, своею знаменитостію, дѣлала имъ однако жъ нѣкопорый перевѣсъ. Сіи послѣдніе, хошя шакже привержены были къ спаринѣ и еще болѣе не терпѣли иностранцевъ, но далеко не

*

пользовались такою силою при Дворѣ. За то, имѣя на споронѣ своей избытокъ личныхъ достоинствъ, были болѣе уважаемы народомъ. Главнѣйшими предшавишелями фамили Долгорукихъ, кромѣ двухъ названныхъ выше, были: Тайный Совѣтникъ Князь Василій Лукичъ, Вельможа умный, Царедворецъ пронырливый, и Фельдмаршалъ Князь Василій Владиміровичъ, поспрадавшій при Пвтѣ Первомъ за приверженность свою къ Царевичу Алексю, человекъ надменный и дерзкій, — оба двоюродные братья Гофмейсперу Алексю Григорьевичу. Родные братья сего послѣдняго, Князь Сергѣй и Князь Иванъ, были менѣе замѣшны. Фамилія Князей Голицинныхъ была не споль многочисленна, но высокія душевныя качества и заслуги Фельдмаршала, Князя Михайла Михайловича, и брата его, Члена Совѣша, Князя Дмистрія Михайловича, замѣняли число. Не успаая соперничать съ Долгорукими, они также успѣли приблизить къ Царю одного изъ своихъ родствениковъ, зяця Фельдмаршала, Камергера Бушурлина, опличавшагося прекрасною наружноспію. Къ третней паршіи, благоразумнѣйшей, принадлежали не менѣе знатные Садовники: Князя Черкасскій, Трубецкой, Куракинъ, Графъ Ягужинскій,

которыя хопя и шягопились возвышеніемъ Долгорукихъ, но не оказывали замѣтнаго желанія вмѣшиваться въ Правленіе. Къ нимъ можно опнести и Канцлера Графа Головкина, наблюдавшаго нейспралишенъ и въ Совѣтѣ, и въ связяхъ общественныхъ. —

Повозка Князя Мышицкаго ошпановилась въ одной изъ опдаленныхъ Московскихъ улицъ, передъ воропами чиспенькаго деревяннаго домика. Молодой служка соскочилъ съ облучка, брякнулъ въ кольцо — и дворъ огласился лаемъ большой цѣнной собаки. Вскорѣ послышался спукъ опброшеннаго запора; воропта опворились; повозка взѣхала.... на крыльцѣ споялъ уже хозяинъ, дородный, лысый купецъ, съ румянымъ, лоснящимся опъ жира лицомъ, служившимъ вывѣскою тому, что онъ былъ небольшой поспникъ, хопя и принадлежалъ къ Поморской сектѣ. Увидавъ въ окно, какого Богъ даетъ ему гостя, онъ поспѣшилъ встрѣпить его съ подобающею честію.

— «Милоспи просимъ, бапюшка Князь,» кричалъ онъ, съ выраженіемъ неприсворной радости, опспягивая законъ повозки и помогая Князю вышпи: «Милоспи просимъ пожаловашъ. Экаго дорогова гостя Господь мнѣ

посылаешъ! Привель-шаки Богъ опяшь видѣшь Ваше Превелебіе.»

— «Здравствуй, любезный мой, Тихонъ Мироновичъ,» сказалъ Князь, обнимая хозяина. «Радъ ли ты, не радъ ли неожиданному гостю, а я все-таки разсудилъ и нынче къ тебѣ же взѣхашъ.»

— «Что это вы, кормилецъ? Не вамъ бы говорить, не мнѣ бы слушать; да развѣ мнѣ не честь, что главный начальникъ нашего Согласія удостоиваетъ мой, а не чей другой домъ, своимъ милоспивымъ посѣщеніемъ. Да я, бапюшка, гоповъ для васъ хонъ въ воду! У меня еспъ для вашей милоспи особая свѣшлица. Недавно построилъ.»

— «Благодарствую за любовь. Да ты, братъ, спалъ наспоющій сполічный жипель; шакъ обперся съ мірянами, что тебѣ и не узнаешъ. Величаешъ меня Превелебіемъ....»

— «Да какъ же, опецъ мой? Въдъ ты самъ запрещаешъ называшъ тебѣ Сіашельсшвомъ: это де слово мірское, а Преподобіемъ — шо какъ-шо не ловко.»

— «Это одно и шоже. Пожалуй тебѣ, называй меня Превелебіемъ, да опворяй поскорѣ свѣшлицу: пора опогрѣшься.» —

Хозяинъ толкнулъ плечомъ въ шелспую сырую дверь, и ввелъ гостя въ новую свѣп-лую горенку съ перегородкою, въ копорой пахло еще свѣжимъ лѣсомъ.

— «Ну, мнѣ будешъ здѣсь хорошо; да не будешъ ли холодно?» сказала Князь, помолвившись и сядя на лавку.

— «Съ чего бышь холодно? Лѣсъ знашной, сухой; спроили Владимірскіе плюшники; а проконопаченъ шакъ, чшо любо. Признашся, я шаки и спроилъ его на случай прїѣзда Вашего Превелебія, зная, чшо всегда любите жить на особицу.»

— «Спасибо; а между шѣмъ не подумалъ велѣшь убрать... *вонъ это.*» — При сихъ словахъ, нахмуря рыжія свои брови, шакъ чшо хозяина подрало по кожѣ, онъ указалъ на перегородку, гдѣ висѣли шемнофіолеповый шшофный сарафанъ, съ золошыми галунами, и борисшая женская шубка, крышая чернымъ плисомъ. «Ты знаешъ, чшо я не люблю эшого.»

— «Безъ вины виновашъ, опецъ мой. Запоропился шебя вспрѣшпшь, да и совсѣмъ забылъ объ эшомъ. Сейчасъ ничего не будешъ.» —

Онъ проворно снялъ со спѣны шо и другое; унесъ; но скоро онаяшъ возвратился, продолжая извиняшся.

— «Не подумай, бапюшка,» говорилъ ояъ: «чтобы мы жили здѣсь съ хозяйкою: эна горница спонпъ у насъ луспехонька, а плашье провисѣло одну только ночь, ради шого, что сожигельница моя была вчера на имянинахъ: не успѣла свечера уложись въ сундукъ и повѣсила шупъ, чтообъ ребяшишки не захвапили. Экой, право, грѣхъ со мною случился, что я давеча не догадался вынести!»

— «Главный-шо грѣхъ съ шобою случился пошъ, что ты женился, промѣнялъ наше цѣломудренное житіе на...»

— «Что дѣлашь, Ваше Превелебіе! Человѣкъ-бо ешь. Око мое соблазнило меня. Да и гдѣ же нашему брашу, шорговцу, ошъ всего ошперечья. Живешь въ большомъ городѣ; полкаешься шамъ и сямъ: долго ли до бѣды. Моя же женушка, Богъ съ ней! шакая смазливая...»

— «Тѣмъ хуже: красона женская ошъ начала вѣковъ была пагубою рода человѣческаго. Чрезъ нее съ высопы духовной упали мы въ бездну плоскаго униженія.»

— «Однако, Ваше Превелебіе, самъ Господь сказалъ: *не добро человѣку жити единому.*»

— «Не шебъ шолковашъ объ эпомъ. Вспомни, что сказано далѣе: *Сотворимъ ему по-*

мощицу. Только *помощицу*, не болѣе: внимки хорошенъко въ слова сїи. Въмѣсто того, что сдѣлали люди? Они видятъ въ женщинѣ не что другое, какъ чашу своихъ наслажденій; прильпляютъ къ нимъ всѣмъ сердцемъ, любящъ ихъ, какъ можно любить одного шюлька Бога... Но я не хочу смущать себя. Сдѣланнаго не воропишь. Ты и шакъ довольно уже наказанъ пѣмъ, что по обряду нашему лишенъ за швою женитьбу духовной сладости участвовашъ въ общикъ нашихъ молишвахъ.»

— «Да вѣдь шюлько-то и вины моей было, что я женился, и не я же одинъ; а опричь этого наблюдаю все, что повелѣваетъ наша вѣра. Сожительницу же мою, грѣшной человекъ, люблю. Она шакая шихая и благочестивая...»

— «Я знаю, что шы усерденъ къ вѣрѣ; за шо себя и опличаю. Но довольно объ этомъ. Поговоримъ шеперь о другомъ. Давно ли Его Царское Величество взѣхалъ въ Москву?»

— «Да уже недѣли съ три будетъ. Что это было за веселье! что за церемонія!»

— «А кто, слышно, изъ Бояръ къ Нему поближе?»

— «Да, говорящъ, ближе нѣтъ Князей Долгорукихъ.»

— «Эпо и хорошо: они старинные Русскіе Бояре. А когда, говоряшь, будешъ коронація?»

— «Вчера на базаръ болшали, что 26-го числа.»

— «Выходишь черезъ недѣлю. Да не знаешь ли ты, видѣлся ли Государь по прїѣздѣ съ Царицею?»

— «Видѣлся еще до прїѣзда.»

— «Какъ до прїѣзда? Я тебя не разумю.»

— «А вошь какъ: Царю, да и Сесприцъ Его, Напаліи Алексѣевнѣ, приключилась на дорогѣ какая-то болѣзнь; вошь Онъ и основился верспахъ въ семи ошъ города; а какъ спало полегче, то и полешѣлъ, соколъ нашъ ясный, къ родимой Своей Бабушкѣ, въ Новодѣвичей; а въ городъ-шо въѣжалъ горазно послѣ шого.»

— «Спало бышь, Онъ навѣспилъ ее шайкомъ?»

— «Да такъ-шо шайкомъ, что объ эшомъ въ народѣ никшо не знаешъ.»

— «А ты ошъ чего въдаешъ?»

— «Мы таки не безъ добрыхъ людей. Мнѣ знакомъ Прикащикъ Князя Алексѣя Григорьевича, Василій Щегловъ — у насъ съ нимъ ешь кое-какія шорговья дѣлишки. Онъ слы-

шалъ, какъ господа объ эпомъ проговаривали, да и мнѣ шепнулъ понихоньку.»

— «Ну коли шакъ, по шеперь пѣнимаю. Дай Богъ Его Царскому Величеству здоровья за шакое Его почшеніе къ Бабушкѣ. Ты, Тихонъ Мионовичъ, очень меня эпимъ порадовалъ. Завпра я самъ хочу ипши на поклонъ къ Царицѣ и поднесши ей золошныя складеньки, да кусокъ шемной Кишайской камки.»

— «Чай, она очень обрадуешя Вашему Превелебію?»

— «Скажи лучше, удоспонишь милоспиво приняшь. Она изволила знавашъ моего родишеля и жалуешъ всѣхъ, кшо держишся шпиринныхъ обычаевъ.» —

Хозяинъ не спалъ болѣе упруждашь пріѣзжаго госпя разговорами, и пошелъ пошопишь объдомъ, за которымъ Наспояшель Вышегорецкаго Монашпыря, имѣвшій весьма исправный желудокъ, вполнѣ удѣлешворилъ своему апешипу, возбужденному дальнею дорогою, а покушавши, препорядочно соснулъ — по обычаю предковъ.

Слѣдующаго ушра, служкѣ его не мало было хлопощъ съ шуалешомъ своего господина. Князь сперва надѣлъ узкій коропкій кафтанъ, бѣлаго апласа, съ длинными сборча-

шыми рукавами, съ спѳячимъ, вышнюю въ чепверпъ, воропникомъ, подложеннымъ малиновымъ бархашомъ; попомъ облачился въ длинную, голубаго бархаша, ферязь, подбишюю вапой; наконецъ; сверхъ ферязи накинудъ суконный фиолетковаго цвѣща охабень. Ворощъ, шишой золотомъ, рубапки его, украсался изумруднымъ запонкомъ, а голова высокою черною бархашною шапкою, опушеною соболемъ. Въ шакомъ нарядѣ — обыкновенномъ плашьѣ спаринныхъ Боярь, копорое оспавлено было по указу Петра Великаго, и въ копоромъ при внукъ Его не многіе уже показывались — ошправился Вышегорецкій Наснояшель въ Новодѣвичій Монаспырь, гдѣ пребывала въ шо время бывшая Царица Евдокія Феодоровна.

Подѣзжая къ Монаспырю широкимъ полемъ, опдѣляющимъ оный опъ города, онъ еще издали увидѣлъ множеспво саней и возковъ у ограды; а какъ въ шошъ день не было никакого праздника, шо и заключилъ, что эпо съездъ у Царицы, что вниманіе, оказанное ей Державнымъ Внукомъ, обрашило къ ней Московскую знашь. Онъ и не ошибся: за день предъ шѣмъ Царь дѣйспвительно сдѣлалъ Бабкѣ Своей ошкрышое посьщеніе. Сердце раскольника запрыгало опъ

радосни при мысли, что прежняя покровительница спарообрядчества входитъ въ славу, и что слѣдственно надежда его не была обманчива. Но онъ ясно видѣлъ, что попасть же въ время; ворочанья назадъ ему не хотѣлось, да и было бы далеко: онъ рѣшился переждать госпей и войны въ главную церковь Смоленскія Богомашери. На дворѣ Моноштырскомъ стояло также нѣсколько экипажей, принадлежащихъ знаменитѣйшимъ посѣлителямъ.

Не безъ принужденія переступилъ онъ священный порогъ сего древняго храма, ибо давно уже нога его не бывала въ церквахъ Православныхъ. Занявши мыслию о предстоящемъ свиданіи съ Царицею, онъ бросилъ сначала общій, бѣглый взглядъ на внутренность церкви; потомъ мало по малу сталъ отдѣльно разсматривать ея украшенія, и, переходя отъ предмета къ предмету, остановился наконецъ у одного надгробнаго камня. Чешкая, длинная надпись привлекла его вниманіе; онъ наклоняется — читаетъ: *Государя Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича всея Россіи и Великія Государыни Царицы Маріи Ильиничны, дщерь ихъ Великая Государыня, Благородная Царевна и Великая*

Княжна, Схимонахиня Софія Алексѣевна, родилась...

Не сполько выспрѣлъ, внезапно раздавшійся съ Пешропавловской крѣноспи въ бурную осеннюю ночь, приводишь въ пренептъ бѣднаго жишеля Коломны или Галерной Гавани, возвѣщая близоспъ наводненія, сколько надпись сія попрясла Князя Мышицкаго. Онъ зналъ, что чеспололюбивая Царевна, учаспница Спрѣмецкихъ и Раскольничьихъ буншовъ, была заключена въ Монаспырь, но не зналъ, въ какой именно, и гдѣ окончила дни свои. Теперь — онъ споялъ у ея гробницы, приведенный къ оной непоспжимымъ случаемъ въ шу самую минушу, когда предпріяшя, подобныя волновавшимъ сполько лѣптъ мяшежную ея душу, наполняли собспвенную его голову! Онъ вспоминалъ расказы опща о могущеспвѣ Софіи, замыслами своими приводившей въ движеніе цѣлое Царспво, спремившейся овладѣшь Трономъ, и, вмѣспю Порфиры, узрѣвшей себя въ одеждѣ схимницы! Съ гореспію опврашилъ онъ взоры оптъ сей краснорѣчивой гробницы... но они неожиданно вспрѣпились съ пропцапельными взорами незнакомца, въ военномъ мундирѣ, кошорый, по видимому, давно уже спюялъ на одномъ мѣспѣ и наблюдалъ его.

— «Вы, вѣрно, прѣвзжій,» сказалъ незнакомецъ, подходя ближе: «никогда не бывали въ этой церкви, и призадумались надъ гробницею Софіи Алексѣевны? Правду скажешь, и еспь надъ чѣмъ задумаешься. Покойница много на свой вѣкъ накушила.»

— «Ты угадалъ: я не здѣшній,» отвѣчалъ Князь Мышицкій, спараясь скрыть свое смущеніе; ибо онъ не любилъ, чпобы кто нибудь чиналъ въ глазахъ его соспояніе души.

— «Миѣ чшо-шо знакомъ вашъ голось, хотня онъ и спалъ грубѣе? Я гдѣ-шо видалъ васъ, но кажешся безъ бороды?»

— «Можешь бышь; но если эшо давно, по съ шгъхъ поръ не мудрено выроспи бородѣ.»

— «Точно шакъ; вы помогаете чудесной моей памяти; шочно шакъ, мы должны знашь другъ друга еще въ юношескихъ нашихъ лѣпахъ.... назадъ шому лѣшъ съ осмнадцашъ.... Не правда ли? О, миѣ спомпшь шолько однажды видѣшь въ лице человека и поговоришь съ нимъ, чпобы никогда не забышь его. Скажише, не бывали ли вы въ Кіевѣ? не учились ли вы въ шамошней Семинаріи?» —

Легкая краска разлилась по лицу Раскольника.... — «Да, я учился не много въ Кіевской

Семинаріи; но все тебя не знаю.» — Съ симъ словомъ, онъ сдвѣлалъ шагъ впередъ, чшобы удалиться опъ привязчиваго незнакомца; но шонъ загородилъ ему дорогу, и, схвативъ за руку, вскричалъ:

— «Такъ я жъ тебя знаю шеперь, спарый поварищъ! Мы учились вмѣспъ, сидѣли на одной скамейкѣ. Не могу шолько вдругъ вспомнишь швое прозваніе: ты долженъ бышь или Кошечкинъ или Мышечкинъ.... чшо нибудь около эшого.»

— «Мое прозваніе, Мышицкій.»

— «Ну шакъ и ешь, Мышицкій. Какъ шеперь гляжу на тебя въ запрапезномъ халапъ, съ примазанною головкой. Какъ шеперь вижу тебя всегда молчалинаго, одинокаго. Въдь спало бышь у меня хороша памяшь, когда чрезъ шолько лѣшь, не смопра на эту бороду и эшо плашь, я могъ узнашь тебя!... Однако скажи, пожалуй, опъ чего на шевъ Боярское плашь? Ты, кажешся, слышь у насъ за купческаго сиропку?» —

Новая краска показалась на лицѣ Раскольника. — «Я и самъ не зналъ шогда, кто я,» опвъчалъ онъ.

— «А шеперь?»

— «А шеперь я Князь Мышицкій.»

— «Тѣмъ лучше. Честь имѣю поздравить Ваше Сіяшельство съ возвращеніемъ наследственнаго пшпула!»

— «Осшавъ, пожалуйспа, швои величанія, и скажи лучше, кшо шы самъ, пошому, чшо я все шакн не узнаю шебя.»

— «Хорошъ пріашель, не узнаешъ! Да не ужъ ли я шакъ перемѣннлся, шакъ сосшарѣлся? Бороды, кажешся, у меня нѣшъ, а прншомъ годнка съ два я былъ шебя помоложе. Однако я вижу, чшо шы не прншворяешся. Нечего дѣлашъ: прнходншса самому сказывашся. Андрей Мышнцкій! Неужели забылъ шы самага большаго шалуна нзъ всей Семинарн, Пешрушу Сумарокова?»

— «Ну, шеперь я шебя вспомннлъ.»

— «Да и грѣхъ было бы не вспомнншь: мы, кажешся, жнли ладно, н я, не смощра на мои проказншсшва, не забавляшся, какъ другнє, надъ швоєю молчалнвшсшью. А ежелн подъ конецъ н болно досаднлъ шебъ, шо право безъ умысла. Ну чѣмъ я виновашъ, чшо Поповская дочка, хорошенъкая Груша, съ кошорой шы года полшора не спускалъ глазъ, вдумала пшлншь нхъ на меня? А ужъ куда шы мнѣ жалокъ былъ въ шу пору, какъ она, смиренннца, убѣжала опъ опца съ Полякомъ!» —

Не румянецъ уже, а спрашная блѣднoсь покрыла при сихъ словахъ лице Князя Мышицкаго. — «Ксаши ли говоришь о пакихъ вздорахъ въ храмъ Божіемъ? Выйдемъ на папершь; здѣсь душно,» сказалъ онъ, крѣпко схвативъ за руку Сумарокова, и увлекъ его за собою.

Они вышли.

— «Въ самомъ дѣлѣ,» продолжалъ Сумароковъ: «пришло же мнѣ въ мысль напомнить тебѣ эту ребяческую глупость. Вѣдь, чай, ужъ ты давно женашь, обклялся дѣшми и смѣешься надъ Семинарскою своею любовью? Да что жъ ты пакъ наморщился?»

— «Я не женашь; никогда не думалъ жениться; никогда не женюсь, и даже не люблю говоришь о женщинахъ!»

— «Ого, брашь! да ужъ это слишкомъ сердишо. Видно, Семинарская любовь крѣпко укусила тебя за сердце, что ты не любишь даже говоришь о женщинахъ? Нышь, въ этомъ я тебѣ не поварищъ, хопя до сихъ поръ не разсудилъ еще окрушиться. Ты не женашь, да, кажешся, и не служишь? Что жъ ты дѣлаешь, ненависникъ женщинъ? Гдѣ прашишь по пустому скучные дни свои?»

— «Опвяжешся ли ты опъ меня съ своими распросами? Живу я въ небольшой даль-

ней моей опчинъ, въ Заонежскомъ краѣ; занимаюсь деревенскимъ хозяйствомъ, охотую.»

— «Ну, братъ, выбралъ же уголокъ! Тамъ, говоряшъ, бискомъ набишо медвѣдей да Раскольниковъ. Право, глядя на себя, иной подумаешъ, что если ты и самъ не медвѣдь, такъ по крайней мѣрѣ Раскольникъ.... Но не хмурся, пріятель. Вيني самого себя. Кто велишъ тебѣ сморъшъ такимъ бирюкомъ и носишъ это спарозавѣшное плашь?»

— «Избавь меня опъ твоихъ поученій. При нынѣшнемъ Государѣ, вольно всякому Дворянину жишъ, какъ онъ хочешъ. Люблю спарину, вошь и все шупъ. Вѣдь не смѣю же я надъ общипаннымъ, кургузымъ твоимъ кафшаномъ; не спрашиваю, что дѣлаешъ?»

— «Коли не спрашиваешъ, такъ я самъ скажу: я служу Адъюпанпомъ у Графа Павла Ивановича Ягужинскаго.»

— «Но какимъ чудомъ набрелъ ты на меня въ этой церкви? Вѣдь ты, кажешся, не изъ богомольныхъ?»

— «Сегодня многіе знашныя Господа и Барыни съѣхались сюда опдашь почшеніе Царской Бабушкы. Супруга моего Генерала поже здѣсь, а я пріѣхалъ за нею провожашымъ. Ну, а какъ нашему брату, Офицеру, не слѣдъ

*

въ шакое время совашься на глаза Царицъ , шо я и пошелъ слонаясь по Монашпырю, да и зашелъ въ церковь погръшься... Однако мнѣ распобариваашь съ шобою некогда : вонъ сбѣжалъ съ крыльца гайдукъ Канцлера Головкина ; а вошъ подаюшъ возокъ и моей Графинѣ. Прощай, поварищъ ; если поживешя шебъ въ Москвѣ, шо заходи ко мнѣ выпишь рюмочку Венгерскаго. Я живу въ домъ Графа Ягужинскаго.»

— «Прощай, пущомеля ; чшобы шебъ захлебнушься швоимъ Венгерскимъ, и никогда со мною не вспрѣчашься!» говорилъ про себя, взволнованный непріятнымъ разговоръ Раскольникъ, смопря въ слѣдъ за Сумароковымъ, который, посадивъ Графиню, кивнулъ ему еще разъ изъ саней своихъ. Экинажи одинъ за другимъ съѣзжали со двора Монашпырскаго ; ошались чьи-шо большія, кармазиннымъ сукномъ обипыя сани. И между шѣмъ, какъ онъ, ходя скорыми шагами по паперши, ожидалъ, когда выйдешъ ошъ Царицы послѣдній гощъ, подбѣжалъ къ нему какой-шо спраннаго вида человекъ въ кармазинной же, съ золошыми кисщами, бекешъ, выпучилъ на него глаза и покапился со смѣху.

— «Чего ты хочешь опъ меня, сумасшедшій?» спросилъ съ досадою Князь.

— «Да ничего; хочу только досыпа надъ шобою посмѣяться (ха, ха, ха, ха).»

— «Но какъ ты смѣешь? и что во мнѣ смѣшнаго?»

— «Эпо ли еще я смѣю? Намъ, брагъ, все позволяется. Ну, какъ право надъ шобою не смѣяться: гляди-ка, какъ ты вырядился! У меня, брагъ, дома ешь шапка еще пвоей выше, да только съ бубенчиками.»

— «А, шеперь, вижу: ты чей нибудь шущъ.»

— «Вошь шо - шо и ешь; а не сумасшедшій же, какъ ты было изволилъ меня назвашъ. Нѣтъ, брагъ, шущъ и сумасшедшій, большая разница: изъ сумасшедшихъ не попадешъ въ шущы.»

— «А кто пвой господинъ, и какъ ты здѣсь очутился?»

— «Господина моего зовущъ Его Сіашельсшво Князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій; а очутился здѣсь пошому, что мнѣ хотѣлось хопъ однимъ глазкомъ поглядѣшь на шарую Царицу: попросился у барина, а онъ и велѣлъ мнѣ спать на запяшки, вмѣсто лакея.»

— «Да ты, видно, недавно у него въ услуженіи? Я бывалъ прежде у Князя Алексѣя Григорьевича, но тебя не помню.»

— «Ну не шакъ чшобъ недавно; чай, будешь ужъ съ полгода.»

— «Думаю, жишье тебѣ хорошее: Князь человекъ добрый; наспоящій Русскій Бояринъ, и по милоспи Божіей, вошелъ, говоряшъ, въ большую силу.»

— «Намъ, брашъ, вездѣ не жишье, а масленица. Дѣлай и болшай чпо тебѣ вздумаетъ; рядяшъ, словно куклу; кормяшъ на убой: ѣшь — не хочу; а виномъ — была бы шолько охопа пишь — виномъ хопъ облейся. Ну, а ничшо, коли баринъ-шо человекъ знапшой: всякой тебѣ ласкаетъ; иной еще и подаритъ. Заходи къ намъ, шакъ самъ увидишь; заходи, любезный, познакомимся.» —

Между шѣмъ вскричали сани Князя Долгорукова. Шупъ прыгнулъ съ паперши черезъ при спупеньки, и успѣлъ еще помочь своему господину усьспься.

Спеченіе споль различныхъ случаевъ произвело на Князя Мышицкаго сильное впечатлѣніе, шакъ, чшо онъ не скоро могъ прійти въ шо расположеніе духа, съ копорымъ вошелъ на дворъ Монастырскій и съ шрудомъ

собралъ въ порядокъ мысли, загошовленные для объясненія съ Царицею.

Евдокія Феодоровна занимала Игуменьины кельи. Хотя посѣщеніе многихъ особъ, копорыхъ принимала она въ эпо упру, весьма ее упомило, но спарушку сполько радовали знаки воздаваемого ей почшенія, копорыхъ лишена была въ печеніе придцаши лѣтъ, что она не опказалась приняшь и Князя Мышицкаго, когда доложили, что онъ желаетъ ей предсавишься. Она снова съла, или лучше сказашъ погрузилась, въ набипшыя пухомъ бархашныя кресла, споявшія у пропивоположенной ошь входа спѣны, близъ печи, копорыхъ узорочная спинка возвышалась еще на полуаршина надъ ея головою. Проспоша одежды ея соопвѣспивовала мѣспопребыванію: на ней былъ пемнокоришневый гродепуровый шушунъ съ пакою же юпкою, бѣлая косынка съ золопою бахрамою и черная бархашная шапочка съ узкимъ бобровымъ окольшемъ; но при всемъ помъ, и не смопря на пядидесяпи-семи-лѣпній возрастъ, она была набѣлена и слегка нарумянена.

Князь Мышицкій, введенный монахиною, перекреспясь на образъ, поклонился Царицѣ въ ноги, и положилъ на ближній столъ свой гостинецъ.

— «Здравствуй, Князь,» сказала она: «миѣ чпо-шо памяшно швое прозваніе. Опъ какихъ шы Князей Мышицкихъ происходишь?»

— «Опъ Новгородскихъ, Ваше Царское Величеспво, переселившихся въ край Заонежскій. Родипеля моего звали Княземъ Денисомъ.»

— «Да не онъ ли былъ въ милоспи у покойной Царевны, Софіи Алексѣевны? — дай ей Богъ Царспво небесное!»

— «Онъ самый, Ваше Царское Величеспво.»

— «Ну вопъ видишь, я еще не все пере-забыла въ моемъ започеніи. Вѣрный онъ былъ слуга Царевнѣ: я часпо его у ней видала.»

— «Я довольно наслышенъ опъ покойнаго родипеля моего о великихъ милоспяхъ какъ Царевны Софіи Алексѣевны, шакъ и Вашего Царскаго Величеспва, и по гробъ мой о нихъ не забуду.»

— «Вижу, по словамъ швоимъ и одѣянію, чпо шы идешь по спопамъ швоего родипеля, держишься Спарообрядчеспва: не осу-ждаю тебѣ — Господь вѣдаешъ, на чьей споронъ правда — но люблю Спарообрядцевъ за шо, что они крѣпки въ своей вѣрѣ, не покидаюпъ обычаевъ опцевъ своихъ и чуждаюпся всякой иноземщины, опъ кощорой мы, по милоспи Покойника — не шѣмъ

будь помянушь — погибаемъ, какъ опъ язвы.»

— «Во истину шакъ, Ваше Царское Величештво: земля Русская гибнешъ опъ распльнїя Праошеческихъ нравовъ! И чего было добраго ожидашь, когда окаанный Никонъ, еще при покойномъ Свекрѣ Вашего Царскаго Величештва, обуявъ Царя своимъ лжемудрїемъ, посягнулъ на исправленїе Богодухновенныхъ Церковныхъ книгъ? Вѣра поколебалась: не успояли и обычаи благочеспивыхъ нашихъ предковъ. Напрасно Царевна Софія Алексѣевна возспала прошиву пагубныхъ нововведенїй: она испила за свою ревность горькую чашу; напрасно Ваше Царское Величештво хопъли удержашъ заблудшагося супруга вашего, взлелъеннаго иноземцами, опъ его гибельныхъ намѣренїй — вамъ поднесена была шакже горькая чаша! Пошли перемѣны за перемѣнами: вмѣсто Паптріарха, учредили Синодъ; вмѣсто Царской Думы — Сенашъ.... чпо за названїя шакїя?... приказали бришь бороды, опмѣнили указомъ спаринную одежду, надѣлали какихъ-шо мудреныхъ чиновъ, о копорыхъ на Руси не слыхивали, и спали не шолько говорипъ на языкахъ иноплеменныхъ, но даже и въ законы ввели слова не Русскїя! Оспавалась

еще надежда на злосчастливаго Царевича... Но я замолчу, чшобы не расправишь сердечной раны Вашего Царскаго Величества.» —

Царица закрылась платкомъ, опирая шекущія слезы.

— «О, о, охъ!» продолжала она: «горькая была моя участь въ заключеніи; но когда дошла мнѣ въ темницу въспъ, чшо милое мое дѣшшце, Алексѣя Пепровича, женили насильно на какой-шо некрещеной обливанкѣ — я совсѣмъ изныла съ кручины. А ужъ каково мнѣ было, когда узнала, чшо онъ, мой ненаглядный, не доживя въку....» слезы прервали слова Царицы.

— «Не сокрушайшесь шакъ, Государыня; намъ не ворошиць его слезами. Теперь насшали для васъ красные дни. Господь Богъ послалъ вамъ ушъшеніе въ его Сына, а вашемъ Внука, Государь Петръ Алексѣевичъ.»

— «Ужъ подлинно ушъшилъ меня Господь подъ спаросъ! допустилъ видѣшь Его на пресполѣ, въ силѣ и славѣ. Да и какой Онъ ко мнѣ милосшивый, ласковый: шолько воцарился, какъ шопчась и вспомнилъ о злосчастливаго Своей Бабкѣ. Велѣмъ освободить; звалъ меня къ Себѣ въ Пешербургъ; но я опказалась, и пожелала переѣхашъ сюда.

Вопшь ужъ Онъ былъ у меня два раза: сперва шайкомъ, а попомъ совсѣмъ парадомъ.»

— «Какъ не радуешься шакому Его почщенію къ Вашему Царскому Величеству, и какъ не усмащривашь въ шомъ особеннаго внушенія свыше: ибо, по словамъ Писанія: *сердце Царево въ руцѣ Божіей*. Онъ, Создашель, обрашилъ Его сердце къ Вашему Царскому Величеству. Да и кпо въ младыхъ Его лѣтахъ лучше Ему посовѣпуешъ; кпо лучше насшавишъ на пупъ испинный, какъ не родная Бабка? — Я чаю, Государыня, въ уже извоили проговаривашь Его Царскому Величеству, чпо шеперь все идешъ у насъ наизворощъ, и чпо, пока Господь не совсѣмъ прогнѣвался, надобно бросишъ всѣ эщи иноземныя зашѣи и обратишья къ своей Русской спаринѣ?»

— «Какъ не говоришъ — говорила: да чпошо Онъ не больно охошно объ эшомъ слушаешъ. Правда, спарины шаки не осуждаешъ, и хошя сказалъ, чпо если бы не начинали Прадѣдъ и Дѣдъ Его, шо и Онъ бы не началъ; но пошомъ примолвилъ, чпо шеперь нельзя ужъ назадъ ворошишья: спыдно, дискашъ, будешъ передъ Свѣшомъ.»

— «Худо, Государыня, худо. Вопшь чпо нащепшали Ему Нѣмцы-шо. Имъ конечно эшо

на руку, да каково намъ? Они хомяшь также царспивовашь при Внука, какъ царспивовали при Дѣдушкѣ. Ахъ! Ваше Царское Величештво, спасише заспулленіемъ вашимъ нашу Свяшую Русь ошъ эпого дьявольскаго наважденія. При юноспи и неопышноспи Царя, они пуше прежняго возьмутъ силу. Да и долго ли до шого, когда еще съ ребячесшва удалили опъ Него всѣхъ Русскихъ и опдали на руки какому-шо бродягѣ Осперману, копорому въ своей земль, видно, нечего было перекусить, и копорый, говоряшъ, хипрѣ лукаваго.»

— «Говоряшъ, чшо хиперъ; но я слышалъ, чшо ужъ онъ наскучилъ Царю своимъ умничаньемъ, и чшо Царь рѣдко его и на глаза пускаешъ.»

— «Дай-шо, Господи! Коли шакъ, то при помощи Князей Долгорукихъ, копорые, слышно, въ большой шеперь милоспи, и другихъ коренныхъ Русскихъ Вельможъ, Вашему Величештву можно еще попышашься обратишъ Царя на пушь испинный.»

— «Я шаки и не опчаявалась,» примолвила Царица, взявшись за обѣ ручки кресель, и принявъ осанисшый видъ. «Послѣ завпра, по вошь любезнѣйшаго нашего Внука, перѣзжаемъ мы во Дворецъ. Видно, Государю

угодно помѣстивъ насъ къ Себѣ поближе съ шѣмъ, чѣобы подѣ часъ посовѣповашься съ нами въ важныхъ дѣлахъ.»

— «Истинно, истинно шакъ, Ваше Царское Величешво.»

— «Хопя мы въ преклонныхъ уже лѣпахъ и ошъ прешерпѣнныхъ спраданий ослабѣли въ силахъ, но крѣпки еще духомъ; можемъ еще подашь благій совѣшъ и пособишь Внуку нашему въ шпудахъ Царскихъ. Чѣмъ хуже мы Екашерины Скавронской?...» —

Царица вспала съ видомъ необыкновеннаго величія; лице ея покрылось краскою, въ копорой исчезли самыя румяна, полная грудь — одно изъ самыхъ замѣшныхъ опличій ея наружноспи — сильно волновалась подѣ кисейною косынкою; легкимъ наклоненіемъ головы, она дала знакъ Князю Мышицкому удалишься.

Владимиръ Панаевъ.

МИХАИЛЪ НИКИТИЧЪ
РОМАНОВЪ.

(Землянка близъ села Нырова) (*).

1802-й годъ.

=

РОМАНОВЪ, *одинъ.*

Замыслить гибель честнаго семейства,
Подкинуть вредныхъ зелей въ домъ невинныхъ,
И скованныхъ повергнуть ихъ въ вертепы —
Есть ухищренье грознаго злодѣя ;

(*). См. Исторію Г. Р. Карамзина, томъ 11-й стр. 99 - 105

Есть дѣло, вопіющее на Небо.
О, милые друзья, о братья, гдѣ вы? ...
Томитесь ли въ глухихъ, подземныхъ сводахъ,
Или страдальческую жизнь скончали? ...
Ахъ, если бѣ въ сей далекий, душный гробъ
Мнѣ вѣсть отъ васъ, родные, долетѣла!
Хотя бѣ одно промолвили вы слово!
Но, нѣтъ, здѣсь только смерть одна доступна.
Создатель, Боже нашъ! не предъ Тобой ли
Клялся Борисъ быть праведнымъ судьбою,
Щадить и даже миловать преступныхъ;
А насъ, невинныхъ, погубилъ безбожно!
Мы не таили замысловъ крамольныхъ,
Мы не вступали въ сонмы нечестивыхъ;
Но жили въ Божіемъ святомъ законѣ.
Какъ брата, ближняго всегда любили,
Последнее зерно несли вдовицѣ,
Последней лептою дѣлились съ бѣднымъ,
И мы, живые, брошены въ могилы.
Нашъ предокъ Мономахъ — вотъ наше бѣдство,
Романовы — вотъ наше преступленіе!
О тяжкая, о горькая разлука!
О лютое, недужное страданье!
Не возрпталъ бы я, когда бѣ невинность
Доселѣ не была святыней смертныхъ.

(входитъ сторожъ).

СТОРОЖЪ, *про себя.*

Что, живъ еще!... Пора бѣ избавить насъ
Отъ скуки.... Но — кто онъ?...

РОМАНОВЪ.

Ахъ, ради Бога,

Коль знаешь ты его святое имя,
Не дай мнѣ задохнуться въ семь вертепъ,
Тлѣтворномъ, душномъ, какъ могила,
Гдѣ съ годъ уже томлюся я, недужный.
Позволь хоть разъ взглянуть на свѣтъ дневной,
Позволь вздохнуть хотя единый разъ
Мнѣ чистымъ воздухомъ.

СТОРОЖЪ.

Чтобы уйти?

Нѣтъ, не уйдешь! Хоть на ухо я крѣпокъ,
За то ужъ слушаю чутьемъ, и разомъ
Гляжу за пятерыхъ; я старый сторожъ!
Кто при Малютѣ былъ душой Опричныхъ,
Тотъ вѣрно ужъ надежный человекъ.
Съ тобою оплошать! избави Боже!
Вѣдь, говорятъ, сбиралъ ты злыя зелья,
Чтобъ отравить Бориса.

РОМАНОВЪ.

Клевета,

Что на Романовыхъ самъ демонъ взвелъ,
Чтобъ весь ихъ родъ вѣрнѣе погубить.

СТОРОЖЪ.

Да что Романовыхъ ты вздумалъ путать
Въ чужое дѣло? Развѣ ихъ вина,
Что ты затѣялъ промышлять отравой?

РОМАНОВЪ.

Да развѣ ты ихъ зналъ?

СТОРОЖЪ.

И зналъ и знаю;

И кто жъ у насъ Романовыхъ не знаетъ!
Ихъ души чужды всякаго коварства,
Они не стануть ближнему рыть ямы,
Благотворители —

РОМАНОВЪ.

И всѣ несчастны!

Всѣ терпятъ страшную и злую долю.

СТОРОЖЪ.

Какъ! и Василій и Феодоръ?

РОМАНОВЪ.

Всѣ.

Такъ хочеть Годуновъ.

СТОРОЖЪ.

Возможно ли!

А помню я, какъ онъ ихъ всѣхъ честилъ!

РОМАНОВЪ.

Онъ даже клятву далъ отцу ихъ, старцу,

Въ послѣдній часъ его певняной жизни,
Имъ быть вторымъ отцемъ.

СТОРОЖЪ.

Ахъ, Боже мой!

Впервые жалость (*бьетъ по сердцу*) тутъ заговорила...
Они не разъ и мнѣ благоворили. —
Да ты какъ это знаешь?

РОМАНОВЪ.

Я Романовъ.

СТОРОЖЪ, *крестясь*.

Ахъ, Господи!

РОМАНОВЪ.

Я Михайлъ Никитичъ!

СТОРОЖЪ, *всматриваясь въ него и про себя*.

Онъ! точно онъ!... Его и видъ и обликъ...
И добрый взглядъ. — Да кто жъ себѣ злодѣй!
А съ нимъ бѣда! — Нѣтъ, перестань лукавить,
И именемъ чужимъ меня морочить;
Не проведешь меня. — Ты отравитель!

РОМАНОВЪ.

Я?... Нѣтъ, клянуся Богомъ!

СТОРОЖЪ.

Отвяжись!

Съ тобой на плечахъ головы не сносишь.

*

Пойду и Приставу все донесу;
Онъ знаетъ тайную Бориса волю.

(Уходитъ.)

РОМАНОВЪ, одинъ.

Злодѣй! узнать невиннаго не смѣть!
Какъ язвы, онъ страшится сожалѣнья,
И онъ — онъ носитъ имя челоуѣка!

(слышны звуки свирьли.)

Свирель!... опять ея пріятный голосъ!
Здѣсь утѣшители мои!... ихъ говоръ!...
Безъ нихъ давно бѣ отъ нестерпимой скорби,
Или отъ глада, палъ я бездыханный.
И въ глубь земли проникло состраданье!...
Звучи, звучи, отрадная цѣвница!
О! лейтесь, лейтесь, милые напѣвы!
Напоминайте мнѣ нашъ бытъ домашній
И счастье миновавшее... Увы!
Подъ честнымъ кровомъ дружнаго семейства,
Въ обиліи всѣхъ благъ, въ любви и дружбѣ
Я черпалъ столько радостей!... А здѣсь,
Здѣсь гробовое, мертвое молчанье,
Здѣсь вѣчный мракъ: одно отверстие,
Подобье свѣта — вотъ страдальца небо!

*(Свирель играетъ, слышны голоса и въ
отверстіе на ниткѣ спускается свирель.)*

Я слышу лепетанья. . . . Это дѣти
 Радушныхъ жителей села Ныроба ;
 Они, они ! . . . и вотъ ихъ даръ безцѣнный ! . . .

(Беретъ свирѣль, наполненную медомъ.)

Медъ сладкій, благовонный ! . . . Царь небесный !
 Благослови ихъ честное семейство !
 Храни, храни сихъ отроковъ невинныхъ,
 Сихъ умиленныхъ друзей страдальца !
 И благостыню чистыхъ душъ, какъ жертву,
 Какъ оиміамъ чистѣйшей пріими ! —
 Борисъ, немилосердый нашъ губитель,
 Скажи : къ твоей кровавой багряницѣ
 Хоть разъ пріини ли смертный съ умиленьемъ,
 Какимъ святится узника землянка ! . . .

(Свирѣль играетъ и спускается.)

Еще свирѣль ! и что жъ ? *(вынимаетъ изъ нее бумагу,)*
 Письмо отъ брата !

Но не мечта ли ? . . . Нѣтъ, его рука,
 Рука Θεодора ! . . . О, Провидѣнье !
 Я утопаю въ радостныхъ слезахъ !
 Онъ живъ еще ; но . . . одинокій, въ кельи ;
 Борисъ расторгъ его всѣ связи съ міромъ.
 Невольный инокъ вопіеть на Небо :
 Услыши, Господи, невинныхъ стоны !
 Но шумъ и вопль . . . незанная тревога . . .
 Бѣгутъ сюда.

(Вбѣгаетъ сторожъ.)

СТОРОЖЪ.

Предательство! измѣна!

Дѣтей съ дарами подсылать къ темницѣ!
Учить ихъ состраданью къ заключеннымъ!

РОМАНОВЪ.

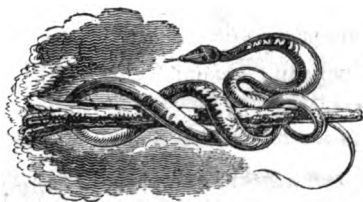
И это преступленіе? . . .

СТОРОЖЪ.

Нѣтъ, злодѣйство!

За то отцевъ свирѣльщикомъ безумныхъ
Сейчасъ помчатъ къ Борису въ кандалахъ.
Тамъ допытаются отъ нихъ всей правды;
И не видать ужъ имъ роднаго края.
А эту скважину проклятую навѣкъ
Сейчасъ заклеплютъ наглухо желѣзомъ;
И эту дверь камнями завалятъ.
Воды ни капли, хлѣба ни пол-крошки!
Ты здѣсь умрешь голодной, лютой смертию.

М. Лобановъ.

Ч Е Р Т Ы

ИЗЪ ЖИЗНИ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.

По оставленіи Москвы Россійскими войсками, Князь Кушуровъ отправилъ въ Петербургъ съ донесеніемъ о семъ гореспномъ событіи Графа N. N., извѣснаго опличною своею службою въ войнѣ съ Турками, и совѣпомъ, даннымъ имъ въ Дриссъ, на основаніи кошораго положено было оставишь укрепленный лагерь при семъ городѣ, гдѣ

первоначально предполагали приняшь сраженіе. По прибытіи въ Пешербургъ, 8-го Сентября, онъ немедленно приняшь былъ Государемъ, Который по грустному виду его заключилъ, что привезенное имъ донесеніе было не радостное. — «Вы, конечно, присланы съ печальными вѣстями?» были первыя слова Монарха. — «Къ несчастію, весьма печальными: Москва нами оставлена....» — «Какъ!» прервалъ Императоръ: «развѣ мы проиграли сраженіе, или Мою древнюю Столицу опдали безъ боя?» — «Къ сожалѣнію,» отвѣчалъ посланный: «окрѣпости Москвы не представили выгоднаго мѣстоположенія, на которомъ можно бѣ было сразиться съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ; а пошому Главнокомандующій увѣренъ, что онъ избралъ спасительную мѣру, сохранивъ Вашему Величеству армію, коей гибель не могла бы спасти Москвы, или должна бѣ была имѣть самыя пагубныя послѣдствія. Теперь же, армія, получа всѣ назначенныя ей Вашимъ Величествомъ подкрѣпленія, копорыя я встрѣчалъ повсюду на дорогахъ, гдѣ проѣзжалъ, въ состояніи будетъ начать наступательныя дѣйствія, и заставитъ непріятеля раскаяшься, что онъ дерзнулъ проникнуть въ сердце Вашей Имперіи!»

— «Вошелъ ли непріятель въ Москву?»

— «Вошелъ, Государь, и въ сію минушу, она превращена уже въ пепель; я оспавиль ее объящую пламенемъ.» —

При сихъ словахъ, слезы полились изъ глазъ Монарха, и зашмили ихъ: «Боже мой!» сказалъ Онъ: «что за несчастія!»

— «Не огорчайшесь, Государь! армія Ваша ежедневно усиливается....» —

Императоръ, прерывая его, сказалъ: — «Я заключаю изъ всего, что съ нами сбывается, что Провидѣніе пребудетъ опъ насъ великихъ пожертвованій, опъ Меня особенно. Я гошовъ покоришься волю Его; но скажише мнѣ, что говорили войска, когда древною Сполицу Мою оспавили безъ выспрѣла? не подѣйствовало ли это на нравспвенность солдатъ? не замѣшили ль вы, что они упали духомъ?»

— «Позволише ли мнѣ, Ваше Вѣличество, говоришь Вамъ съ опкровенностію, какъ испинно военному?»

— «Я сего всегда пребую; но въ эту минушу Я васъ прошу, не скрываете опъ Меня ничего; скажише мнѣ чиспосердечно все, что вы знаете.»

— «Государь, я долженъ Вамъ признаться, что я оспавиль армію, опъ Главнокомандую-

щаго до послѣдняго солдата, въ неописанномъ спрахѣ...»

— «Что вы Мнѣ говорите? Опъ чего происходишь сей спрахъ? Ужели Мои Русскіе сокрушены несчастіемъ?...»

— «Нѣтъ, Ваше Величество; они только бояшся, чшобы Вы, по добротѣ Вашего сердца, не заключили мира; они горящъ желаніемъ сразиться, и доказать Вамъ храбросію своею и пожертвованіемъ жизни, сколько они Вамъ преданы.» —

Государь (пошрепавъ его по плечу): — «Вы облегчили Мое сердце, вы Меня успокоили. И шакъ, возвратишесь въ армію, скажише Моимъ храбрымъ воинамъ, скажише Моимъ вѣрноподаннымъ, вездѣ, гдѣ вы проѣзжашъ будете, чшо если у Меня не останешся ни одного солдата, шо Я созову Мое вѣрное Дворянство и добрыхъ поселянъ, чшо Я буду предводительствовать ими, и чшо Я подвигну всѣ средства Моей Имперіи. Россія предоспавляетъ Мнѣ болѣе способовъ, чѣмъ непріятели думаютъ. Но ежели назначено судьбою и Промысломъ Божиимъ роду Моему болѣе не царствовать на Пресполь Моихъ Предковъ, шогда, испоштивъ всѣ усилія, Я опрощу себѣ бороду до сихъ поръ,» (показывая рукою на грудь Свою) «и лучше со-

глашусь пишашся хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подпишу същѣдъ Моего опечесства и добрыхъ Моихъ подданныхъ, коихъ пожершвованія умѣю цѣнить. Провидѣніе насъ испытываешъ: будемъ надѣяшся, что оно насъ не оставишъ.» —

При сихъ словахъ, Императоръ пошелъ по комнашъ; лице Его пламенѣло; возвращаясь скорыми шагами, Онъ сжалъ крѣпко руку посланнаго, и продолжалъ: — «Не забудьте, что Я вамъ шеперь говорю; можешъ бышъ, придетъ время, когда мы объ эшомъ вспомнимъ съ удовольствіемъ: *Наполеонъ или Я, Я или онъ*, но вмѣстѣ мы не можемъ царшвовашъ; Я его узналъ, онъ болѣе не обманешъ Меня.»

— «Государь!» опвѣчалъ посланный: «Ваше Величество подписываешъ въ сію минушу славу Вашего народа и спасеніе Европы.»

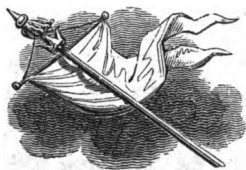
— «Да исполнишя желаніе ваше,» возразилъ Александръ: «подише опдыхашъ, и будыте гошовы возвращишся въ армію.» —

При отправленіи Графа Н. Н. обратно въ Главную Кварширу, Государь приказалъ Фельд-маршалу прислашъ его въ Пешербургъ съ первымъ благопріятнымъ извѣстіемъ; почему Князь Купузовъ поручилъ ему везти донесеніе о побѣдѣ подъ Тарушинымъ. Объяснивъ

Государю подробности сего сраженія, Графъ говорилъ также объ общей, несомнѣнной надеждѣ, копорую тогда писали въ арміи, что походъ долженъ спвоавать въ скоромъ времени приняшь счастливѣйшій для насъ оборотъ, и что непріятели будущъ изгнаны изъ Россіи. Онъ присовокупилъ, что присущіе Государя осчастливило-бъ войска, а особливо, ежели бы Его Величеству угодно было лично приняшь предводительство надъ оными. На сіе Государь отвѣчалъ слѣдующее: «Всѣ люди честолюбивы; признаюсъ вамъ откровенно, что и Я не менѣ другихъ честолюбивъ, и если бы Я теперь внялъ только сему одному чувствованію, то сълъ бы съ вами въ коляску, и поѣхалъ въ армію; ибо, разсмотривая невыгодное положеніе, въ которое мы вовлекли непріятеля, оплич- ный духъ арміи нашей, неисчерпаемые источники, представляющіеся Мнѣ въ Имперіи, приговоренныя Мною многочисленныя запасныя войска, распоряженія, посланныя Мною въ Молдавскую армію, — Я несомнѣнно увѣренъ, что побѣда у насъ не опъемлема, и что остаесться только, какъ вы говорите, пожинашь лавры. Я знаю, что если бы Я находился при арміи, то вся слава опнесла- ся бы ко Мнѣ, и что Я занялъ бы мѣсто

въ Испоріи: но когда Я помышляю, сколь мало Я опытенъ въ военномъ искусствѣ въ сравненіи съ непріятелемъ Моимъ, и что, не взирая на добрую волю Мою, Я могу сдѣлать ошибку, онъ кошорой прольется драгоцѣнная кровь Моихъ дѣшей: тогда, не взирая на Мое самолюбіе, Я охотно жершвую Моею славою для блага арміи. Пусть пожинають лавры шъ, кои болѣе Меня доспойны оныхъ: возвратишесь въ Главную Кварширу, поздравьте Князя Михайла Ларіоновича съ побѣдою, и скажише ему, чтобы онъ выгналъ непріятелей изъ Россіи.» —

А. Михайловскій-Данилевскій.

НА СМЕРТЬ ГЕТА.

Предстала — и старецъ великой смежилъ,
Орлиныя очи въ покоѣ;
Почилъ безмятежно, за не совершилъ
Въ предѣлѣ земномъ все земное.
Надъ дивной могилой не плачь, не жалѣй,
Что генія черепъ насладѣе червей.

Погасъ — но ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣта;
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что просить у сердца отвѣта;
Крылатою мыслью онъ мѣръ облетѣлъ,
Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ.

Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,

Искусствъ вдохновенныхъ созданья,

Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,

Цвѣтущихъ времянь упованья,

Мечтою по волю проникнуть онъ могъ

И въ нищую хату, и въ Царскій чертогъ.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:

Ручья разумъль лепетанье,

И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,

И чувствовалъ травъ прозябанье;

Была ему звѣздная книга ясна,

И съ нимъ говорила морская волна.

Извѣданъ, испытанъ имъ весь человекъ.

И ежели жизнью земною

Творецъ ограничилъ летучій нашъ вѣкъ,

И насъ за могильной доскою,

За міромъ явленій не ждетъ ничего —

Творца оправдаетъ могила его.

И если загробная жизнь намъ дана,

Онъ, здѣшней вполнѣ отдышавшій,

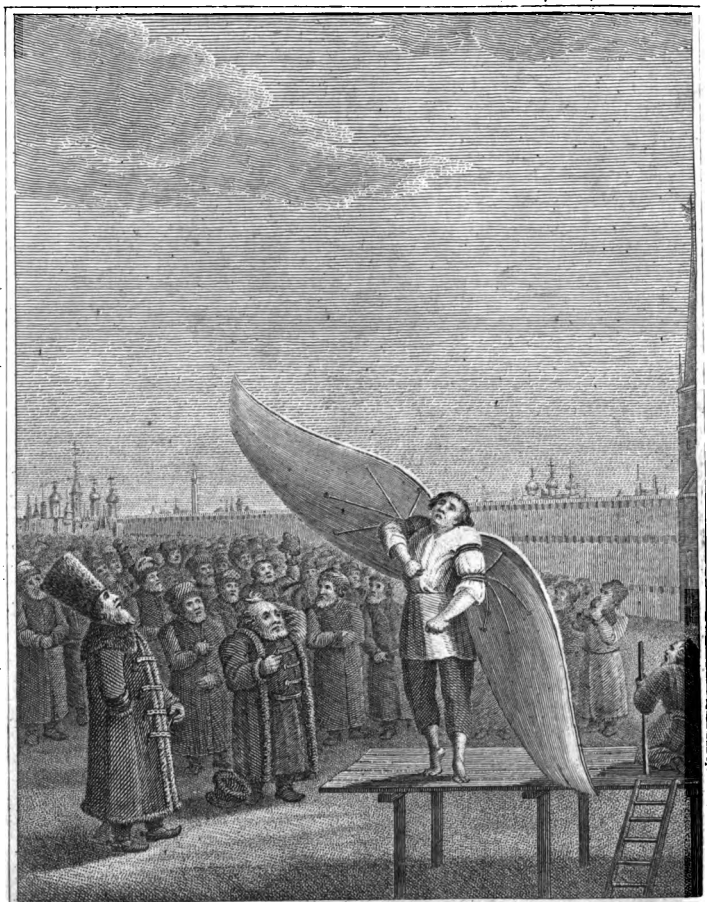
И въ звучныхъ глубокихъ отзывахъ сполна

Все дольное долу отдавшій,

Къ Предвѣчному легкой душой возлетитъ

И въ небѣ земное его не смутитъ.

Е. Баратынский.

Пис. С. Семеновъ. Графъ Н. Толстѣй, Академикъ В. А. К. Попова въ Дня 1833 года.

THE
NO
THE
THE
THE
THE
THE
THE
THE

РУССКІЙ ИКАРЬ.

Кому не извѣстенъ сынъ Дедала, Икаръ, улетѣвшій съ оспрова Криша, съ опцемъ своимъ, опъ преслѣдованій Миноса на крыльяхъ, копорья Дедалу удалось сдѣлать, по свидѣтельству Овидія, изъ перьевъ и воска? Кто не знаетъ, что Икаръ, не смотря на предостереженія опца, слишкомъ приблизился къ солнцу; что солнечные лучи расшопили воскъ, скрѣплявшій перья его крыль, и что онъ упалъ въ море? Хотя многіе, доспойные уваженія, новѣйшіе писатели и не вѣрятъ сему событію, называя

его баснословнымъ и доказывая, что Икаръ съ опцемъ бѣжалъ съ Крипа на легкомъ кораблѣ, снабженномъ противъ обыкновенія древнихъ не однимъ парусомъ, а многими, и что онъ упалъ въ море съ корабля, а не съ неба; но вольно имъ толковать по своему повѣспованіе древности. Въ нынѣшній вѣкъ Скептицизма, Европейцы гоповы во всемъ сомнѣвались. Скоро дойдутъ они, пожалуй, до того, что переспанутъ даже вѣришь превращенію Юпитера въ вола, кошорый перевезъ на себѣ черезъ море Европу съ Финикійскихъ береговъ на оспровъ Крипъ, и такимъ образомъ будущъ опвергашь событіе, безъ кошораго не было бы на свѣтѣ и самихъ Европейцевъ.

И такъ первоначальная мысль: лепашъ по воздуху, должна бытъ приписана древнимъ Грекамъ. Если же нынѣшніе Скептики-Европейцы наспояшело захошашъ опровергашь сіе, счишая полешъ Икара и опца его баснословнымъ, и приписываешь себѣ славу изобрѣшенія, кошорое возвысило челоувѣчешво на неслыханную высоту, шо они очень опшибушь въ своемъ расчешѣ. Слава сія принадлежишь Азіи. Да, господа Европейцы, Азіи! Мы предспавимъ неопровержимья доказашельшва, и досада ваша шѣмъ

болѣе увеличился, что пальму первенства въ воздухоплаваниі принуждены вы будете вручить — не Эдинбургскому докпору Блаку, кошорый, пользуясь опкрышіемъ Англійскаго химика Кевендиша, наполнялъ водороднымъ газомъ спонкіе пузыри и шѣшилъ, пуская ихъ по воздуху; не Ипальянцу Кавальо, кошорый, долго спрудясь надъ воздушнымъ шаромъ, кончилъ свои глубокія изысканія объявленіемъ, что пузыри для шара слишкомъ спяжелы, а клееная бумага пропускаешъ сквозь себя воздухъ, и началъ пускашъ къ пошолку своей комнашы мыльные пузыри, наполненные газомъ; не Французу Монгольфье, кошорый поднялся на шаръ въ первый разъ въ Окшябрь 1783 года на 50 шолько фушовъ, и удивилъ жипселей Парижа, — а Русскому креспьянину, Емельяну Иванову. Ушверждайше же, что Россія, до преобразованія оной Петромъ Великимъ, была Азіяшская Держава! Тѣмъ хуже для васъ; ибо вмѣспѣ съ шѣмъ вы принуждены будете сознашъся, что къ спыду Англійскаго химика, Шопландскаго докпора, Ипальянскаго физика и Французскаго бумажнаго фабриканша, первый шагъ къ воздухоплаванию сдѣмалъ Азіяшець, Русскій креспьянинъ, еще въ 1695 году, слѣдовашельно за 71 годъ прежде Блака, за 87

*

льшь прежде Кавальо, и за 88 прежде Монгольѣе. Въ эпомъ можешъ убѣдишь васъ слѣдующая историческая повѣсть, основанная на дневныхъ запискахъ одного изъ современниковъ знаменитаго Емельяна Иванова. И васъ, любезные соотечественники, просимъ обратити вниманіе на сію повѣсть. Вѣроятно, многіе изъ васъ, по приспращію ко всему иностранному и хладнокровію ко всему Русскому, считали до сихъ поръ Монгольѣе первымъ воздухоплавателемъ и даже не слышали объ Ивановѣ.

Вершъ за полпораспа опъ Москвы, въ одной изъ принадлежавшихъ Паптріарху деревень, имя которой, къ сожалѣнію, не сохранилось въ нашихъ лѣтописяхъ, жилъ въ концѣ семнадцатаго столѣтія, во время царствованія Петра Великаго, вдовый крестьянинъ, Архипъ Ивановъ. Онъ имѣлъ шрехъ сыновей. Двое изъ нихъ были парни умные, а шрещій... глупецъ, скажешъ иной чипашель, вспомнивъ извѣстное всей Россіи сказаніе о Емель-дурачкѣ, и очень ошибешся. Хотя младшаго сына и звали Емельяномъ, но онъ вовсе не походилъ на своего знаменитаго шѣску. Братья его въ молодыхъ еще лѣтахъ умерли, и у спарика Архипа оспалось въ жизни одно упшшеніе: его младшій сынъ,

да и съ шѣмъ бѣднякъ жилъ въ разлукѣ; ибо съ роду не бывалъ въ городѣ, выѣзжая изъ деревни только по праздничнымъ днямъ въ ближнее село Спояново, за обѣдню; Емельянъ же, промышляя себѣ хлѣбъ извозомъ, жилъ поспоянно въ Москвѣ. Тамъ завелъ онъ обширное знакомство, и до того просвѣщился, что даже выучился кое-какъ грамотѣ, копорую считалъ прежде чародѣйствомъ. Къ просвѣщенію его не мало способствовали разговоры со служками Законоспасскаго Монашья, куда онъ часто возилъ, по найму, съ рынка разные припасы для Славено-Греко-Лашинской Академіи, копорая въ семь Монашья помѣщалась.

Накопивъ изрядную сумму денегъ, поѣхалъ онъ въ Апрель 1695 года въ деревню, повидашься съ ошцемъ. Пріѣздъ его чрезвычайно обрадовалъ спарика, и онъ цѣлые два дня спрашивалъ сына про его жишье-бышье въ Москвѣ. На шрепій день понамарь села Споянова звалъ къ себѣ Архипа съ сыномъ опобѣдашь и опшраждновашъ его именины. Надѣвъ праздничные кафшаны, съли они въ шелзгу и поѣхали на званный обѣдъ.

Понамарь вспрѣшилъ пріѣзжихъ за ворошамъ своей избы, копорая уже была наполнена госпями.

— «Здорово, Архипъ Иванычъ!» закричалъ онъ. «Я уже васъ совсѣмъ опчаялъ. Думалъ, что не будете.»

— «Какъ не бышь, Савва Пошапычъ! Вѣдь ты одинъ разъ въ году имянинникъ!» опвѣчалъ Архипъ. «Возьми-ка, ошець нашъ, го-спинець. Не прогнѣвайся!»

— «Напрасно, Архипъ Иванычъ, напрасно! Къ чему этакъ убышчисься!» говорилъ понамарь, принимая изъ рукъ крестьянина небольшой мѣшокъ пшеницы, и взваливая его на спину. «Милоспи просимъ въ избу. Мы васъ полько и поджидали.» —

Убравъ полученный подарокъ въ чуланъ, понамарь Савва явился къ госпямъ, копорыхъ было въ избѣ около дюжины, и началъ усаживашъ всѣхъ за споль. Мы не опишемъ блюдъ, пригошвленныхъ дочерью понамаря, Анюшою, ибо опасаемся возбудишь не вовремя аппешись нашихъ чипашелей, особенно если они чипають эту повѣсть задолго до объда. Не спанемъ шакже счипашъ, сколько кружекъ пива и вина было выпипо за споломъ, и во сколько поклоновъ понамарю обошлась всякая выпипая кружка. Довольно сказашъ, что съ половины объда заболѣлъ у хозяина запылокъ, и съ лица его лилъ потъ, будшо въ самый жаркій день Юля, между

швѣтъ какъ лица госпей его шолько чпо раскраснѣлись.

— «Да чпо жѣ шы, Анна Савишна, ничего хмѣльнаго не выкушаешь?» сказалъ пожилой креснянинъ, въ синемъ кафтанѣ и красной рубашкѣ, сидѣвшій напрошивъ дочери понамаря. «Хлебни хопъ пивца, и поштышь госпей.»

— «Благодарствую!» отвѣчала Анюша. «Мнѣ вода всего больше нравится.»

— «И мнѣ шакже!» прибавилъ Емельянъ; налилъ изъ кувшина кружку воды, и выпилъ ее, примолвивъ: «За здравіе всѣхъ красныхъ двушекъ!»

— «Неча сказаешь! Умѣлъ чѣмъ за ихъ здравіе выпить!» замѣшилъ насмѣшливо пожилой креснянинъ, копорый былъ родомъ изъ Ярославля, ремесломъ плошникъ, а по прозванію Филимонъ Паншелъвичъ.

— «Водою ума не пропьешь, опъ шого я и люблю ее. Про меня, не бось, не скажущъ добрые люди: было ремесло, да хмѣлемъ заросло!»

— «Вишь шы чпо!» отвѣчалъ Филимонъ. «Не бось, ремесло у меня не заросшешъ прежде швоего. Топоръ мой, какъ жаръ горить! Нытъ на немъ ни единой ржавчинки, а у себя, я чай, на полъ крапива да лебеда.»

— «Нѣтъ-спа, любезный! Мѣшилъ пы въ ворону, да попалъ въ корову. Я не земляпашецъ, а ешь у меня посильно-мѣсто лошадокъ. На нихъ я добрыхъ людей кашаю, нювары и всякую всячину перевозжу. Случалось и пьяныхъ съ улицы поднимаешь, да домой опшвозишь. Авось и шебъ когда нибудь услужимъ.»

— «Да чшо жъ пы въ самомъ дѣлѣ ко мнѣ привязался! Чшо за нахаль шакой!» закричалъ плошникъ. «Не хочешся мнѣ шолько смущашъ чеспной бесѣды — прикусилъ бы пы у меня язычекъ!»

— «И, полно вамъ, госпи дорогіе, ссорилъ-ся!» возгласилъ хозяинъ. «Кшо меня любилъ, шопъ помирилъся. Худой миръ лучше доброй брани!»

— «Мировая шакъ мировая!» сказалъ Емельянъ. «Не взыщи, Филимонъ Паншелъичъ! На брань слово купилъся.»

— «Ради хозяина, и я опъ миру не прочъ!» опшвѣчалъ плошникъ.

Въ спарину Русскій народъ на празднествахъ весьма склоненъ былъ къ быспрымъ переходамъ опъ дружелюбія къ ссорѣ, и опъ ссоры къ миру. Иногда и бояре за праздничнымъ шоломъ ссорились и шущъ же мирились. Они любили —

Подравшись, утопить вражду свою въ винѣ!

Наблюдатель нравовъ и нынѣ можешь замѣшшь эту черпу характера въ прошломъ народѣ на каждомъ гуляньи или общесшвенномъ праздникѣ. Какъ часшо случается видѣшь двухъ земляковъ, выходящихъ изъ пшпейнаго дома, копорые, пошашываясь, сначала обнимающся и цѣлуются, пошомъ вдругъ начинаютъ спорить и браниться, пошомъ, поправивъ рукавицы, пріятели подчиваютъ другъ друга кулаками, и наконецъ опять возвращающся шуда, опкуда вышли, и празднуютъ мировую.

Но не одна эша черша характера была причиною ссоры, начавшейся между Емельяномъ и Филимономъ. Прошивъ ихъ за споломъ сидѣла дочь понамаря, Анюша, молодая дѣвушка, славившаяся по селу красошою. Обоиъ она приглянулась, да шакъ, что оба рѣшились къ ней свашаться. Въ шо же время каждый изъ нихъ замѣшилъ своего соперника. Опъ эшого и произошло у нихъ мгновенно въ душѣ непріязненное другъ ко другу расположение. Можно ли послѣ эшого утверждать справедливосшь безпреспанно повпоряемаго изреченія : любовь слѣпа. Напрощивъ, должно согласишься, что у любви самые зоркіе глаза; ибо влюбленный Емельянъ въ Филимонъ, а влюбленный Филимонъ въ Емелья-

нѣ пошчасъ увидѣль соперника, между шѣмъ какъ понамарь и прочіе невлюбленные госпи никакъ не могли понять причины ихъ ссоры, хошя и глядѣли на нихъ во всѣ глаза.

Послѣ объѣда всѣ легли опдохнуть по обычаю шогдашнихъ временъ, кошорый произошелъ вѣрояшно опъ шого, чпо многіе изъ предковъ нашихъ послѣ спола принуждены были бы лечь и прошивъ обычая. Подкрѣпивъ силы сномъ, хозяинъ и всѣ госпи вышли за вороша. Одинъ изъ послѣднихъ выпашилъ изъ сапога рожекъ, другой взялъ балалайку. Анюша и нѣсколько ея подругъ изъ сельскихъ дѣвушекъ взялись за руки и сославили кругъ. Запѣли пѣсню: Не будише меня, молоду! — Когда дошло до шого мѣста, гдѣ въ пѣснѣ поешся: Одна дѣвка весела, во кругу плясашь пошла, — Анюша, по приказанію опца, подбоченилась и, пошупивъ свои прекрасные глаза въ землю, восхишила пляскою всѣхъ госпей понамаря Саввы. Когда пропѣли: Сама пляшешъ, рукой машешъ, паспушка къ себѣ манишъ, — шо она начала манишь къ себѣ своего опца.

— «Чпо шы, дочка!» сказалъ понамарь Савва, кошорый, мимоходомъ сказашь, былъ хромъ. «Куда мнѣ плясашъ съ шобою! Поди-ка,

Емельянъ Архипычъ, покружись съ нею. Ты, я чай, масперь!» —

Съ сими словами взялъ онъ за руку Емельяна, и ввелъ его въ кругъ.

Поправивъ рукавицы и надвѣвъ шапку на бокъ, Емельянъ приосанился. Подъ звукъ пѣсни, началъ онъ сначала припопывашь ногами и приподнимашь легонько правое плечо; попомъ, хлопнувъ въ ладоши, подлещьтъ къ Анюшѣ. Она начала опспунашь и опвернула опъ него голову, а онъ ужъ съ другой спороны смопришь ей въ лице и манишь ее къ себѣ.

— «Лихо пляшешъ!» говорили въ полголоса нѣкошорые изъ госпей.

Не выдержалъ Филимонъ. Поправивъ рукавицы, и онъ бросился въ кругъ, и началъ прямо съ присядки.

— «Экъ-спа чѣмъ хочешъ удивишь! И лэпкъ умью!» сказалъ Емельянъ, и поже пуспился въ присядку.

Вѣрно бы ни шошь, ни другой не захошьтъ успунишь своему прошивнику въ искусствѣ пляски, и безъ сомнѣнiя оба рапоборца легли бы на мѣспъ, если бы не кончилась пѣсня, а вмѣспъ и пляска.

— «Знашно! Исполашъ вамъ, добрые молодцы!» повшоряли госпи.

Послѣ пляски началась игра въ горѣлки. Емельяну удалось поймать Анюшу, и никакъ уже не могъ ихъ разлучить въ продолженіе цѣлой игры.

Между тѣмъ Филимонъ, переспавъ давно играшь, подошелъ къ опцу Анюшы, опвелъ его въ спорону, и сказалъ ему напрямки, что онъ свашается къ его дочери.

— «Не раздумывай долго!» говорилъ онъ. «Ты ужъ меня не первый день знаешь. И изба у меня новая, и коровы у меня, и лошадь, и киса не пуспа — чего же тебѣ еще больше! Ужъ лучше жениха не сыщешь! Я и тебя, коли будешь мой шестъ, выведу въ люди.»

— «Какъ такъ?»

— «Такъ и бышь! Расскажу тебѣ все, что я задумалъ. Только другимъ не рассказывай. Года съ три назадъ, въ Маѣ мѣсяцѣ, случилось мнѣ бышь близъ озера Переяславскаго. Ну ужъ, Савва Попапычъ, насмотрѣлся я шамъ чудесь! Башюшка-Царь нашъ, Петръ Алексѣичъ, изволилъ шамъ кашаться на кораблицахъ. Ахъ шы, Господи! и по въпру-по корабликъ идешъ, и прошивъ въпра, и шакъ и сякъ — ну диво, да и полько! И приди мнѣ въ голову: нельзя ли какъ сколопишь суденышко, кошорое бы подъ водой ходило

и ныряло на подобіе гагары. Ужь вопшь бы я поштышилъ бапюшку-Царя! Съ шой поры началъ я думу думашь, да и выдумалъ.»

— «Неужшо выдумалъ?»

— «Вопшь-ше Хриспось выдумалъ! Сколошылъ я корабликъ небольшой, и вчера спушилъ его на воду. Онъ спойшъ пеперь на озеркъ, кошорое, знаешъ шамъ, за эшой горой, обросло все ивой да ольхой. Я нарочно припряталъ корабликъ свой подальше, чшобы кшо не сглазилъ. Попробую прежде его, а шамъ и Царю челомъ ударю. Сшанешъ меня Царь жаловашъ да миловашъ: шогда я шебя какъ разъ выведу въ люди. Опдай полько за меня дочку; ужъ будешъ дьячкомъ въ дворцовой церкви, а чего добраго и діаконмъ.»

— «Куда мнъ, Филимонъ Паншелъичъ! Мнъ и здъсь, въ селъ, жишь не худое.... А гдъ швой корабликъ-шо? Нельзя ли взглянушь?»

— «Да глазъ хорошъ ли у шебя?»

— «Съ роду никого не сглазилъ!»

— «Ну инъ бышь шакъ! Пойдемъ къ озерку.»

— «А госпей-шо какъ же я оспавлю? Оно неладно.»

— «Въспимо, чшо неладно.»

— «Да знаешъ ли чшо, Филимонъ Паншелъичъ? Опрысни швое суденышко водой съ со-

лю. Не бось, погда ничего съ глазу не сдѣлаешся. Попомъ и покажи его всѣмъ госпіямъ.»

— «Боюсь я, Савва Попапычъ!»

— «Экой шы какой! Чего шупть бояшься! Знаешь, я шебъ чшо скажу? Если пвое суденышко впрямъ нырнешъ и выплывешъ, и подъ водой пройдеши хопъ сполько, сколько шеперь опть насъ до моихъ госпей, шо я съ шобой сегодня же по рукамъ. Бери мою Анюшу!»

— «Ой ли? Инъ ладно! Давай соли. Я побѣгу напередъ къ кораблику, а шы за мной всѣхъ госпей приведи.»

— «Я сейчасъ, мои дорогіе госпи, вернусъ къ вамъ,» сказалъ понамаръ, и пошелъ съ Филимономъ въ избу свою за солью.

Между шѣмъ кончились горьлки. Емельянъ, опустивъ руку Анющы, подошелъ къ своему опцу, и началъ просишь его благословенія на женишьбу съ Анюшою.

— «Дѣло, дѣло шы выдумалъ, сынъ мой любезный! Чшо холоспому по бѣлу-свѣшу шашашся! Дѣвушка она хорошая; у шебя еспъ чѣмъ и себя, и ее прокормишь. Да благословишь шебя Господь! Пойдемъ-ка къ Саввъ Попапычу. Онъ, никакъ, въ избу ушелъ.» —

Они подошли къ избѣ. Въ воропахъ попался имъ на встрѣчу Филимонъ, копорый

съ запасомъ соли спѣшилъ къ своему кораблю.

Емельянъ съ опцемъ вошелъ въ избу. Понамаръ Савва убиралъ въ то время кружку съ солью въ сундукъ.

— «А! дорогіе мои госпи! Не за мной ли пришли?» сказалъ Савва, вынимая ключъ изъ замка, кошорый висѣлъ на сундукъ.

— «Пришли мы къ тебѣ, Савва Попапычъ; и не по пуспякамъ, а за дѣломъ!» опвѣчалъ опецъ Емельяна. «Мы съ побой давнишніе пріятели. У тебѣ еспъ поваръ, у меня еспъ купецъ. Не ударишь ли намъ по рукамъ?»

— «Какъ? Неужто ты нашель купца? Да въдь она совсѣмъ обезножѣла?»

— «Обезножѣла? Чшо ты, Савва Попапычъ! Господь съ побой! Да она всѣхъ прыпче бѣгала въ горѣлкахъ.»

— «Чшо за диво! Я не видалъ! Неужто она выздоровѣла? Коновалъ лечилъ, да шакъ и бросилъ. Да и кшо ее изъ хлѣва выпустилъ?»

— «Изъ хлѣва? Да про кого ты говоришь, Савва Попапычъ?»

— «Вѣспимо, чшо про коровенку мою. Я ее давно продаю, да никшо не покупаетъ.»

— «Не понялъ ты меня, Савва Попапычъ. Я про швою дочку заговорилъ.»

— «Про дочку! А чшо шакое?»

— «Да не опдашь ли ты ее за моего сына?» — Емельянъ поклонился понамарю въ поясъ.

— «Радъ бы я былъ радостью породниться съ побою, Архипъ Иванычъ, да ша бѣда, чпо я ужъ обѣщаніе далъ другому,» опвѣчалъ понамарь, поглаживая свою бороду. «Жаль, чпо ты опоздалъ!»

— «Неужшо естъ ужъ другой женихъ?» спросилъ Архипъ.

— «Почти чпо шакъ! Какъ спарому пріятелю, расскажу я тебѣ все, ничего не шая.» —

Тутъ понамарь рассказалъ все, чпо говорилъ ему Филимонъ.

— «Да я его за поясъ зашкну! Чпо онъ за женихъ — проси Господи!» воскликнулъ Емельянъ. «Коли тебѣ заманиваешъ по, Савва Попапычъ, чпо ты будешъ Царю извѣстенъ, шакъ и я тебѣ слово даю выведши тебѣ въ люди. Онъ и въ Москвѣ-шо никогда не бывалъ, а я шамъ живья жилъ, и Царя-шо видалъ шакъ близко, вопъ какъ ты шеперь опъ меня! Онъ, нашъ бапюшка, шакой ко всѣмъ милоспивый! Разъ меня изволилъ изъ Своихъ рукъ дубинкой ударить, когда я съ Нимъ на узенькомъ моспу вспрѣшилъ. Я чай, Онъ меня съ шѣхъ поръ въ лице знаешъ.»

— «Все шакъ, Емельянъ Архипычъ! По всему ты женихъ моей дочери; но шолько ужъ

мнѣ грѣшно будешь опъ моего слова опспунишься.»

— «Да онъ шебя морочишь! Гдѣ ему до Царя добрашься!»

— «А какъ суденышко-по Ему предспавишь, да Царю понравишь.»

— «Вопъ невидаль какая — суденышко! У Царя-по своихъ много.»

— «Да эшакихъ-по нѣтъ! Увидимъ впрочемъ. Чудо право, если оно нырнешь, да и выплывеешь.»

— «Зачѣмъ же дѣло спало! Пойдемъ, посмотришь! Наплюй шы мнѣ въ глаза, если оно выплывеешь.»

— «Напередъ знашь нельзя!» замѣшилъ опецъ Емельяна. «Конецъ дѣло вѣнчаешь. Ну а если, Савва Попапычъ, суденышко не выплывеешь?»

— «Тогда я своему слову хозяинъ, и мое обѣщанье не въ обѣщанье. Такое было у насъ съ нимъ условіе. Пойдемъ-ка шеперь къ озерку. Я чай, ужъ онъ все пригошовиль.» —

Всѣ прое вышли изъ избы и, пригласивъ прочихъ госпей послѣдовашь за ними, опправились толпою къ озеру.

Сердце Емельяна сильно билось, и онъ всѣхъ нешерпѣливѣе ожидалъ увидѣшь корабликъ, опъ кошораго зависѣло рѣшеніе его участи.

Наконецъ шолпа приблизилась къ берегу, и увидѣла небольшую лодку съ мачпами и парусами. Сверху была сдѣлана палуба, а съ боковъ шорчали въ видѣ пушекъ деревянные шрубки, копорья закрывались круглыми дощечками, когда дергали за веревку, привязанную къ кормѣ. Въ то же время открывалось на днѣ нѣсколько опверзпій для погруженія судна въ воду. Держа эту веревку въ рукѣ, Филимонъ привѣшпвовалъ пришедшихъ зришелей восклицаніемъ: — «Милости просимъ! Добро пожаловать!» — и поправилъ гордо на головѣ шапку, увидѣвъ, что и Анюша съ подругами находишся въ числѣ зришелей и зришельницъ его подвига.

— «Ну, Филимонъ Паншелъичъ, начинай!» сказалъ понамарь. «Попробуй свой корабль-нырокъ.»

— «Не хочешь ли, Савва Попапычъ, съспъ въ корабликъ?» спросилъ Филимонъ. «Я его такъ смасперилъ, что и подъ водой въ немъ душно не будешъ.»

— «Нъпъ, Филимонъ Паншелъичъ, благодаршвую! Я никогда не любилъ и по водѣ ѣздишъ, а по подѣ водою — оборони, Господи!»

— «Да не бойся! Я опвѣлчикъ, если ушпнешъ.»

— «Не угодно ль кому съспь, дорогіе го-
спи?» спросилъ понамарь. «Корабликъ, ка-
жись, знашний!» —

Всѣ молчали.

— «Я бы и самъ сълъ, да мнѣ надобно ве-
ревку держашь,» продолжалъ Филимонъ. «Ну
да если охошника нѣшь, шакъ я корабль безъ
народу подъ воду пушу.» —

Всѣ успремили глаза на Филимона и его
лодку. Онъ попянулъ веревку; круглыя до-
щечки захлопнули шрубки съ обоихъ боковъ
его судна, и оно начало шихо погружашься
въ воду.

Раздались восклицанія: «Эшакія чудеса!
Господи, Твоя воля! Вопшь ужъ одна верху-
шка шолько видна! Ну вопшь ужъ и весь ко-
рабликъ ушелъ въ воду.» —

Филимонъ, съ довольнымъ видомъ, свер-
нувъ въ нѣсколько колець конецъ веревки,
за копорую держалъ свой корабль, забросилъ
и ее въ воду.

— «Зачѣмъ шы эшо веревку - шо кинулъ?»
спросилъ понамарь.

— «Да чшобъ вы не подумали, когда мой ко-
рабликъ выплывешъ, чшо я его выпашилъ.» —

Прошло около часа. Терпѣніе зрипелей на-
чинало испощашься. «Ну чшо жъ, скоро ли?»
спшали спрашивашь Филимона.

*

— «Сейчасъ, подождите маленько!» —

Чѣмъ болѣе проходило времени, тѣмъ болѣе возраспали, радость въ сердцѣ Емельяна, и смущеніе въ сердцѣ Филимона. Не такъ ли и въ важныхъ дѣлахъ одно и позже событіе производитъ въ сердцахъ людей совершенно противоположныя чувства, смотря по личнымъ ихъ выгодамъ, которыя зависятъ отъ сего событія.

— «Смотри-ка, смотри! Кажись, выплываетъ!» закричалъ одинъ изъ госпей.

Всѣ успремили глаза на озеро, но увидѣли только на водной поверхности расходившійся кругъ, происшедшій вѣроятно отъ всплывшей на верхъ и вспрепенувшейся рыбы.

Емельяна при эшомъ восклицаніи облило холодомъ, а Филимонъ почувствовалъ жаръ въ лицѣ отъ радости. Въсплѣ съ тѣмъ, какъ кругъ на водѣ расходился и исчезалъ, слабѣли страхъ одного и радость другаго.

Наконецъ зрители вышли изъ шерѣнія.

— «Да что жъ? Долго ли ждешь?» начали говорить нѣкоторые. «Скоро ужъ солнышко закашишься; а какъ смеркнешся, такъ здѣсь оспавашся не ловко.»

— «А почему такъ?» спросилъ Филимонъ.

— «Да развѣ ты не знаешь, что въ эшомъ озерѣ водятся водяные?» сказалъ понамаръ.

— «Водяные? Правда ли полно?»

— «Испинно шакъ.»

— «Ну шакъ я не дивлюсь, чшо мой корабликъ не выплываешъ. Еще бы онъ выплылъ, коли водяной на днѣ держишъ!»

— «Оно похоже на шо!» замѣшилъ одинъ изъ госпей вполголоса, съ нѣкошорымъ спрахоу поглядывая на озеро. «Въявъ ли мнѣ показалось, али померещилось — не знаю! Только видѣлъ я, чшо надъ швоимъ корабликомъ, какъ онъ спалъ опускашся, порхнулъ воробей — не воробей, а чшо-шо черное съ крылышками. Кажись, оно изъ воды выскочило, да и сѣло въ корабликъ.»

— «И ждашъ нечего! Онъ ужъ шамъ видно поселился — наше мѣспо свяшо!» сказалъ Филимонъ. «Лучше намъ до бѣды поскорѣй опсюда убрашся!» —

Всѣ вспревожились, кромѣ Емельяна, и, кресшясь, поспѣшили удалишся ошъ озера.

— «Теперь по рукамъ, чшо ли, Савва Пошанычъ?» спросилъ понамаря шопошомъ нешперѣливый Емельянъ.

— «Дай пораздумашъ, Емельянъ Архипычъ; да надо у дочки спросишъ: любъ ли шы ей? Кажись, такого жениха, какъ шы, она не обракуешъ.»

— «Что, что? Какого жениха?» вскричалъ Филимонъ, которъй непримѣнно къ нимъ приблизился и вслушался въ ихъ разговоръ. «Развѣ добрые люди перебиваютъ чужихъ невѣстъ? А гдѣ жъ слово-шо швое, Савва Попапычъ? Не давъ слова крѣпись, а давъ держись! Это не честно!»

— «Что ты его напрасно коришь! Савва Попапычъ не давалъ тебѣ слова,» сказалъ Емельянъ вспылчиво.

— «Не съ побой говоряшь!» возразилъ сердито Филимонъ. «Смотри, Савва Попапычъ, не спойся! Я сдѣлаю другое суденышко, ударю челомъ Царю, и своего песня выведу въ люди!»

— «Да чѣмъ ты выведешь?» вскричалъ Емельянъ. «У Царя-шо много своихъ корабликовъ. Этимъ Его не удивишь. Я самъ, не хуже тебя, своего песня въ люди выведу.»

— «Полно, пустая голова! Гдѣ тебѣ со мной сягаться!» воскликнулъ Филимонъ. «Не слушай его, Савва Попапычъ!»

— «Да ужъ коли на шо пошло,» продолжалъ Емельянъ, разгораясь: «шакъ я шакое диво выдумаю, что вся Москва ахнетъ, а бапюшка-Царь меня за выдумку пожалуетъ. Будешь у меня какъ разъ дьячкомъ

въ дворцовой церкви, Савва Пошапычь, коли шебъ эшого шолько хочешся. По рукамъ чшо ли? Ошдаешъ за меня Анну Савишну?»

— «Не бывашъ эшому! Не слушай его, Савва Пошапычь. Лучше меня поддержишь.» —

Понамарь, приведенный ихъ споромъ въ недоумѣніе, поглядывалъ шо на шого, шо на другаго, и не могъ ни слова вымолвить, собираясь съ мыслями. Оба жениха казались ему равныхъ достоинствъ. Обѣщаніе обонхъ, доспашъ ему мѣсно дѣячка въ дворцовой церкви, сильно расшевелило его честполюбіе и вскружило ему голову.

— «Полно вамъ спорить, добрые молодцы!» сказалъ онъ наконецъ. «Вы меня совсѣмъ съ шолку сбили! Да и куда мы зашли — Господи, Твоя воля! Не лѣшій ли насъ обошелъ! Всѣ мои госпи идушъ къ избѣ; а мы въ спорону, въ поле пропесали. Испинно, головы на плечахъ не слышу!»

— «Кому жъ ты даешь слово!» продолжалъ Емельянъ. «Со мной чшо ль по рукамъ?»

— «Эй поддержишь меня, Савва Пошапычь! Не слушай эшого краснбая: обманешъ!»

— «Ахъ, Господи! чшо за напасъ!» воскликнулъ понамарь. «Дайше мнѣ одумашься! Васъ и самъ Царь Соломонъ не разсудитъ. Ну вошь вамъ послѣднее мое слово: пошь

мнѣ будешь зяпъ, кѣло диво выдумаешъ и бапюшку-Царя попъшипъ.»

— «Ладно! По рукамъ!» вскричали Емельянъ и Филимонъ.

— «По рукамъ!» повшорилъ понамаръ, подавъ прежде одному, а попомъ другому руку.

Два жениха схвапили подъ руки ихъ будущаго песпя, и поспъшно повели къ избѣ, гдѣ госпи давно уже его дожидались. На лицѣ его ясно изображались усталоспъ и разсъянноспъ, и онъ, шагая изо всей силы, забылъ даже напомнипъ своимъ нареченнымъ зяпъямъ, чпо онъ хромъ, и чпо ему трудно ипши такъ скоро. «Дворцовая церковь! Два жениха! Экая припча!» пробормошалъ онъ про себя и вошелъ въ избу.

Емельянъ, возвращаясь съ опцемъ въ деревню, не спалъ цѣлую ночь, и все ломалъ голову: какое бы диво ему выдумапъ, чпо бы обратипъ на себя вниманіе Царя. Наконецъ на разсвѣпъ пришла ему мысль. Онъ спакъ ей обрадовался, чпо вскочилъ со скамейки, на копорой лежалъ, и попчапъ же началъ закладывать свою лошадь въ пельгу, дабы ѣхашъ въ Москву. Проспаясь съ опцемъ, онъ опсправился въ дорогу, и прибылъ чрезъ нѣсколько дней въ сполицу.

— «Не знаешь ли, землякъ,» спросилъ онъ перваго, попавшагося ему на встрѣчу прохожаго: «гдѣ пеперь бапюшка-Царь? Чай, въ Кремль?»

— «А на что тебѣ это знашь?» спросилъ прохожій, взглянувъ на него недовѣрчиво.

— «Да надобно мнѣ Ему челомъ ударишь.»

— «Царь изволилъ прешьягодня, 28 Апрѣля, ошпысь на судахъ по Москвѣ-рѣкъ, въ походъ подъ Азовъ городъ, на *Турскаго Солтана.*»

— «Экое горе какое!»

— «Да подай швою челобишную въ Приказъ. Нынѣ при Царѣ Пешрѣ Алексіичѣ и въ Приказахъ судъ и расправа идушь не по прежнему.»

— «Нельзя, землякъ! Мое дѣло не шакое.»

— «Ну шакъ приходишь тебѣ подождатьъ, покуда Царь изъ похода ворошишь. Ты, видно, недавно въ Москву прѣхалъ?»

— «Сейчасъ шолько опъ засшавы.»

— «Поспѣй шы сюда прешьягодня, шакъ посмошрѣлъ бы, какъ Царь съ Преображенскимъ, Семеновскимъ да няшью Спрѣлецкими полками изволилъ садиться на суда съ каменнаго Всесвяшскаго моспа. Было чего посмошрѣшь! Лишь шолько суда поплыли внизъ по Москвѣ-рѣкъ, нашло облако и на-

чалъ громъ гремѣшь, а съ судовъ-шо грянули изъ пушекъ да изъ мушкетовъ. Спарые люди толкуютъ, что громъ случился къ добру.... Однако жъ я закалякался съ шобой. Пора мнѣ итши. Прощай, любезный!» —

Прохожій удалился, а Емельяцъ, вздохнувъ, поѣхалъ на поспоямый дворъ, оставилъ шамъ свою лошадь, и пошелъ на Красную площадь.

— «Караулъ!» закричалъ онъ: «караулъ! Слово и дѣло!» —

Вмигъ собралась около него толпа народа.

— «Что ты горланишь?» спросилъ его грознымъ голосомъ пропѣснившійся сквозь толпу человекъ въ сѣромъ кафшанѣ и съ длинною рогатиной въ рукѣ.

— «А шебъ что за дѣло!» отвѣчалъ Емельянь.

— «Какъ что за дѣло!» замѣпилъ какой-то прохожій. «Развѣ ты не видишь, что это *Алеша*? (*) Дай ему алшынъ, или спупай въ Приказъ.»

— «Проходи своей дорогой!» закричалъ гнѣвно блюспишель общеспвеннаго порядка. «А ты, голубчикъ, пойдемъ-ка въ Приказъ.»

(*) Простой народъ, по тогдашнему обыкновенію, далъ сіе прозваніе набраннымъ въ 1695 году изъ боярскихъ холоповъ людямъ, которые были обзаны, вмѣсто Стрѣльцовъ, тушить пожары и содержать караулы въ Москвѣ.

— «Пойдемъ! Мнѣ шого и надобно.» —

Емельянъ безъ сопрошивленія последоваль за Алешей, и вскорѣ подошелъ съ нимъ къ дому, гдѣ помѣщался Спрѣлецкій Приказъ. Алеша, оставивъ его въ сѣняхъ подъ надзоромъ спорожа, вошелъ въ комнапу и сказалъ одному изъ Подъячихъ, чшо онъ привелъ съ площади крестьянина, кошорый говоритъ за собою Государево слово и дѣло. Подъячій немедленно доложилъ объ эшомъ Дьяку, а пошъ Боярину Князю Ивану Борисовичу Троекурову, Начальнику Спрѣлецкаго Приказа.

— «Позови его сюда!» сказалъ Бояринъ. «Надобно его допросишь.» —

Спорожъ ввелъ Емельяна, держа за ворошъ, въ комнапу, гдѣ сидѣлъ Бояринъ, и по приказанію его вышелъ.

Спросивъ объ имени, званіи и промыслѣ приведеннаго, Бояринъ приказалъ Дьяку опвѣшты его записывашъ, и продолжалъ:

— «Какое же у шебя слово и дѣло? Сказывай! Измѣна чшо ли, или на Царя кшо умышляешъ недоброе?»

— «Нѣшъ, Бояринъ!» опвѣчалъ Емельянъ, поклонясь ему въ ноги. «Измѣна — не измѣна, а дѣло важное.»

— «Что жъ шакое? Говори скорѣе! Мнѣ недосугъ долго съ шобой шолковашь.»

— «Да придумалъ я, Бояринъ, сдѣлашь крылья и лешашь по журавлиному. Не оставь меня, кормилецъ, и будь ко мнѣ милосшивъ, ошець родной!» —

Емельянъ снова поклонился Князю въ ноги.

— «Лешашь по журавлиному? Да не съ ума ли шы сошелъ?» воскликнулъ Бояринъ, вспавъ со скамьи ошъ удивленія. «Слышалъ ли шы, Федошъ Ильичъ, что онъ сказалъ?» спросилъ Князь, обращясь къ сидѣвшему за однимъ съ нимъ споломъ Окольникову Лихачеву, кошорый, по шарообразности своей и зеленому кафтану, имѣлъ большое сходство съ арбузомъ.

— «Какъ не слыхашь!» ошвѣчалъ Окольниковый.

— «Что жъ шы думаешь?»

— «Да шоже, что и шы, Князь Иванъ Борисовичъ.»

— «Да я еще ничего не думаю. Эшакого дѣла вѣрно ни въ одномъ Приказѣ еще не бывало съ шѣхъ поръ, какъ мѣръ спонпъ.»

— «И, полно, Князь! Какъ не бывашь! Въ Уложеніи, помнишся, ешь самая ясная сшашья объ эшомъ.»

— «Ты, вѣрно, Федотъ Ильичъ, не разслушалъ, въ чемъ дѣло. Ну-ка скажи: чего онъ просишь?»

— «Онъ... просишь управы на своего обидчика,» отвѣчалъ въ замѣшательствѣ Окольниковичій, копорый, по необыкновенной разсѣянности своей, рѣдко слушалъ, что въ Приказѣ говорили или чинали.

— «Не отгадалъ, Федотъ Ильичъ! Онъ хочешь лешать по журавлиному.»

— «Полно шушишь, Князь.»

— «Я не шучу. Спроси самъ челобитчика.»

Когда Емельянъ на вопросъ Окольниковичаго повпорилъ свою просьбу, то Федотъ Ильичъ, поднимая руки вверхъ отъ удивленія, оборотился къ Князю съ вопросительнымъ лицомъ.

— «Что, Федотъ Ильичъ!» продолжалъ Князь. «Поищи-ка спашьи въ Уложеніи да разрѣши эту челобитную, пока я съѣзжу въ Думу. Мнѣ время ужъ шуда ѣхать.»

Сказавъ это, Троекуровъ вышелъ.

— «Послушай ты, удалая голова!» сказалъ Окольниковичій Емельяну, приблизясь къ нему. «Ты шушишь, что ли, вздумалъ съ Приказомъ?»

— «Нѣтъ, Бояринъ! Я знаю, о чемъ прошу. Если я не полечу, словно журавль, то я въ вашей волѣ.»

— «Да какъ же ты полепишь?»

— «Если мнѣ дадутъ изъ Государевой казны осмнадцать рублей, то я сдѣлаю себѣ крылья и поднимусь шакъ, что изъ глазъ уйду.»

— «А если обманешь, голубчикъ, тогда что съ тобой дѣлашь? А?»

— «Тогда доправьше осмнадцать рублей на мнѣ. Я за нихъ всеѣмъ моимъ добромъ овѣщчикъ. У меня есть двѣ тройки добрыхъ лошадокъ, да полдюжины шелѣгъ.»

— «Надобно справисься объ эпомъ,» сказалъ Окольничій Дьяку.

— «Прикажи, Бояринъ, послашь на поспояльмій дворъ, гдѣ я живу, и спросить объ эпомъ хозяина, Чернослободскаго купца, Ивана Степаныча Попова. Его поспояльмій дворъ домовъ за десяшь отсюда.»

— «Пошли сейчасъ же кого нибудь изъ Подъячихъ,» сказалъ Дьяку Окольничій, и началъ ходишь взадъ и впередъ по комнатамъ.

Посланный Подъячій вскорѣ возврапился и подтвердилъ показаніе Емельяна.

— «Ну что жъ теперъ намъ дѣлашь?» продолжалъ Федотъ Ильичъ. «Князь вѣдь приказалъ рѣшишь челобитную до его возвращенія. Надобно послашь память въ Приказъ

Большой Казны, и просишь о выдачу осмнадцати рублей челобитчику.» —

Дьякъ хопгълъ сказахъ чшо-шо въ возраженіе, но Окольнічій закричалъ: — «Не умничай, и дѣлай, чшо веляшь!» —

Дьякъ, взявъ перо, написалъ пошчасъ же бумагу слѣдующаго содержанія:

«Сего 203 года, Апрѣля въ 30 день, закричалъ мужикъ караулъ и сказалъ за собою «Государево слово, и приведенъ въ Спрѣлецкій Приказъ, и роспрашиванъ; а въ роспросѣ онъ сказалъ, чшо онъ, сдѣлавъ крылья, «спанешъ лепашъ, какъ журавль. А спанушъ шъ крылья въ 18 рублей. И Спрѣлецкій Приказъ посылаешъ въ Приказъ Большой Казны памяшь, чшобы шъ 18 рублей «прислашь безъ молчанья (*). А опшвѣшчикъ «за нихъ пошъ мужикъ всѣмъ своимъ добромъ и живошами, буде не полешипъ по «журавлиному.»

Окольнічій подписалъ памяшь, и спорожъ опнесъ ее въ Приказъ.

Чрезъ полчаса явился опшшуда Дьякъ, и принесъ съ собою деньги. Окольнічій Лихачевъ присушспвовахъ и въ Приказъ Большой Казны, и завѣдывахъ опшпускомъ суммъ по шребованію

(*) Немедленно.

другихъ Приказовъ; посему Дьякъ, принеся съ собою деньги, предспавиль ему опвѣсть на присланную память, и просиль подписашь.

— «Давай сюда!» сказалъ Окольникій и, подписавъ опвѣсть самому себѣ, велѣлъ деньги Емельяну выдашь, опшпустишь его домой, для сдѣланія крыльевъ, и приспавиль къ нему спорожа для надзора.

Между шѣмъ возвратился изъ Думы Князь Троекуровъ.

— «Ну, что, Федотъ Ильичъ,» спросиль онъ: «чѣмъ рѣшилъ ты челобитную?» —

Окольникій донесъ ему о своихъ распоряженіяхъ.

— «Надѣлалъ ты дѣла!» сказалъ Князь. «Какъ же можно выдавать изъ Государевѣй казны деньги безъ указа? А ты чего смоспрѣлъ? Для чего не сказалъ ты Федоту Ильичу, что эшо дѣло не въ порядкѣ?» продолжалъ Князь, обращаясь къ Дьяку.

— «Я хотѣлъ было доложись его милоспи объ эшомъ, да онъ извоилъ мнѣ сказашь: дѣлай, что веляшь.» —

Федотъ Ильичъ, сильно встревоженный, предложилъ Князю послашь за Емельяномъ и взяшь у него деньги назадъ.

— «Нѣтъ, эшо не годится. Лучше завпра я выпрошу указъ у Государя Царя Іоанна

Алексѣевича. Онъ вѣрно посмѣется и велишь деньги опшпустишь.» —

Бѣдный Федотъ Ильичъ не спалъ цѣлую ночь опъ безпокойства.

На другой день Князь сказалъ ему, что Царя разсмѣшила просьба креспьянина, что Онъ приказалъ деньги оставишь у Емельяна, и донеси Ему, полешипшь ли онъ или нѣтъ.

— «Однако жъ надобно будетъ,» прибавилъ Князь, желая напугашъ Федота Ильича: «выданныя деньги взыскашь съ тебя, если челобитчикъ не полешипшь.»

— «Какъ съ меня! За что, Князь?» воскликнулъ испуганный Федотъ Ильичъ, который былъ сполько же скупъ, сколько разсѣянъ.

— «Такъ вѣрно!» —

Федотъ Ильичъ въ печеніе двухъ недѣль не зналъ покоя ни днемъ, ни ночью, и ежедневно, выѣзжая изъ Приказа, опправлялся къ Емельяну, чтобы вмѣстѣ съ приспавленнымъ спорожемъ наблюдать за его работою.

Наконецъ онъ донесъ Князю, что крылья гошповы.

— «Да изъ чего онъ ихъ сдѣлалъ?» спросилъ Князь.

— «Изъ слюды. Онъ головой ручается, что полешипъ. Я велѣлъ успроишь на Красной площади подмоспки. Челобишчикъ со спорожемъ памъ ужъ насъ дожидается.»

— «Хорошо! Пойдемъ, посмопримъ: какъ онъ полешипъ.» —

Федосъ Ильичъ посадилъ Князя въ свою карешу, и повезъ его на площадь. Народъ, глядя на подмоспки, подумалъ сначала, что кому нибудь хопяпъ рубипъ голову; но когда увидѣлъ на нихъ креспьянина съ привязанными къ рукамъ его огромными крыльями, то со всѣхъ споронъ сбѣжался на площадь въ безчисленномъ множествѣ. Князь и Федосъ Ильичъ принуждены были выйши изъ карешы, и съ большимъ прудомъ добрались до подмоспковъ.

— «Ну что? Гошвы пвои крылья?» спросилъ Троекуровъ.

— «Гошвы, Бояринъ!» отвѣчалъ Емельянъ.

— «Леши же проворнѣ!» сказалъ Федосъ Ильичъ, ужасаясь мысли, что ему придется заплашипъ осмнадцать рублей въ казну:

Емельянъ, перекреспясь, началъ размахивашъ крыльями, нѣсколько разъ прискакивалъ, и опяпъ опускался на подмоспки.

Вся площадь захохотала, кромъ двухъ челоувѣкъ, а именно, Емельяна и Федоса Ильича.

Перваго бросило въ попть опть усталости, а другаго опть спраха.

— «Да чпо жь пы не лепишь, окаянный!» закричалъ онъ съ досадой.

— «Крылья-то сдѣлалъ я больно тяжелы. Я сдѣлаю другія, полегче.»

— «И на пѣвхъ шакже высоко полепишь!» сказалъ Троекуровъ.

— «Почему знашь, Князь? Надобно испышашь,» подхвашилъ Ѳедосъ Ильичъ. «А изъ чего пы сдѣлаешь другія крылья?» спросилъ онъ Емельяна.

— «Надобно сдѣлашь ихъ изъ ирши?»

— «А чпо это шакое ирша?»

— «Да шонкая, препонкая баранья шкурка.»

— «Позволь, Князь, ему испышашь,» продолжалъ Ѳедосъ Ильичъ. «Мнѣ сдаешся, чпо на иршенныхъ крыльяхъ онъ непременно полепишь.»

— «Хорошо, пусть испышаешь. Только на новыя крылья пы дай ему нужныя деньги.»

— «А во сколько, любезный, они обойдутся?» спросилъ Окольнічій Емельяна.

— «Да рублей въ пяшь, не больше.»

— «Чпо шакъ дорого?»

— «Дешевле нельзя, Бояринь.»

— «Ну, нечего дѣлашь, если нельзя. Дамъ я тебѣ пяшь рублей, шолько смопри жь у

меня: полюби непременно!» продолжалъ Федотъ Ильичъ со вздохомъ, утѣшаясь мыслию, что шягоспная пяширублевая жертва спасеть его отъ взысканія, еще болѣе шягоспнаго.

По приказанію Князя, Емельянъ сошелъ съ подмосковь, и едва, едва могъ продрапаться сквозь толпу до своего жилища. Всѣ смотрѣли на него, какъ на чудо; иные надъ нимъ подшучивали, другіе прислаивали къ нему съ распросами. Федотъ Ильичъ очищалъ ему дорогу, разгонялъ любопытныхъ, и проводилъ его до самыхъ воротъ поспоялаго двора.

Черезъ двѣ недѣли поспѣли и другія крылья. Емельянъ явился опять на подмосковкахъ. По убѣжденію Федота Ильича, Князь Троекуровъ рѣшился вмѣстѣ съ нимъ посмотрѣть на впорой полетъ креспьянина-журавля. На Красной площади собралось народу еще болѣе, нежели въ первый разъ.

Федотъ Ильичъ, волнуемый страхомъ и надеждою, совсѣмъ расперялся, и говорилъ въ разсѣянности такую нескладницу, что Троекуровъ не могъ удержаться отъ смѣха.

— «Эшо умора, да и шолько, если онъ опять не полетитъ,» бормоталъ Федотъ Ильичъ, улыбаясь принужденно и съ заботли-

вымъ видомъ поглядывая на Емельяна. «Впрочемъ, если ты, Князь, на себя не надвешься, то я по крайней мѣрѣ полечу.»

— «Какъ? Развѣ и ты лентяшъ собираешься, да еще и со мной вмѣстѣ?»

— «Тѣфу ты пронасть! Эшо забавно! Мнѣ показалось, чню и намъ съ шобой, Князь, придется лентяшъ. Съ чего эшо пришло мнѣ въ голову! Однако жъ, любезный! Эй, любезный! чего жъ ты дожидаясь? Лепи!» закричалъ онъ Емельяну.

Топъ замахалъ крыльями. Долго махалъ, но ни съ мѣспа!

— «Маши сильнѣе! Не ленись!» кричалъ Федотъ Ильичъ, упирая плашкомъ топъ съ лица. «Львымъ-шо крыломъ махни хорошенько.» —

Наконецъ Емельянъ, упомясь, опушилъ крылья. Громкій смѣхъ поднялся на площади.

— «Не робѣй, любезный! Маши сильнѣе!» кричалъ Федотъ Ильичъ.

— «Нѣшъ, Бояринъ! Дѣло не ладно! Совсѣмъ я изъ силъ выбился.»

— «Ахъ ты, окаянный! Лепи, говоряшъ! Вѣдь крылья-шо съ прежними двадцашъ при рубля спояшъ, разбойникъ!»

— «Не могу, Бояринъ! Воля твоя! Хопъ голову сръжь!» —

Федосъ Ильичъ былъ въ опчаяніи и едва устоялъ на ногахъ, вообразивъ, чпо онъ, бросивъ въ печь пяшь рублей, долженъ заплапшпъ еще осмнадцать. По приказанію его, спорожъ взялъ Емельяна за ворошъ и повель въ Приказъ, при громкомъ хохопъ народа. Князь, возвращаясь домой, смъялся почпи во всю дорогу, а Федосъ Ильичъ чувъ не плакалъ, и до самага своего дома шель, безпрешанно браня Емельяна.

На другой день Князь Троекуровъ занемогъ, и Федосъ Ильичъ заступилъ его мъспо въ Спръмецкомъ Приказъ. Онъ прежде всего позабопшлся распорядпшся о немедленной продажъ всего имънія Емельяна для возвращенія въ казну выданныхъ ему денегъ. Дьякъ совъповалъ Федосу Ильичу не спъшпшъ и дождапъся выздоровленія Князя, но Окольничій ничего не хотълъ слушашъ. И лошади, и шельги, и праздничный кафпанъ бѣднаго воздухоплавашеля были проданы, и его оппущпши изъ Приказа съ однимъ шолько изношеннымъ шулупомъ и съ спрогимъ подпвержденіемъ, чпобы онъ впредь лешашъ по журавлиному не осмъливался.

— «Пропала моя головушка!» сказалъ бѣднякъ про себя, съ глубокимъ вздохомъ, выходя изъ Приказа. «Ужъ видно шакъ мнѣ на

роду написано! Не видашь ужъ мнѣ, до гробовой доски, ни опца, ни невѣспы моей! Какъ я имъ шеперь на глаза покажусь эшакимъ нищимъ! Охъ, горе, горе! Было у меня добро, да сплыло! Одна полько копѣчка въ мошнѣ опъ всего ошпалась!» —

Въ горесшнихъ размышленіяхъ шелъ онъ прямо по улицѣ, пошупивъ глаза въ землю, и неожиданно поровнялся съ Опдашочнымъ Дворомъ, гдѣ всшарину Русскій народъ обыкновенно шопилъ горе и кручину.

Емельянъ вынулъ изъ мошны свою послѣднюю копѣйку, и пошелъ къ ворошамъ Опдашочнаго Двора.

— «Подай милосшныю, Христа-ради!» сказалъ слабымъ голосомъ дряхлый, съдой спарикъ, шацившійся на косшляхъ мимо ворошъ Опдашочнаго Двора.

— «Христа-ради?» повшорилъ Емельянъ про себя, посмошрѣлъ на вороша, попомъ на нищаго, и ошдалъ ему свою копѣйку.

— «Награди шебя, Госшоди!» прошешпалъ спарикъ, крешсясь.

Емельянъ пошелъ далѣе по улицѣ, и ошущилъ въ душѣ шо упѣшительное чувствво, кошорое происшодитъ въ ней послѣ добраго дѣла. Какой-шо внушрешній голосъ говорилъ

ему: не горюй; Емельянъ! Богъ тебя не оснавишь.

Кое-какъ прожилъ онъ въ Москвѣ до Октяб-
бря мѣсяца, и кормился поденною работою.
10-го Октября возвратился Петръ Великій
въ Москву изъ Азовскаго похода, копорый
кончился неудачно ошъ измѣны. Германскій
уроженецъ, Инженеръ Яковъ Янсонъ, бывшій
при осадѣ Азова, заколошилъ Русскія пушки
и перешель къ Туркамъ, копорые немедлен-
но сдѣлали вылазку и нанесли Русскимъ зна-
чительный уронъ. Петръ Великій вскорѣ
принужденъ былъ сняшь осаду. Однако жъ
сія неудача не упомила Его дѣяшельности,
и Онъ началъ уже помышляшь о новомъ по-
ходѣ, для взятія Азова. Въ Декабрь того же
года, по волю Царя, *кликали кличь*, чшобы
всякихъ чиновъ люди шли въ Преображен-
ское и записывались въ походъ подъ Азовъ.
Не долго думалъ Емельянъ. Рано ушромъ, усер-
дно помолясь въ Успенскомъ Соборѣ, пошелъ
онъ въ Преображенское и, по просьбѣ его,
былъ приняшь въ Семеновскій полкъ солда-
помъ. Всѣмъ, поспутившимъ охопою въ слу-
жбу, ошведены были особыя избы въ Прео-
браженскомъ.

Наспунили Свяпки, и въ селѣ начались
разныя пошѣхи и веселоспи. Дочери солдашъ

смошрѣли въ зеркало на мѣсяцъ, слушали подъ окнами, короче сказать, осуществляли первую спрѳу прекрасной баллады: *Свѣтлана*. Молодицы, взявшись за руки, ходили по селу хороводами и пѣли пѣсни. Ихъ пугали иногда попадавшіеся имъ на встрѣчу солдаты, разнымъ образомъ наряженные.

Емельянъ споялъ у окна избы, и смошрѣлъ задумчиво на улицу. За споломъ, находившимся посредникъ покоя, сидѣли два солдата: одинъ Преображенскаго полка, другой Бупырскаго. На первомъ былъ зеленый мундиръ съ красными обшлагами, красный камзолъ и шого же цвѣта шпаны; на второмъ, мундиръ, камзолъ и шпаны были одного цвѣта, красного.

— «Знашнй у тебя мундеръ!» сказалъ Преображенецъ солдату Бупырскаго полка. «Какъ бы можно было, шакъ я бы къ вамъ перешель.»

— «То-шо же!» ошвѣчалъ другой, пріосанясь. «Нашъ мундеръ не въ примѣръ лучше и вашего, и Семеновскаго. Взглянь-ка на Емельяна. Ну что за краса! Мундеръ синій; шолько камзолъ да шпаны красные. Чу! слышишь ли? Эшакая хохощня на улицъ! Чшо шамъ, Емельянъ, шакое дѣшся?»

— «Да надъ наряженнымъ смѣюшся. Уго-раздило кого-шо нарядишся журавлемъ!»

опвѣчалъ Емельянъ со вздохомъ, вспомнивъ свой неудачный полешъ.

— «Ужъ не себя ли онъ дразнишь, прокляпый?» сказалъ Преображенецъ. «Да скажи, брагъ, какъ тебѣ взбрело на умъ лѣшашъ по журавлиному?»

— «Долго рассказывашъ, Аншипычъ!»

— «Жаль мнѣ тебя, молодца! Кручина у тебя на лбу написана. Да и не мудрено. И всякой бы призадумался, какъ бы по своему пролепалъ все свое добро и пожипки!»

— «Не о себѣ я шужу, Аншипычъ, а объ моемъ спарикѣ. Опець — шо мой не знаешь, что я шеперь солдашъ, и что скоро пойду въ походъ подъ бусурмана. И проспишься мнѣ съ нимъ не удася?»

— «Съ кѣмъ не удася проспишься?» спросилъ неожиданно вошедшій въ избу Офицеръ Преображенскаго полка. За нимъ вошли Генералы Гордонъ, Лефоръ и Головинъ.

Емельянъ и два его поварища вскочили и выпянулись. Когда Офицеръ повшорилъ свой вопросъ, шо Емельянъ, заикаясь опъ робоспи, опвѣчалъ, что ему бы хотѣлось проспишься съ опцемъ его передъ походомъ.

— «А гдѣ живешъ опець швой, и кшо онъ шаковъ?»

— «Землепашецъ. Дней въ восемь можно къ нему опсюда сходишь и вернешься.»

— «Да развѣ ты безъ его вѣдома записался въ солдашы?»

— «Безъ его вѣдома, господинъ Офицеръ, по одной своей охопѣ.»

— «Не хорошо ты сдѣлалъ. Богъ повелѣлъ чинить родителей. Сходи къ опцу своему, и если онъ дастъ тебѣ свое благословеніе; то ты останешься солдашомъ; если же нѣтъ, то приходи сюда, опдай капралу казенное платье и возвратись къ опцу. Кто худой сынъ, шопъ худой слуга и Царю. Какъ зовушь тебя?»

— «Емельяномъ.»

— «А вы чпо за люди?» спросилъ Офицеръ, обращаясь къ поварищамъ Емельяна.

— «Мы оба изъ монастырскихъ служекъ,» опвѣчалъ Преображенецъ. «У обоихъ насъ нѣтъ ни опца, ни мапери, господинъ Офицеръ! Надѣло намъ праву косишь да воду возишь. Захопѣлось послужишь Царю-башюшкѣ. Опслужили молебень Николъ Чудопворцу, да и пошли сюда.»

— «Дѣло, ребяша! Я надѣюсь, чпо вы будете добрые солдашы. Помнише Бога и усердно служите. За Богомъ молишва, а за Царемъ служба не пропадаюшь.» —

Сказавъ это, Офицеръ съ Генералами вышелъ. Черезъ нѣсколько времени вбѣжалъ капраль въ избу.

— «Былъ здѣсь Его Величество?» спросилъ онъ, запыхавшись.

— «Не бывалъ!» отвѣчалъ Преображенецъ. «Приходили только какіе-то чепыре Офицера. Одинъ изъ нихъ такой дѣшина рослый: съ тебя будетъ.»

— «Ахъ, вы неучи! Смощри пожалуй! Да гдѣ у васъ глаза-то были? Это самъ Царь изволилъ приходишь! Онъ былъ во всѣхъ избахъ, и осматривалъ вашу бранью, новонабранныхъ.» —

Емельянъ и два его товарища поблѣднѣли и, крестясь, уставили глаза на капрала.

— «Ахъши бѣда какая!» прошепталъ Преображенецъ. «Вѣдь намъ и не въ домѣкъ. Мы думали, что Царь въ золотомъ кафтанѣ ходитъ, а на Немъ, бапюшкѣ, почишай шапкой же кафтанъ, какъ и на насъ, окаленныхъ!»

— «Вышнянулись ли вы передъ Нимъ, неопешанные? Отвѣчали ль Ему порядкомъ? Чай, наврали съ при короба на свою голову?»

— «Кажись, лишняго мы ничего не сказали, господинъ капраль.»

— «Величали ль Его, какъ слѣдуетъ?»

— «Кажись, величали!» ошвѣчалъ Преображенецъ, и почувствововалъ въ рукахъ и ногахъ пробѣжавшій опгь страха холодъ, вспоминая, что называлъ Царя господиномъ Офицеромъ.

— «Ахши, Господи, грѣхъ какой!» прошепталъ Емельянъ дрожащимъ голосомъ. «Издали-то я Царя не однажды видалъ въ Москвѣ, а разъ видѣлъ и вблизи, какъ Онъ меня на мосту изволилъ дубинкой ударить. Знашь, кто нибудь на меня куричью слѣпошу напустилъ.»

— «То-то куричью слѣпошу! Эпакъ ты и на часахъ ослѣпнешь! Солдапу надо всегда глядѣть въ оба! Надѣмали вы дѣла, окаянные! Теперь вамъ всѣмъ бѣда, да и мнѣ съ вами вмѣстѣ! Вѣдь мнѣ приказано васъ учить, пусшья головы!»

— «А что, господинъ капраль, повѣсятъ насъ, али разспрѣляютъ?» спросилъ, вздохнувъ, Преображенецъ.

Капраль не ошвѣчалъ ничего, и началъ ходиць по набѣ взадъ и впередъ съ безпокойствомъ. Емельянъ и его шоварищи спояли неподвижно, опустивъ голову и уставивъ глаза въ полъ.

Вдругъ ошворилась дверь, и вошелъ придворный служилель съ большою глиняной

кружкою въ одной рукѣ, и съ корзинкою въ другой.

— «Вошь вамъ кружка вина, да корзинка съѣспнаго,» сказалъ онъ, спавя шу и другую на споль. «Его Величеспво велѣлъ выпить за Его здравіе, ради праздника!»

— «Гора съ плечъ свалилась!» прошепсаль капраль. «Спало бышь, Онъ не гнѣваешся! Нечего сказашъ — не Царь у насъ, а опецъ!»

— «Эшо пясая изба, господинъ капраль?» спросилъ служишель.

— «Пясая.»

— «А кошораго изъ нихъ зовушь Емельяномъ?»

— «Да вошь эшого.»

— «Возьми — ка, родной! Царь пожаловаль шебъ рублевикъ на дорогу. Тебя Онъ къ ошцу-шо послалъ?» —

Емельянъ кивнулъ, вмѣспо ошвѣща, головою, ибо не могъ ни слова выговорить; взялъ рублевикъ, поцѣловаль его и заплакаль.

— «Чшо, брашъ!» воскликнулъ капраль, ударивъ Емельяна по плечу: «каковъ нашъ Царь-шо? Дай Ему, Господи, много лѣпгъ здравспвовашь! Ужъ за шо и мы Его, ребяша, попѣшимъ! Возьмемъ Азовъ, хошь черпей въ него посади Турской Солпанъ вмѣ-

спо бусурмановъ! Наливайше-ка себѣ спаканы, ребята! Ладно! Да и госпю-шо налейше. Подымай спаканъ! За мной разомъ! За здравіе Его Царскаго Величештва! Ура!»

— «Ура!» закричали солдашы и осушили спаканы.

На другой день, вскорѣ послѣ разсвѣта, Емельянъ опшправился въ дорогу. На третьи сунки приблизился онъ къ деревнѣ, гдѣ жилъ отецъ его. Сердце Емельяна забилося сильнѣе, и онъ не вдругъ рѣшился подойти къ избѣ, къ кошорой прежде пускался въ скачъ на своемъ любимомъ гнѣдкѣ, когда пріѣзжалъ изъ Москвы къ опцу въ госпи. Тяжело вздохнувъ, наконецъ поспучался онъ въ калишку. Понамарь Савва былъ въ это время въ госпяхъ у спарика Архипа, и сбирался ужъ ѣхать домой.

— «И шакъ прощенья просимъ, Архипъ Иванычъ!» говорилъ понамарь, цѣлуясь съ опцемъ Емельяна. «Ей Богу, я бы еще подождать и не спалъ бы шебя огорчашъ; да самъ шы посуди: зачшо жъ я упустиу хорошаго жениха? Онъ ужъ корабликъ совсѣмъ почши стошовиль. По всему видно, чшо сынъ пвой раздумалъ женишья. Ты шаки ничего объ немъ до сихъ поръ не слыхалъ?»

— «Ни слуху, ни духу, Савва Пошапычъ!» ошвѣчалъ спарикъ, вздыхая. «Ужъ иногда приходишь мнѣ въ умъ... Чу! никакъ кшо-по спучишь въ вороша? Ужъ не онъ ли пришелъ, мой голубчикъ?» —

Между шѣмъ Емельянъ перелѣзь черезъ вороша, и вошелъ въ избу.

— «Сынъ мой любезный!» закричалъ спарикъ, бросаясь къ нему на шею. Послѣ перваго движенія радости, Архипъ оношелъ опъ сына и, осмошрѣвъ его съ головы до ногъ, съ ужасомъ спросилъ: «Чшо на тебѣ за нарядъ? Ужъ не въ солдашы ли ты попалъ, мое дидяшко?»

— «Видно шакъ мнѣ было на роду написано, родимый башюшка! Скоро уйду я въ походъ, и пришелъ просишь швоего родишельскаго благословенія.» —

Емельянъ бросился опцу въ ноги.

— «Ахъ, Господи, горе какое!» воскликнулъ спарикъ, сплеснувъ руками. «Да какъ ты эшо, сынъ мой любезный, попалъ въ солдашы?» —

Емельянъ рассказалъ свое приключеніе въ Москвѣ.

— «Ахъ, горе, горе!» повшорялъ спарикъ, упирая слезы. «Недаромъ у меня сердце ныло! Либо ты положишь свои коспочки на

чужой споронъ, либо я не дождусь тебя. Нытъ! Намъ ужъ не увидьпсья съ побой на бѣломъ свѣшъ. Проснимся, дияшкко!» —

Спарикъ прижалъ къ своей груди голову сына, и горько заплакалъ.

— «Вздумалось же тебѣ, дияшкко, лешапъ по журавлиному!» продолжалъ онъ, всхли-
пывая. «Погубилъ шы свою головушку!»

— «Не опчаявайся, родимый батюшка! Самъ Царь изволилъ говоришь со мною, велѣлъ просишь швоего благословенія, безъ шого де въ полкъ меня не примешъ, и ска-
заль, чпо за Богомъ молишва, а за Царемъ служба не пропадаюшъ!»

— «Его Царское Величештво говоришь из-
волилъ съ побою?» сказалъ понамарь, взяв-
шись за бороду. «Господи, Твоя воля!»

— «И пожаловаль еще мнѣ рублевикъ на
дорогу.» —

Спарикъ Архигъ, вдругъ нереспавъ пла-
капъ, подошелъ къ полкъ, на которой спо-
яли иконы, взялъ образъ Никомая Чудошвор-
ца и благословилъ сына.

— «Молишь, дияшкко, Богу и служи ба-
пюшккъ-Царю вѣрой и правдой. Господь не
оспавишь тебя!» —

Они крѣпко обнялись.

Не извѣстно, распроголо ли понамаря положеніе Емельяна, или же возродилась въ немъ надежда опредѣлишься при дворцовой церкви по ходапайству будущаго зятя, уже удоспоившагося говорить съ Царемъ при самомъ всшупленіи въ службу; шолько онъ вдругъ, обращаясь къ Архипу, сказалъ: — «Дай, Господи, чшобъ сынъ швой скорѣе изъ походу воропился. Тогда какъ разъ и свадьбу сыграемъ, коли онъ не раздумаешъ.»

— «Да развѣ ты, Савва Пошанычъ, ужъ не хочешъ выдашь дочку замужъ за другаго жениха? Богъ вѣсшъ, когда сынъ-шо изъ походу вернешся? Но долго ли шебъ ждашь будешъ?»

— «Подождемъ! Дѣло не къ спѣху! Дочкѣ-шо моей и семнадцати лѣшъ нѣшъ: еще не соспарѣешся. Пришомъ и шо сказашь, чшо она про другаго жениха и слышашъ не хочешъ. Пышалъ я и бранишь ее, и спрашашъ, и уговаривашъ. Плачешъ, да и шолько. Сынъ швой, вишь, больно ей приглянулся. Однако жъ пора мнѣ домой. Ужъ ночь на дворѣ. Прощенья просимъ, Архипъ Иванычъ! Простимся, Емельянъ Архипычъ! Чай, мы ужъ не увидимся съ шобой передъ походомъ. Дай, Господи, шебъ скорѣй возвратишься живу и здорову, да выслужишь Царскую милосшъ. Прощенья просимъ!» —

Понамарь обнялъ Емельяна, и поцѣловался съ нимъ при разѣ. Емельянъ началъ также сбираться въ дорогу.

— «Да развѣ ты, родимый, не ночуешь у меня?»

— «Нельзя, бапюшка! Царь оппустилъ меня на срокъ. Боюсь опоздать. Теперь же надо въ дорогу пуспиться.»

— «Хоть бы одну ночку еще ночевалъ ты у меня!... Ну да дѣлашь нечего! И завтра мнѣ не легче будетъ съ побой разстаться!» —

Старикъ подошелъ къ своему сундуку, вынулъ опшуда все свое богатство: мошну, наполненную мѣдными деньгами, и опдалъ сыну.

— «Проспи, дитяпко! Благослови шебя, Господи!» продолжалъ онъ дрожащимъ, едва слышнымъ голосомъ.

— «Проспи, проспи, родимый бапюшка!» воскликнулъ Емельянъ, бросаясь въ объятія опца.

Долго они обнимались, не говоря ни слова, и горячія слезы кашились у обоихъ изъ глазъ.

Понамарь, глядя на нихъ, вздыхалъ изъ глубины сердца, и гладилъ рукою свою бороду.

*

— «Да не чрезъ наше ли село тебѣ путь лежишь?» спросилъ онъ Емельяна.

Топъ кивнулъ головою въ знакъ утвердительнаго отвѣта.

— «Такъ я тебя довезу до села. У меня вѣдь шельга здѣсь.»

— «Благодарствую!» —

Съ понамаремъ вышелъ Емельянъ за ворота и сѣлъ въ шельгу. Спарикъ Архипъ еще разъ обнялъ сына.

— «Ну, машушка!» закричалъ понамарь, спегнувъ лошадь.

Она поскакала, и колеса шельги подняли пыль по дорогѣ. Долго еще спарикъ Архипъ споялъ у воротъ и смопрѣлъ на удалявшася сына, копорый издали ему кланялся. Наконецъ шельга скрылась за лѣсиснымъ пригоркомъ. Архипъ все еще не опходилъ опъ воротъ, и слушалъ поспешенно слабѣшій понопъ лошади, покуда сей однообразный звукъ, казавшійся ему прощальнымъ голосомъ сына, не исчезъ въ опдаленіи.

Прошло около девяти мѣсяцевъ и насупилъ Сентябрь, 30 числа народъ поплелся на Московскихъ площадяхъ и улицахъ, въ особенноспи же у Всесвянскаго каменнаго моста, съ копораго Пётръ Великій сѣлъ съ войскомъ на суда, опправляясь въ первый Азовскій:

походъ. При входъ на мостъ возвышались триумфальныя ворота. На одной споронѣ оныхъ споялъ Марсъ на подножіи, съ мечемъ въ правой рукѣ и со щипомъ въ лѣвой. У ногъ его лежали Тапарскій Мурза и два скованные Тапарина. На другой споронѣ воротъ, на такомъ же подножіи пославленъ былъ Геркулесъ, державшій въ рукахъ палицу и оливковую вѣшвь. У ногъ его лежалъ Азовскій Паша и два Турка въ цѣпяхъ. Ворота были украшены коврами изъ парчи съ золотыми кистями, шелковыми обоями, лишаврами, оружіемъ и знаменами. Наверху сидѣлъ двуглавый орелъ, увѣнчанный премо коронами. Подъ сводомъ воротъ висѣлъ вѣнецъ изъ лавровыхъ вѣшвей. Сверхъ того на нихъ были изображены суда, приплывшія къ Азову, и начертана надпись: *Богъ съ нами, никто же на ны!* Съ правой и съ лѣвой спороны воротъ возвышались двѣ пирамиды, увѣнчаны зелеными вѣшвями. На одной было написано: *Въ похвалу храбрыхъ воевъ полевыхъ!* на другой: *Въ похвалу храбрыхъ воевъ морскихъ!* Опъ сихъ пирамидъ вдоль моста спояли огромныя, живописныя каршины, украшенныя вмѣсто рамъ лаврами. На одной изображалось сраженіе съ Тапарами и присунъ къ Азову. На другой, морское сраженіе

и Непшунъ съ презубцемъ и весломъ, на морскомъ чудовищѣ. Перилы моста покрышы были Персидскими коврами. Въ разныхъ мѣстахъ города и около триумфальныхъ ворошъ спояли ряды Спръльцовъ, не бывшихъ въ походъ, съ ружьями и пушками.

Вѣспъ о взятіи Азова и о пригошовлявшемся шоржешвъ привлекла въ Москву множество жипелей изъ окрестныхъ городовъ и деревень. Въ числѣ сихъ пришельцевъ находились опецъ Емельяна, понамарь Савва съ дочерью и плошникъ Филимонъ, женихъ и кораблеспроишель.

— «Скажи, пожалуй-спа, Савва Пошанычъ, чшо эшо за воинъ, и чшо за мужикъ съ налицею у ворошъ спояшъ?» спросилъ Архипъ понамаря, указывая на Марса и Геркулеса.

— «Одинъ долженъ бышь богашыръ Ерусланъ Лазаревичъ, а другой богашыръ же Илья Муромецъ, кошорый придцашъ лѣшъ сиднемъ сидѣль. А подъ ногами ихъ бусурманская нехриспъ валяешся. Они ее въ грязь вшопшали. А вошъ видишь ли два сполбашо по обѣимъ споронамъ ворошъ? На одномъ написано: Въ похвалу воиновъ морскихъ, а на другомъ: Въ похвалу воиновъ полевыхъ. Если Господь сохранилъ швоего сына, шо и ему похвала симъ сполбомъ воздаешся.»

— «Охъ, Савва Потапычъ! Сердце чшо-шо въщася недоброе. Врядъ ли сынъ ворошился!»

— «И, полно, Архипъ Иванычъ! Впередъ нечего кручиниться. Пойдемъ-ка лучше, по-смошримъ на мосту каршины. Тѣфу шы пропася, какая пѣсноша! Врядъ ли намъ шуда продрашяся. Попробуемъ однако жъ.»—

Съ большимъ шрудомъ пропѣснились они на мостъ.

— «Вошъ вишь шы, Архипъ Иванычъ!» продолжалъ понамаръ, указывая на каршину, изображавшую присупъ къ Азову. «Я шебъ располкую, чшо на каршинахъ написано. Эшо, вишь шы, наши съ бусурманами дерупся на сушъ. А вошъ на другой каршинъ, пакъ бусурманы съ нашими дерупся на моръ.»

— «А кшо эшо на звѣрь-шо сидишъ?»

— «Эшо долженъ бышъ самъ сапана — наше мѣшо свяшо!»

— «Какой сапана!» сказалъ споявшій подлъ понамаря молодой человекъ, вѣрояшно ученикъ Заиконоспасской Академіи. «Эшо Непшунъ, лзыческій богъ морей.»

— «Вошъ еще! Вздумалъ меня учишъ! Чшо за шопшунъ шакой, да еще и богъ морей. Вишь, онъ сидишъ на звѣрь, а въ рукахъ-шо вилы да лопапа. Какой шебъ богъ морей!»

Тутъ и моря нѣтъ подъ нимъ, а шма кро-
мешная. Я тебѣ говорю, что это сапана.»

— «Да развѣ ты не видишь надписи. Про-
чши-ка, если умѣешь.»

— «Если умѣешь! Не чванься, любезный!
Не хуже тебя грамоту разбираемъ.» —

Понамарь началъ чипашъ надпись.

— «Слово ешь-се, иже-и, азъ земля ервѣ-
азъ...»

— «Да не шрудись разбирашь-шо, я тебѣ
безъ складовъ прочту!» сказалъ молодой че-
ловѣкъ. «*Се и азъ поздравляю взятіемъ Азова,*
и вамъ покоряюсь. Какъ же можно, чтобы са-
пана поздравлялъ Русское войско со взятіемъ
Азова?»

— «А почему жъ и не такъ!» возразилъ
понамарь. «Онъ вѣдь бусурманской стороны
держится; а какъ наша взяла, шо дѣлать-
шо ему и нечего: по неволѣ пришлось по-
здравишь и покориться.»

— «Грѣшно было бы Русскому войску при-
нять такое поздравленіе.»

— «Да вѣдь наши-шо и не принимаюшь.
Вишь, всѣ спинами къ нему оборотились.
Пусть его себѣ поздравляешъ! Его никто и
не слушаешъ, окаяннаго!»

— «Очищайше мостъ!» закричали Алеши.
«Скоро войска пойдущъ.» —

Вмѣстѣ съ цолною народа, наши разсма-
привашели каршинъ сошли съ моспа и спа-
ли на споронъ, близъ пріумфальныхъ во-
рошъ. Спрѣльцы вышнянулись опшъ ворошъ
въ два ряда, и сосшавили родъ улицы, по
копорой слѣдовало начашься шесшвію.

Сначала появились девашнадцашъ коню-
ховъ. Одинъ изъ нихъ велъ лошадь, на съ-
длѣ копорой ушвержденъ былъ палашъ. За
ними ѣхалъ въ карешъ бывшій насшавникъ
Петра Великаго, Думный Дьякъ, Никиша
Моисеевичъ Зошовъ, державшій щипшъ съ зо-
лошою цѣпью, и украшенную брилліаншами
саблю, поднесенные въ даръ Царю Гешманомъ
Мазепою. За карешою слѣдовали Царскіе пѣв-
чіе. Попомъ вели шесшъ верховыхъ лошадей
въ богашомъ уборѣ. Въ слѣдъ запѣмъ ѣха-
ли въ карешъ Бояринъ Федоръ Алексѣевичъ
Шеинъ и Кравчій Кирилъ Алексѣевичъ На-
рышкинъ. За ними слѣдовали кареша сего по-
слѣдняго, чешыре нарядныя коляски и че-
штырнадцашъ богашоубранныхъ лошадей. На-
конецъ появилась пріумфальная колесница,
запряженная шесшью сѣрыми лошадьми. Она
имѣла видъ раковины, блиспала позолошою,
и была украшена припонами и дельфинами.
На ней сидѣлъ Генералъ-Адмиралъ Лефоръ,
въ бѣломъ мундирѣ, обшипомъ серебряными

гасами. За нимъ несли его флагъ, и слѣдовали морскіе солдаты, машросы, инженеры, артиллеристы и другіе военные чины изъ иноспранцевъ.

Спрѣльцы, мимо коихъ проѣзжала колесница, спрѣляли въ честь Адмирала изъ ружей.

— «Не изволишь ли ваша милость знать: кто это на золотой шельгъ-то ѣдетъ?» спросилъ понамарь Савва споявшаго подлѣ него купца съ сѣдою бородой.

— «Это Францъ Яковличь Лефортъ, Начальникъ морской силы.»

— «Вошь оно что! А изъ какихъ онъ? Чай, изъ Нѣмцевъ?»

— «Говорятъ, что онъ Французанинъ, да все едино! Голланецъ ли, Французанинъ ли, все шопъ же Нѣмецъ. Всѣ они говорятъ по своему, а по нашему не умѣютъ.»

— «Да какъ же онъ Царю-то служишь?»

— «Эшопъ давно ужъ къ намъ прѣхалъ и научился говоритъ по нашему. Царь его изволишь жаловать. По эшому видно, что онъ человекъ хорошій. Ужъ бапюшка-Царь Петръ Алексѣичъ, не бось, не полюбишь человека худаго. А все таки жаль, что онъ Нѣмецъ!»

— «А почему пакъ, Илья Иванычь?» спросилъ молодой купецъ.

— «Поживи съ мое, шакъ и узнаешъ почему! Насмотрѣлся я на эпихъ иноземцевъ! Францъ Яковличъ особъ-спашья. Про него, заморскаго сокола, не лъзя худа молвишь. Нѣшъ, а я говорю про мелкихъ шпашекъ, кошорыхъ къ намъ налешъли цѣлыя спаш изъ-за моря. Вѣдь нашего браша въ грязь шопчупъ! Мы де и неучи, мы де и плушы, мы де и пьяницы. Нашъ хлѣбъ вѣдшъ, да насъ же браняшъ! Даюшъ глупому холсшъ, а онъ говоришъ шолсшъ! Зазнались они больно! Коли худо у насъ, на Руси, шакъ не милоспи къ намъ просимъ.»

— «Да они, Илья Иванычъ, за шѣмъ сюда вѣдушъ, чшобъ насъ уму-разуму учишь.»

— «Развъ вашу брашью, безбородыхъ!» сказала шпарикъ, поглаживая свою сѣдую бороду. «Нѣшъ, пріашель! Насъ, шпариковъ, учишь нечего! Подавай мнѣ любаго Нѣмца! Я его въ день пшшь разъ проведу, а онъ мнѣ еще спасибо скажешъ! Гдѣ Нѣмчину съ Русскимъ шягашья! Не глупѣе мы ихъ!»

— «Нѣшъ, Илья Иванычъ! Они смышлѣнѣе насъ, надобно правду сказашъ! Всѣ они люди грамошные, учились разнымъ наукамъ. Теперь еще съ ними мудрено намъ, людямъ шемнымъ, шягашья. Конечно, какъ и мы въ наукахъ и разныхъ заморскихъ хшпро-

сняхъ понапорѣемъ, шакъ имъ, авось, не усшупимъ; шолько шеперь....»

— «Да шы, брашъ, я вижу гдѣ-шо набрался Нѣмецкаго духу. Чай и шабакъ покуривашь, и черныя книги чашаешь. Смошри, любезный! не попадись нечиспому въ лапы. До грѣха не долго! Ужъ ничего не видя, шы земляковъ своихъ коришь, и хвалишь заморскихъ нехрисней. Якшайся съ ними побольше: научапъ они шебя уму-разуму! Ты эшпакъ скоро и совсѣмъ нашу машушку, свяшую Русь, разлюбишь.»

— «Нѣшъ, Илья Иванычъ! Не бывашь эшому! Напрасно шы на меня нападаешь! Грѣха нѣшъ добру у иноземцевъ учипься.»

— «Ладно, ладно! Учись! Будешъ изъ шебя прокъ!» —

Между шѣмъ Лефоръ приблизился къ приумфальнымъ ворошамъ. Колесница ошпановилась, и на самой вершинѣ ворошъ явился человекъ, наряженный геніемъ, съ слуховою шрубой, въ полшоры сажени длиною. Онъ навель сію шрубу, какъ пушку, прямо на Адмирала, и вмѣспо каршечи, осыпаль его похвалями въ слѣдующихъ спихахъ:

Генераль-Адмираль, морскихъ всѣхъ силъ глава,
Пришелъ, узрѣлъ, побѣдилъ прегордаго врага.

Мужествомъ Командора Турокъ вскорѣ пораженъ,
 Премногихъ же оружій и запасовъ си лишеть.
 Сраженіемъ жестокимъ бусурманы побѣждены!
 Корысти ихъ отбиты, корабли запалены.
 Оставшія жъ ся въ бѣгство ужасно устремивша,
 Страхъ велій въ Азовъ и всюду разшириша.
 Посихъ ихъ сила многа на море паки приде,
 Но въ помощь въ градъ Азовъ отъ сихъ никто же вниде;
 Сіе бо возбранила морскихъ то воевъ сила,
 И къ сдачѣ градъ Азовъ всю выю наклонила.
 И тѣмъ бо взятіемъ весело тя поздравляемъ!
 Труды же Командора триумфомъ прославляемъ!

За сею снѣгошворною карпечью послѣдо-
 вали наспоющіе, прозаическіе выспрѣлы изъ
 чешырехъ пушекъ, снѣоявшихъ у ворошъ, и
 полною началась пальба изъ всѣхъ орудій,
 при Спрѣлецкихъ полкахъ находившихся,
 зазвонили въ колокола, заиграли на шрубахъ
 и ударили въ липавры и барабаны.

«Ура!» закричали тысячи голосовъ. Одна-
 ко жъ въ числѣ ихъ не раздавался голосъ
 спарика купца, копорый, какъ мы видѣли
 выше, съ понамаремъ Саввою и съ молодымъ
 купцемъ разговаривалъ. Сей послѣдній спро-
 сить его: — «Что жъ ты не кричишь, Илья
 Иванычъ?»

— «Что жъ не кричишь! Горло болѣтъ,
 шакъ и не кричу. Вонъ Ванюха, мой прика-

щикъ, за меня горланишь. Вишь, какъ онъ ропъ-по разинулъ!»

— «А развѣ не надо кричать, хозяинъ?» спросилъ прикащикъ.

— «Какъ хочешь! Мнѣ что за дѣло! Горло-по швое, а не мое.» —

Во время сего разговора Лефоръ, спускаясь съ колесницы, прошелъ черезъ приумфальныя вороша, сѣлъ опять въ колесницу, и его повезли черезъ Бѣлый городъ въ Кремль. Потомъ чрезъ воропа пронесли значки и знамена, проѣхали придесять всадниковъ въ лапахъ и двѣ рошты шрубачей; наконецъ появилось большое Царское знамя, съ написаннымъ на немъ образомъ Спасителя. За знаменемъ ѣхала кареша, запряженная въ шесть лошадей. Въ ней сидѣли въ облаченіи Священникъ и Діаконъ, державшіе образъ Спасителя и золотой крестъ. За карешою, на бѣломъ конѣ, слѣдовалъ Бояринъ и Воевода Алексѣй Семеновичъ Шепнь, съ саблею въ рукъ, въ Русскомъ Боярскомъ кафтанѣ изъ чернаго бархата, унизаннымъ драгоценными камнями и жемчугомъ. На шапкѣ его развѣвалось бѣлое перо. Сѣдая борода закрывала грудь его до половины. Боярина окружали шесть всадниковъ, съ обнаженными палашиами, и сопровождали Завоевочкии, Дѣяки и

Боярскія Дъши его полка. Когда онъ подъ-
халь къ пріумфальнымъ ворошамъ, по геній
и на него навель свою длинную шрубу и
произнесъ спихи, въ коихъ восхвалялось его
мужеспво при взятіи Азова, и прославля-
лись побѣды надъ Турками и Тапарами.
Чешыре въсповыя пушки, споявшія у во-
рошъ, грянули, и раздалась пальба изъ всѣхъ
Спрѣмецкикъ орудій, звонъ на всѣхъ Москов-
скихъ колокольняхъ, загремѣли шрубы, ли-
шавры и барабаны при громкихъ восклицан-
ніяхъ народа.

— «Ура!» кричаль спарикъ купецъ, со сле-
зами на глазахъ онъ восшорга.

— «Илья Иванычъ!» замѣпилъ молодой ку-
пецъ: «пы видно забылъ, чшо у шебя горло
бблишь.»

— «Теперь зажило!... Ура! Ура!... Ванюха!»
продолжалъ онъ, обращаясь къ своему прика-
щику: «громче кричи, проспофиля! Не жа-
лѣй горла! Ура!» —

Вслѣдъ за Бояриномъ солдаты влекли по
землѣ шесшнадцащ Турецкихъ знаменъ. По-
шомъ шель плѣнный Мурза Апалыкъ; руки
его были связаны шелковыми плашками. За
нимъ ѣхаль Генераль Головинъ, сопровождае-
мый шесшью всадниками съ обнаженными
палашами.

— «Преображенцы! Преображенцы идутъ!» — раздался говоръ въ народъ, и вскорь приблизились къ ворошамъ спройные ряды Преображенскаго полка, предводимые самимъ Государемъ, въ Капитанскомъ мундирѣ. Народъ, увидѣвъ Царя, шедшаго передъ полкомъ въ видъ проспаго Офицера, и предоспавившаго всю честь приумфа не Себѣ, а войску и военачальникамъ, приведенъ былъ въ неописанный восторгъ и умиленіе. Оглушительныя восклицанія, подобно длинному перекапу грома, пошрясли воздухъ.

Спарикъ купецъ плакалъ отъ радости, устремивъ на Царя глаза, въ коихъ живо выражались преданность и удивленіе. Онъ чущь не прыгалъ на мѣспѣ, усиливался изъяснить крикомъ свои чувствованія, но голось отъ сильнаго душевнаго движенія ему изменялъ. Толкая въ бокъ своего крикащика, отъ знаками побуждалъ Ванюху кричать сильнѣе, не смощря на то, что сей послѣдній, приложивъ руку къ щекѣ, и безъ того шакъ усердно горланилъ, что за версину можно было бы услышать его восклицанія и счеспъ за мычаніе Холмогорскаго быка. Петръ Вилікій, проходя мимо крикуна, невольню отглянулса, и не могъ удержаться отъ улыбки.

За Преображенскимъ полкомъ слѣдовалъ Семеновскій.

Спарикъ Архипъ, съ сильнымъ біеніемъ сердца, въ каждомъ ряду солдатъ, проходившемъ мимо его, опыскивалъ глазами своего сына и, не находя его, печально повпоярялъ: — «И въ эпомъ ряду нѣтъ его, родимаго!» —

Чѣмъ болѣе проходило рядовъ, тѣмъ болѣе усиливались въ сердцѣ спарика страхъ и безпокойное ожиданіе. Сіи же чувствованія гораздо сильнѣе волновали еще другое сердце: сердце Анюшы, хопя спыдливость и принуждала ее съ величайшимъ усиліемъ скрывать свои ощущенія. Наконецъ приближается послѣдній рядъ солдатъ Семеновскаго полка. Нѣтъ и въ немъ Емельяна.

— «Знашь, онъ убитъ, мой родимый!» воскликнулъ гореспно спарикъ, посмопрѣлъ на небо, перекрестился и горько заплакалъ.

— «Что эшо, дочка, ты шакъ побѣднѣла? Что съ тобой сдѣлалось?» спросилъ понамарь Савва.

— «Мнѣ жаль Архипа Иваныча!» отвѣчала Анюша дрожащимъ голосомъ, и шакже заплакала.

Понамарь началъ утѣшать спарика.

— «Сердце мнѣ въщало,» сказалъ сей послѣдній, рыдая: «что онъ положишь свои косточки на чужой сторонѣ! И на могилкѣ-по его мнѣ не удался поплакать!» —

Въ это время провезли на шельгѣ измѣнника Янсона, выданнаго Турками. Онъ одѣтъ былъ въ Турецкое плащье, и споялъ подъ висѣлицею, на копорой было написано: *Сей злодѣй четырехкратною перемѣною закона измыслилъ Богу и всему народу.*

За нимъ шли Спрѣлецкіе полки. Генераль Гордонъ съ Бушырскимъ полкомъ заключилъ шествіе. У пріумфальныхъ воровъ Гордону оказана была такая же честь, какъ и Боярину Шеину.

— «Господи, Твоя воля!» воскликнулъ понамарь, всмаприваясь въ одного изъ капраловъ Бушырскаго полка. «Да ужъ не онъ ли это? Посмотри-ка, Архипъ Иванычъ! Али мнѣ померещилось?» —

Анюша, скрывшая свою горечь, не имѣла силъ скрыть радости. «Это онъ, это онъ!» закричала она.

Старикъ Архипъ, увидѣвъ своего сына, бросился къ нему, но былъ оспановленъ Спрѣльцами, рядъ копорыхъ опредѣлялъ зрителей отъ мѣсна, гдѣ проходилъ Бушырскій полкъ.

— «Пустите меня, мои бапюшки, пустите!» кричалъ шарикъ. «Дайте мнѣ съ нимъ поздороваться! Дайте наглядѣться на него! Погляди на меня, мое дышяпко! Пустите меня къ нему, опцы мои!»

— «Нельзя, шаричекъ!» сказалъ одинъ изъ Спрѣльцовъ. «Послѣ съ сыномъ поздраваетесь. За нашъ рядъ никого пропускашь не вельно.» —

Емельянъ, услышавъ голосъ опца, быспро оглянулся; но шопчасъ же началъ опяшь смопрѣшь впередъ, опасаясь сбихься съ шага. Радость не заспавила его сдѣлать ни малѣйшаго движенія, копорое могло бы нарушить порядокъ шоржеспивеннаго шеспивія. Онъ не успѣлъ лишь совладѣть съ глазами своими. Двѣ слезы выкапились изъ нихъ, и упали на красное сукно его мундира.

Между шѣмъ кораблеспроишель Филимонъ началъ разговоръ съ понамаремъ Саввою.

— «Послушай, Савва Попапычъ! Ты знаешь пословицу: Не давъ слова, крѣпись, а давъ, держись?»

— «Знаю.»

— «А коли знаешь, шо ты, я чай, не забьлъ, чшо давъ мнѣ слово выдашь за меня швою дочку. Али опопрешься?»

*

— «Нѣтъ, не ошопрусь! Я сказалъ, что если швой корабликъ нырнешъ и выплывешъ, то Анюша швой.»

— «Ну по-по же! Только вопъ что: Емельянъ-по Архипычъ выслужился въ капралы. Если, по его челобитью, переведупъ шебя дьячкомъ въ Дворцовую церковь, по что ты спанешъ дѣлашь?»

— «Тогда дочку за него опдамъ.»

— «Дѣльно! А если мой корабликъ нырнешъ, да и выплывешъ, погда за меня опдашь?»

— «Вѣспимо.»

— «Помилуй, Савва Пошапычъ! Да развѣ можно одну невѣспу вдругъ за двоихъ замужъ опдашь?»

— «Да будпо швой корабликъ-по и выплывешъ! Эшого бышь не можешъ!»

— «Выплывешъ! Самъ увидишь!»

— «Пустое!»

— «Нѣтъ не пустое! Берегись, Савва Пошапычъ! Выплывешъ! Тогда вѣдь я на шебя Царю челомъ ударю.»

— «Ахъ ты, Господи!» воскликнулъ понамарь, испугавшись. «Чѣмъ же я виновашъ?»

— «А для чего ты двоимъ вдругъ слово далъ? Развѣ добрые люди шакъ дѣлаюшъ? Я корабликъ свой завтра же покажу Царю. Ужъ

я опъ тебя не ошпану. Моли Бога, чшобъ Емельянъ Архипычъ раздумалъ женишься; а если нѣтъ, то попадешься ты между двухъ огней. Башюшка-Царь любишь правду, и съ побой не пошупишь. Онъ насъ съ побой разсудишь!»

— «Не стуби меня, Филимонъ Паншелъичъ! Чшо тебѣ въ эшомъ прибыли!»

— «Нѣтъ! Не укланяешь меня! Прощай! Пойду снаряжать свой корабликъ.» —

Бѣдный понамаръ былъ въ опчаяніи, и скорымъ шагомъ пошелъ съ дочерью на посполый дворъ.

— «Наказаніе Божіе!» бормоталъ онъ про себя. «Ой ужъ эти дочки! Нѣтъ жениха — худо! А какъ много ихъ — такъ еще хуже! Бѣда да и полько!» —

На другой день упромъ совершенно было благодарственное молебствіе въ Успенскомъ Соборѣ. По окончаніи молебствія, Царь вышелъ изъ церкви въ сопровожденіи Генераловъ, Бояръ и другихъ знатныхъ Государственныхъ чиновниковъ, и оспановился съ ними передъ раскинутымъ шашпромъ по срединѣ площади, на кошорой спояли войска, бывшія въ Азовскомъ походѣ. Всѣ, особенно опличившіеся храбростію, поочередно подходили къ Монарху, и Онъ дарилъ изъ соб-

спивенныхъ рукъ, кого золошою медалью, кого серебрянымъ кубкомъ, кого кафшаномъ на собольемъ мѣху, кого деньгами.

Когда дошла очередь до Емельяна, шо онъ, приблизясь къ Царю, спалъ передъ Нимъ на колѣна и началъ просишь Его, чшобы, вмѣсто назначенной ему награды, Царь повелѣлъ понамаря села Споянова перевести дьячкомъ въ Дворцовую церковь.

— «Чшо это значишь? Вспань!» воскликнулъ Петръ, нахмуривъ брови. «Какъ зовушь его?» спросилъ Царь, обращясь къ Генералу Гордону, начальнику Бушырскаго полка.

— «Эшо капралъ Ивановъ, Государь!» ошвѣчалъ Гордонъ. «Топъ самый, кошорый изъ солдашовъ Семеновскаго полка былъ переведенъ въ мой полкъ капраломъ за шо, чшо зажегъ подкопъ, подорвавшій Азовскую спѣну.»

— «А! эшо онъ!... Чшо за спранная просьба, Ивановъ? Подумалъ ли ты, о чемъ и кого просишь?» —

Емельянь, зная любовь Царя къ правдѣ, ошкровенно объяснилъ причину своей просьбы. Онъ не скрылъ ничего, и рассказалъ даже, какъ неудачная попышка лепашъ по журавлиному лишила его всего имѣнїя и принудила вспуишь въ солдашы.

Царь нѣсколько разъ улыбался, слушая разсказъ воздухоплавашеля.

— «Кто же велѣлъ продать все швое имѣніе? Неужели ты, Князь?» спросилъ Царь, обращаясь къ Троекурову, который съ прочими Боярами споялъ близъ Монарха.

— «Не я, Государь, а Окольнічій Лихачевъ, который во время моей болѣзни правилъ Спрѣдецкимъ Приказомъ.»

— «А кто велѣлъ выдать изъ казны деньги на крылья?»

— «Тотъ же Окольнічій Лихачевъ. Блаженной памяти, Царь Іоаннъ Алексѣевичъ (*) повелѣлъ эти деньги не разыскивать.»

— «Зачѣмъ же ихъ разыскали? Позвать сюда Лихачева.» —

Федотъ Ильичъ споялъ позади Болръ, вмѣстѣ съ другими Окольнічними. Услышавъ повелѣніе Царя, онъ приблизился къ Нему, и поклонился до земли.

— «Послушай ты, умная голова!» сказалъ гнѣвно Царь: «какъ смѣлъ ты опускаться изъ казны самовольно деньги, и попомъ ихъ разыскивать противъ Царскаго повелѣнія?»

(*) Царь Іоаннъ Алексѣевичъ скончался 29 Января 1696 года, предъ вторымъ Азовскимъ походомъ.

— «Помилуй, Великій Государь!» воскликнулъ Федось Ильичъ, упавъ на колѣна.

— «Много ли денегъ опущено было изъ казны, и сколько попомъ взыскано?»

— «Опущено было осмнадцать рублей, да своихъ денегъ далъ я пяшь рублей на шпорыя крылья; взыскано же было съ челоуишчика двадцашъ. Видя его бѣднось, я поспунился ему моими собшвенными шрема рублями. Помилуй, Великій Государь!»

— «Только для сегоднишняго шоржеспва Я шебя прощаю. Осмѣлся у Меня впередъ безшолково выдавашъ казенныя деньги и безшолково взыскивашъ! Эши деньги, собираемыя съ народа, должны бышь не иначе уношребляемы, какъ на пользу Государшва. Въ жалованьи за Мою службу Я воленъ, а въ эшихъ деньгахъ долженъ Я буду нѣкогда опдашь ошчепъ Богу! (*) Помни эшо! Вшань!... За вину швою, однако жъ, заплаши Иванову сорокъ рублей.» —

Федось Ильичъ, услышавъ приговоръ Царя, едва могъ вспашъ съ земли. И не взысканные шри рубля долго его мучшли, какъ упрекъ совѣспи за важное преспушленіе. Необходимость же заплашишь сорокъ рублей

(*) Собшвенныя слова Петра Великаго.

ужаснула его болѣе, нежели сабля, копорую бы подняли, чшобы опрубишь ему руку. Онъ немедленно опсправился домой за деньгами, и въ пошть же день вручилъ ихъ Емельяну съ шакимъ опчаянїемъ, какъ будшо бы разставался съ жизнью. Съ шѣхъ поръ выходилъ онъ каждый разъ изъ себя, если кшо нибудь при немъ случайно или съ намѣренїемъ начиналъ говоришь о журавляхъ или ихъ полешѣ.

Въ шо самое время, какъ Оедопъ Ильичъ удалился, кораблеспроишель Филимонъ, какимъ-шо образомъ пропѣсясь сквозь шолпу, упалъ въ ноги Царю и воскликнулъ: — «Надежа-Государь! помилуй!»

— «О чемъ шы просишь? Развъ здѣсь мѣсно просишь Меня?»

— «Помилуй, надежа-Государь! Поспроилъ я корабликъ для Твоей пошѣхи. Нырешъ онъ подъ воду словно гагара. Кланяюсь Тебѣ корабликомъ, а за шо Ты меня, Государь, пожалуй, и вели перевесишши понамаря села Споянова дьячкомъ въ церковь, въ Твои Царскія палашы.»

— «Эшо чшо шакое?» воскликнулъ удивленный Петръ. «Двое просяшь объ одномъ и шомъ же понамарь! Ты смѣешься, любезный Франць!» продолжалъ Царь, взглянувъ на

Лесора. «Въ самомъ дѣлѣ, эшо смѣшно! Счасшь обоихъ челобишчиковъ, чшо Я сегодня веселъ. Слѣдовало бы ихъ вразумишь въ примѣръ другимъ, чшобъ они не безпокоили Царя вздорными просьбами. Для шушки займемся, любезный Францъ, эшимъ дѣломъ и разрѣшимъ его. Чшо эшо за примѣчательный понамарь?» —

Филимонъ, подумавъ, чшо Царь его спрашиваетъ, опвѣчалъ: — «Какъ Тебѣ не знашь, надежа-Государь, понамаря Савву. Не полько въ селѣ, но и въ околпкѣ у насъ его всякой знаешъ! Теперь онъ здѣсь въ Москвѣ, на поспояломъ дворѣ, и съ дочерью.» —

Петръ улыбнолся, а Лесоръ захохоталъ.

— «Почему ты за него просишь?»

— «А онъ обѣщаль выдать за меня, али за Емельяна Архипыча, вошь за эшого служиваго, надежа-Государь, свою дочку. Кто, де, изъ васъ диво выдумаетъ, да Тебя, нашего бапюшку, пошѣшишь, пошь будетъ мнѣ и зяшь. Я и сколошилъ корабликъ для Твоей пошѣхи, а Емельянъ Архипычъ вздумалъ лепашъ по журавлиному, да ему не пошаспавилось, и пошелъ онъ въ солдашы. И оба мы обѣщали выпросишь Саввъ Попапычу Царскую Твою милоспъ, чшобъ Ты велѣлъ, надежа-Государь, перевести его дѣлчкомъ въ

церковь, что въ Твоихъ Царскихъ пала-
тахъ.»

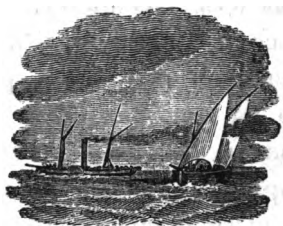
— «А дочь его за кого изъ васъ ищи за-
мужъ хочешь? Говори мнѣ правду!»

— «Кажись, что ей больше приглянулся
Емельянъ Архиничъ. Да вѣдь онъ, надежа-
Государь, не полешѣлъ по журавлиному, и
Тебя не пошѣшилъ.»

— «Онъ пошѣшилъ Меня пѣмъ, что взо-
рвалъ Азовскую спѣну. Любезный Францъ!
Когда Я окончу раздачу награды, опыщи по-
намаря Савву и его дочь. Узнай: кого она
изъ двоихъ жениховъ любишь. Пусшь она за
пого и замужъ выйдепъ. Понамарю Саввѣ
скажи, чтообъ онъ впередъ былъ умнѣе, и
что доброму челоувку слѣдуетъ выбирать
жениховъ для счаспїа дочерей, а не для соб-
спивенныхъ выгодъ. Пусшь онъ оспаеися по-
намаремъ въ селѣ Спояновѣ. Эшого корабле-
спроишеля опдаю въ швое распоряженїе.
Опредѣли его на какую нибудь верфь съ хо-
рошимъ жалованьемъ. Осмопри его корабликъ,
копорый, вѣрояшно, такъ же глубоко ныр-
нешъ, какъ высоко полешѣлъ эшопъ моло-
децъ. Подойди, Ивановъ! Возьми эшу медаль,
Я и впередъ шебя не оспавлю. Ты хошь самъ
и не полешѣлъ, но за шо Азовская спѣна
опъ швоей руки полешѣла. Петръ Ивано-

вичь!» продолжалъ Царь, обратясь къ Гордону: «поручаю швоимъ милоспямъ эшого храбраго капрала. Я увѣренъ, что онъ и впредь будетъ служить по прежнему. Въ короткое время, изъ проснаго креспянина дослужился онъ до капральскаго чина. Онъ напоминаетъ мнѣ Греческаго Икара. Только па между ними разница, что шопъ, поднявшись, упалъ, а эшопъ, не воднявшись, возвысился. Молодецъ Русскій Икаръ!» —

Константинъ Масальскій.

Д О М О В О Й.

(СТАРИННАЯ ВЪЛЪ.)

Взываетъ насъ голосъ Царя на войну
Отстаивать грудію землю родную!
Надѣну доспѣхи, покину жену —
Кому жъ поручу я жену молодую?
Еще ты върна,
Подруга-надежа!
Но слишкомъ пригожа
И слишкомъ страстна —
Кто жъ будетъ хранителемъ брачнаго ложа?

Старуха ли няня? надежда плоха —
Глупецъ, кто вврѣтается этой надеждѣ.
Когда уже минуло время грѣха,
Умъ женщины тупъ, и не то, что былъ прежде!

А юность остра ,
 Затѣйна , лукава ,
 Увертлива ; право ,
 Безбожно хитра —

Обманъ да измѣна для ней лишь забава !

Кому жь поручу я за нею надзоръ ?
 Дворецкому развѣ : онъ вѣренъ и честенъ ,
 Догадливъ и бдителенъ , строгъ и хитеръ ,
 И правъ неподкупный его мнѣ извѣстенъ !

Ее сторожить
 Онъ ревность приложить ;
 А ночью — не можетъ
 При барынѣ быть —

А ночь-то меня всего пуще тревожить !

И такъ-то , признаться , никто изъ людей
 Жены молодой сторожить не сдумаетъ ,
 Какъ юная кровь разыграется въ ней ,
 Какъ умъ расторопный лукавство затѣетъ .

А кромѣ людей
 Есть добрые духи ,
 Умиѣ старухи ,
 Дворецкихъ хитрѣй —

На нихъ-то , кажись , не бывасть прорухи !

Я вѣрю: въ жилищѣ моеѣ *домовой*,
 Съ домашнимъ житьемъ и порядкомъ онъ друженъ;
 Онъ вѣрно хитре жены молодой;
 Вотъ сторожъ, какой для жены-то мнѣ пужень!

— « И такъ, домовой,
 Незлобный, негнѣвный,
 Мой другъ задушевный,
 Кормилецъ ты мой!

Будь барынинь дядька, всенощный, вседневный!

« Любовниковъ грозно отъ ней отгоняй;
 Держи непокорную въ крѣпкой неволѣ,
 И голосомъ совѣсти ей попеняй;
 А буде послушна, держи ее въ холѣ.

Являйся ко мнѣ
 Порой съ утѣшеньемъ,
 Съ твоимъ донесеньемъ,
 Въ полуночномъ снѣ —

Доволенъ ли буду ея поведеньемъ.

« Прости же, голубушка! » — Плачетъ жена,
 И мужа объемлетъ, и стопеть, и вопить:
 Въ ней искренность горькаго горя видна.
 Растроганный ратникъ отъѣздъ свой торопить,

Узнавъ по всему,
 Что миль онъ ей точно,
 Что быть и заочно
 Любимымъ ему,
 Что счастье семейное, кажется, прочно!

Но въ дальнемъ походѣ, на ратномъ конѣ,
 На ложѣ ночлега и въ битвѣ кровавой —
 Повсюду при мысли о милой жевѣ
 Его подозрѣваемъ смущаетъ лукавый.

Побѣда сама
 Ему не потѣха:
 Ему ли до смѣха?
 Онъ сходитъ съ ума!

Да, ревность веселью большая помѣха!

Нѣтъ изъ дому вѣсти, нейдетъ домовой:
 Въ народѣ шататься старикъ, знать, не любить;
 Не вѣдаетъ онъ, домосѣдъ холостой,
 Какъ ревность супружняя мучить и губить!

Въ яву и во снѣ,
 Печально, сурово,
 Онъ ждетъ домового
 Въ чужой сторонѣ...

«Явись же, старинушко! молви хоть слово!»

И друга дождался!... Полночной порой
 Является сонному нѣкто мохнатый —
 Медвѣдь не медвѣдь, а и чортъ не простой,
 Но льшій косматый, старикъ волосатый....

На цыпочкахъ онъ,
 Запачкапный, гадкой,
 Ступастъ украдкой;
 Отвѣсилъ поклонъ

Съ еврейской ужимкой, съ злодѣйской ухваткой.

— Что скажешь, мой милый! давно тебя жду;
 А женки моей какво поведенье? —

— «Ну баринъ,» въ отвѣтъ онъ: «себѣ на бѣду
 Я горькое принялъ твое порученье!

Дай духъ перевести!
 При ней я безсмынно
 И пощю и денно
 Стерѣть твою честь:

Совсѣмъ изнсмогъ, одурѣлъ совершенно!

« Не смѣлъ я досель отлучаться отъ ней:
 Какую дурную ей врагъ далъ повадку —
 Скорѣ я сладилъ бы съ сотней чертей!
 Ну, вотъ, расскажу тебѣ все по порядку —

Ты жь сердцемъ скрѣпись!
 По мужь сначала
 Она горевала,
 И слѣзки лились;
 А тамъ уже хитрость ей въ душу запала!

«Еще не на дѣвъ, но смутнымъ умомъ
 Голубка твоя принялась куролесить
 И мысленно вѣдаться съ тайнымъ грѣхомъ;
 А тутъ пожелала на дѣвъ чудесить:

Понравился ей
 Какой-то господчикъ;
 Смазливый молодчикъ
 Сталъ ластиться къ ней —

И больно слюбился ей милый дружечекъ!

«Въ мѣстахъ, недоступныхъ для насъ, домовыхъ,
 Гдѣ люди гнушаются грѣшнымъ желаньемъ,
 Тамъ встрѣчи назначены были у нихъ;
 И я, наконецъ, безпримѣрнымъ стараньемъ

Провѣдать успѣлъ,
 Что въ часъ полуночной,
 Порою урочной,
 Придетъ къ ней пострѣлъ —

И будетъ осмѣлять мой баринъ заочный!

« Съ сердцовъ я ее пожурилъ, побрапилъ
 И тайную задалъ я ей потасовку ;
 Но выбился я безуспѣшно изъ силъ !
 Что было мнѣ дѣлать ? оставить плутовку
 На брачномъ одрѣ ;
 А друга милаго,
 Какъ вора ночнаго,
 Поймать на дворѣ —
 Какъ разъ проучить шалуна молодого !

« И вотъ ! онъ тихохонько крадется — хватъ !
 Попался — и лопнула злая затѣя !
 Не стыдно ль чужую жену соблазнять ?
 И тутъ положили я зарокъ на злодѣя —
 И духъ въ немъ сперся,
 И кровь охладѣла,
 И плоть помертвѣла,
 Языкъ отнялся —
 Теперь не затѣеть онъ глупаго дѣла ! » —

— Куда же дѣвался ты съ нимъ ? — былъ вопросъ :
 « Ну, тотчасъ бы камень на шею, да въ воду ! —
 — « Ты выслушай, баринъ ! не конченъ доносъ ;
 Ну, какъ не жалѣть молодого народу !

*

Сыскался другой,
 Сыскался и третій —
 Боярскія дѣти —
 И оба чредой,
 Что красные звѣри, попались мнѣ въ сѣти!

«И тотъ же на нихъ положилъ я зарокъ:
 Въ амбаръ стоять они рядомъ всѣ трое;
 Безмолвно клянуть свой проступокъ и рокъ,
 Въ ужасной недвижности, въ мертвомъ покоѣ!
 И такъ простоятъ
 Въ тяжелой неволѣ,
 Покуда ты въ полѣ;
 Привдешь назадъ —
 Тогда-то натѣшишься ими по волѣ!»

«И такъ наконецъ унялася жена
 И мыслить; меня вотъ ужъ третій дурачить!
 И въ люди съ тѣхъ поръ не выходитъ она;
 Все дома сидитъ, все тоскуетъ да плачетъ.
 И вотъ, до того
 Ей скучно на свѣтъ,
 Что нѣтъ на примѣтъ
 У пей никого;
 На время оставила глупости этѣ.» —

— Спасибо, дружокъ! торопись же домой;
 За пею смотри неусыпно и строго.
 Тебя награжу я, честной домовою!
 Лети же стрѣлою, лети, ради Бога!...

Набили же мнѣ
 Оскомину эти
 Боярскія дѣти! —
 И ратникъ во снѣ
 Сердитой рукою искалъ своей плети.

Труба затрубила. . . . и витязь, со сна,
 Подумалъ, что другъ домовою его кличетъ,
 Что снова затѣяла что-то жена. . . .
 Ошибся! но горькое горе онъ мычетъ.
 Врагамъ-то бѣда:
 Ихъ жестоко рубить,
 Колотить и губить —
 А сердце всегда
 Ужасно болить и невѣрную любить.

Домой возвращается рать наконецъ;
 И каждаго мѣнить родная хорома;
 Лишь витязь нашъ сердится — горе-свинецъ
 Лежить на душѣ. . . . Очутился онъ дома —

И жешка бѣжить
 Встрѣчать дорогаго;
 На шеѣ милаго,
 Цѣлуя, висить —

А тотъ вспоминаеть разсказъ домоваго.

И слѣдственно пасмуренъ ратника видъ.
 — Жена, перестань : что за глупыя ласки ! —
 Жена съ удивленьемъ на мужа глядитъ ;
 Слезами наполнились свѣтлыя глазки :
 — « Помилуй , мой другъ !
 Скажи , что съ тобою ?
 Простился со мною ,
 Какъ добрый супругъ —
 И вотъ , воротился съ постылой душою ! » —

И былъ ей загадоченъ мужа отвѣтъ ;
 И няню бравить онъ , дворецкаго то же ;
 Всю челядь домашнюю , городъ , весь свѣтъ —
 А челядь въ полголоса : Господи Боже !
 Въ амбаръ онъ идетъ
 Съ женой невеселой ,
 Со дворнею цѣлой —
 И вѣрно найдетъ
 Своихъ супостатовъ — народъ помертвѣлый !

Ужъ отперть замокъ, растворяется дверь —
И, первый, хозяинъ вошелъ, оглянулся,
Глазами поводитъ, что яростный звѣрь,
И что-то увидѣвъ, глядитъ — и надулся. . . .

Три кади стоять :

Одна съ чечевицей

И двѣ со пшеницей ;

Всѣ рядомъ торчать —

Не пахнуть онъ никакой небылицей.

Онъ шупаетъ кади, да рѣжетъ ножемъ —
И щепки валятся, но крови не видно.
Увѣрился баринъ въ обманъ своемъ,
И стало ему передъ двѣрнею стыдно.

Дивится она,

Не вѣсь, чего ради

Изрѣзалъ онъ кади ;

Не вѣсь и жена,

Зачѣмъ ихъ осматривать спереди, сзади ?

— Ну, скучно ли было тебѣ безъ меня ? —

Спросилъ онъ, оставшись глазъ на-глазъ съ женою.

Отвѣтъ : — « Я не знала веселаго дня,

И даже я ночью не знала покою :

Вѣдь злой домовой
 У насъ поселился ;
 Всеющю возмися
 Безстыдникъ со мной. . . .

Не вѣдаю : въ явѣ ль, во снѣ ль онъ мнѣ снился ?

« Лежу и гляжу : старичишка стоитъ —
 Мохнатый, ужасный, какъ врагъ-всегубитель,
 И рѣчи негодныя мнѣ говоритъ ;
 Какъ варомъ, меня обдаеть соблазнитель
 Дыханьемъ своимъ. . . .
 За дерзость такую
 Въ глаза ему плюю,
 Ругаюся съ нимъ
 И драться хочу, но безсиліе чую.

« Хочу отъ него оградиться крестомъ —
 Нѣтъ мочи, такъ сидно онъ держитъ мнѣ руки ;
 Смѣется : « Голубушка , дѣло не въ томъ !
 Меня полюби — перестануть докуки ! »
 И такъ-то злой духъ
 И мучить и давить,
 Пока не избавить
 Спаситель-пѣтухъ
 И згинуть ночнаго врага не заставитъ. » —

Хозяинъ вѣнитъ во всемъ предъ женой
И чистосердечно прощенія просить,
И вопить во гнѣвъ: « Подлецъ домовой ! »
И вѣрность жены молодой превозносить :
 « Ахъ, женка, мой свѣтъ !
 Для друга милаго
 Не помни былаго ! »
 А женка : — « Нѣтъ, нѣтъ ! » —
И тотчасъ онъ выкурить вошь *домоваго* !

Баронъ Розенъ.

КІЕВСКІЯ ВЪДЬМЫ.

Молодой казакъ Кіевскаго полка, Федоръ Блискавка, возвратился на свою родину изъ похода противъ упѣснителей Малороссіи, Ляховъ. Храбрый Гепманъ войска Малороссійскаго, Тарасъ Трясила, послѣ знаменитой *Тарасовой ночи*, въ копорую онъ разбилъ высококомѣрнаго Конецпольскаго, выгналъ Ляховъ изъ многихъ мѣстъ Малороссіи, очисти́въ оныя и опѣ коварныхъ *подножковъ* (*)

(*) *Подножекъ* (пидножокъ) — рабъ, прислужникъ, принадлежащій къ ногамъ. Гетманъ Брюховецкій писалъ къ Царю

Польскихъ, Жидовъ предашелей. Много ихъ пало ошъ руки ожесшоченныхъ казаковъ, копорые, добивая ихъ, напѣвали шѣ же самыя ругашельспва, каковыми незадолго предъ шѣмъ Жиды оскорбляли Православныхъ. Все было припомянуто: и наушничество Жидовъ, и услужливосшъ ихъ Полякамъ, и мытарспво ихъ, и содержаніе на арендѣ церквей Божіихъ, и продажа непомѣрною цѣной свяшыхъ пасохъ къ Свѣшлomu Хрисшову Воскресенію. Само по себѣ разумѣшся, что имущеспво сихъ малодушныхъ иновѣрцевъ было пощажено споль же мало, какъ и жизнь ихъ. Казаки возврапились въ дома свои, обременясь богапою добычей, копорую счишали весьма законною, и копорую Лѣшописецъ Малороссіи оправдываешъ въ душѣ своей, разсудивъ, споль неправедно было спяжаніе выходцевъ Іудейскихъ. Эшо было справедливымъ возмездіемъ за ушѣсненія; и въ семъ случаѣ казаки, можно сказащъ, забирали обратшно свою собспвенность.

Алексію Михайловичу: «Вашего Царского Пресвѣтлого Величства, Благодателя моего милосшного вѣрній холодшъ и «пайнижшій подшожокъ Пресвѣтлого Престола, Бояринъ и «Гетманъ вѣршого войска Вашего Царского Пресвѣтлого Величства Запорожкого Ивашка Брюховецкій.»

Тѣ, которые знали Федора Блискавку, какъ лихаго казака, догадывались, что онъ пришелъ домой не съ пуспыми руками. И въ самомъ дѣлѣ, при каждой расклапѣ съ шинкаркой или съ бандуриспами, онъ выпаскивалъ у себя изъ *кишени* (*) цѣлую горсть *дукатовъ*, а Польскими *злотыми* только что не швырялъ по улицамъ. При взглядѣ на золото, разгорались глаза у шинкарей и *крамарей* (**); а при взглядѣ на казака, разгорались щеки у дѣвицъ и молодежи. И было опъ чего: Федора Блискавку не даромъ всѣ звали лихимъ казакомъ. Высокій его ростъ съ молодецкою осанкой, спашное, крѣпкое сложеніе шѣла, черные усы, которые онъ гордо покручивалъ, его молодоспъ, красота и *завзятость* (***) хошъ бы кому могли вскружить голову. Мудрено ли, что молодыя Кіевлянки поглядывали на него съ лукавою, привѣпливою усмѣшкой, и что каждая изъ нихъ рада была, когда онъ заводилъ съ нею рѣчь или позволялъ себѣ какую нибудь незорную вольноспъ въ обхожденіи?

(*) *Кишень* — кармапъ.

(**) *Крамарь* — мелочной торговецъ краснымъ товаромъ.

(***) *Завзятость* — удалство, молодечество.

Перекупки (*) на Печерскъ и на Подоль (**)
знали его всѣ, опть первой до послѣдней, и
съ довольными лицами перемигивались ме-
жду собою, когда, бывало, онъ идесть по ба-
зару. Онъ ждали эшого какъ воронъ крови,
пошому, что Федоръ Блискавка, изъ казацка-
го молодецства, распалкивалъ у нихъ лапки
съ кнѣшами, сластѣнами, либо черешнями (***)
и раскапывалъ на всѣ спороны большія во-
роха арбузовъ и дынь, а послѣ плапиль за
все впрое.

— «Что шакъ давно не видашь нашего за-
взятого?» говорила одна изъ Подольскихъ
перекупокъ своей сосѣдкѣ. «Безъ него и про-
дажа не въ продажу: сидишь, сидишь, а ни
десяшой доли въ цѣлый день не выручишь
шого, чѣмъ опть него поживишься за одинъ
мигъ.»

(*) *Перекупка* — рыночная торговка, продающая плоды,
овощи и т. п. — *Перекупками* называются онъ потому, что
покупаютъ сіи произведенія дешевою цѣной у сельскихъ жи-
телей и продаютъ дороже въ городъ.

(**) *Печерскъ* и *Подоль* — части города Кіева.

(***) *Кнѣши* — родъ саекъ; *сластѣны* — алады. *Черешни* — небольшія сливы, похожія на Французскіи mirabelles,
и очень сладкія.

— «До шого ли ему!» опвѣчала сосѣдка. «Видишь, онъ увиваешся около Капруси Ланцюговны. Съ нею шеперь спознался, шакъ и на базарахъ не показываешся.»

— «А чѣмъ Ланцюговна ему не невѣсна?» вмѣшалась въ разговоръ ихъ прешья перекупка. «Дѣвчина какъ маковъ цвѣтъ; поглядѣшь — шакъ волей и неволей скажешь: красавица! Волосы какъ смоль, черная бровь, черный глазъ, и роспомъ и спашью взяла; одна усмѣшка ея съ ума сводишь всѣхъ парубковъ. Да и мать ея — женщина не бѣдная; скупа, правда, спарая корга! за шо денегъ у нея шолько, чшо хопъ лопашой гребн.»

— «Все эшо шакъ,» подхватила первая: «шолько про спарую Ланцюжиху недобрая слава идешь. Всъ говорящъ — наше мѣспо свяшо! — будшо она вѣдма.»

— «Слыхала и я шакіе слухи, кумушка,» замѣшила вшорая. «Сосѣдъ Панчоха самъ однажды видѣлъ своими глазами, какъ спарая Ланцюжиха вылешъла изъ шрубы, и опсправилась, видно, на шабашъ....»

— «Да мало ли чего можно о ней разкашъ!» перебила ее первая. «Вошъ у Пешра Дзюбенка извела она корову, у Юрчевскихъ опсправила собакъ, за шо, чшо одна изъ нихъ

была *яркухъ* (*), и узнавала вѣдму по духу. А съ Ничипоромъ Прошаліемъ, поссорившись за огородъ, сдѣлала то, что не приведи Богъ и слышашь.»

— «Что, что такое?» вскричали съ любопытствомъ двѣ другія перекупки.

— «Ну, да ужъ что будетъ, то будетъ, а къ слову пришлось разсказашь. Старая Ланцюжиха испортила Ничипорову дочку такъ, что хопъ брось. Теперь бѣдная Докійка то мяучишъ кошкой и царапается на спящу, то лаешъ собакой и кажетъ зубы, то спрекочешъ сорокой и прыгаешъ на одной ножкѣ...»

— «Полно вамъ щибешашь, пущомели!» перервала ихъ разговоръ одна старая перекупка съ недобрымъ видомъ, поглядывая на всѣхъ такими глазами, съ какими злая собака рычишъ на прохожихъ. «Толковали бы вы про себя, а не про другихъ,» продолжала она опрывисшо и сердишо: «у васъ всѣ пожилыя женщины съ доспашкомъ — вѣдмы; а на свои хвосты такъ вы не оглянешь.» —

(*) *Яркухъ* — собака, родившаяся съ шестью пальцами н, по Малороссійскому повѣрью, имѣющая природный даръ узнавать вѣдмъ по духу, даже кусать ихъ.

Всѣ перекупки невольно вскрикнули при послѣднихъ словахъ спарухи, но мигомъ унялись; ибо не смѣли съ нею ссориться: про нее по же шла шишкомъ молва, что и она принадлежала къ кагалу (*) Кіевскихъ вѣдьмъ.

Нашлись однако же добрые люди, которые хотѣли предосперечь Федора Блискавку отъ женишбы на Капрусъ Ланцюговнъ; но молодой казакъ смѣялся имъ въ глаза, опшнудъ не думая опшпашъ отъ Капруси. Да какъ было и вѣришь чужимъ наговорамъ? Милая дѣвушка смошрѣла на него шакъ невинно, шакъ добросердечно, улыбалась ему шакъ умильно, что хотя бы цѣлый Кіевъ собрался на площади у Льва и присягнулъ въ шомъ, что машь ея шочно вѣдьма — и шогда бы Федоръ не повѣрилъ этому.

Онъ ввелъ молодую хозяйку въ свой домъ. Спарая Ланцюжиха оспалась въ своей хашѣ одна, и опказалась отъ приглашенія своего зяшя перейши къ нему на жишье, давъ ему шаконъ опвѣшь, что ей, по спарымъ ея привычкамъ, нельзя было бѣ ужиться съ молодыми людьми. Федоръ Блискавка не могъ нарадовашься, глядя на милую жену свою,

(*) *Кагалъ* — синагога или сборище.

не могъ нахвалишься ею. И жаркія ласки, и пламенные поцѣлуи, и угодливосць ея мужу своему, и досужество въ домашнемъ быту — все было по сердцу нашему казаку. Спранно казалось ему полько то, чшо жена его, среди самыхъ сладоспныхъ изліяній супружеской нѣжності, вдругъ иногда спановилась груспна, спяжело вздыхала и даже слезы навешывались у ней на глазахъ; иногда же онъ подмѣчалъ шакіе взоры большихъ, черныхъ ея глазъ, чшо у него невольно холодь пробѣгалъ по жиламъ. Особливо замѣчалъ онъ эшо подъ исходъ мѣсяца. Тогда жена его дѣлалась мрачною, ошвѣчала ему корощко и неохощно, и, казалось, кака-шо шоска грызла ее за сердце. Въ эшо время все было не по ней: и ласки мужа, и привѣщы друзей его, и хозяйсшвенныя заботы; какъ будшо Божій мірь спановился ей шѣсень, какъ будшо она рвалась куда-шо, но съ ошвращеніемъ, съ крайнимъ насиліемъ самой себѣ и словно по нѣкошорому непреодолимому влеченію. Порой замѣшно было, чшо она хощла въ чемъ-шо ошкрышья мужу; но всякой разъ спяжкая шайна залегала у ней въ груди, шѣснила ее — и полько смершная блѣдностъ, попоки слезъ и шрепешъ всего ея шѣла ошкрывали мужу ея,

чно шунтъ было нѣчто не просто: больше никакаго признанія не могъ онъ опъ ней добиться. Капруся, вдругъ овладѣвъ собою, оживлялась, начинала смѣяться, игралъ какъ дитя, и ласкалъ своего мужа больше прежняго; попомъ увѣряла его, что это былъ болѣзненный припадокъ опъ порчи, брошенной на нее съ малолѣтства дурнымъ глазомъ какой-то злой шарухи; но что это не бываетъ продолжительно. Федоръ вѣрилъ ей, попому, что любилъ жену свою, и сверхъ того видалъ примѣры подобной порчи или болѣзни.

Однако, подъ исходъ мѣсяца, съ наспуленіемъ ночи всегда замѣчалъ онъ въ женѣ своей необыкновенное безпокойство. Она видимо начинала чего-то бояться, поминутно вздрагивала и блѣднѣла часъ опъ часу болѣе. Хотѣлъ онъ дознаться причины тому, но это было сверхъ силъ его: всякой разъ, когда онъ съ вечера подмѣчалъ въ Капрусѣ какое-то душевное волненіе, какую-то скрипную превогу, — неразгадаемый, глубокий сонъ одолевалъ его, лишь только онъ припадалъ головою къ подушкамъ. Самъ ли онъ догадался, или добрые люди надоумили, только однажды, въ шаковую ночь подъ исходъ мѣсяца, Федоръ, ложась въ постелю,

*

началъ шаритьъ рукою у себя подъ подушкой и нашель узелокъ какихъ-шо правъ. Едва онъ допронулся до нихъ рукою, вдругъ почувствовалъ, что рука спала шяжелѣшь, и кровь ушла въ ней мало по малу, какъ будно засыпая. Жена его на шопъ разъ была занята хозяйшвенными хлопотами и не примѣчала за нимъ. Федоръ мигомъ опдернулъ форшочку у окна, и выбросилъ узелокъ. Дворная собака, лежавшая на *приспѣ* (*), вѣрояшно думала, что бросили ей кость или другую поживу; она вспала, ошряхнулась, съ одного скачка очушилась надъ узелкомъ, и начала его обнюхивашъ; но шолько что понюхала, какъ зашашалась, упала и заснула крѣпкимъ сномъ. — «Эге! шакъ вопѣ ошъ чего и я спалъ, дорогая моя женушка!» подумалъ Федоръ. Сомнѣнія его опчасши подтвердились; но чшобы совершенно убѣдилься въ ужасной шайнѣ и не навесши подозрѣнія женѣ своей, онъ пришворился спящимъ и храпѣлъ шакъ, какъ будно бы шрое суюпокъ провелъ безъ сна. Капруся, возвращаясь изъ клѣши, куда она выносила осшашки ужина, подошла къ своему мужу, положила

(*) *Приспа* — завалина, земляная насыпь вокругъ хаты.

руку на его грудь, поглядѣла ему въ лице и, тяжело вздохнувъ, опюшла къ печи. Федоръ Блискавка, не переспавая храпѣть изо всей силы, опкрылъ до половины глаза и слѣдилъ ими за своей женою. Онъ видѣлъ, какъ она развела въ печи огонь, какъ поставила на уголья горшокъ съ водою, какъ начала въ него бросать какія-то снадобья, приговаривая вполголоса спранныя, дикія для слуха слова. Вниманіе Федора увеличивалось съ каждою минутой: спрахъ, гнѣвъ и любопытство боролись въ немъ; наконецъ послѣднее взяло верхъ. Припворяясь по прежнему спящимъ, онъ высматривалъ, что будешь далѣе.

Когда въ горшкѣ вода закипѣла бѣлымъ ключемъ, то надъ нимъ какъ будто прошумѣла буря, какъ будто заспучалъ крупный дождь, какъ будто прогремѣлъ сильный громъ; наконецъ раздалось изъ него писклявымъ и рѣзкимъ голосомъ, похожимъ на визгъ желѣза, черпящаго по почилу, прижды слово: «лепи, лепи, лепи!» Тутъ Капруся поспѣшно наперлась какою-то мазью, и улепѣла въ прубу.

Дрожь проняла бѣднаго казака, такъ что зубъ на зубъ не попадалъ. Теперь уже нѣтъ больше сомнѣнія: жена его вѣдьма; онъ самъ

видѣлъ, какъ она снаряжалась, какъ опсправилась на шабашъ. На что рѣшишься? Въ шогдашнемъ волненіи чувствъ и шревогъ душевной, онъ ничего не могъ придумашъ, даже не доспавало у него ни на что смѣлоспя; лучше опложись до слѣдующаго раза, чшобъ имѣшь время все обдумашъ, ко всему пригошовишься и запасишь опвагой. Такъ онъ и рѣшился. Однако же безсонница его мучила, спрахъ прогонялъ дремону; ему все чудились какія-шо опшрашишельныя пугалища. Онъ ворочался на поспель, -попомъ вспалъ и ходилъ по хашъ; напрасно! сонъ бѣжалъ опъ него, въ хашъ ему было душно. Онъ вышелъ на чистый воздухъ; шихая, прохладная ночь немного освѣжила его; мѣсяць послѣднимъ, блѣднымъ свѣпомъ своимъ какъ будшо прощался съ землею до новаго возрожденія. При его, чупъ брежжущемъ свѣпъ, Федоръ увидѣлъ спавшую собаку и подлѣ ней заколдованный узелокъ. Чшобъ избавишься опъ шяжкой безсонницы и скрышь опъ жены своей, чшо онъ проникъ въ ея шайну, Федоръ поднялъ узелокъ двумя щепками; и вмигъ собака вспрепенулась, вскочила, пошрясла головой и начала ласкашся къ своему хозяину. Не перья времени, молодой казакъ возвратился въ хашу, положилъ

узелокъ подъ изголовье, прилежь на него, и заснулъ какъ убитый.

Когда онъ открылъ глаза, то увидѣлъ, что Капруся лежала подлѣ него. На лицѣ ея не было замѣтно даже и слѣдовъ вчерашняго изсхудленія, ни въ глазахъ ея той неисповой дикости, съ кошорою она дѣлала заклинанія свои. Какая-то помная нѣга, какая-то тихая радость отражались въ ея взорахъ и улыбкѣ. Никогда еще не распочала она столько спрашныхъ поцѣлуевъ, столько дѣтскихъ ласкъ своему мужу, какъ въ это утро. Словомъ: это была молодая, милая и любящая женщина, швореніе безхитросное и младенчески-рѣзвое, но опнюдь не ша спрашная чародѣйка, кошорую мужъ ея видѣлъ ночью. И казалось, это не было и не могло бытъ въ ней пришворшвомъ: она дышала только для любви, видѣла все счастье жизни только въ миломъ другѣ своемъ. Уже казакъ началъ колебаться мыслями: въ правду ли случилось то, чему онъ былъ свидѣтелемъ? не сонъ ли шакой привидѣлся ему ночью? не злой ли духъ смущалъ его спрашными грѣзами, чшобъ ошврашить его сердце опъ жены любимой?

Прошелъ и еще мѣсяць. Капруся во все это время по прежнему была домовишою

хозяйкою, милою, веселою молодницею, ласковою, услужливою женою. Однако же Федоръ Блискавка обдумывалъ вшайнѣ чшо должно ему было дѣлать, и наконецъ надумался. Подъ исходъ мѣсяца, спалъ онъ прилежнѣе наблюдавъ за своей женою, и замѣнилъ въ ней шѣ же самыя признаки: и слезы, и тяжкіе вздохи, и шайную поску, и опшращеніе опшѣ всего, даже опшѣ ласкъ ея мужа, и порою дикій, неподвижный взоръ. Еще съ вечера Федоръ объявилъ, чшо ему было душно въ хашѣ, и опшворилъ окѣнце; когда же ложился въ постелю, шо, запусшивъ руку подъ изголовье, выхвапилъ узелокъ и выбросилъ его на дворъ съ шакою же быспрошюю, съ какою обыкновенно опшбрасывалъ онъ горящій уголь, когда доспавалъ его изъ печи, чшобъ закуришь прубку. Все эпо было исполнено мигомъ, шакъ, чшо Кашруся никакъ не могла сего замѣпить. Радуюсь успѣху, казакъ припшворился спящимъ и захрапѣлъ, какъ и въ первый разъ. Жена шакимъ же образомъ подошла къ постели и поглядѣла ему въ лице, положила руку на его грудь, наклонилась, поцѣловала мужа своего, и онъ почувшповалъ, чшо горячая слеза упала ему на щеку. Помомъ, съ тяжкимъ вздохомъ и опирая себѣ глаза рукавомъ

шонкой сорочки, она принялась за богоошсущное свое дѣло. Вниманіе казака, подкрѣпляемое швердою его рѣшимостью и ошвагой, на сей разъ удвоилось. Онъ присмашпривался, гдѣ и какія снадобья брала жена его, вслушивался въ чудныя слова и зашвердилъ ихъ. Уже ничшо не было ему спрашно: ни пламенное, неисповое лице и сверкающіе глаза жены, ни ревъ бури, ни громъ, ни рѣзкій, опшврашипельный голось изъ горшка. И едва молодая вѣдьма исчезла въ прубу, мужъ ея вскочилъ съ пошпели, подобросилъ новыхъ дровъ на пошухавшіе уголья, налилъ свѣжей воды въ горшокъ и пошпавилъ его на огонь. Пошомъ опшыскалъ небольшой ларець, спряшанный подъ лавкою въ подпольѣ и закладенный каменьями, раскрывъ его — и ошполбенѣлъ опъ ужаса и омерзенія. Тамъ были человѣческія коспи и волосьы, сушеные нешопыри и жабы, скидки змѣиной кожи, волчьи зубы, чорповы пальцы (*), осиновые уголья, коспи черной конки, множесшво разныхъ невиданныхъ раковинъ, сушеныхъ шправъ и кореньевъ, и....

(*) *Чортовъ палець* — ископаемое, находимое весьма часто въ Украинѣ. Оно имѣетъ видъ кошчическій и цвѣтомъ похоже на нечистый ятарь.

всего нельзя припомнишь. Побѣдивъ свое отвращеніе, Федоръ схватилъ полную горсть сихъ колдовскихъ принасовъ и бросилъ ихъ въ кошелъ, приговаривая шѣ слова, копорья перенялъ у жены своей. Но когда кошелъ началъ кипѣть, то Федоръ почувствовалъ, что лице его кривлялось и подергивалось, какъ опъ судороги, глаза искосились, волосы поднялись дыбомъ, въ груди какъ будто кто спучалъ молошкомъ, и всѣ кости его хрупали въ сосшавяхъ. Послѣ сего онъ пришелъ въ какое-то изспулненіе ума, ощутилъ въ себѣ непомѣрную опвагу, нѣчто похожее на крайнюю степень опьянѣнія; въ глазахъ его попеременно мелькали яркія искры, свѣшлыя полосы, какіе-то дивныя, уродливыя призраки; надъ нимъ и буря злилась, и дождь шумѣлъ, и громъ гремѣлъ — но онъ уже ничего не боялся. И когда услышалъ зычный, рѣзкій голосъ изъ горшка и слово: «леши, леши, леши!» по, не владѣя собою опъ бѣшенства, поропливо схватилъ коробочку съ мазью, наперъ себѣ руки, ноги, лице и грудь... и вмигъ какая-то невидимая сила схватила его и бросила въ трубу. Это быспрое движеніе заняло у него духъ и опбило память. Когда же онъ очу-

симвоался, шо увидѣлъ себя подъ опкрышымъ небомъ, на Лысой горѣ, за Кіевомъ....

Что шамъ увидѣлъ нашъ удалой казакъ, того, вѣрно, кромѣ его ни одному православному Христіанину не доводилось видѣшь; да и не приведи Богъ! И спрахъ, и смѣхъ пронимали его попеременно: шакъ ужасно, шакъ уродливо было сборище на Лысой горѣ! По счастью, неподалеку ошъ Федора Блискавки споялъ огромный косперъ осино-выхъ дровъ: онъ припалъ за эшошъ косперъ и ошшуда выглядывалъ, какъ мышъ изъ норки своей выглядываешъ въ хашу, кошо-рая наполнена людьми и кошками.

На самой верхушкѣ горы было гладкое мѣшо, черное какъ уголь, и голое какъ безволосая голова стараго дѣда. Ошъ эшого и гора прозвана была Лысою. Посреди площадки спояли подмоспки о семи спупеняхъ, нокрышыя чернымъ сукномъ. На нихъ сидѣлъ пребольшой медвѣдь съ двойною обезьянью мордой, козлиными рогами, змѣинымъ хвостомъ, ежовою щетиной по всему шѣлу, съ руками оспова и кошачьими когшями на пальцахъ. Вокругъ него, поодаль ошъ площадки, кипѣлъ цѣлый базаръ вѣдмъ, колдуновъ, упырей, оборошней, лѣшихъ, водяныхъ, домовыхъ и всякихъ чудъ невидан-

ныхъ и неслыханныхъ. Тамъ великанъ-жидъ сидѣлъ на коршочкахъ передъ цымбалами, величиною съ барку, на конюрыхъ спруны были не шоньше канапа; жидъ колошилъ по нимъ большими граблями, пошряхивая оспроконечную своей бородою, хлопая глазами и кривляя свою рожу, и безъ шого очень гадкую. Индѣ, цѣлая вашага чершеняшъ, одинъ другаго гнуснѣе и неуклюжѣе, спучала въ коплы, барабанила въ боченки, била въ желѣзныя шарелки и горланила во весь рошъ. Тупшъ вереница спарыхъ, сморщенныхъ какъ грибъ вѣдмъ водила журавля (*), приплясывая, спуча гоцки (**), сухими своими ногами, шакъ чшо звонъ ошъ кошей раздавался кругомъ, и припѣвая шакимъ голосомъ, чшо хопъ уши зажди. Далѣе догвязые лѣшіе пускались въ присядку съ карликами домовыми. Въ иномъ мѣспѣ беззубыя, дряхлыя вѣдмы, верхомъ на меллахъ, лонапахъ и ухапахъ, чинно и важно, какъ знашныя панъи, шанцовали польской съ съдыми, безобразными колдунами, изъ конюрыхъ иной ошъ спаросши гнулся въ ду-

(*) *Журавель* - Малороссійская пляска, родъ длиннаго Польскаго, только гораздо живѣе; танцуется по-парно.

(**) *Гоцки* — гоць-гоць! Чоканье ногой объ ногу.

гу, у другаго носъ перегибался черезъ губы и цылялся за подбородокъ, у прешяго по краямъ рта торчали ошалыные два клыка, у чешвершаго на лбу сполько было морщинъ, сколько волнъ ходилъ по Днѣпру въ бурную погоду. Молодыя вѣдьмы, съ безумнымъ, неисповѣмъ смѣхомъ и взвизгиваньемъ, какъ пьяныя бабы на *весель* (*), плясали *горлицу* и *метелицу* (**) съ космашыми водяными, у копорыхъ образины на два пальца покрышы были шиной; рѣзвыя, шаловливыя Русалки носились въ *дудочкѣ* (***) съ упырями, на копорыхъ и посмопрѣшь было спрашно. Крикъ, гамъ, шопопъ, возня, пронзительный скрыпъ и свиспы адскихъ гудковъ и *сопльокъ* (†); пѣнье и визгъ чершеняпъ и вѣдьмъ — все эшо было буйно, дико, бѣшено; и совсѣмъ пѣвмъ видно было, чшо сія спрашная сволочь опъ души веселилась.

(*) *Веселье* (виселье) — свадьба, свадебный пиръ.

(**) *Горлица* и *метелица* — Малороссійскія пляски; танцуются кадрилию.

(***) *Дудочка* — то же пляска, живая и быстрая. По большей части двѣ женщины танцуютъ ее съ однимъ мужчиной.

(†) *Соплька* — дудка, свирѣль.

Федоръ Блискавка изъ своей засады смотрѣлъ на эпо, и жудко ему было, пакъ чпо холодъ сжималъ всю внушренность. Невдалекъ ошъ себя увидѣлъ онъ и пещу свою, Лапцюжиху, съ однимъ Заднѣпровскимъ пасѣчникомъ, о копоромъ всегда шла недобрая молва, и старую Одарку Швойду, порговавшую бубликами (*) на Подольскомъ базарѣ, съ девяностолѣтнимъ крамаремъ Арпюхомъ Холозіемъ, копорого всѣ почишали чущь не за свяшаго: пакъ эпонть окаянный ханжа умѣлъ прикидывашься набожнымъ и смиренникомъ; и нищую кольку Мопрю, побиравшуюся по улицамъ Кіевскимъ, гдѣ люди добрые принимали ее за юродивую и прозвали Дзыгой (**); а здѣсь она шла рука объ руку съ богашымъ скрягою, паномъ Крупкою, копорого незадолго передъ шѣмъ казаки выжили изъ Кіева, и копорого сами земляки его, Ляхи, ненавидѣли за лихоимство. И мало ли кого шамъ видѣлъ Федоръ Блискавка изъ своихъ знакомыхъ, даже пакихъ людей, о копорыхъ прежде бы никакъ не повѣрилъ, чпо они служашъ нечиспому, хопъ бы опецъ

(*) *Бублики* — казачи или кривдели.

(**) *Дзыга* — волчекъ или юла, игрушка.

родной увѣрялъ его въ шомъ подь присягой. Вся эша шайка пожилыхъ вѣдьмъ и колдуновъ пускалась въ плясовую шакъ задорно, чпо пыль вилась сполбомъ, и чпо самымъ завзяшымъ казакамъ и самымъ лихимъ молодцамъ было бы на зависпъ. Немного въ споронъ опшпуда увидѣлъ Федоръ и свою жену. Кашруся опхвапывала казачка съ плечиснымъ и крупорогимъ лѣшимъ, кошорый скалилъ зубы и подмигивалъ ей, а она усмѣхалась и вилась передь нимъ, какъ юла. Федоръ, въ гнѣвъ и ревности, хотѣлъ бы броситься на нее и на рогашаго плясуна и порядкомъ пошузиспъ обоихъ; но подумавъ, удержался, и сдѣлалъ умно. Гдѣ бы ему было сладиспъ съ цѣлымъ чершовскимъ кагаломъ, кошорый вѣрно напалъ бы на него, и шогда поминай, какъ звали.

Вдругъ раздался, какъ внезапный порывъ бури, гуспой, сиповапый ревъ чернаго медвѣдя, сидѣвшаго на подмоспкахъ — и покpылъ собою все: и звонъ гудковъ и цымбаловъ, и свиспъ воынокъ и сопѣлокъ, и гарканье, хохонпъ и говоръ веселившейся шолпы. Все ушпхло: каждый изъ плясуновъ, поднявъ въ эшу минупу одну ногу, какъ будшо приросъ на другой къ своему мѣспу; шѣ изъ нихъ, кошорые подпрыгнули вверхъ,

шакъ и оспались на воздухъ; ошворенные ршы не успѣли сѣмкнуться, подняшья въ пляскѣ руки и вздернушыя вверхъ плеча и головы не успѣли опуститься; грабли жидя на цымбалахъ и смычки черпешашъ на гудкахъ словно окаменѣли у спрунъ. Черный медвѣдь пропянулъ коспяную руку — и мигомъ всѣ запѣли:

« Высоки скоки
 Въ сороки,
 Низки поклоны
 Въ вороны (*), » —

подскокнули снова вверхъ и повалились на землю, головами къ шому мѣспу, гдѣ сидѣлъ медвѣдь. «Ахъ, шы прокляшое племя!» шепталъ про себя Федоръ Блискавка: «оно же еще смѣлѣтъ и кошунспвовашь надъ обрядами православныхъ, и напѣвашъ чеспныя *весельныя* пѣсни на своемъ мерзоспномъ шабашѣ передъ эшимъ уродомъ, въ насмѣшку надъ добрыми людьми! Чшобъ вы всѣ провалились въ шар-шарары, да и женушка моя съ вами;

(*) Свадебная пѣсня. — Замѣтимъ, что здѣсь предлогъ *въ* замѣняетъ предлогъ у Русскаго языка.

чтобъ вамъ всѣмъ по горячей *пекельной* (*) головнѣ въ глотку: иногда бы, не бось, позабыли вы горланишь, и запѣли бы иную пѣсню, чоршова челядь!» —

Черный медвѣдь долго принюхивался во всѣ стороны, и наконецъ проревѣлъ, какъ изъ бочки: «Здѣсь ешь чужой духъ!» — Въ минушу все всполошилось: нечистые духи, вѣдьмы, колдуны, упыри, русалки — всѣ бросились искапъ съ звѣрскими, кровавыми глазами, съ пѣною бѣшенства на губахъ. И Капруся — Капруся была изъ первыхъ! Сердце замерло у Федора, холодъ пронималъ его до костей. «Теперь-шо,» думалъ казакъ, «наспалъ мой смертный часъ!» Прижавшись вплотъ къ землѣ за дровами, онъ, ни живъ, ни мершвъ, выглядывалъ изъ подлѣбья. Вдругъ видишь: Капруся первая подбѣжала къ шому мѣспу, заглянула за косперь, злобно сверкнула на мужа своимъ огненнымъ взоромъ, скрыпнула зубами... но въ шонъ же мигъ сорвала съ себя *намитку*, накинула на Федора, сунула подъ него лопашу, провела пальцемъ черпу по воздуху на Кіевъ — и прежде чѣмъ Федоръ опомнился, онъ уже лежалъ въ своей хашѣ на посшелѣ.

(*) *Пекельный* — адскій. *Пекло* — адъ, отъ глагола: *пекти*, *пекъ* (по-Малороссійски: *пекты*).

Когда чувства его поуспокоились, онъ съѣлъ на поспелю, какъ челоуѣкъ, едва выздоровливающій отъ горлячки, въ кошорой грезилась ему спрашныя мечпы. Скоро мысли его приняли печеніе, болѣе правильное: онъ припоминалъ себѣ и спрахи, и смѣшное, ошврашительное гаерство прошлой ночи, и жену свою, съ ея любовью, съ ея нѣжными ласками, съ ея забошливосшью о немъ и о домѣ, съ ея дѣпскою игривосшью.... «И все это было тольоко пришворсшво!» думалъ онъ: «все это нашепшывала ей нечиспая сила, чшобы лучше меня обманушь.» — То вдругъ предшавлялась ему жена въ минушу чародѣйскихъ обрядовъ, шо ошашъ сверкала на него огненнымъ взоромъ и скрежешала зубами, какъ на Лысой горѣ.... Въ задумчивосши, онъ и не примѣшилъ, чшо жена спояла подлѣ него. Федоръ, взглянувъ на нее, вздрогнулъ, словно босою ногою наспушлъ на змью. Капруса была блѣдна и шомна, губы ея помершвъли, глаза покраснѣли отъ слезъ, кошорыя ручьями шекли по ея лицу.

— «Федоръ!» сказала она печально: «зачѣмъ ты подсмашривалъ, чшо я дѣлала? зачѣмъ, не спросясь меня, пускался на Лысую гору? зачѣмъ не хошѣлъ довшѣришься женѣ

своей?... Богъ съ шобою! ты самъ распоншалъ наше счастье!...

— «Прочь отъ меня, змѣя, злодѣйка, вѣдьма богомерзкая!» опсвѣчалъ Федоръ съ негодованіемъ и опсвращеніемъ: «ты опяшь хочешь меня обойти бѣсовскою лешью?... Такъ ишь, не надѣйся!»

— «Послушай, Федоръ,» подхватила она, обвивъ его руками вокругъ шѣла, принавъ головою къ нему на грудь и умильно смошрп ему въ глаза: «Послушай! Не я виновата, мать моя всему виною: она неволей опшвела меня на шабашъ, неволей обрекла въ вѣдьмы и вымучила изъ меня страшную клятву.... Мнѣ было тогда еще четырнадцать лѣтъ. И тогда я, не хощя, лешала на шабашъ, боясь мащери: вѣдьмы и всѣ ихъ проклятые обряды, и всѣ ихъ проклятыя повадки, были мнѣ какъ оспрый ножъ, а опъ одной мысли про шабашъ мушило у меня на душѣ. Суди же, каковы они были для меня, когда ты спалъ моимъ мужемъ — ты, кого люблю я, какъ душу, какъ свое спасенье на шомъ свѣтъ.... Не разъ хощѣла я опшашнущься опъ шабаша, не быващъ на немъ; шолько подъ исходъ мѣсяца, чѣмъ больше я о шомъ думала, шѣмъ больше меня мучила шоска несказанная. Ты самъ знаешь, какво мнѣ

*

шогода бывало.... Не приведи Богъ и Тангарину шого вышерпѣшь!... И сколько я ни силалась одолѣть шоску-зловѣику, сколько ни опмаливалась — ничшо не помогало! Все мнѣ и днемъ, и ночью кшо-шо надувалъ въ уши про шабанъ, все мнѣ шакъ и мерещилось, чшобъ бышь шамъ. А насшупалъ срочный день — какая-шо невидимая сила шакъ и шпанула меня шуда на зло мѣей воли. Когда же я прилешала на Лысую гору, шамъ меня словно дурь охвашывала: буйно броса-лась я въ шолпу вѣдьмъ, колдуновъ и всей бѣсовщины, сама себя не помнила, чшо дѣлала, и не могла не дѣлать шого, чшо другіе.... Какъ Бога съ небесъ, ждала я Спрашшой недѣли: шогда кинулась бы я въ ноги чернецамъ Божьимъ и упросила бы ихъ, чшобы заперли меня на все послѣдніе шри дня въ Пещерахъ, до самой Воскресшой зашурени, и опмолили бы опъ меня бѣсовское навожденіе.... Теперь эшо поздно! Ты, милый мужъ мой, соколъ мой ясный! шы самъ погубилъ и меня и себя, и навѣки зашворилъ опъ меня двери райскія....»

— «Такъ живи же съ своими *родичами* (*), лѣшними да русалками, коли заналъ шебъ

(*) *Родичъ* — родня, родствешникъ.

слѣдъ шуда, гдѣ веселяшся души Христіанскія!... Сгинь опсюда! оставь меня....»

— «Не властна я шебя оставишь!» перервала его Капруся, сжавъ его еще крѣпче въ объятія, и, шакъ сказашь, приросши къ нему. «Я шебя сказала, что на мнѣ лежить спрашная клятва.... Въ силу этой клятвы, кно бы ни былъ изъ ближнихъ намъ: мужъ ли, брашь ли, опецъ ли.... кно бы ни былъ пѣпъ, кно подсморишь наши обряды — но мы должны.... охъ! шяжело сказашь!... должны высосашь до капли кровь его....»

— «Пей же мою кровь!... Мнѣ пошно жить на свѣшъ! Чшо мнѣ въ жизни?... Одна мнѣ приглянулась, спала моей женою; любилъ я ее пуще краснаго дня, пуще радости.... и ша обманула меня, и чупъ не породила съ бѣсевичиною.... Все мнѣ носпыло на этомъ свѣшъ.... Пей же, соси мою кровь!»

— «И мнѣ не жить послѣ шебя на свѣшъ! Увидишь шо душа швоя. Грушно мнѣ, шяжко мнѣ, что злая доля развела насъ и здѣсь, и памъ....» — Капруся зарыдала и упала въ ноги мужу. «Объ одномъ шолько прошу шебя,» продолжала она: «погляди на меня умильно, дай на себя насмопрышься, поцѣлуй меня вшослѣдніе и прижми къ своему

сердцу, какъ прижималъ иногда, когда любилъ меня!» —

Добрый Федоръ былъ впронущъ слезными просьбами жены своей. Онъ ласково взглянулъ на нее, обнялъ ее, и уста ихъ слились въ одинъ долгій, жаркій поцѣлуй.... Въ ту же минушу она рукой искала его сердца по біенію.... Вдругъ какая-то оспрая, огненная искра проникла въ сердце Федора; онъ почувствовалъ и боль, и пріятное шомленіе. Кашруся припала къ его сердцу, прильнула къ нему губами; и между шѣмъ, какъ Федоръ испяявалъ въ нѣгъ какого-то роскошнаго усыпленія, Кашруся, ласкаясь, спросила у него: «Сладко ли шакъ засыпашь?»

— «Сладко!...» ошвѣчалъ онъ чущь слышнымъ лепешомъ — и уснулъ навѣки.

—

Тѣло казака похоронено было съ чешью усердными его шоварицами. Ни жены, ни шещи его никшо не видѣлъ на погребеніи; но въ слѣдующую ночь жишелі Кіева сбѣжались на пожаръ: хаша Федора Блискавки сгорѣла до шла. Тогда же видно было другое зарево опгъ Лысой горы, и смѣльчаки, опшважившіеся на другой день посмошрѣшь вблизи, увѣряли, что на горѣ уже не было огромнаго кошпра осиношыхъ дровъ, а на мѣ-

сто его лежала только гряда пеплу, и зло-
вонный, сѣрный дымъ сплался по окружно-
сти. Носилась молва, будто бы вѣдьмы со-
жгли на эшомъ кострѣ молодую свою сеспру,
Капрусю, за то, что она опспунилась опъ
кагала и хошѣла, принеся Христіанское по-
каяніе, пойти въ монастырь; и что будто
бы мать ея, старая Ланцюжиха, первая по-
дожгла кострѣ. Какъ бы то ни было, толь-
ко ни Капруси, ни Ланцюжихи не спало въ
Кіевѣ. О послѣдней говорили, что она обо-
ропилась въ волчицу, и бѣгала за Днѣпромъ
по бору.

Теперь Лысая гора есть только песчаный
холмъ, опъ подошвы поросшій кустарни-
комъ. Видно, вѣдьмы ее покинули, и опъ
шого она просвѣшѣла.

Порфирій Байскій.

Д В Ъ Р О З Ы .

(Письмо изъ Венеціи).

А. А. З..... ОН.

Октября 28-го, 1822 года.

=

Въ последнемъ письмѣ моемъ, я обѣщаль вамъ описаніе Венеціи. Эпопѣ городъ и доселѣ представляешъ въ ночную пору совершенно романическія сцены. Вопѣ мой вчерашній вечеръ:

Ужъ ночь давно — но не кладетъ весла
Поющій гондольтеръ, и тихо чолнъ летучій
Скользить... пріятна пѣснь, луна свѣтла;
Мнѣ слышно изъ его созвучій:

« Дѣвица съ розою сходна :
 « Пока на стебелькѣ родимомъ , —
 « Цвѣтетъ въ своемъ саду одна ,
 « Въ краю , для стады недоходимомъ ;
 « Ее лелѣютъ вѣтерки ,
 « И солнце , и земля ; и люди ;
 « Она любви сулитъ вѣнки ,
 « Сулитъ нарядъ дѣвичьей груди ; —

« Но лишь сорвутъ цвѣтокъ полей
 « Со стебелька его роднова , —
 « Пройдетъ къ нему любовь людей
 « Земли и неба голубова ! » — (*)

И звуки замерли въ устахъ —

И онъ въ мечтахъ

Переѣвилась пѣснь : « Нѣтъ большаго страданья ,
 « Какъ вспоминать о счастливыхъ часахъ
 « Въ злосчастїи ! . . . » (**) — И за громаду зданья
 Въ глухой каналъ его волна влекла ; —
 Ему нужна не похвала ,
 Онъ ищетъ грустныхъ разгнать воспоминанья ;

(*) Ariosto. Orł. fur c. I. st. 42—43.

(**) Dante. Inf. C. V. t. 41.

Онъ любить пѣть : ему одна
 Любовь нужна ;
 Природы сынъ , какъ вѣтеръ вольный ,
 Готовъ всю ночь тревожить сонны волны —
 Чтобъ у окна , или сквозь сна
 Услышала его она ;
 Чтобъ завтра въ церкви , у иконы
 Святой Мадоны ,
 Въ молитвахъ назвала его ,
 Иль , мимо друга своего
 Прошедши , тихо бъ прошептала
 Сквозь покрывала
 Условный часъ , подъ свѣтъ галлерей ,
 На площади Святаго Марка .
 И чтобъ , пріютъ любви , знакомая ей барка ,
 Услуги предложила ей . . .

Я не могъ спать — звуки ночнаго пѣвца
 едва еще улеглись вдоль зыбей : они меня
 развлекли . Не видя ни одной гондолы , я
 пошелъ бродить по узкимъ и кривымъ пе-
 реходамъ , позадь домовъ , и непримѣнно вы-
 шелъ на Большой каналъ (*canale Grande*) къ
 прекрасному мосту *Rialto* , копорый , какъ
 пріумфальная арка , накрывается однимъ объе-
 момъ всю ширину проспраннаго канала , не

успугающаго красною многими рѣкамъ. Я съѣлъ на одну изъ спугеней сего великолѣпнаго моспа, и любовался другою Венеціею и другимъ небомъ въ свѣтлой водѣ; но скоро однообразный плескъ вѣселъ воздѣспилъ мнѣ приближеніе гондолы; она выплывала изъ боковаго канала, на кошоромъ я слушалъ перваго гондольера.

И это былъ тотъ самой;

Но двое въ маскахъплыли съ ними,
И ближе, я узналъ въ нихъ *кавалъера* съ дамою;
Но изъ-за моста я былъ ими невидимъ. —

И я сидѣлъ, внимаю имъ:

« Возьми, гитару гондольеръ;
Возьми и спой строфу Торквата.»

— « Какую жь спѣть вамъ, *кавалъеръ* ? »
— « Любую. Но за пѣснь тебѣ другая плата. . . .

— « Не златомъ, *кавалъеръ*, цѣните пѣснь мою:
За деньги не продамъ я Тассовы октавы,
Которыя писалъ онъ для любви и славы;
А для любовниковъ, я даромъ ихъ спою. . . .

« Смотри — онъ пѣлъ: — какъ роза разцвѣтаетъ,
« На стебелькѣ, стыдлива и скромна,
« Полураскрытая, чуть прозираетъ —
« И тѣмъ милѣй, чѣмъ менѣе видна.

« Вот развилась, блестить, благоухать
 « И блекнетъ вдругъ, — и ужъ не та она,
 « Не та уже, которую дотолъ,
 « Влюбленныхъ взоръ искалъ весною въ полъ!...

« Съ полетомъ днѣ такъ жизнь летить отъ насъ —
 « И отцвѣтеть съ цвѣтами полевыми!
 « Съ небесъ весна сойдетъ на мѣръ не разъ, —
 « А намъ не два раза быть молодыми!...
 « Рви розу, юноша, въ прохладный часъ,
 « Пока горитъ румянами живыми;
 « Срывай цвѣты любви пока любимъ!
 « Пока взоръ дѣвъ сливается твоимъ! » — (*).

Умолкъ пѣвецъ — а юная чета
 Старала, и не разъ сближались ихъ уста;
 Но имъ мѣшали маски....
 « Такъ, добрый гондольеръ, ты правъ:
 Какъ милой дѣвы ласки,
 Мнѣ сладокъ звукъ Торкватовыхъ октавъ!...
 Пой, другъ, а мы пойдемъ въ каютъ
 Внимать мелодій твоей,
 При плескъъ весель и зыбей,
 Въ роскошномъ бархатномъ приютѣ.

(*) T: Tasso. Gierus. Lib. C. XVI. st. 44—45.

Дверь заперта, но изъ окна

Ихъ рѣчь слышна :

« Сбрось, милый другъ ! сбрось эту

Докушавую *зендалету*. . . . (*)

.

Норовъ.

(*) Вуаль или покрывало Венеціянокъ.

ОШАРЪ

И

ПРОСВѢЩЕНІЕ.

Я хотя не ученый, но знаю, что между ученостью и мудростью такая разница, какъ между хлѣбною печью и хлѣбомъ.

Слова моего дѣдушки.

=

Вы непременно хошите, чпобъ я разска-
заль вамъ что нибудь. Извольше. — Но ше-
перь я не въ шакомъ расположеніи духа,
чпобъ забавляшь васъ разсказами о *Листъ во-
ровкль*, о *Честномъ подьячемъ*, о *Золотомъ
осль* и объ *умномъ Воеводѣ*. Сказки мнѣ на-
дошли. Я разскажу вамъ нѣчто важное, а

именно, о Халифѣ Омарѣ 1-мъ. — Но я долженъ сперва сказать вамъ, кто таковъ былъ эпомъ Омаръ 1-й. — Не гнѣвайтесь, сударыня! Я вовсе не думалъ подозрѣвать васъ въ невѣжествѣ. Знаю, что вы и учились Испоріи, и теперь даже читаете историческія сочиненія; но вы не должны оскорбляться, если я вамъ скажу, что при всемъ томъ, вы не знаете, кто таковъ былъ Омаръ 1-й. Это самое главное я повспоришь каждому школяру, напикованному ученостью и цитатами отъ пяты до маковки, и радъ спорить съ нимъ объ эпомъ сполько же, сколько ученые спорили между собою о мѣстѣ рожденія Гомера, о которомъ нынѣ говорятъ *ты же ученые*, что онъ вовсе не существовалъ! То же будетъ современемъ и съ Исторіей! Начало уже сдѣлано. Нибуръ доказалъ, какъ дважды два четыре, что все начало Римской Испоріи, въ которую мы вѣрили тысячу восемьсотъ лѣтъ, какъ въ святыню, есть не что иное, какъ сказка, а въ существованіе Царства Мидійскаго, въ Кировъ и Арпаксерксовъ нынѣ сполько же вѣрятъ, какъ въ Иродотовыхъ Иперборейцевъ и — въ *Кашей безсмертнаго*. Вся эти рассказы и Историческое безвѣріе происходятъ отъ того, что люди подмошрѣли: *какъ пишется*

Исторія. Вы никогда не видали эпого, сударыня? — О! эпо весьма забавно! — Вообразите себя, что вы нашли, между семейными бумагами, лоскупокъ, на кошоромъ опмѣчено, что пакого-то числа и года ваша почтенная прабабушка, Сенапорша при Петръ Первомъ, купила себя чепецъ. Лоскупокъ эпошъ попадаешся въ руки челоувку, кошорый не знаетъ, что съ собой дѣлать, а люди не знаютъ, что съ нимъ дѣлать. Онъ беретъ въ руки неро, и пишеть. . . . пишеть: какой былъ чепецъ, купленный вами прабабушкой, какого роспа была ваша прабабушка, какое было у нее лице, волосы, брови, глаза и губы, какого она была нрава, какъ жила, что дѣлала, гдѣ бывала, и даже объясняеть, на что она купила чепецъ, и что съ ней случилось въ эпомъ чепецъ! Вы читаете эпо описаніе красно, сладко, кудревашо, и вы удивитесь, когда вамъ скажутъ, что эпошъ челоувкъ, писавшій о вашей прабабушкѣ, родился черезъ спо лѣтъ послѣ ея смерти, не видалъ даже ея поршрета, не слыхалъ объ ней ни словечка, ни ошъ попомковъ, ни ошъ современниковъ ея, а въ писаніи своемъ основался единшвенно на найденномъ вами лоскушкѣ бумаги! Я видѣлъ, сударыня, какъ

пишущя Испоріи, и припомъ различныя Испоріи: Испорія на заказъ, Испорія для продажи, Испорія опъ скуки, Испорія ради скуки; но, признаюсь ошкровенно, не видалъ, какъ пишешся Испорія для поученія рода человѣческаго. Говорятъ, что естъ и шакиа Испоріи, но ихъ не читають и не любятъ, какъ мошы не читають и не любятъ счеповъ занмодавцевъ, а пошому изъ шакихъ Испорій выдирають листы, пяпнають чернилами Но не въ помъ дѣло. — Обращимся къ Халифу Омару 4-му.

Вы знаеше изъ Испоріи, что онъ былъ вшорой Халифъ послѣ Магомеша, основапеля вѣроисповѣданія, весьма неблагопріятнаго для дамъ, любящихъ свободу, и для мужчинъ, любящихъ вино. Никшо не спанепъ спорить (кромъ меня), если вы прибавите, что эшоъ Омаръ былъ пиранъ, варваръ, гонитель просвѣщенія, испребисель неощеннаго сокровища всемірнаго, Александрійской Библіошеки. Вы будете правы, сударыня, если скажете эшо, ибо все эшо написано на всѣхъ языкахъ Лапинскаго, Греческаго, Славянскаго и Германскаго корня. Но у меня естъ пріятель, которой читаешъ по-Турецки и по-Арабски. Онъ сказывалъ мнѣ, что въ Испоріяхъ, писан-

ныхъ на сихъ языкахъ, Халифъ Омаръ 1-й изображенъ величайшимъ, мудрѣйшимъ, благочестивѣйшимъ и добродѣшельнѣйшимъ Халифомъ послѣ Магомеша. Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, Турецкіе и Арабскіе Испорики приводятъ слѣдующее: «Поелику,» говорящъ они: «величіе земное оцѣняется числомъ шумныхъ, громкихъ дѣлъ, и уваженіе измѣряется спрахомъ, по мы, Турецкіе и Арабскіе Испорики, чешъ имѣемъ объявишь всѣмъ и каждому, что Халифъ Омаръ 1-й покорилъ Сирію, Финикію, Іудею, часть Персіи, Египецъ и Ливію, разбилъ *одинадцать воинствъ*, взялъ *присупомъ* или на уговоръ *тридцать шесть тысячъ* городовъ и замковъ, разорилъ *четыре тысячи* иновѣрческихъ церквей и храмовъ, и, *выспроивъ тысячу четыреста* мечешей, распроспранилъ и ушвердилъ вѣру Пророка на Воспокъ и Западъ (*). «*Ла илахе иль Альмаху, ве Мухаммеду ресулю-льлахъ,*» ш. е. «нѣтъ божества, кромѣ Аллаха, а Магомешъ Пророкъ его,»— или, короче: «Единъ Богъ, а Магомешъ Пророкъ его.» Симъ благочестивымъ восклицаніемъ начинающся и кончающся, какъ извѣстно, всѣ рѣчи и писанія у Мусульманъ,

(*) Историческая истина. *Сог.*

и симъ же кончу я выписку изъ Турецкихъ и Арабскихъ Испориковъ.

Если бъ я не зналъ, какъ вы добры, сударыня, а захопѣлъ бы узнатьъ эшо, шо спалъ бы разспрашивашъ о вашемъ нравѣ вашу служанку; но не пошелъ бы развѣдывашъ у служанки вашей двоюродной сестрицы, копорая не любилъ васъ за шо, чшо вы милѣе ея, любезнѣе, — и чшо всего важнѣе для нее — въ пысячу разъ прекраснѣе. Извинише! Мнѣ, челоуѣку подь сѣдиною, позволишельно сказащъ вамъ эшо въ глаза. Эшо одно ушъшеніе, на спаросши, для спрасшнаго почипашеля нѣжнаго пола! Только не позволяйше говорищъ вамъ эшу правду вашему внучашному брашцу, гусару, копорый смопригъ на васъ шакъ спрашно, какъ смошрѣлъ Халифъ Омаръ 1-й на осажденную имъ крѣпосщъ Александрію. Осада сія случилась въ 640 году, послѣ Рождеспва Хришова, и городъ эшошъ былъ въ шо время совсѣмъ не шо, чшо онъ шеперь. Онъ основанъ въ 335 году, до Рождеспва Хришова, Александромъ Македонскимъ, копорого называющъ *Великимъ*, и припомъ *безспорно*, за шѣ же самые подвиги, копорые доставили *оспариваемое величіе* Омару, п. е. за взяшіе городовъ и покореніе обла-

шей, не взирая на то, что Омаръ упрочилъ завоеванія свои наследникамъ, и водворилъ въ нихъ свои законы, а всемірная Монархія Александра распалась на часши послѣ его смерти, приключившейся опъ излишняго упоиребленія вина, кошораго Омаръ не пилъ вовсе. Присемъ я долженъ замѣшпшь, сударыня, что ничего нѣшъ мудрѣе въ законѣ Магомешовомъ, какъ запрещеніе пшшь вино въ Турціи, при шамошнемъ образѣ правленія, неизмѣнномъ со времянь Магомета. Одинъ мой пріашель (не знающій ни по-Турецки, ни по-Арабски), разговаривая со мною однажды о Турціи, весьма справедливо замѣшилъ, что нѣшъ ничего ужаснѣе, какъ пьяный Паша, кошорый однимъ порывомъ необузданной своей воли можешъ сорвать у васъ съ плечъ голову, а не въ силахъ укропшшь самую легкую головную боль. По счастью, не всѣ приближенные Александра Македонскаго перенимали его пороки, чшобы нравшсья ему, а въ помъ числѣ былъ одинъ изъ лучшихъ его Полководцевъ, Пшломей, кошорому, при раздѣлѣ завоеванныхъ обласпей, достался въ удѣлъ Египешъ. Эшопъ мудрый и добрый Государь и дошшойные его пошмки украсили Александрію, спшлицу Царствва, и сдѣлали ее средо-

почиёмъ всемірной торговли и убъжищемъ всемірнаго просвѣщенія. Нынѣшняя Александрія пакъ же похожа на древнюю, какъ нашъ Зашиверскъ или Сингилей похожи на Пешербургъ. Когда Омаръ подспунилъ къ Александріи, тогда въ ней было болѣе 300.000 жителей, обитавшихъ въ великолѣпныхъ домахъ; а чшобъ вы могли судить о просвѣщеніи города, довольно напомните вамъ, что тамъ были двѣ библіотеки, въ которыхъ вмѣщалось около 700.000 томовъ. Сказываютъ, что при энихъ книгахъ было болѣе ученыхъ, нежели сколько въ нынѣшнихъ библіотекахъ, при половинномъ числѣ книгъ, бывають моли, невѣждъ и посяпителей изъ любопытства, а не для удовлетворенія жажды познаній.

Вы знаете, сударыня, что Египетъ въ то время сославлялъ часть огромнаго омершваго шѣла, носившаго почтенное имя Римской Имперіи. Сбродъ всѣхъ народовъ, именуясь Римскими гражданами, перебѣгалъ изъ одного конца Имперіи въ другой, ища поживы, какъ мародеры въ домѣ, оставленномъ хозяевами. Тогдашніе Римскіе граждане почъ въ почъ были шже, что нынѣшніе Жиды-граждане, которые просподушно опвѣчаютъ воинамъ двухъ непріятель-

скихъ армій, спрашивающихъ ихъ, кому они желаютъ побѣды: «Помогай Богъ и вашимъ и нашимъ!» — Тогдашнее Римское Государство уже не имѣло гражданъ: оно имѣло только чиновниковъ.

Въ цѣлой Александріи одинъ только Проконсулъ и чиновники его канцеляріи со страхомъ и пренепомъ ожидали слѣдствія осады, ибо увѣрены были, что послѣ покоренія города, они лишатся мѣспъ и сопряженныхъ съ ними доходовъ. Изъ предоспо- рожности, они прежде выслали всѣ свои деньги и дорогія вещи въ Византію, и утѣшались въ горести шѣмъ, что имѣютъ на что купить другія прибыльныя мѣспа. Не удивляйтесь этому, сударыня! Тогда было не то, что нынѣ. Тогда люди были развратны и преданы роскоши, а развратъ и роскошь единоушробные съ корыстолюбіемъ и лихоимствомъ. Въ Византіи не продавали мѣспъ пакъ явно, какъ мясо и сукно, но каждый зналъ, къ кому должно опшеспись для полученія мѣспа, и сколько каждое мѣспо стоило. Жители Александріи не беспокоились вовсе о взятіи города и о томъ, въ чьей онъ будетъ власпи, но сильно беспокоились на счетъ собственнаго имущества; а пошому весьма обрадовались, когда

Омаръ повелѣлъ городу и округу выслать депушатовъ для выслушанія своей воли.

Депушация, соспавленная изъ почтеннѣйшихъ гражданъ (т. е. имѣвшихъ болѣе денегъ и болѣе страха лишиться оныхъ), явилась въ лагерь Омара. Депушаты введены были немедленно въ его палатку. Онъ сядь на диванъ, поджавъ ноги, и вѣрно курилъ бы шрубку, если бъ въ то время открыта была Америка и куреніе шабаку было принято образованными Европейцами отъ дикихъ народовъ, копорые, въ свою очередь, переняли у насъ, не менѣе похвальный обычай, упивашься водкой. Если бъ я не боялся расшянушь своего повѣшвованія, то охотно пополковалъ бы съ вами о необыкновенной спранности въ родѣ человеческомъ, а именно, о спраспи и легкости перенимашь все дурное или бесполезное, а оспавляшь безъ вниманія хорошее. У насъ, напримѣръ.... но оспавимъ эшо до другаго случая.... И шакъ Омаръ сядь на диванъ и держалъ въ рукъ нагайку, вмѣсто жезла или посоха, съ кошорыми изображающся древніе Фараоны Египша. Депушаты низко поклонились Омару, а онъ имъ сказалъ рѣчь, досповѣрность коей основана на шѣхъ же самыхъ доказательспвахъ, какъ рѣчи, приво-

димья Тацшоомъ и Тишоомъ Ливіемъ. Я прошу у васъ извиненія, сударыня, за Омара и за себя, если рѣчь его оскорбишь нежные органы вашего слуха. Омаръ былъ чловѣкъ грубый, воспитанный въ воинскомъ станѣ, безъ Французскаго гувернера и панцимейстера. Онъ имѣлъ дурную привычку говорить по, что у него было на умѣ и на сердцѣ, и старался объяснить свою волю какъ можно короче и понятнѣе. Вопрь что сказалъ онъ депушашамъ Александри:

«Послушайте вы, скопы! Если вы не впустите меня въ городъ въ печеніе двадцати чешырехъ часовъ, и не покоришь безусловно моей волѣ, по я сожгу и разрушу вашъ городъ до основанія, а всѣхъ жителей, съ женами и дѣтьми, велю посадить на колья, окружающіе городской валъ. Если же вы немедленно исполните мое приказаніе, по я обещаю вамъ сохраненіе жизни, имущества и вольности вѣроисновѣданія. Хотя Пророкъ завѣщалъ мнѣ распроспрашивать Исламиамъ, но я не хочу никого принуждать къ принятію нашей вѣры. Мнѣ все равно, кому бы ни поклонялись мои рабы, быку ли, Апису или пшицѣ Ибису, только бы плашили мнѣ исправно харачъ и безирекословно повиновались моей волѣ. Вы

должны знать, однако жъ, что исповѣдники Ислама не плашаютъ никакихъ подашей, пользуясь исключительнымъ правомъ занимать должности, могутъ рѣзать уши и бить палками по пятамъ Гяуровъ (не-вѣрныхъ), при малѣйшемъ подозрѣнн въ неуваженн къ себѣ и въ недоброжелательствѣ къ Исламизму, и опнимають у Гяура имущество, при малѣйшемъ сомнѣнн, что онъ задумаетъ употребить его во зло Исламу. Кто приметъ добровольно законъ Пророка, тотъ другъ и братъ мой; а кто оспанется при своей вѣрѣ, тотъ въ моихъ глазахъ — собака! *Ла алахе иль Аллаху, ве Мухаммеду ресулю — ылахъ!* Пошли вонъ — и къ вечеру пришлише опвѣшь!»

Депушамы нашли рѣчь Омара чрезвычайно убѣдительною. На пуши въ городъ они поразудили о слышанномъ. Купцы думали: какая намъ до того нужда, кто будетъ управляють Египтомъ! Вѣдь безъ шорговли быть нельзя, а когда будетъ шорговля, — будутъ и барыши. А Магомешанская вѣра? Ну что жъ! Чалма право красива.... а если при эпомъ можно будетъ испросить привилегии и монополии, и позволено будетъ ввозить запрещенные нынѣ шовары.... Дѣло несомнительно прибыльное,

и при перемѣнѣ вѣры, чистаго барыша сто на сто! Туземные судьи, адвокаты и ходаши по дѣламъ разсуждали: будь правителемъ хоть самъ Магомешъ, или другой Пророкъ, почище его, ябеда все-таки не истребится на землѣ, и всегда будешь существовать взятки, прощоры, убытки и пляжебныя издержки. И шакъ хлопашь право не изъ чего, и пущь будешь шо, чего миновать нельзя!—Гражданамъ, власнищелямъ домовъ и дачъ весьма нравилось увольненіе отъ плашежа подашей. Бѣдныхъ ремесленниковъ и поселянъ не было въ депутаціи, а потому они ничего не говорили и ни объ чемъ не думали. Городской Глава велѣлъ немедленно вычислить и вызолотить заржавленные городскіе ключи, и вынести ихъ Омару на золотомъ блюдѣ, купленномъ въ долгъ на счесть будущей городской казны, ибо наспоющую казну разобрали по своимъ сундукамъ Члены Городоваго Совѣща, для того, чтобы лишить непріятелей добычи. На другой день, Омаръ вступилъ съ войскомъ въ городъ, а на третій день всѣ почешнѣйшіе жители нарядились въ чалмы, и на всѣхъ улицахъ только и слышны были радостныя восклицанія: «*Ла илахе иль Аллаху,*

«е Мухаммеду ресулю-ллахъ!» Проконсуль съ чиновниками бѣжалъ заблаговременно.

Я уже сказывалъ вамъ, что въ Александріи было множество ученыхъ, которые въ то время назывались софистами. Они преподавали шемно опьяченныя, ш. е. шу-склыя и мрачныя Науки, спорили между собою о вещахъ, ни для кого незанимательныхъ и вовсе бесполезныхъ, и рылись въ спарыхъ книгахъ, чшобъ обновляшь забышыя глупости. Нынѣ такихъ людей зовушь педаншами. Вы, сударыня, очень счастливы, что не вспрѣчались никогда съ педаншами. Увѣряю васъ, что гораздо сноснѣе чирей на носу, чѣмъ пріязнь съ чловѣкомъ эпого разряда: я согласился бы скорѣй подружиться съ козломъ, чѣмъ съ педаншомъ. Въ Инспишупѣ, вѣрно, не учили васъ, что шакое педаншъ. Хопите ли знашь? Я вамъ скажу. Эшо машина, по образу и подобію чловѣка, приводимая въ движеніе или винными парами или чадомъ шщеславія, заводимая голодомъ и самолюбіемъ, повпоряюшяя цѣлый вѣкъ одно и шо же, чѣмъ начинена была въ юности. Педаншъ, зная 999 чужихъ мнѣній объ одномъ предметѣ, не имѣешъ ни о чемъ собственнаго поняшя, и смершельно ненавидишь умныхъ людей,

имѣющихъ собственное мнѣніе, почерпнутое изъ разсудка, а не изъ спарочечашныхъ книгъ. Забавивъ всего въ педаншѣ ешь по, что онъ, гордясь своею гнилою, какъ споячая вода, ученостью, обижаемая, когда вы изъ вѣжливости назовете его настоящимъ его ученымъ званіемъ, и если онъ не имѣетъ другаго званія, то скорѣй согласился, чтобы вы величали его полошеромъ, нежели пѣмъ, чѣмъ онъ ешь, п. е. софиспомъ или школяромъ. Въ древнія времена, Греція и Египетъ снабжали міръ софиспами, а нынѣ добрая, честная Германія надьялетъ весь пашъ часпей Свѣта педаншами, какъ Ипалія надьялетъ міръ пѣвцами, Франція панцмейсперами, Англія купцами, — а мы лошадыми и рогашымъ скопомъ. Сказавъ о птяжеломъ поварѣ Германскомъ, о педаншахъ, я вовсе не имѣю намѣренія оскорблять Германію, въ кошорой болѣе нежели гдѣ нибудь людей испинно-ученыхъ, честныхъ и добродушныхъ. Напрошивъ того, я люблю Германію, люблю ее, какъ мадамъ Бушерброшъ, покойную ключницу моей покойной матери, ибо до сихъ поръ не забылъ, что добрая мадамъ кормила меня, ребенка, какъ Индѣйскаго пѣшуха на убой, и пречувствительного пѣла фистулой: Freut euch des Gebens, etc. Гер-

манія шакъ же виновна въ помъ, что въ ней родяшся и созрѣваюшъ самыя шяжелыя педаншы, какъ Корсика виновна, что въ ней плодяшся лучшіе ослы, ибо шъ же спраны производяшъ великихъ людей, каковы были, напримѣръ, Наполеонъ и Фридерикъ Великій. Дѣло въ помъ, что каждая спрана изобилуешъ какою нибудь породою изъ царства живошныхъ. Но я замѣчаю, что начинаю упошребляшъ во зло ваше шерпѣніе, сударыня! — Извинише, заболшался! Зная, что педаншы не внесены еще въ Напуральную Испорію, копорую вы шакъ любише, я счелъ долгомъ моимъ исполковашъ вамъ свойство сихъ существъ.

Педаншы, или софисшы Александрійскіе, одни изъ всего, шакъ называемаго образованнаго сословія, не радовались покоренію Египта и введенію Магомешанской вѣры, и имѣли на шо при важныя причины. Во-первыхъ, имъ шяжело было опказашъся опъ вина, до кошораго они всегда были спрасшные охошники. Хошя имъ и было извѣшно, что Магомешане попиваюшъ вино шайкомъ, но въ шакомъ случаѣ надобно покупашъ его на собшвенныя деньги, — а софисшы любили испивашъ вино чужое, на пиршешвахъ, куда ихъ приглашали, вмѣстѣ съ чрево-

въщашелями и другими фиглярами. Во-впору, софиспамъ не нравилось многоженство, пошому, что по особенной принадлежности ихъ породы, они всегда находясь во власпи женъ, какъ взнузданные медвѣди во власпи цыганъ, слѣдовательно имъ спрашно было подумать о обязанностяхъ супружества при многоженствѣ. Въ-прешнихъ, въ государствѣ, управляемомъ по закону Магомета, не было вовсе для сословія софисповъ чиновъ, копорыми можно было бы прикрыть свое ничтожество. Въ слѣдствіе всего этого, софиспы соспавили родъ оппозиціи, и заговорили, о папріотизмѣ, о Христіанскихъ добродѣтеляхъ, о вольности и прочихъ предметахъ, извѣстныхъ имъ изъ книгъ. Омаръ узналъ объ этомъ, но, къ удивленію всѣхъ, не велѣлъ опрубить имъ головы за ихъ вранье, вѣроятно почипая голову софиспа споль же ничтожною вещью, какъ и вранье его.

Между тѣмъ Омаръ велѣлъ явиться къ себѣ всѣмъ чиновникамъ и всѣмъ значительнѣйшимъ гражданамъ, и когда они собрались передъ дворцомъ его, онъ вышелъ къ нимъ и сказалъ: «Я хочу управлять вами согласно съ вашими пользами и желаніями, а пошому и намѣрень избрать изъ среды васъ людей

для совѣта и помощи. Скажите мнѣ: кто изъ васъ лучшій, ш. е. кто болѣе любишь испину, и желаешь вамъ блага?» Всѣ присутствующіе молчали, поклонились Омару, и каждый изъ нихъ, пошупя взоры, посмаприваль, съ нѣжностью, на самого себя, давая симъ знать, что онъ самъ лучше всѣхъ, но что изъ скромности не смѣешь объявить этого. Они бы не поспыдились расхвалишь себя, если бъ не боялись, что сосѣди уличашъ ихъ во лжи. Омаръ окинулъ взоромъ собраніе, улыбнулся и продолжалъ: «И пакъ, если скромность запрещаешь вамъ объявить мнѣ, кто изъ васъ лучше всѣхъ, то скажите мнѣ, кто изъ васъ хуже всѣхъ, ш. е. злѣе, вреднѣе для общеспва?» — Поднялся шумъ. Присутствующіе заговорили всѣ вдругъ. Одинъ называлъ своего заимодавца, другой соперника, претій поварища въ шорговль, чепвершый дяю, послѣ кошораго надлежало получить наслѣдство, пяшый совмѣшника, шестой начальника и ш. д. — Омаръ повелѣлъ всѣмъ замолчашъ. «Назовите мнѣ одного только человека,» сказалъ онъ: «кошораго вы почишаете опаснѣйшимъ и вреднѣйшимъ для вашего спокойспвія!» — «Апершусъ! Апершусъ!» закричали со всѣхъ споронъ. — «А кто пакъвъ эшопъ Апершусъ,

чиовникъ?» — «Нѣтъ!» — «Купецъ?» — «Нѣтъ!» — «Софискъ?» — «Нѣтъ!» — «Кто жъ онъ паковъ?» сказалъ съ неперпнїемъ Омарь. — «Паприцій, Римскій гражданинъ, переселившійся сюда изъ опдаленной провинціи Имперіи. . . . Житель здѣшняго города. . . .» — «Что жъ онъ дѣлаешъ дурнаго?» спросилъ Омарь. «Обманываешъ ли, ссорилъ ли семейства, клеветашъ ли, соблазняешъ ли женъ вашихъ и дочерей, спрорилъ ли козни, ищешъ ли происками мѣспъ, денегъ, почестей? Я хочу знашь, что онъ сдѣлалъ дурнаго?» — Всѣ молчали. — «Скажише же мнѣ, за что вы не навидише его, за что считаешъ злымъ челоувкомъ, врагомъ вашего спокойствія?» спросилъ Омарь. — Стоявшій вблизи купецъ улыбнулся и сказалъ, поспрашивая на судью: «Апершусъ жестоко бранишъ взяпочниковъ, насмѣхаешся надъ ними и не даешъ имъ покоя. . .» — Судья не далъ кончить купцу и примолвилъ, взглянувъ лукаво на него: «Апершусъ насмѣхаешся также надъ щеславными купцами, которые спыдяпся своего званія, ползупъ въ Паприціи, и въ искашельспвѣ издерживаюшъ нажишее опцами, а плушовъ-купецъ Апершусъ бранишъ безъ пощады. . .» — «Онъ нападаешъ на юношество,» сказалъ

одинъ распрепанный франшъ: «называетъ молодыхъ людей пьяницами, буянами.» — «То естъ, называетъ пьяницими пьяницъ, буянами буяновъ, невѣждами невѣждъ, «примолвилъ Омаръ, смотря съ презрѣніемъ на распрепаннаго юношу. — «Онъ кришикуешъ поспупки исполнишелей законовъ, вопишь о злоупощребленіяхъ, слѣдовашельно онъ челоувѣкъ опасный, безпокойный,» сказалъ предсѣдашель или засѣдашель какой-шо палашы. — «А исполняетъ ли онъ самъ законы?» спросилъ Омаръ. Всѣ молчали. — «Чшо жъ еще?» примолвилъ Омаръ. . . . — «Апершусъ прозванъ у насъ *злаязычнымъ*, пошому, чшо не смалчиваетъ ни предъ кѣмъ и каждому говоришь въ глаза шо, чшо другіе едва смѣюшь думашъ,» сказалъ одинъ гражданинъ. — «Хорошо! Подайше мнѣ эшого злодѣя!» сказалъ Омаръ. — Всѣ съ удовольспвіемъ посмошрѣли въ шу спорону, гдѣ споялъ Апершусъ, поджавъ руки, и посмашривая на всѣхъ съ улыбкаю сосспраданія. — «Вошь онъ, вошь злодѣй нашъ!» закричали въ шолпѣ. — «Убей его, запри, опрѣжь ему языкъ!» — Омаръ подозвалъ Апершуса и, окинувъ его взоромъ, сказалъ: — «Тебя чуждаюшся швои сограждане, и шакъ я беру шебя въ службу и назначаю сосспояшь при моей особѣ.» — На лицахъ при-

сущствующихъ изобразились страхъ и недоумѣніе. — «Скажи, какого ты хочешь жалованья и награды?» примолвилъ Омаръ. — «Служишь себѣ, я гошовъ, Государь!» ошвѣчалъ Апершусъ: «ибо узналъ себя въ эту минушу; а вмѣсто жалованья, кварширныхъ и шоловыхъ денегъ, прошу позволенія каждый день говоришь себѣ по одной правдѣ.» — «По рукамъ!» сказалъ Омаръ; и, обращаясь къ шолшъ, примолвилъ: «Слушайше по домамъ, и пригошовыше для меня какъ можно болѣе денегъ. Подашей я съ васъ не возьму, по обѣщанію; но какъ вы шеперь Мусульмане, то я шребую ошъ васъ добровольныхъ приношеній на пользу и славу Ислама! Вы всѣ пакъ добры, чшо безъ сомнѣнія чувспвуете эту пошребность; а злаго Апершуса я буду держашъ при себѣ, на привязи, чшобъ онъ не надобдалъ вамъ своимъ злоязычіемъ. *Ла илахе иль Аьлаху, ве Мухоммеду ресулю-ьлахъ.*» —

Вы можете легко предспавишь себѣ, сударыня, чшѣ объ эшомъ думали и говорили въ городъ. Омара всѣ рѣшишельно порицали, а Апершуса, кошорый впервые въ эшопъ разъ увидѣлъ Омара, называли инприганшомъ, извергомъ, доносчикомъ, полагая, чшо онъ оклеветалъ цѣлый городъ предъ Хами-

*

фомъ. Но Омаръ не слышалъ пого, чпо объ немъ говорили, а Апершусъ объ эщомъ ни мало не безпокоился, и оба они преспокройно заснули, хопя въ цълomъ городъ царспшвова-ла эпидемическая безсонница.

На другой день, Омаръ, въ сопровожденіи Апершуса и спражи, повхалъ осмапривашъ знаменипый Музей, гдъ находилось книгохранилище. Софиспы спояли на паперши сего храма Музь, и, когда Омаръ взошелъ на спшупени, низко ему поклонились. Одинъ изъ софисповъ выспунилъ на середину и началъ привъпспшвенную ръчь :

— «Солнце, освъщавшее Александра Великаго! . . .» — Присемъ орапоръ оспановился, чпобъ собрапсья съ духомъ; но Омаръ не далъ ему продолжашъ, и сказалъ : — «То же солнце освъщаешъ и дураковъ.» — Вымолвивъ сіе, Омаръ подошелъ къ полпъ софисповъ, и усшремилъ на нихъ свой пронцапшельный взоръ, чпобъ выбрапъ годныхъ въ солдашы. При всей важности своей, Омаръ не могъ удержашъся опъ смъху, и громко захохоталъ. — Предспавъше себъ, сударыня, чпо въ шо самое время, какъ вы смоприше на сферу, вдругъ бы ожили и зашевелились все фигуры зодіака (шаконъ былъ видъ эпшой толпы). Омаръ смопрълъ на эшу забавную

карпину, хохоталъ и внутренно доволенъ былъ собою, что въ первомъ порывѣ гнѣва не велѣлъ опрубить эпихъ головъ, украшенныхъ споль смѣшными рожами.

Нахохотавшись вдоволь, Омаръ вошелъ въ огромную залу, въ шесть ярусовъ, и спалъ расхаживая по ней, помахивая нагайкою, кошорую всегда имѣлъ въ рукахъ, насвистывая припомъ какую-то Турецкую пѣсенку, и поглядывая на книги, споявшія на полкахъ опъ низу до верху. Софиспы вошли также въ Музей, размышляя о причинѣ непонятнаго для нихъ смѣха Омарова. Халифъ оспановился предъ нишемъ, въ кошоромъ находились при эмблематическія спашуи, опличной опдѣлки. — «Апершусъ, что это значить?» спросилъ Омаръ. — «Эпи двѣ спашуи, держація рогъ изобилія, сушь торговля и промышленность, богатыя дѣпи бѣдной мапери — просвѣщенія, кошорое изображаетъ прещья спашуя, споящая выше съ книгою и циркулемъ.»

— «А что вы, Гяуры, разумѣете подъ словомъ *просвѣщеніе*?» примолвилъ Омаръ.

— «Государь!» опвѣчалъ Апершусъ: «мнѣ неприлично объяснять себѣ эпощъ предметъ въ присущствіи мужей, называющихъ

ся жрецами просвѣщенія. Благоволи вопро-
сись ихъ.» —

Омаръ обернулся къ полгу, и подозвавъ къ себѣ старѣйшаго изъ софисповъ, облеченнаго въ мантію, шипую золошомъ, повшориль ему вопросъ.

Софиспъ поклонился до земли, и сказалъ: — «Просвѣщеніе есть распротраненіе познаній обо всѣхъ предметахъ, подлежащихъ исключительно уму. А какъ умъ есть единственнѣйшій признакъ души безсмертной, копорю Небо одарило человека, по первая обязанность его состоить въ воздѣлываніи ума; ибо попеченіе объ немъ удобряетъ душу, пакъ почно, какъ попеченіе о плодотосномъ древѣ ведетъ за собою удобреніе земли, на коей произрастаетъ сіе древо.»

— «Кудревашо!» проворчалъ Омаръ. «И пакъ, по швоему мнѣнію,» продолжалъ онъ, обращаясь къ ученому: «просвѣщеніе удобряетъ душу человека, ш. е. дѣлаетъ его лучшимъ?»

— «Безъ сомнѣнія!» отвѣчалъ софиспъ.

— «Скажи же мнѣ, въ какой странѣ или въ какомъ городѣ болѣе просвѣщенія?»

— «Въ Византіи, въ Римѣ и у насъ, въ Александріи,» отвѣчалъ софиспъ. — «Только въ эсихъ городахъ и въ прилежащихъ къ нимъ

спранахъ процвѣшаютъ Науки и Философія, а прочія спраны погружены въ варварствѣ и невѣжествѣ.»

— «Ты солгалъ, какъ песь, Гяурь!» сказалъ Омаръ, не гнѣвно, но насмѣшливо. «Если бѣ въ Визаншіи, Римѣ и у васъ, въ Александріи, процвѣтало просвѣщеніе болѣе, нежели въ другихъ спранахъ, по, въ слѣдствіе швоего заключенія, у васъ было бы болѣе добродѣтелей, нежели у другихъ народовъ. Однако жѣ нигдѣ нѣтъ сполько разврата, безбожія, лжи, измѣны, коварства и малодушія, какъ въ эшихъ прехъ городахъ. — Я родился въ спранѣ, копорую ты считаешь погруженною въ варварствѣ и невѣжествѣ, но слышалъ кое-что о вашихъ спранахъ мудрости, и знаю, что Римѣ до шѣхъ поръ былъ добродѣтеленъ, пока не перенялъ у Грековъ ихъ просвѣщенія. Одно изъ двухъ: или просвѣщеніе ваше есть зло, или вы не понимаете, въ чемъ состоитъ просвѣщеніе. Скажи мнѣ, что содержитъ въ себѣ всѣ эши книги?»

— «Эссенцію мудрости человѣческой,» ошвѣчалъ софистъ: «весь свѣтъ ума, — по, что мы называемъ просвѣщеніемъ.»

— «Покажи же мнѣ главные предметы вашей мудрости,» сказалъ Омаръ.

Софиспъ надулся, какъ мышь на крупу, и выпунилъ впередъ, чпобы показывать Омару разныя опдѣленія книгъ, заслуживающія, по мнѣнію ученаго, болѣе вниманія. «Вошъ Феотонія, ш. е. полки, споры и мнѣнія мудрецовъ о существѣ и качествѣ Божества,» сказалъ ученый, указывая на огромное опдѣленіе книгъ.

— «Вздоръ!» возразилъ Омаръ: «*Ла илахе иль Аллаху*.... Взгляни на солнце, освѣщающее и злаго и добраго, и мудреца и невѣжду, и червя и человѣка! — Вошъ образъ благоспи Аллаха! Ты самъ, Гяуръ, швоимъ бесполезнымъ сущестпованіемъ, не доказываешь ли сущестпованія всеблагаго Бога, шворца солнца, звѣздъ и земли? И вы осмѣливаетесь разсуждать объ эпомъ!...» — Омаръ прибавилъ къ эпому нѣсколько бранныхъ словъ, кошорыхъ мнѣ не слѣдуетъ повпорять предъ вами, сударыня!

Софиспъ не возражалъ Омару, почипшая его невѣждою, и, указывая на другое опдѣленіе, сказалъ: — «Эшо *Психологія*, ш. е. мнѣнія и полки мудрецовъ о душѣ человѣческой.»

— «То еспъ, мнѣнія и полки слѣпорожденныхъ о цвѣсахъ, примолвилъ Омаръ. «Далѣе!»

— «*Вошь Выспренняя Философія,*» сказалъ софиспъ: «мнѣнія и шолкованія мудрецовъ о мірозданіи, о причинъ причинъ, о началъ и цѣли всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ вещей въ Природѣ...» — Омаръ вспыхнулъ. «Ты задумалъ меня дурачить, что ли, проклятый Гяуръ!» воскликнулъ онъ грозно. «Ты не можешь проникнуть мысли и воли живошнаго, а хочешь знашь волю Творца вселенныя, и знашь шайншва Его предвѣчной мудросши! Такъ вошь ваше просвѣщеніе! Вошь надъ чѣмъ вы упруждаете свои головы!» — Омаръ въ бѣшенствѣ расхаживалъ по залъ, бормоча что-шо про себя, и произнося спрашныя ругашельспва пропиву Гяуровъ. Гнѣвъ Омара произошелъ опъ неловкоспи софиспа, копорый не зналъ, что Омаръ любилъ Поэзію, не чуждался Словесноспи, охотно слушалъ рассказы изъ Испоріи и Географіи, и даже покровишельспвовалъ Изящныя Искусства. Если бъ софиспъ указалъ ему опдѣленія книгъ по симъ предметамъ, шо Александрійская Библіюшека уцѣлѣла бы. Но, по несчастью, софиспъ началъ съ шого, что Омаръ почишалъ глупоспью, а не мудроспью, и симъ испоршилъ все дѣло. Наконецъ, Омаръ успокоился и, подозвавъ къ себя Апертуса, сказалъ: — «Позволяю тебѣ

взяшь одно сочиненіе изъ этого лохмошья. Возьми и покажи мнѣ!» —

Апершусъ выбралъ: *Собрание разсказовъ учениковъ Сократа объ его жизни, дѣяніяхъ и ученіи.*

— «Кшо паковъ эшоцъ Сокрашъ, и чему научалъ онъ?» спросилъ Омаръ.

— «Сокрашъ былъ бѣдный Аѳинскій гражданинъ,» опвѣчалъ Апершусъ. «Онъ исполнялъ всѣ обязанности, на него возлагаемыя; плашилъ исправно подаши; снискивалъ пропитаніе прудомъ; защищалъ оружіемъ опечесво, когда оно было въ опасносши, и съ покорносшью предлагалъ ему свои услуги. Но когда опечесво не захопѣло упошребить его, онъ взялъ на себя обязанносшь говорить людямъ правду, и училъ ихъ истинной мудросши и добродѣтели. Сокрашъ не искалъ *первыхъ причинъ* (*), не занимался глубокомысленными шеоріями, говоря, чшо въ нихъ умъ *не просвѣщается, но заблуждается*, и доказывалъ сіе шѣмъ, чшо Природа свободно и легко даруетъ намъ *нужныя познанія*, и зашрудняетъ изученіе *знаній бесполезныхъ, довольсшвующихъ одно*

(*) Правила Философін Сократовой не вымышлены авторомъ. *Сог.*

любопытство. Сократъ утверждалъ: что наука, единственно *нужная для людей*, есть наука ихъ *обязанностей и отношеній къ человечеству*. Онъ говорилъ, что мудрость есть не что иное, какъ просвѣщенный умъ, копорый снимаетъ обманчивые цвѣта съ предметовъ нашей *боязни и надежды*, и показываетъ намъ сіи предметы въ ихъ истинномъ видѣ, а симъ даетъ прочностъ и основательностъ нашимъ сужденіямъ, подвергая припомъ волю нашу одному закону необходимости. Мудростъ, такимъ образомъ понимаемая, говорилъ Сократъ — заставляетъ человѣка бытъ справедливымъ, убѣждая, сколь полезно для него самого повиновашься законамъ и никому не вредить, и порождаетъ въ немъ умеренностъ въ желаніяхъ. Изъясняя такимъ образомъ *мудростъ*, Сократъ вывелъ изъ сего заключеніе, что добродѣтель есть не что иное, какъ *мудростъ*, или *знаніе*, а порокъ — *нестьжество*, или *заблужденіе*. Онъ любилъ всѣхъ людей какъ братьій, и изъ всего рода человеческого ненавидѣлъ одного только человѣка, а именно того, кто первый осмѣлился сдѣлать различіе между *справедливымъ* и *полезнымъ*. Убѣжденный въ истинѣ и пользѣ своихъ правилъ, Сократъ не боялся порицать въ

глаза и за глаза сильныхъ и могучихъ злоупотребителей власпи, развращенныхъ эгоистовъ, гнусныхъ лицемеровъ, буйныхъ юношей, щеславныхъ софистовъ, безсовѣстныхъ судей и небрежныхъ родителей. Онъ просилъ, увѣщевалъ, убѣждалъ людей бытъ добрыми, и наказывалъ злыхъ и упорныхъ орудіемъ насмѣшки....»

Омаръ слушалъ Аперпуса съ величайшимъ вниманіемъ. На лицѣ его изображалось удовольствіе. Наконецъ онъ поднялъ голову и сказалъ громко: — «Довольно! Вопшъ шакихъ людей люблю я, будь онъ Глуръ или Мусульманинъ! Гдѣ эпошъ Сокрапъ? Подавай его сюда — я пошчасъ сдѣлаю его первымъ моимъ Визиремъ или Муфшiemъ!»

— «Сокрапа давно уже нѣшъ въ живыхъ,» опвѣчалъ Аперпусъ.

— «Жаль!» возразилъ Омаръ. «За одинъ волосъ изъ бороды его, я опдалъ бы цѣлый городъ вашъ! — Вы, Глуры,» примолвилъ Омаръ: «воздаете божескую почеспъ смерпнымъ, копорые прославились между вами мудроспью или неуспращимоспью, воздвигаете имъ храмы и испуканы. Скажи же мнѣ, Аперпусъ, чѣмъ воздали Сокрапу его современники за его мудроспъ и любовь къ добру?»

— «Сокрапъ просилъ за шруды свои и службу опечесиву шолько куска хлѣба, на спаросшь, а сограждане оправили его ядомъ!» опшвѣчалъ Апершусъ.

— «Глуры, собаки!» воскликнулъ въ бѣшенствѣ Омаръ, топнувъ ногою и махнувъ нагайкою. «Какъ! За что?»

— «Сокрапъ училъ вѣринь во единого Бога — и его обвинили въ безбожїи; онъ научалъ чшишь одну добродѣшель, даже въ бѣдныхъ и въ чужихъ людяхъ, а презирапъ порокъ даже въ сильныхъ и въ родныхъ — его обвинили въ безнравственности и распорженїи родспвенныхъ связей. Онъ научалъ чшишь законъ и власпъ, но совѣшповалъ обличашъ и преслѣдовапъ злоупошребитшелей, — его обвинили въ распросшраненїи возмушительныхъ правилъ,» сказалъ Апершусъ.

— «Прокляшые Глуры!» прогорчалъ Омаръ. «Апершусъ! опнеси эшу книгу ко мнѣ, и опдай моимъ Улемамъ, чшобъ они перевели ее на Арабскїй языкъ. Опшальною здѣшнюю мудроспью я хочу хопъ однажды согрѣпъ народъ, и при шеперешнемъ недоспапкѣ дровъ, велю шопишь общеспвенныя бани эшими дохмошьями.»

— «Государь! Ты мнѣ позволилъ говоришь тебѣ по одной правдѣ на день,» сказалъ Ашершусъ.

— «Говори!»

— «Въ развратѣхъ и заблужденіяхъ рода человѣческаго виновны болѣе люди, нежели книги. Полезная книга можешь исправить злаго человѣка, но вредная не испорчишь добраго, а напрошивъ послужишь къ его поученію и дашь ему средства къ обличенію лжи и порока. Опасное и заразительное зло кроется не въ книгахъ, но въ сердцахъ человѣка, и злѣйшіе люди суть шѣ, кошорые вовсе не заглядываютъ въ книги. Зло уничтожается единственно водвореніемъ законовъ и правосудія, кошорые не могутъ имѣть ни силы, ни уваженія, безъ повсемѣснаго просвѣщенія, шо есть тако-го просвѣщенія, какъ понималъ его Со-красть.» —

— «Согласенъ!» сказалъ Омаръ. «Водворю законъ и правосудіе, а что касается до книгъ, шо если въ эшомъ множествѣ есть шо, что находишь въ Куранѣ, шо книги эти не нужны; если же въ нихъ нѣтъ того, что содержишь въ Куранѣ, шо онѣ бесполезны, слѣдовательно я обращаю ихъ на общую пользу, опощая общественыя бани.

Для просвѣщенія же народа довольно мудрости Сократовой! Въ эсихъ огромныхъ аданіяхъ я помѣщу моихъ храбрыхъ воиновъ: имъ будетъ здѣсь свѣшло, тепло и проспорно. Когда же они отдохнушъ, шо я войду съ ними въ Грецію, и порядочно проучу эсихъ Гяуровъ за шо, что они не умѣли чинить Сократа, и, щеславясь своею мудросью, до сихъ поръ не понимающъ, что такое истинное просвѣщеніе!»

Я кончилъ, сударыня, мой рассказъ и выдаю его за историческій. Извѣстно, что въ Александріи было знаменитое книгохранилище; извѣстно, что существовалъ Омаръ и покорилъ Александрію; извѣстно что Испорики всклепали на него, будшо онъ сжегъ сіе книгохранилище, которое, по словамъ другихъ Испориковъ, расхищено и обращено въ пепель фанашиками, истреблявшими, въ первыя времена Христіанства, всѣ памяшники языческава. Какъ бы шо ни было, шолько мой рассказъ основанъ на шрехъ историческихъ преданіяхъ, слѣдовашельно онъ справедливъ, шо ешъ, въ немъ ешъ много правды. Вы изволили выслушашъ меня шерпѣливо, сударыня, и за эшо обязанъ я болѣе вашей вѣжливости, нежели моему слабому дарованью. Но что скажешъ нашъ

Смирдинъ, копорому я даю (по общанію) эпопѣйскій расказъ на *новоселье*? — Въ его Библіюшкѣ нѣтъ *вредныхъ* книгъ, но изъ любви къ нему и изъ уваженія къ чужой собственности, я не хотѣлъ бы, чпобъ у насъ вошло въ обычай почитать бани *безполезнымъ* бумагомараньемъ! Я не шакъ спрогъ, какъ Апершусъ, и не скажу, чшо спасъ бы опъ пламени *одно* полько сочиненіе, но признаюсь вамъ опкровенно, чшо какъ ни жаль миѣ было бы нашего Смирдина, а всю огромную его Библіюшеку, я помѣстилъ бы въ небольшой чиспенькѣй шкафикъ, копорый можно было бы перенести на плечахъ изъ Пешербурга ко миѣ, въ Карлово, гдѣ я, въ шипинѣ и уединеніи, размышляю о *мудрости* чловѣческой, до копорой я не доспигъ, и о *невѣжествѣ*, копорого я былъ шакъ часпо жерпвою! —

Фаддей Булгаринъ.

Мыза Карлово, возлѣ Дерпта

1 Августа 1832.

В А С И И.

I.

ПАСТУХЪ.

У Саввы Пастуха (онъ барскихъ пасъ овецъ)
Вдругъ убывать овечки стали.

Нашъ молодець

Въ кручинъ и печали:

Всѣмъ плачется и распускаетъ толкъ,
Что страшный показался волкъ,

Что началъ онъ овецъ таскать изъ стада

И безпощадно ихъ дерётъ.

«И не диковина,» твердить народъ :

«Какая отъ волковъ овцамъ пощада!» —

Вотъ волка стали стеречи.

Но отъ чего жь у Саввушки въ печи

То щи съ бараниной, то бокъ бараній съ кашей?

(Изъ поваренковъ, за грѣхи,

Въ деревню онъ былъ сосланъ въ пастухи:

Такъ кухня у него немножко схожа съ нашей).

За волкомъ поиски; клянетъ его весь свѣтъ;

Обшарили весь лѣсъ — а волка слѣду нѣтъ.

Друзья! Пустой вашъ трудъ: на волка только слава —

А всть овецъ-то — Савва.

.....

II.

Б Ъ Л К А.

=

Въ деревнѣ, въ праздникъ, подъ окномъ

Помѣщичьихъ хоромъ

Народъ толпился.

На Бѣлку въ колесѣ зѣвалъ онъ и дивился.

Вблизи съ березы ей дивился тоже дроздь:

Такъ бвгала она, что лапки лишь мелькали

И раздувался пышный хвостъ.

- «Землячка старая,» спросилъ тутъ дроздь: «не льзя ли

Сказать, что дѣлаешь ты здѣсь?»

- «Охъ, милый другъ! тужусь день весь:

Я по дѣламъ гонцемъ у барина большова;

Ну некогда ни пить, ни ѣсть,

Ни даже духу перевести.» —

И Бѣлка въ колесъ бѣжать пустилась снова.

- «Да,» улетая, дроздь сказалъ: «то ясно мнѣ,

Что ты бѣжишь — а все на томъ же ты окнѣ.» —

—

Посмотришь на дѣльца инова:

Хлопочеть, мечется, ему дивятся всѣ:

Онъ, кажется, изъ кожи рвется, —

Да только все впередъ не подается,

Какъ Бѣлка въ колесъ.

.....

III.

МЫШИ.

=

«Сестрица! знаешь ли, бѣда!»

На корабль Мышь Мыши говорила:

«Вѣдь оказалась течь — внизу у насъ вода

Чуть не хватила

До самаго мнѣ рыла,»

(А правда, такъ она лишь лапки замочила),

«И что диковинки — нашъ Капитанъ

Или съ похмѣлья, или пьянъ.

Матросы всѣ, одинъ лѣнивѣе другаго;

Ну, словомъ, нѣтъ порядка ни какого.

Сейчасъ кричала я во весь народъ,

Что ко дну нашъ корабль идѣтъ.

Куда! — никто и ухомъ не ведѣтъ,

Какъ будто бѣ ложныя я распускала вѣсти;

А ясно — только въ трюмъ лишь стѣнѣ заглянуть,

Что кораблю часа не дотянуть.

Сестрица! неужли намъ гибнуть съ ними вмѣстѣ!

Пойдемъ же, кинемся скорѣе съ корабля;

Авось не далеко земля!» —

Туть въ Океанъ мои затѣйницы спрыгнули
И — утонули;
А нашъ корабль, рукой искусвою водимъ,
Достигнуль пристани, и цѣль и невредимъ.
Теперь пойдуť вопросы:
А что же Капитанъ и течь, и что матросы?
Течь слабая, и та
Въ минуту унята;
А достальное — клевета.

.....

IV.

ЛИСА.

=

Зимой, ранехонько, близъ жила,
Лиса у проруби пила въ большой морозъ.
Межъ тѣмъ, оплошностья, судьбаль (не въ этомъ сила!),
Но кончикъ хвостика Лисица замочила,
И ко льду онъ примёрзъ.
Бѣда не велика, легко бъ ее поправить:
Рвануться только посильнѣй
И волосковъ хотя десятка два оставить;

Но до людей

Домой убраться поскорѣй.

Да какъ попортить хвостъ? А хвостъ такой пушистый,
Раскидистый и золотистый!

Нѣтъ, лучше подождать — вѣдь спитъ еще народъ;

А между тѣмъ, авось, и оттепель придѣтъ,

Такъ хвостъ отъ проруби оттаеъ.

Вотъ ждетъ пождетъ, а хвостъ лишь болѣе примерзаеъ.

Глядитъ — и день свѣтаеъ,

Народъ шевелится, и слышны голоса.

Тутъ, бѣдная моя Лиса

Туда сюда метаться;

Но ужъ отъ проруби не можетъ оторваться.

Посчастью, волкъ бѣжитъ. — «Другъ милый! кумъ! отецъ!»

Кричитъ лиса: «спаси! Пришелъ совсѣмъ конецъ!» —

Вотъ кумъ остановился —

И въ спасенье Лисы вступился.

Приемъ его былъ очень простъ:

Онъ начисто отгрызъ ей хвостъ.

Тутъ, безъ хвоста, домой моя пустилась дура.

Ужъ рада, что на ней цѣла осталась шкура.

—

Мнѣ кажется, что смыслъ не темень Басни сей.

Щепотки волосовъ Лиса не пожалѣй —

Остался бѣ хвостъ у ней.

.....

V.

ВОЛКИ И ОВЦЫ.

=

Овечкамъ отъ Волковъ совсѣмъ житья не стало,
И до того, что наконецъ
Правительство звѣрей благія мѣры взяло,
Вступиться въ спасенье Овецъ, —
И учреждень Совѣтъ на сей конецъ.
Большая часть въ немъ, правда, были Волки;
Но не о всѣхъ Волкахъ вѣдь злые толки.
Видали и такихъ Волковъ, и многократъ —
Примѣры эти не забыты —
Которые ходили близко стада
Смирнехонько, когда бывали сыты.
Такъ почему жъ Волкамъ въ Совѣтъ и не быть?
Хоть надобно Овецъ оборонить,
Но и Волковъ не вовсе жъ притѣснить.
Вотъ, засѣданіе въ глухомъ лѣсу открыли;
Судили, думали, рядили
И наконецъ придумали законъ.
Вотъ вамъ отъ слова въ слово онъ:
«Какъ скоро Волкъ у стада забуянитъ,
И обижать онъ Овцу станеть:

То Волка тутъ властна Овца,
Не разбираючи лица,
Схватить за шиворотъ, и въ судъ тотчасъ представить,
Въ сосѣдній лѣсъ иль въ боръ.»
Въ законъ нечего прибавить, ни убавить.
Да только я видалъ: до этихъ норъ —
Хоть говорятъ: Волкамъ и не спускаютъ —
Что будь Овца отвѣтчикъ иль истецъ:
Да только Волки все Овецъ
Въ лѣса таскаютъ.

Иванъ Крыловъ.

ВОСПОМИНАНІЯ.

ГРАФУ ФЕДОРУ ПЕТРОВИЧУ

ТОЛСТОМУ.

Ты хочешь знать, почтеннѣйшій другъ, что болѣе всего занимало меня въ жизни; на какой предметъ я преимущественно обращалъ вниманіе, и почему именно избралъ Словесность занятіемъ и цѣлю моихъ трудовъ, моей жизни. Признаюсь, мало есть такихъ предметовъ въ свѣтѣ, на которые я, въ теченіе жизни моей, не обращалъ бы вниманія: люблю наслажденіе Природою; радуюсь, какъ ребенокъ, первому вешнему дню;

предпочитаю прогулку въ прекрасное лѣпное устро всемъ удовольствіямъ блиспапельнаго вечера; осенью, не могу дождашься перваго мороза, копорый освѣжишь воздухъ, и нѣжныя лица красавиць разцвѣшишь розами. Люблю цвѣшны, и ппиць; могу по часамъ любовашься красивымъ макомъ, радуюсь появленію новыхъ узоровъ въ цвѣшникъ; съ наслажденіемъ гляжу на хозяйство, ласки и раздоры домовишыхъ канареекъ. Люблю Изыщныя Искусства; спраспенъ къ Музыкѣ, и, при звукахъ гармоніи Моцарта, забываюсь, созида я міръ невещеспвенный въ глубинѣ души моей. Но всего болѣе занимаешь меня человекъ, сіе, вѣками неразгаданное, послѣднее пвореніе рукъ Божіихъ — сей царь вселенной, и рабъ спраспей своихъ, шѣломъ жершва спшихъ, духомъ собесѣдникъ Божеспва.

Одинъ новѣйшій Философъ производишь все сущее, все живущее на землѣ опъ вліянія солнца на планету нашу. Дѣйспвіемъ солнца, въ юные дни міра, — говоришь онъ — когда оно грѣло и живило сильнѣе, нежели нынѣ, подъ осень Испоріи Всемирной, — произведены на хладной и тяжелой шолщѣ земли и минералы; и распенія, и живошныя; произведенъ и человекъ, крайнее звено земнородныхъ: онъ пріялъ живошную жизнь свою изъ общаго

испочника земной жизни, нашего солнца; пріялъ ее въ высшей, пончайшей, пакъ сказать, прошивъ другихъ сущесствъ степени; но солнце, средопочіе нашего міра, не естъ средопочіе всемірное: оно обращается вокругъ другаго солнца, намъ невидимаго, неподлежащаго чувспвамъ, непоспжимаго уму нашему. Малый лучъ сего духовнаго солнца перелился чрезъ солнце наше на нашу планету, и заронилъ искру въ чловѣкъ: искра сія естъ душа его — искра сія естъ способность переноситься въ міръ умспвенный и духовный, живъ въ прошедшемъ и будущемъ, познавать бытіе Верховнаго Сущесства, поспигать собственное свое безсмертіе. Душа духовная слипа въ чловѣкъ съ душою живопною, общею ему съ другими земнородными; но душа живопная являешся въ немъ во всемъ своемъ совершенствѣ, на высшей степени прошиву всѣхъ другихъ, движущихся въ швореніяхъ низшаго разряда; душа духовная, выпренняя естъ шолько малая искра, едва зримый зародышъ препьяго неба, проблескъ алмаза въ глыбѣ гранишной. Живопная душа, при самомъ рожденіи швари въ свѣпъ, находился на высшей своей степени, лишь шолько получила возможность располагать

и дѣйствовать своими орудіями; но душа духовная спитъ въ началѣ существованія чловѣка, просыпается мало по малу, воспитывается, научается познавать себя, Природу и Бога, но всегда оспается во младенчествѣ. Чловѣкъ носитъ ее въ себя, хоитъ и возвращаетъ для другаго міра, куда она, по разрушеніи жизни живошней, переселается для продолженія своего бытія и для конечнаго усовершенствованія. Неравный удѣлъ сей искры составляетъ различіе нравственное и умственное между людьми. Въ однихъ, слабая искра пошеетъ во мглѣ жизни живошней; въ другихъ, искра духовная распоргаетъ узы чувственные, рветъ и жжетъ вериги земныя. Но тамъ, гдѣ душа сія обрѣтаетъ достойную себя храмину, гдѣ она приходитъ въ равновѣсіе съ жизнью живошней, тамъ проявляется высшее изъ существъ земнородныхъ — зиждитель царствъ и законодатель, побѣдитель злодѣевъ, просвѣщитель варваровъ, изыскатель тайнъ Природы, толкователь Судебъ Божіихъ въ бытіяхъ чловѣчества — творецъ новаго міра въ Изящныхъ Искусствахъ, въ Музыкѣ и Поэзіи.

Душа духовная создала себя оболочку невидимую, шло невещественное; сошкала одежду — разноцвѣтнѣе полость радуги,

блистательнѣе солнце въ на синемъ небѣ — сотворивъ языкъ человѣческой. И въ эпомъ пѣль красуешся она и распешъ, играешъ міромъ вещественнымъ, и органами его въщашешъ о міръ духовномъ. Я посвящилъ большую часпъ жизни своей на изученіе сей спороны человѣческой природы, смотрѣлъ на языкъ, сіе спройное, согласное въ разнообразнѣйшихъ часпяхъ цѣлое, какъ изыскашель Природы вещественной глядишъ, на примѣръ, на царство распеній: не пренебрегалъ мелочами, спарался доискапъся причинъ и началъ разнообразія и уклоненій въ несмѣшномъ роѣ звуковъ, служащихъ орудіемъ къ изображенію чувствованій и мыслей человека, и опносилъ все къ одному источнику, вѣчному и безначальному. Многіе не хощли понять величія, важности, духовности языкоученія; не соглашались, чпобъ глаголы и мѣстоименія, причасія и предлоги великъ чему либо высшему; но эшо однѣ формы, и формы варварскія: надлежишъ вдохнушъ въ нихъ душу. Такъ, драгоценнѣйшій гербарій, съ рѣдкими произведеніями царства распеній, въ глазахъ непросвѣщеннаго еспь кипа сухой правы.

И человекъ, сей любимецъ Божества въ нашемъ міръ, всегда былъ для меня самымъ

любопытнымъ предметомъ для наблюденія. Въ каждомъ человѣкѣ можно найсти пищу для созерцательнаго духа; каждый человѣкъ есть малый міръ, движущійся вокругъ духовнаго средоточія; но въ какой степени возраспаешь важность сего наблюденія, когда предметомъ онаго бываетъ человѣкъ, необыкновенный между другими людьми, — человѣкъ, болѣе прошиву ближнихъ своихъ надѣленный шюю божественною душою, копорая даруетъ ему безсмертіе; воспавшій въ себя сію небесную искру, и упопрившій ее на пользу ближнихъ! Земной соспавъ его разрушается, невидимая гощья улешаешь домой, оспавляя на землѣ благоуханіе на пысящелѣпія, какъ солнце, закашья за горизонтъ, долго еще играешь лучами своими въ ашмосферѣ.

Въ жизни моей случалось мнѣ видѣться, сблжашья, бесѣдовашь съ людьми, копорые могутъ назвашья великими и необыкновенными; случалось бышь въ шѣсныхъ, дружескихъ связяхъ съ другими, копорые, своими добродѣтелями, талантами и шрудами, оспавили по себѣ нешлѣнные памяшники въ душахъ своихъ современниковъ, копорыхъ оплакивають и свои, и чужіе, копорыхъ потеря въ душѣ друзей незамѣ-

нима, и въ глазахъ самыхъ враговъ ихъ, апейсшовъ нравсшвенности, еспъ пошеря для челоувчеспва. Воспоминашь о нихъ, воскрешашъ въ мысляхъ ихъ ликъ милый и незабвенный, бесъдовашь съ ними мечпою, какъ бывало наяву — еспъ опрада и услажденіе душъ; но все ли по можно передашь словами, изобразить мерпвыми буквами, чшѠ живешъ, дышишь и кишишь въ глубинъ ея! И не будешъ ли свашпошашспвомъ касашся грубыми орудіями чувсшвъ свашпыни недосязаемой! Покойшеса въ нѣдрахъ священнаго воспоминанія, души, оплешъвшія изъ сей юдоли, къ кошорымъ въ жизни была привязана моя душа цѣпью, неразрывною въ вѣчности! Для изображенія васъ, нѣшь у меня красокъ, кошорыя были бѣ посшижимы чувсшвамъ посшороннихъ! Обращусь къ пѣмъ немногимъ людямъ, кошорымъ я, наравнѣ съ прочими, удивлялся, кошорые гласными подвигами, шрудами и швореніями досшупны и знакомы образованому челоувчеспву.

Уваженіе къ людямъ необыкновеннымъ, особенно къ Писашелямъ, къ Липерашорамъ, пишашъ я съ самаго младенчеспва. Я воображалъ себѣ сочинителей книгъ людьми необыкновенными, и болѣе нежели людьми. Помню, съ какимъ благоговѣніемъ смощрѣлъ

я на перваго, вспрѣпившагося мнѣ Русскаго Писателя: то былъ Федоръ Осиповичъ Туманскій, Сочинитель перваго Тома Испорія Петра Великаго, и Издашель разныхъ другихъ историческихъ книгъ. Онъ прїѣзжалъ къ опцу моему по какому-шо дѣлу. Они разговаривали, ходя по обширной залѣ. Я не сводилъ глазъ съ Туманскаго, и, припаясь въ углу комнашы, повпорялъ про себя: «Вопъ Писатель! вопъ Сочинитель! Чшо онъ вымыслишь, вычитаешь, напишешь, по читающъ штысячи людей во всѣхъ концахъ Россіи, и будущъ читашъ еще долго послѣ его смерти! И по лицу видно, чшо онъ не такой человекъ, какъ другіе.» — Я досадовалъ въ душѣ на опца моего, чшо онъ обходился съ Писателемъ такъ же, какъ и съ другими посѣпителями, учпиво, но, по мнѣнію моему, слишкомъ холодно! — Въ Юнкерской Школѣ имѣлъ я случай видѣшь другаго Писателя, копорый изданіями своими имѣлъ большое вліяніе на образованіе погдашней Липерапуры — Василія Сергѣевича Подшивалова. Онъ былъ въ по время Дирекшоромъ Коммерческаго Училища, находившагося неподалеку опъ Юнкерской Школы, и, по дружбѣ съ нашимъ Инспекшоромъ, Михайломъ Никишичемъ Цвышковымъ, поварищемъ его по Университету,

иногда навѣщаль наши классы. И теперь еще вижу лице его, спокойное, умное, благородное, доброе! Мы, ученики, боялись въ немъ строгаго судьи; но шѣ изъ насъ, копорые надѣялись на успѣхи свои въ Словесности, съ умысломъ выпавляли предъ нимъ шепрадки. Онъ замѣчалъ дѣшскую хитроспѣ, бралъ шепрадки, просмапривалъ ихъ, хвалилъ хорошее, и давалъ добрые совѣшпы. Но непреодолима моя страспѣ къ авпорству и желаніе сблизашься съ великими въ Липерапурѣ людьми, нашли полное удовлешвореніе, когда я въ первый разъ увидѣлъ Державина. Онъ былъ тогда (въ 1805 г.) Миниспромъ Юспиціи, и, въ семь званіи, главнымъ начальникомъ нашего Училища. У насъ былъ годовой экзаменъ. Лучшіе изъ насъ были увѣрены въ своихъ знаніяхъ, и съ самонадѣянностію ожидали начала испышанія. Вдругъ услышали: Миниспръ пріѣхалъ! Всѣ бросились по своимъ мѣспамъ. Державинъ, въ парадномъ сенашпорскомъ мундирѣ и въ леншѣ, сопровождаемый Дирекпоромъ нашимъ, Алексвемъ Николаевичемъ Оленинымъ, вспунилъ въ залу. По его желанію, начали экзаменъ съ Древней Испоріи. Меня вызвали перваго — надлежало показашь мѣспо и раздѣленіе Древней Греціи. Я зналъ это, какъ Опче нашъ; но, подошедъ

къ каршѣ, очушившись въ двухъ шагахъ онъ Державина, ошполбенѣлъ, вперилъ въ него глаза, и не могъ промолвить ни слова. Я не видѣлъ ни шишаго мундира, ни звѣздъ, ни лентъ: я смопрѣлъ ему приспально въ глаза, и въ умъ моему съ быспрошою сонныхъ виднѣй пролешали: Богъ, Фелица, Водопадъ, Рожденіе Порфиророднаго. — «Скажише положеніе и раздѣленіе Древней Греціи,» повшорилъ Учишель. Я посмопрѣлъ на него безсмысленно, и опяшь обрашилъ глаза на Поэпа. — «Древняя Греція:» подсказывали мнѣ шепотомъ поварищи: «лежала въ Европѣ, между 36-мъ и 41-мъ градусомъ сѣверной широты, и 37-мъ. . . .» — «Знаю,» опвѣчалъ я шихо, и все смопрѣлъ на Державина. — Выведенный изъ першнѣя, Учишель вызвалъ другаго ученика, а я опсшунилъ въ спорону, ближе къ Державину. Дирекшоръ, зная меня по экзаменамъ часпнымъ, сказалъ ему чшо-шо обо мнѣ, и Державинъ обрапился ко мнѣ ласково. «Эшо чшо!» спросилъ онъ, указавъ на шепрадку, которую я держалъ въ рукѣ. — «Мои сочиненія,» сказалъ я съ ошкровеннымъ самолюбіемъ юноши, и подалъ ему. Онъ развернулъ шепрадку, прочишалъ нѣсколько спиховъ (помнишся, преглушыхъ), и сказалъ, опдавая мнѣ: «Эшо

очень хорошо — продолжайте!» — Вообразите себя воспоргъ мой! Державинъ говорилъ со мною, Державинъ чипаль мой спизя, Державинъ хвалиль ихъ! — Естъ быспрыя минушы, имбюція влянія на учаспъ, дѣла и всю жизнь челоувѣка. Немногія слова Державина произвели во мнѣ волшебное дѣйствіе: мнѣ казалось, что онъ, какъ Первосвященникъ въ храмѣ Русской Словесности, посвящилъ меня въ ея панствва, и что долгъ повелѣваетъ мнѣ въ спочности слѣдовать его призыву.

— — — — —

Занявшись Русскою Словесностію, я познакомился съ нѣкопорыми шогданними Липерапорами; но въ пѣсныхъ связяхъ, въ по время, былъ съ немногими. Въ числѣ сихъ немногихъ долженъ я наименовать Мапвѣя Васильевича Крюковскаго, Авшора извѣспной всѣмъ папріопической прагедии Пожарскій. Я познакомился съ нимъ случайно. Въ 1806 году, поселился я въ домъ, бывшемъ Генерала Леццано, на Мойкѣ, за Полицейскимъ моспомъ. Тамъ очутился я посреди разныхъ Липерапуръ. Въ однихъ сѣняхъ со мною жилъ Нѣмецкій Юрисконсульшь и Поэшь, Докпоръ Правъ Шмидеръ. Онъ былъ Консуленпомъ (Адвокашомъ) при Юспиць-

*

Коллегіи, по Пропешпаннскому Опдѣленію; а въ прежнія времена служилъ шеапральнымъ Поэтомъ при разныхъ Германскихъ шеапрахъ. Въ званіи Консуленга, онъ былъ большой масперъ *разводитъ браки*: за сию рублей онъ развелъ было Филемона и Бавкиду. Въ должности шеапрального Поэша, онъ иногда урѣзывалъ и сокращалъ, иногда же пополнялъ и распроспранялъ Нѣмецкія пьесы для предсавленія: извѣстно, что чѣмъ длиннѣ списокъ дѣйствующихъ лицъ на Нѣмецкой афишѣ, тѣмъ болѣе спекаешся зришелей; и что пошъ Нѣмецъ, не веселялся въ шеапрѣ, у кошораго не *склякошася кости* опгъ засѣданія въ парше-рѣ съ семи часовъ вечера до часу ушра. Сверхъ того, Шмидеръ перевелъ, и очень удачно, нѣсколько Французскихъ водевилей. По-знакомаясь съ нимъ, я хопгълъ было поучишь-ся у него шеоріи Драмашической Поэзіи — ни шупъ-шо было! Онъ былъ искусенъ въ одной пракшикѣ: пьесы раздѣлялъ на прибыльныя (*Raffenstücke*) и невыгодныя; Шиканедера спавилъ выше Шиллера; о до-споинешвѣ Акшеровъ судилъ по сборамъ въ ихъ бенефисы. Впрочемъ, и эпо знакомство было для меня не безъ пользы: Шмидеръ разочаровалъ мою вѣру въ безошибочность

Французскихъ Трагиковъ; указаль мнѣ сочиненія Лессинга и Ангеля, и заспавиль уважащъ Авшпоровъ, пренебрегавшихъ правилами прехъ единствъ. Но классическіе Авшпоры Франціи имѣли при мнѣ предспавишеля въ другомъ сосѣдѣ. Французскій прагическій Акшперъ Деглинши, о кошоромъ конечно съ удовольспвіемъ воспоминаюшъ любишели Теашра, жишъ въ нижнемъ энажѣ сосѣдняго дома, окнами въ нашъ садъ. Онъ декламировалъ съ ушра до вечера, предъ ошкрытымъ окномъ, монологи и сцены изъ лучшихъ Французскихъ прагедій. Чашенько, спряпавшишъ за куспомъ, я прислушивался къ его декламаціи, и думалъ про себя: «Чшò ни говори Шмидеръ, а ей Богу, и эшо прекрасно!»—

Шмидеръ училсѣ у меня Русскому языку. Въ одно ушпро, въ началъ нашего знакомспва, когда я выбилсѣ изъ силъ, шолкуя ему, чшò б, и чшò л (онъ называлъ ихъ *пуки* и *бакой*), вошелъ въ его комнашу молодой человѣкъ, пріашной наружнoshi, одѣшпый опряшно и со вкусомъ — не шакъ, какъ прочіе поспшишели и кліеншши Докшора. Онъ пришелъ сообщишъ о неприяшнoshi, съ нимъ случившейсѣ. Рукописъ перевода его, кошорый споишъ ему большихъ шрудовъ, была ошправлена къ Го-

судагю Императору въ Армію, и какъ-то дорогою зашерялась (*). Неизвѣстный говориль (по-Французски) о своемъ напрасномъ шрудѣ, о несбывшейся надеждѣ, шакъ скромно, мило и умно, что я почувспвовалъ къ нему невольное влеченіе. И Шмидеръ обошелся съ нимъ учнивѣе обыкновеннаго, и по уходѣ его, объявилъ мнѣ, что эяюнтъ молодой человекъ нашъ сосѣдъ, господинъ Крюковской, Русскій Лишерашоръ, умный и образованный. Я искалъ случая познакомитьсь съ Крюковскимъ, и вскорѣ успѣлъ. Онъ проводилъ каждое ушро въ саду — выйдешъ, бывало, въ фуражкѣ, въ нанковомъ сюршучкѣ, въ зеленыхъ сапогахъ, съ большимъ краснымъ плашкомъ на шеѣ, и ходишъ про себя по аеямъ, иногда въ безмолвномъ мечпаніи — иногда декламируя въ полголоса стихи. Я узналъ и полюбилъ его. Никогда не случалось мнѣ видѣшь (ни прежде, ни послѣ того) человека, который бы шакъ *совершенно* жилъ въ мірѣ фаншазіи, который бы шакъ мало дорожилъ свѣшномъ, шакъ мало задумывался при какомъ либо преяшспвіи — не-лишерашурномъ. Крюковской воснишанъ былъ въ Сухопушномъ (Первомъ) Кадешскомъ

(*) Въ послѣдствіи она отыскалась. Это былъ переводъ сочиненія Герешшвада о Политическій Экономіи.

Корпусъ ; говорилъ по-Французски прекрасно, по-Нѣмецки очень хорошо ; по-Русски писалъ масперски , но , увлекаемый мечшайями , не могъ заняться ничѣмъ основательно . Вспаивъ часовъ въ десяти по упру , онъ опсправлялся въ хорошую погоду въ садъ , въ дурную оспавался въ своей комнашѣ , и забавлялся чшеніемъ , размышленіемъ , сочиненіемъ стиховъ ; попомъ одѣвался , и уходилъ куда нибудь объдашь . Въ шестъ часовъ возвращался домой , свершывалъ мѣдный рубль , и опсправлялся въ шеапръ — Русскій , Нѣмецкій или Французскій . Тамъ онъ совершенно предавался удовольствію , возбуждаемому сценическими предспавленіями ; забывалъ все , его окружающее , плакалъ и смѣялся , какъ въ своемъ кабинетѣ . Не рѣдко , замѣчалъ я , сидя подлѣ него въ шеапрѣ , какъ сосѣдніе съ нами зрители удивлялись вниманію и чувспвишельности молодого человека . Особенно заглядывались на него женщины — должно знашь , что въ то время женщины , и порядочныя и прекрасныя , не считали неприличнымъ ходишь въ партеръ . И онъ былъ неравнодушенъ къ шакому вниманію . Доспойно замѣчанія , что лучшее его произведеніе , Пожарскій , обязательно сущеспвованіемъ своимъ дѣйспвію двухъ

прекрасныхъ глазъ въ Нѣмецкомъ театръ. Играли драму: Волшебница Сидонія. Ошличвая Акшприса Миллеръ восхищала публику. Крюковской заливался слезами; я вшорилъ ему. Вдругъ онъ какъ-шо посмошрѣлъ въ спорону, и слезы ошпановились у него на рѣсницахъ. Глаза его вшпрѣшились съ глазами молодой красавицы, сидѣвшей въ ложѣ перваго яруса. «Видите ли?» спросилъ онъ, шолкая меня. — «Вижу» ошвѣчалъ я равнодушно: «а чшо?» — «Какъ чшо! Эши глаза! Кшо, кшо эша прекрасная дѣвица? Не лъзя ли какъ нибудь узнать?» — «Можно и очень можно!» ошвѣчалъ я. Вскорѣ нашель я въ партнеръ одного изъ шѣхъ людей, кошорыхъ можно назвашъ живыми адресь-календарями: онъ объявилъ мнѣ, чшо эша дама ешъ дѣвица, дочь шакого-шо чѣновника, изъ Нѣмцевъ, чшо она въ шеапрѣ бываешъ рѣдко, но всякое Воскресенье въ Люшеранской церкви, на Лишейной, сидишъ внизу, обыкновенно на шешшой скамьѣ. Я сообщилъ ошкрыше мое Крюковскому. Онъ воспользовался эшимъ, и спалъ ходишь каждое Воскресенье въ Люшеранскую церковь: припаишся, бывало, на хорахъ, и глазъ не сводишъ съ владычицы своей, а она, бѣдненькая, и не догадывалась о своей побѣдѣ.

Поэтъ довольствовался обржаніемъ идеальнымъ! Сердце конечно можно было насытить мечтами, но желудокъ требовалъ пищи вещеспвеннѣйшей. Родные и знакомые Крюковскаго, у которыхъ онъ обѣдывалъ, жили въ срединѣ города, и онъ не могъ поспѣвать къ нимъ по Воскресеньямъ. Надлежало заводить знакомства на Липейной. Онъ нашелъ средсво познакомиться съ Александромъ Семеновичемъ Шишковымъ, котораго жилъ иногда въ своемъ домѣ, насупротивъ церкви Люшеранской. Въ бесѣдѣ съ симъ почтеннымъ любилелемъ Словесности, онъ говорилъ о своихъ опытахъ, принесъ и прочиталъ ему свою трагедію, едва набросанную; по совѣту Александра Семеновича, перемѣнилъ и исправилъ въ ней многое, и при его же посредствѣ, сдѣлался извѣстнымъ Александру Львовичу Нарышкину. Тогда была война съ Французами. Русскія сердца кипѣли ревностію опсстоятъ Царей и Троны Европы. Димитрій Донской Озерова имѣлъ блистательный успѣхъ. Крюковской долго не рѣшался опдать на шеатръ свою трагедію, почитая ее слишкомъ слабою и ничтожною. Убѣжденія новыхъ знакомцевъ превозмогли его боязнь. Пожарскаго сыграли въ Маѣ 1807 года — и сыграли превосходно.

Яковлевъ, Шушеринъ, Каратыгина, были въ ней неподражаемы. Маленькаго Георгія игралъ въ ней Сосницкій, тогда едва вышедшій изъ младенчества. Успѣхъ былъ совершенный. При поднятіи завѣсы, Крюковской исчезъ. Когда кончилась трагедія, публика спала единогласно прѣбывашь Авшора. Долго онъ не являлся. Громъ рукоплесканій и восклицаній не умолкали. Наконецъ показался онъ въ директорской ложѣ. Я не узналъ его — шакъ онъ былъ блѣденъ и разспроенъ. Его съ шрудомъ доискались въ ложѣ четвертаго яруса, гдѣ онъ скрылся при началѣ спектакля, въ швердомъ увѣреніи, что трагедія его упадешь. Я принималъ самое усердное участіе въ пьесѣ и въ самомъ Авшорѣ. Въ театрѣ не могъ я его видѣшь: блистательное шоржество доставило ему множество знакомыхъ, и я не успѣлъ пробиться до него сквозь толпу поздравителей. На другой день, часовъ въ двѣнадцать, пошелъ я къ нему, чтобы раздѣлить вчерашнюю радость. Вхожу въ комнату — нѣтъ никого, все пусто; вхожу въ другую, ша же пустоша — нѣтъ ни словъ, ни зеркаль, ни спульевъ. «Что это значишь?» подумалъ я: «не можешъ спашься, чтобы онъ выхалъ: вчера провелъ я у него ушро.» —

«Что шамъ?» раздался знакомый голосъ изъ-за перегородки. — «Я, Машвѣй Васильевичъ! Да гдѣ вы?» — «Извините, еще не всшаваль. Войдите покамѣспъ сюда.» — Я прошелъ за перегородку, и увидѣль моего Поэша въ постель. И спальня опустѣла: въ ней были только кровашь его и маленькій сполникъ. «Садитесь, пожалуйста, на кровашь,» сказалъ онъ мнѣ, смѣючись. «На сей разъ другихъ кресель у меня нѣшъ.» — Я послѣдовалъ приглашенію, спалъ поздравляшь его со вчерашнимъ успѣхомъ, и между нами завязался жаркій разговоръ о любимомъ предметѣ. Крюковской былъ внѣ себя опъ восхищенія. «Что же вы не замѣчаете преобразования въ моей кварширв?» спросилъ онъ наконецъ очень весело. — «Вы видно съѣзжаете?» сказалъ я печально, думая, что лишусь любезнаго сосѣда. — «Нѣшъ!» опвѣчалъ онъ: «я оспшаюсь здѣсь; только освободился опъ лишниихъ мебелей.» — «Какъ пакъ!» — «Я продалъ ихъ сегодня. Мнѣ надобенъ новый фракъ; я обѣдаю у Александра Львовича Нарышкина, а костюмъ мой уже очень поблекъ.» — «Помилуйше,» сказалъ я: «можно ли пакъ послушашъ? Вы могли бы заняшь деньги, до полученія плапы за вашу трагедію изъ Дирекціи.» — «Заняшь! за-

няшь! Да у кого? Ужъ мнѣ зна прагедія!» — «Но на прагедію вы не можете жаловаться!» — «Въ самомъ дѣлѣ? Такъ поспрудитесь вынудить изъ эшого спюлика бумагу, и прочитайте.» — Эпо было извѣщеніе Начальства Коммисіи Соспавленія Законовъ, что Переводчикъ Крюковской, за долговременную неявку къ должноти, исключень изъ службы. — «Да эно ужасно!» сказалъ я. — «Что дѣлать!» опвѣчалъ безпечный Поэпъ. «Я сказался больнымъ, чтообы работашъ свободнѣе дома. Чрезъ нѣсколькo времени мнѣ напомнили, что пора выздоровѣть. Явился къ должноти — значило бы признашь, что болѣзнь моя была выдуманна. Я не пошелъ, и вопъ послѣдствіе!» — «Надѣюсь однако, что ваши спруды лишерапурные будутъ хорошо вознаграждены.» — «Да! мнѣ проговаривали что-то о деньгахъ. А главное то, что мнѣ дають даровой билетъ въ паршеръ. Теперь мѣдный рубль не будетъ у меня опшягивать кармана.» — Въ эно время постучались у дверей. — «Entrez!» закричалъ Крюковской. Явился модный поршней Фанденбергенъ съ новою парюю плашьа.

Чрезъ нѣсколькo времени дѣла моего пріятели поправились. Онъ получилъ хорошее вознагражденіе за свою прагедію. Государь,

принявъ ее милосшиво, приказаль спросишь у Авшора, чѣмъ можно было бы его порадовать. Крюковской съ робоспью опивѣчалъ, что онъ желаль бы усовершеншвовать свои познанія и шаланшы въ средошочіи Драмашическаго Искусспва, Парижъ. Желаніе его было исполнено: ему назначили хорошее содержаніе, и отправили его въ Парижъ. Тамъ онъ предался всею душою наслажденіямъ Липерашуры и Драмашическаго Искусспва, изучаль великіе образцы, гошөвилъ себѣ запасъ новыхъ идей, но ничего не успѣль положишь на бумагу. Къ сөжаленію, онъ не имѣль шамъ руководшелей, слушатель, друзей. Воля пшоя, а шаланшъ шребуешъ сообщенія, шребуешъ учаспія другихъ. Крюковской, пробывъ года два въ Парижъ, ворошился въ Пешербургъ, съ чѣмъ поѣхаль: съ душою, испинно поэшической, способною поспигнушь и передашь все прекрасное, но безъ швердоспи и рѣшишельности въ волю и характеръ. Я увѣренъ, что и Пожарскій никогда не былъ бы конченъ безъ случайныхъ, благопріятныхъ обшюяшельствъ. Къ несчасшію, Крюковской, послѣ блисшательнаго успѣха своего, познакомился съ односторонними судьями Драмашическаго Искусспва, кошорые, подѣ

видомъ благонамѣренныхъ совѣщанъ, преподающъ молодымъ Писателямъ правила, снѣсительныя для генія, убійственныя для таланта. Они оуждали въ Пожарскомъ весь нѣ сцены, кошеры занимательны дѣйствіемъ и положеніемъ лицъ, а хвалили одни стихи — именно то, чѣмъ Авшоръ не могъ похвалиться. Если бѣ Крюковской жилъ и писалъ нынѣ, когда все школьныя и закулисныя правила оцѣнены надлежащимъ образомъ, когда вѣрное изображеніе Природы и челоука предпочипается размѣреннымъ нирадамъ героевъ и ширановъ — онъ попалъ бы на свою спезю. А въ то время поэпической нервшипельности и лишературнаго смѣшенія языковъ, принужденъ онъ былъ непрерывно боротся съ прошиворвчїями. Я рѣдко видалъ людей съ шакими пламенными чувспвами, съ шакимъ высокимъ и изящнымъ понашіемъ о любви, какія одупевляли Крюковскаго, — и онъ написалъ трагедію, въ коей о любви не упоминается. Клопшпокъ, Шиллеръ, Гѣте, были его обыкновеннымъ чшеніемъ; Шекспиръ извлекалъ у него въ театрѣ непршворныя слезы — а его осудили визашъ рюмы, и шрепашъ о соблюденіи единствъ, въ слѣдствіе небывалаго указа Аристошелева. Уди-

вишельно ли, послѣ этого, что вшорая прагедія его, Елисавета дочь Ярослава, слаба и несвязна! — Онъ намѣревался было написать прагедию: Сафо, изобразить всѣ наслажденія и мученія любви. Вѣроятно, героиня поэмы уже существовала въ его воображеніи; вѣроятно, она облечена была всеми красотою Поэзии, но прелестный призракъ никогда не осуществлялся, и улетѣлъ съ душою Поэта.

Крюковской, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по возвращеніи изъ Франціи, занемогъ, и послѣ продолжительной болѣзни, скончался (1811 г.) на тридцатомъ году отъ рожденія, оставивъ опечесшвенной публикѣ залогомъ своего патриотизма и таланта одну прагедию, а въ памяти родныхъ друзей и знавшихъ его — убѣжденіе, что онъ, при благопріятномъ направленіи своихъ способностей, могъ бы обогатить и прославить Русскую Словесность.

=

Готовясь, по обыкновенію, пославить подъ сею шапкою мѣсяць и число, я запрешалъ неволью: 29-го Сентября 1832 года. Ровно за шестнадцать лѣтъ предъ симъ, 29 Сентября 1816 года, скончался другой

Русскій Липерапоръ, искренній другъ мой, незабвенный и незамѣнимый, человекъ благородный, необыкновенный умомъ, талантами, образованіемъ — *Павель Александровичъ Никольскій*. Здѣсь могу я говорить о немъ только какъ о Липерапорѣ. Ты спросишь: чѣмъ же онъ сдѣлалъ важнаго? чѣмъ прославился въ свое время? чѣмъ оставилъ потомству? — Спроси у юнаго дуба, сокрушеннаго бурей, зачѣмъ онъ не раскинулъ въпвей своихъ по долины! Спроси у солнца, на восходѣ помраченнаго шучами, зачѣмъ оно не оживляло земли своими лучами? — Никольскій умеръ двадцати пяти лѣтъ онъ роду. — Онъ готовился къ службѣ по горной часпѣ, учился въ Горномъ Корпусѣ очень хорошо, но не могъ занимать исключительно Науками Точными и Естественными. Мельпомена улыбулась ему въ часъ рожденія: Липерапура, Поэзія, Исторія увлекали воображеніе и умъ юноши. Онъ оставилъ горную службу, и вспунилъ въ гражданскую, посвящая всѣ свои досуги трудамъ липерапурнымъ. Въ пылкія лѣта юности, когда всякая удачная попытка намъ кажется блистательнымъ успѣхомъ; когда мы поставляемъ главную цѣль занятій Словесностию не въ томъ, чѣмъ писать, а

чтобы печатать — молодой Никольскій ревностно занялся Литературою практической, участвовалъ въ изданіи Журналовъ: *Цельникъ*, и *Санктпетербургскій Вѣстникъ*, сталъ издавать *Пантеонъ Русской Поэзіи*, переводилъ и Повѣсти, и Романы. Другой, на его мѣстѣ, продолжалъ бы сіи занятія, и оставилъ бы лишь чрезъ пятьдесятъ лѣтъ Писателя трудолюбиваго и общепользнаго. Но Никольскому этого было недовольно: съ необыкновеннымъ самоотверженіемъ признался онъ самому себѣ, что не имѣетъ еще нѣтъ познаній и навыковъ, которые нужны для истиннаго Литератора; бросилъ дѣйствительныя занятія, и углубился въ ученіе. Литература Древняя и Новая, Эстетика и теорія Словесности сдѣлались предметомъ его ученія и изысканій. Смерть положила всему предѣлъ. Воспоминаніе о человѣкѣ обыкновенномъ шуршитъ въ душѣ нашей по мѣрѣ удаленія отъ насъ времени его кончины. Но упраченные міромъ люди отличные спешающія намъ дороже и дороже, по мѣрѣ того, какъ мы на пути жизни удаляемся отъ времени, которое они украшали для насъ своимъ существованіемъ; по мѣрѣ того, какъ мы, узнавая людей, убеждаемся, что нѣтъ подобнаго потерявшему другу.

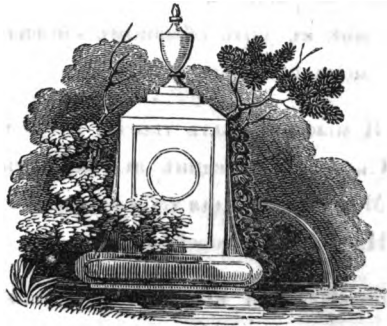
Словесность наша, въ испекшя шеснадцашь лѣтъ, чувствительно возвысилась, и обогатилась не только числомъ, но и зрѣлостью производителей и произведений. Съ каждымъ днемъ узнаёмъ мы о новыхъ явленіяхъ въ Липерашурѣ; съ каждымъ днемъ наши Писатели обогащаютъ ее примѣрами и образцами; но, повѣришь ли? — все новое, все прекрасное въ нынѣшнихъ произведеніяхъ, въ нынѣшнихъ понятіяхъ, кажется мнѣ знакомымъ и бывалымъ! Когда вспомню о Никольскомъ, о смѣлыхъ, здравыхъ и свободныхъ ошъ всякаго предрасудка мысляхъ его въ Липерашурѣ; когда приведу себя на память его сужденія о Писателяхъ, тогда намъ современныхъ, а нынѣ выслушивающихъ приговоръ попомспва: — тогда мнѣ кажется, что нынѣшніе лучи происпекли ошъ искры, шавшейся въ душѣ сего необыкновеннаго юноши. Не знаю, былъ ли бы онъ самъ производителемъ, но увѣренъ, что Русская Липерашура имѣла бы въ немъ нынѣ своего Джонсона, Лессинга, Шлегеля; что его ясный, кришическій, безприспρασный умъ былъ бы лучезарнымъ свѣшиломъ въ тусклой храминѣ нашей Словесности.

Неисповѣдимая судьба человѣческая! Писатели, шрепешавшіе рѣзкаго взгляда и на-

смѣшливой улыбки Никольскаго, нынѣ красующая и щеславящаяся — а онъ!...

Принцъ де Линь, помнишься, сказалъ Великой Екатерины: «Если бы вы родились мужчиною, то конечно дослужились бы до Фельдмаршаловъ!» — «Не думаю,» отвѣчала Она: «меня убили бы въ уншёръ-офицерскомъ чинѣ!»

Николай Гречъ.

СНОВИДЬИЦЕ.

=

Какъ могъ присниться я тебѣ?
Какой игрой воображенья
Ниспослано мнѣ въ даръ обманомъ сновидѣнья,
Что на яву моей отказано мольбѣ?

Я мыслью былъ твоей, я ею освятился;
Съ тобой на единѣ въ таинственной тьмѣ
Мой образъ, для тебя незримый отразился
На зеркалѣ твоей души.

И я не чувствовалъ, и мысль моя слѣпала,
Земная узница, не разгадала мнѣ,
Что Ангелъ обо мнѣ мечтаетъ въ сѣняхъ рая,
Что улыбнулся онъ быть можетъ мнѣ во снѣ.

К. Вяземскій.

ДВА ЧЕЛНОКА.

А. Н. М.

Течеть прозрачная рѣка,
Шумить, блестить межъ бергами,
По той рѣкѣ два челнока
Несутся быстрыми волнами;
Различенъ видъ двухъ челноковъ,
Различна пѣсня двухъ пловцовъ.

Одинъ челнокъ былъ весь въ цвѣтахъ,
И бѣлый парусъ тихо вѣялъ;
Мелькалъ на свѣтлыхъ онъ волнахъ,
И вѣтерокъ его глѣблялъ;
Собой любясь, онъ летитъ, —
Младая прелесть въ нёмъ сидитъ.

Другой челнокъ едва нырялъ,
Свершая тяжко бытъ упорный,
Съ трудомъ онъ волны разсѣкалъ,
На нёмъ вздымался парусъ чѣрный,
И гибель вокругъ него шумитъ, —
Страдалецъ блѣдный въ нёмъ сидитъ.

Смѣясь, прекрасная поётъ:
« Какъ мнѣ отрадно плыть рѣкою! ...
« На берегахъ весна цвѣтётъ,
« Душистый воздухъ надо мною,
« И солнце страхъ мой гонитъ прочь,
« А мѣсяцъ свѣтитъ въ тѣмну ночь, —

« И мнѣ легко на свѣтъ жить!...
« Сбылись мечты мои младыя,
« И сладко съ милымъ мнѣ дѣлать
« Всѣ чувства, сердцу дорогія!...
« И съ каждымъ днёмъ счастливѣй я,
« И пламенный любовь моя!

« Цвѣту душой!... но вдалекѣ
« Одно меня тревожитъ горе:
« Есть бездна мрачная въ рѣкѣ
« Тамъ, гдѣ она впадаетъ въ морь!...
« И какъ мнѣ жизнью ни играть,
« Но бездны той не миновать!...»

И слышенъ былъ страдальца стонъ:
« Какъ мнѣ ужасно плыть рѣкою!...
« На берегахъ со всѣхъ сторонъ
« Угрюмый боръ передо мною;
« И солнце въ тучахъ тмится днёмъ,
« А ночью мгла и страхъ кругомъ.

« И тяжко мнѣ на свѣтѣ жить,
 « Гдѣ облилося сердце кровью;
 « Гдѣ бѣдшій я, стремясь любить,
 « Обмануть дружбой и любовью;
 « Гдѣ навсегда убить грозой
 « Моихъ надеждъ любимый рой, —

« И преданъ я навѣкъ тоскѣ!...
 « Лишь мнѣ одно отрадно въ гѣрѣ:
 « Есть бездна мрачная въ рѣкѣ,
 « Тамъ, гдѣ она впадаетъ въ море!...
 « Не страшно мнѣ о томъ мечтать,
 « Что бездны намъ не миновать! » —

И челноки въ далёкій край
 Рѣки стремленье направляетъ, —
 И вдругъ, какъ будто невзначай,
 Ихъ бездна мрачная встрѣчаетъ, —
 Шумить, ревѣть, кипить рѣка...
 Пропали оба челнока.

И свѣтъ давно забытъ вловцовъ.
Но вѣсть надеждой озарила,
Что бездна робкихъ челноковъ
Во тмѣ своей не погубила,
И что таинственнымъ путёмъ
Они въ томъ морѣ голубомъ, —

Гдѣ насъ ужь буря не страшить,
Гдѣ нѣгу льётъ зѣфиръ душистой,
И сводъ безоблачный горить,
Сіяньемъ радуги огнистой,
Гдѣ всё блеститъ въ красѣ молодой,
Всѣ дышетъ радостью святой; —

И та, чью жизнь лѣвилъ свѣтъ,
Счастливей думою сердечной,
Что тамъ ужь разлуки нѣтъ,
Что жаръ любви пылаетъ вѣчно,
Что бережётъ надежный токъ
Ея плавильный челнокъ.

И, сбросивъ мракъ тоски своей,
Узналъ страдалецъ жизни сладость;
Онъ памятью печальныхъ дней
Тѣснѣ обнимаетъ радость,
Цвѣтѣтъ, отрадою дыша,
Его бессмертная душа.

Иванъ Козловъ.

В Л Д Ъ.

Г. А. О. 3-й.

Le sanglot consiste, ainsi que le rire, en une expiration entrecoupée, ayant lieu de la même manière. . . .

Description anatomique de l'organe même humain.

1.

Балъ разгорался часъ опъ часу сильнѣе; надъ безчисленными пускнѣющими свѣчами волновался шонкѣй чадъ и сквозь него шрепешали шпофные занавѣсы, мраморныя вазы, золошья кисти, барельефы, колонны, каршины; опъ обнаженной груди красавицѣ

поднимался знойный воздухъ и часто, когда пары, будно бы вырвавшіяся изъ рукъ чародѣя, въ быспромъ круженіи промелькали передъ глазами, — васъ, какъ въ безводныхъ степяхъ — Аравіи, обдавалъ горячій, удушающій въперъ; часъ опъ часу скорѣе развивались душистые локоны; смятая дымка небрежнѣе свершывалась на распаленныя плечи; быспрѣ бился пульсъ; чаще встрѣчались руки; близились вспыхивающія лица; помнѣ дѣлались взоры, слышнѣе смѣхъ и шопотъ; спарики поднимались съ мѣспъ своихъ, расправляли безсильные члены и въ ихъ ошполбенѣлыхъ глазахъ мѣшалась горькая зависть съ бѣшенымъ воспоминаніемъ прошедшаго — — и все верщѣлось, прыгало, бѣсновалось въ сладоспрасшномъ безуміи....

На небольшомъ возвышеніи съ визгомъ скользили смычки по наптянушымъ струнамъ; препенпалъ могильный голось валпорнъ, и однообразные звуки липавръ опзывались насмѣшливымъ хохомъ. Съдой капельмейсперъ съ улыбкой на лицѣ, внѣ себя опъ восторга, безпреспанно учапалъ размѣръ и взоромъ, пѣлодвиженіями, возбуждалъ ушомленныхъ музыканшовъ.

— «Не правда ли?» говорилъ онъ мнѣ опривиспо, не оспавляя смычка: «не правда

ли? я говорилъ, что оживлю эпонгъ балль и сдержалъ свое слово. Все дѣло въ музыкѣ, — не умбюшъ соспавляшъ ее, — она поднимаетъ съ мѣспа, — она не вольно вводитъ панцу-ющихъ въ упоеніе, — въ сочиненіяхъ славныхъ музыканшовъ еспъ мѣспа, копорья производяшъ спранные дѣйспвіе, — я славно подобралъ ихъ — въ эшомъ все дѣло; — вошъ, слышите: эшо вопль Донны Анны, когда Донъ Жуанъ насмѣхаетъ надъ нею; вошъ эшо спонъ умирающаго Командора; вошъ минуша, когда Опелло начинаешъ вѣришъ своей ревности; вошъ послѣдняя молишва Дездемоны — — »

Еще долго канельмейсперъ исчислялъ мнѣ всѣ человѣческія спраданія, получившія голось въ произведеніяхъ славныхъ музыканшовъ; но я не слушалъ его болѣе, — я замѣнилъ въ музыкѣ что-то спранные, обворожительное-ужасное: я замѣнилъ, что къ каждому звуку присоединялся другой звукъ болѣе пронзительный, ошъ копораго холодъ пробѣгалъ по жиламъ и волосы дыбомъ спановились на головѣ; прислушиваюсь: то какъ будто крикъ спраждущаго младенца, или буйный вопль ювоши, или визгъ сиротбующей машери, или шрепещущее спенаніе старца и всѣ голоса различ-

ныхъ перзаній человеческихъ явились мнѣ, какъ музыкальные шоны, разложенными по степенямъ одной безконечной гаммы, продолжавшейся отъ перваго вопля новорожденнаго, до послѣдней мысли умирающаго Байрона: каждый звукъ вырывался изъ раздраженнаго нерва и каждый нагвѣвъ былъ судорожнымъ движеніемъ.

Эпошъ спрашннй оркеспръ шемнымъ облакомъ висѣлъ надъ шанцующими, — при каждомъ ударѣ оркеспра вырывались изъ облака: и громкая рѣчь негодованія; и прерывающійся лепешъ побѣжденнаго болью; и глухой говоръ опчаянія; и рѣзкая скорбь жениха, разлученнаго съ невѣсткою; и раскаяніе измѣны; и крикъ шоржесшвующихъ возмушншелей; и насмѣшка невѣрія; и безплодное рыданіе Генія; и шашнспвенная печаль обманушаго лицемѣра; и спонъ спрадальца, не признаннаго своимъ вѣкомъ; и вопль челоуѣка, въ грязь споншавшаго сокровищницу души своей; и болѣзненный голосъ изможденнаго долгою жизнью челоуѣка; и радостъ мщенія; и шрепешаніе злобы; и упоеніе испребншеля; и шомленіе жажды; и скрежешъ зубовъ; и хрусшъ кошпей; и плачь; и взрыдъ; и хохолъ.... и все сливалось въ нешповыя созвучія, кошо-

рыя громко выговаривали проклятіе природы и ропотъ на Провидѣніе; при каждомъ ударѣ оркестра выставлялись изъ него: по носившее лице исперзаннаго пышкою, по смѣющіеся глаза сумасшедшаго, по шряснутіяся колѣна убійцы, по замолчавшія уста убишаго пайною душевною грустію; изъ темнаго облака капали на паркетъ кровавыя слезы, — по нимъ скользили апласныя башмаки красавиць — — и все по прежнему вершлось, прыгало, бѣсновалось въ сладоспращномъ, холодномъ безуміи....

2.

Долго за разсвѣтъ длился балъ, долго подышье съ постели жишейскими забошамі, оспанавлялись посмошрѣшь на мелькающія шѣни въ свѣшлыхъ окошкахъ.

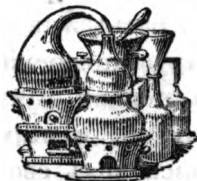
Закруженный, усталый, исперзаный его мучительнымъ весельемъ, я выскочилъ на улицу изъ душныхъ комнашъ и впивалъ въ себя свѣжій воздухъ; упренній благовѣспъ перялся въ шумъ разъѣзжающихся экипажей и предо мною были распворенныя двери храма.

Я вошелъ; въ церкви пусто, одна свѣча горѣла предъ иконою, и тихій голось Священника раздавался подъ сводами: онъ проносилъ завѣщныя слова любви, вѣры, на-

дежды; онъ возвѣщалъ таинство искупленія; онъ говорилъ о Томъ, Кшо соединилъ въ Себѣ всѣ спраданія чловѣка; онъ говорилъ о высокомъ созерцаніи Божества, о мирѣ душевномъ, о милосердіи къ ближнему, о брашскомъ соединеніи чловѣчества, о забвеніи обидъ, о прощеніи врагамъ, о щещъ замысловъ богопрошивныхъ, о безирерывномъ совершенствованіи души чловѣка, о смиреніи предъ судьбами Всевышняго; онъ молился объ оглашенныхъ, о предстоящихъ!

Я бросился къ пришвору храма, хощѣлъ удержашъ бѣснующихся спрадальцевъ, сорвашъ съ сладоспращнаго ложа ихъ расперзанное сердце, возбудишь его опъ холоднаго сна огненною гармонією любви и вѣры, но уже было поздно! — всѣ проехали мимо церкви и никто не слыхалъ словъ Священника.

ь. ъ. й.

КЪ СТАРОМУ ГУСАРУ.

Эй да, служба! эй да дядя!
Распотѣшилъ Старина!
На тебя, гусарь мой, глядя,
Сердце вспыхнуло до дна:

Молодыя ночи наши
Разгорѣлись въ яркиѣ снахъ;
Будто пиршескія чаши —
Снова сохнутъ на губахъ.

Будто мы не устарѣли —
 Вѣтся доконъ вновь въ кольцо;
 Будто дружеской артели —
 Всѣ ребята на лицо.

Про вино ли, про свой усь ли,
 Или прочіе грѣхи,
 Рѣчь заводнись: словно гусли,
 Разыграются стихи.

Такъ и скачутъ, такъ и льются,
 Крупно, звонко, горячо,
 Кровь кипить, ушки смѣются,
 И задергало плечо.

Подмываетъ, какъ волною,
 Душу грѣшника, прости!
 Подпоясавшись, съ тобою
 Гаркнуть, топнуть и пройти.

Чортъ ли въ тайныхъ идеалахъ,
 Въ романтизмъ, и въ лунь, —
 Какъ усастый запылава,
 Запоешь по старинѣ.

Буйно рвется стихъ твой пылкій,
Словно, пробка въ потолокъ,
Иль *Мозга* изъ бутылки
Брызжетъ хладный кнелтокъ!

Съ одного хмельнаго духа
Закружится голова,
И мерещится старуха,
Наня сверстница *Москва*.

Не Москва, что нынѣ чинно
Въ шапкѣ, въ теплыхъ сапогахъ,
И проводитъ дни *песчанно*
На водѣ и на водахъ, —

Но ~~двенадцатаго~~ двенадцатаго года
Веселая волюга,
Какъ собиралась непогода,
А ей было трынъ-трава!

Но пятнадцатаго года,
Въ шумныхъ кликахъ торжества,
Свой пожаръ и блескъ похода
Запивавшая Москва!

*

Весь тотъ міръ, вся эта шайка
 Беззаботныхъ молодцовъ
 Ожили, мой ворожайка!
 Отъ твоихъ волшебныхъ словъ.

Силой чаръ и зелий тайныхъ,
 Ты изъ стараго кремня
 Высыкъ нѣсколько случайныхъ
 Искръ, остывшаго огня.

Бью челомъ, ошасибо, дядя!
 Спои еще когда вибуди,
 Чтобы мнѣ, тебѣ подмадя,
 Старинной опять тряпачуть.

К. Вяземскій.

А П Е К Д О Т Ы

О

ЕКАТЕРИНЪ ВЕЛИКОЙ.

1.

Екатерина въ разсмаприваніи дѣлъ, а особливо касающихся до обвиненія людей, или до рѣшенія участи человѣческой, была шакъ оспорожна, чпо, кажешся, сама благоспѣ не могла превзойши Ее въ человѣколюбіи. Однажды, занимаясь дѣлами, чишаешъ Она бумаги. Въ кабинетѣ у Ней была тогда дѣвица Александра Васильевна Энгельгардшъ,

племянница Князя Пошемкина, кошорую Она очень любила. Екатерина, по проченіи бумаги, хопѣла подписать; но вдругъ оспановилась, подумала немного, выдвинула ящикъ, положила ее туда, и опянь за-двинула. Попомъ, оборотилась къ дѣвицѣ Энгельгардшъ и спросила у нее: — «Знаешь ли ты, зачѣмъ Я эшу бумагу сиряпала?» — «Не знаю, Государыня.» — «Запѣмъ,» продолжала Екатерина: «чшо надобно подпи-сашь приговоръ, а Я чувспвую Себя скуч-ною. Скука внушаетъ суровость. Въ такомъ расположеніи духа не должно прислунашь къ рѣшенію подобныхъ дѣлъ: я уже эшо надъ Собою испышала. Мнѣ случалось, чшо Я въ веселый часъ, прочишавъ шо, чшо рѣ-шила въ скучный, находила Себя слишкомъ спрогою, и Сама, рѣшеніемъ Своимъ, была недовольна.» —

*(Слышала отъ Александры Васильевны Энгельгардтъ, ны-
нѣ Графини Бранницкой.)*

9.

Екатерина, въ лѣпшее время, жила въ Царскомъ Селѣ; жилище, какъ говорилъ Ло-

моносось, приличное богинь красныхъ сихъ высотъ. Она по упрямъ, одѣтая просто, любила прогуливашься въ садахъ. Обыкновенно хаживала Она съ Марьею Савишиною Перекусихиною, долговременно при Ней служившею. Однажды, идущь онъ объ по одной изъ иѣннскихъ аллей сего сада. Ихъ обгоняешъ молодой, смелый мужчина, которъ заглядываешъ въ глаза Императрицѣ, думая, можешъ бышь, увидешъ прекрасное личико; но, не найдя ожидаемаго, продолжаетъ пушь свой, не снимая шляпы. Монархиня, пропусия его немного, обращается къ соупницѣ Своей, и говоритъ ей: — «Какой невѣжа!» — Госпожа Перекусихина, по добротѣ сердца своего, опасалась, чшобъ Императрица, прогнѣваясь, не приказала ему ошпановинься, сказала къ его оправданію: — «Государыня! конечно эшому чловѣку никогда не случалось Васъ видѣшь.» — «Я въ эномъ увѣрена,» ошвѣчала Екатерина: «да Я и виню его не за дерзосшь передъ Царемъ, а шолько за неучшивосшь передъ женщинами.» —

(Слышалъ отъ сашой Г-жи Перекусихиной.)

.....

3.

Въ другое льшо, въ помъ же Царскомъ Сель, Екатерина, прогуливаясь по саду, видяшъ поспавленную на дорогъ маленькую, искусно выработанную мельницу, на кошоной написано: *Мели, мели, да денежки бери*, — и шупъ же означено имя Преображенскаго полку солдата. Государыня, удивляясь красивости эпой игрушки, сдѣланной рукою солдата, приказала ее взять и оцѣслась въ Пешербургъ къ Начальнику шого полка, Графу Тапищеву, приказавъ его увѣдомить, гдѣ и какъ Она нашла ее. Тапищевъ призываетъ къ себѣ солдата, и хочеть наказатъ его за дерзоссть поспупка, но въ шое же время получаетъ ошъ Императрицы, со вложеніемъ нияшидесяти рублей, записку, слѣдующаго содержания: «Деньги солдату ошдашь, и наказанія инаго не дѣлашь, какъ шолько при собрании въ полку прочишашь «ему, какой шипрафъ полагается шому, кшо «на чужой земль, не спросясь хозяина, мельницу поспроишь.»

(Слышалъ отъ самаго Гр. Тапищева.)

.....

4.

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ не любила пословицу: *близъ Царя — близъ смерти*, и часто говаривала: «Какъ Мнѣ хочется, чпобъ подъ Моимъ правленіемъ пословицу эту забыли.» Она хотѣла и — сдѣлала. Дѣйствительно, при Ней, мысль сія не только была забыта, но превратилась въ прошивную: *близъ Екатерины — близъ счастья*. Любимая поговорка Ея была: *Vivons et laissons vivre les autres*. Изреченіе, достойное сердца великой ЕКАТЕРИНЫ! Подлинно, добрые Цари Самы наслаждаются жизнью и даютъ наслаждаться другимъ.

(Слышалаъ отъ многихъ.)

.....

5.

ЕКАТЕРИНА не благопріятствовала единоружію, зная, что торговля и промыслы, предоспавленные въ однѣ руки, прибыльны для казны, но тяжосны для народа. При самомъ началѣ восшествія Своего на Престолъ, уничтожила Она ошкупъ Таможен-

ныхъ сборовъ, опданныхъ предъ шѣмъ купцу Шемякину, приказавъ заплашишь ему убыпокъ по его показанію. Соль и вино, хоня по древнимъ песивановленіямъ принадлежали къ Царскимъ сокровищницамъ, всегда были казенныя, и приносили важный доходъ, однако жъ Екатерина приказала загонювяльшь соль учрежденнымъ мѣснамъ опъ Правительшьства, и для того шолько продавашь, чшобы народъ не былъ приншьсешъ опкудами, предоснава всякому свободу пользовашься мелочною продажою. Винный опкукъ хоня безпрешанно возраспалъ, и въ Ея время проспирался уже до двадцати миліоновъ, но желаніе Ея всегда спремилось къ тому, чшобы раздѣлишь оный по городамъ и селеніямъ, какъ можно мелочнѣе, и во многія руки: сочиненный Ею Винный Уставъ ясно по свидѣтельствуешъ. Въ 1794 году, въ бышность Президентомъ Коммерць-Коллегіи Державина, поданъ ему былъ проектъ опъ нѣкопрыхъ знаменитыхъ особъ, коимъ просили они опданъ имъ на опкукъ шабакъ и мѣкопрыхъ другіе продукты, за чшо предлагали казнъ доходу десяшь миліоновъ, и впредъ хошѣли шорговашься: Державинъ предспавиль сей проектъ Екатеринѣ. Она въ поже самое время про-

чла его со вниманіемъ онъ начала до конца, хотя оный на нѣсколькихъ листахъ написанъ былъ, и написавъ нѣчто на лоскутокъ бумаги, отдала Державину сей лоскутокъ вмѣстѣ съ проектомъ, не сказавъ ни слова. Державинъ, по пріѣздѣ домой, прочиталъ слѣдующее: «Проекторамъ знашь не извѣстно, «что на подобные откупы и прожекты въ «Успенскомъ Соборѣ на престолахъ, въ Москвѣ, «положено проклятіе въ царствованіе Царя Алексѣя Михайловича, понеже Имперіи «и шоргу разорительны. Чего имъ объявишь.»

(Списано, не перемѣняя ни буквъ, съ собственной руки Императрицы).

.....

6.

Екатерина умѣла ободрять достоинство и заслуги, возбуждая ревность къ онымъ, не только вещественными наградами, но и похвалою, и заботясь Сама сочиненіями Своими предавать ихъ попомству. Здѣсь предлагаются два примѣра:

Когда построена была въ 1798 году новая каменная церковь въ Александроневскомъ

монашпырь, которая, по повелѣнію Ея, созидалась подъ смонрвнїемъ Новгородскаго и Санктпетербургскаго Митрополиина Гавріила: то Она, въ вознагражденіе за сіи труды, приказала изобразить поршрешъ его въ мраморномъ барельефѣ. Когда оный былъ гоповъ, то при освященіи храма и перенесеніи мощей Святаго Великаго Князя изъ старой церкви въ новую, приказано было и поршрешъ сей пославить въ семъ зданіи; причемъ поручено было Державину, бывшему тогда при ней Спашсь-Секретаремъ, сдѣлать къ оному надпись. Онъ исполнилъ сіе, предсавя припомъ и другую, на перенесеніе мощей Святаго. Сїи надписи были слѣдующаго содержания:

ПЕРВАЯ:

Премудрости внимая,
Создалъ храмъ Богу Соломонъ.
На мраморъ сей взирая,
Не представляется ли онъ?
О, вѣтъ! — се образъ Гавріила:
Екатерина имя сей храмъ соорудила.

ВТОРАЯ:

Когда невидимо на брашь незапну съ Шведомъ,
Съ перуномъ Александръ ходитъ къ намъ въ помощь съ небожъ,

Тогда наставникъ душъ, смиренный Гавриилъ,
Екатерининою щедротой храмъ построя,
Въ немъ Богу мира сънъ возвысилъ, освятить,
И умолилъ почитать Святаго въ немъ Героя

Изъ перваго жилища своего.

Страшися Росскій врагъ, не разбуди его!

но Екатерина, поблагодаривъ Державина, ни одной изъ сихъ надписей не употребила въ дѣло; а написала Сама, собственною Своею рукою, къ поршпреху Мишрополиша слѣдующую, начерпанную при ономъ надпись:

«Во имя Святой Живоначальной Троицы,
«шрудами Преосвященнаго Мишрополиша Га-
«вриила Новгородскаго и Санктпепербург-
«скаго, сей храмъ заложенъ въ 30 день Ав-
«густша 17— года, созданъ и освященъ въ 30
«день Августша 1790 года, въ присушствіи
«благочеспивой Императрицы Екатери-
«ны II.» —

(Надпись сія, также безъ малѣйшей перемѣны, списана съ собственной Ея руки).

7.

Въ томъ же году, когда начальствовавшій флотомъ Адмиралъ Чичаговъ отправился

обратно въ Ревель, гдѣ было только десять линейныхъ кораблей, и когда при прощаніи съ Императрицею, Она изъявила ему опасеніе, что Шведскій флотъ, состоящій изъ тридцати кораблей, можетъ прійти и напасть на него прежде, нежели успеетъ онъ соединиться съ Кроншадтскою эскадрою, то Адмиралъ сей отвѣчалъ ей хладнокровно и кратко: «*Богъ милостивъ, вѣтъ не проглотятъ!*» Сей проспой отвѣтъ весьма полюбился Екатеринѣ. Извѣстно, что послѣ того флотъ Шведскій, проеградно превосходнѣйшій нашего, пришелъ въ Ревель, напалъ на споявшіе тамъ десять кораблей, и не только не проглотилъ ихъ, но съ немалымъ урономъ и пошереею кораблей былъ отбитъ и прогнанъ. Императрица, за сей подвигъ, щедро наградила Чичагова, и впоследствии времени приказала изсѣчь изъ мрамора бюстъ его, съ шлемъ, чтобы поспавишь оный въ Своемъ Эрмишажѣ, гдѣ онъ и нынѣ находится. Въ 1791 году, въ понедельникъ на Святой недѣль, когда Она, по обыкновенію Своему, со всемъ великолѣпіемъ Двора, послѣ вечерни, изволила посѣщать Свое увеселительное обихалище; подошла Она, къ удивленію всѣхъ, къ Державину; и взявъ его за руку, повела, не говоря ни слова, во

внутренняя комната Эрмипажа. Тамъ, остановясь передъ упомянутымъ бюспомъ, сказала: — «Я люблю чпшишь заслуги; воцъ бюспъ Адмирала Чичагова; сдѣлай къ нему надпись.» — Тушъ пересказала Она ему всѣ подробности, при нападеніи Шведовъ случившіяся, и попомъ примолвила: «Надобно въ сей надписи помѣстипшь собспвенныя слова его, а особливо слова: *вить не проглотятъ.*» — Державинъ, во исполненіе воли Ея, сочинилъ нѣскольکو надписей, но всѣ онѣ показались Ей не довольно выразишельными. Наконецъ, Сама Она сочинила надпись прозою, кошорая и вырѣзана подъ бюспомъ:

Съ тройною силою шля Шведы на него;
 Узнавъ онъ рекъ: Богъ защитникъ мой,
 Вить не проглотять они насъ!
 Отразивъ пльннль, и победу получилъ.

(Сообщено отъ Гавріила Романовича Державина).

А. Шишковъ.

КОЛЬЦО.

С. Д. — ТЪ.

=

« Дитя мое, » она сказала:
« Возьмешь нль нвтъ мое кольцо ? »
И головою покачала,
Съ учащемъ глядя ей въ лицо.

« Знай , друга дасть тебѣ , дѣвица,
Кольцо счастливое мое :
Ты будешь думъ его Царица ,
Его второе бытiе.

Но договоръ судьбой ревнивой
Съ прекраснымъ даромъ сопряжёнъ,
И красотъ самолюбивой
Тяжелъ, я знаю, будетъ онъ.

Свѣтъ, къ ней суровый, не примѣтитъ
Ея привѣтливыхъ очей,
Ея улыбку хладно встрѣтитъ
И не пойметъ ея рѣчей.

Вотще ей разумъ, дарованья,
И чувствъ и мыслей прямота:
Ихъ свѣтъ оставитъ безъ вниманья,
Обезобразитъ клевета.

И долго, долго сиротою
Она по сборищамъ людскимъ
Пойдетъ, съ поникшей головою,
Одна, съ уныніемъ своимъ.

Но дѣвы нѣжной не обманеть
Мое завѣтное кольцо;
Ей судія ея предстанеть —
И процвѣтетъ ея лицо. —

Внимала дѣва молодая,
Невиннымъ взоромъ весела —
И, тайный жребій свой рѣшая,
Кольцо съ улыбкою взяла.

Иди жъ съ надеждою веселой!
Творецъ тебя благослови
На подвигъ долгой и тяжелой
Все забывающей любви.

И до свершенья договора,
Въ твои ненастливые дни,
Когда нужда шебъ опора —
Мнѣ, другъ мой! руку протяни.

Е. Баратынскій.

Лисиц. К. Записки.

Гравир. Е. Архангел.

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ.

Историческая память — это способность человека воспринимать, сохранять и передавать информацию о событиях, людях и местах, которые произошли в прошлом. Она является основой для формирования национальной идентичности и культуры. Историческая память помогает нам понять, кто мы такие, откуда мы пришли и куда идем. Она также играет важную роль в образовании и воспитании молодежи, помогая им осознать свои корни и ответственность перед будущим. Историческая память — это не просто набор фактов и дат, а живая традиция, которая связывает нас с нашими предками и формирует наше будущее.

П Р И В Р А К Ъ .

=

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАСКАЗЪ.

Весело пировалъ Смоленскій Князь Іоаннъ Александровичъ съ молодымъ Княземъ Оуминскимъ, у сродника своего, Князя-Намѣспника Волоколамскаго; дружескиенно бесѣдовали они въ палапахъ; вмѣспѣ посѣщали свяшые храмы, и опдохнувъ послѣ шрапезы семейной, выѣзжали въ рошу, забавляшсья охотно на берегахъ рѣки Городни. Тогда народъ, полна за полную, высыпалъ изъ городскихъ воращъ, любовашсья на веселье Князей. И

*

было чего посмощрѣшь, когда Князья на спашныхъ коняхъ, въ богашыхъ перликахъ, сопровождаемые Боярами, ловчими, сокольниками, спускались съ высокой горы къ рѣкѣ, гдѣ ожидали ихъ паромы для переезда. Зеленѣющія за рѣкою дубравы, казалось, приглашали подѣ сѣнь свою; шамъ далеко раздавались крики ловчихъ; быспрые соколы, намешая съ Княжескаго плеча на испуганныхъ лѣсныхъ пшицѣ, взвивались спрѣмой; ихъ смѣлые обороты въ поднебесьи, ихъ воздушная бишва, привлекали зрѣніе, но всего болѣе ушѣшался добрый народъ видомъ Князей своихъ. Между ними особенно опшлучался спашноспію гостѣ Волоколамскій, юный Князь Феодоръ Красный, владѣлецъ Оминскаго городка. Наименованіе Краснаго было дано ему по пріашной наружности. Когда полько появлялся онъ на холмѣ, въ виду народа, собравшагося на скашѣ горы, имя его повшорялось радостно; горожане указывали на него женамъ и дочерямъ, лучи солнца играли въ его вооруженіи, въ блещущей сбруѣ коня его, разсыпались искрами въ золошомъ поясѣ его зеленаго перлика, а въперѣ развѣввалъ его черныя кудри изъ-подъ бархашной шапки, опшвнявшей его высокое чело. Но чшо часшо оборачиваешся юный Князь влѣво опш

рѣки? куда сморишь онъ внимательнѣе, чѣмъ въ рощу, и на полешъ сокола? — Тамъ, на высокой горѣ, красуется Княжескій дворецъ, съ узорчатыми свѣшлицами, высокими перемами, а изъ средняго перема сморишь Княжна Евпраксія, дочь и надежда Волоколамскаго Князя-Намѣстника, похвальба опцу, загляднѣе людямъ. Онкинувъ на полныя плеча бѣлое покрывало, красавица приспально сморишь на забавляющихся соколиной охотой; пріятное зрѣлище предошавляешся ей изъ косящешаго окна: народъ, песпрѣющій по скашу крушой горы, бѣлодубовыя городскія хоромы, между шѣнисшыми деревьями, раскинушыя на возвышеніяхъ, по берегамъ Городни; рѣка, колыхающаяся голубой пеленой подъ плывущими парами. За рѣкой, сквозь широкую просѣку дубравы, расчищенной для удобства охотниковъ, опкрывался издали пригорокъ, на кошоромъ Евпраксія видѣла попеременно опца своего, дядю и молодаго Ѳоминскаго Князя, и когда примѣчала его, шо добрая, заботливая мамушка ея, всякой разъ приговаривала: чшо день знойный, чшо Княжнѣ жарко, и щечки ея разгараюшся, какъ маковый цвѣшъ.

Князь Ѳеодоръ уже видѣлъ Евпраксію прежде своего пріѣзда въ Волоколамскъ.

Льшо манило дѣвиць изъ шерема; Княжна, въ сопровожденіи мамушки, выходила съ боярышнями подышати вольнымъ воздухомъ, и прогуливалась по лугоскашному берегу рѣки Городни. Въ одинъ лѣтній день, она спустилась къ приспани, гдѣ ожидала ее разукрашенная ладья подъ бѣлыми парусами, гонозная перевезши въ Монашпырь, на пропивуположномъ берегу. Тамъ желала она поклониться чудопворному образу и привѣсипъ опъ шрудовъ своихъ леншу, вышипую золопомъ и жемчугомъ. Плаваніе было благополучно; въ свяшой обищели съ колокольнымъ звономъ встрѣшили желанную госшыю; самые спарцы прибрели на клюкахъ къ ворошамъ монашпырскимъ, посмошрышь на Княжну прекрасную, благочешивую; всѣ любовались на нее, когда, вышедши изъ ладьи и всходя по усшупамъ на гору, она привѣшливо кланялась на обѣ спороны, и многіе не могли удержашься опъ радосшныхъ слезъ, когда увидѣли, какъ смиренно Княжна, прижды поклонясь въ землю, привѣсила къ злапому вѣнцу Богомашери свой усердный даръ. Миловидна была Евпраксія, и красивъ былъ нарядъ Русской дѣвицы. По голубому, шелковому сарафану ея разшилались каймою серебряные цвѣшны, а шонкое, бѣлое по-

крывало, ниспадая съ жемчужной повязки, тихо волновалось на плечахъ оцъ въпра, дувшаго сквозь открытое окно въ церкви, и представляло ее существомъ небеснымъ; въперъ, казалось, превращалъ въ вьющія крылья легкую шкандь.

На возвращномъ пути, небо помрачилось; ладья сѣвшила приспашъ къ берегу, но едва шолько Евпраксія вышла, въперъ съ шакимъ порывомъ ударилъ изъ набѣжавшей пучи, чпо сорвалъ покрывало съ Княжны, и помчалъ по цвѣшущему полю. На шу пору проѣзжавшій юный всадникъ, примѣшя общее смяшеніе и несущуюся бѣлую шкандь, соскочилъ съ коня, и схвативъ на лѣшу покрывало, посѣвшилъ подашъ смущенной Княжнѣ; Евпраксія благодарила Князя Оминскаго: съ цѣхъ поръ взоры ея и слова ошались въ его памяти. Пожилыя Боярыни выводили изъ сего случая счастливое предзнаменованіе для Князя, а подруги Евпраксіи часпо шепшали ей о пригожемъ Феодорѣ Красномъ. Евпраксія слушала ихъ съ удовольствіемъ, и опецъ, шушя съ нею, говорилъ, чпо видно ей скоро насупишъ время сбросишъ двичье покрывало.

Феодоръ былъ желаннымъ госнемъ въ домъ Волоколамскаго Князя-Намѣшника, и часпо сидѣлъ, какъ ближній въ семействѣ, за

сноломъ его. Евпраксию призывали подносящею молодому Князю чашу сладкаго меду. Княжна сама не знала, ошъ чего краснѣла, встрѣчалась съ Теодоромъ, и — слыша о немъ въ разговорахъ, ошъ чего была грустнѣе въ его ошсужденіи, ошъ чего онъ предспавлялся ей даже въ сновидѣніяхъ споль же милый, какъ она видѣла его на берегахъ Городни, когда, подавая ей покрывало, онъ, казалось, хотѣлъ ошдашь ей и душу свою.

Госпи оставили Волоколамскъ, но долго не забудешь ихъ Евпраксию. Окружающія ее Боярышни замѣчали, что Княжна шила шелкомъ и золопомъ уже не шакъ спарашельно, какъ прежде; часшо въ раздумьи сидѣла съ поникшею головою надъ пяльцами, иногда и слеза выпадала на блестящее узорчашое шитье; — замѣчали, что она не шакъ охошно уже слушала пѣсни дѣвиць и рассказы мамушекъ, — за шо, на ушренной и на вечерней молиштвѣ, она долѣ спояла на колѣнахъ и молилась усерднѣе. Но лишь шолько въ палапахъ Волоколамскаго Князя начали говорить о намѣреніи Теодора Свяшославица съездить на Пасху въ Смоленскъ, для свиданія съ брашомъ, — Евпраксию спала веселѣе: ей было извѣспно, что и она ошправится съ ошцемъ своимъ; по приглашенію ея дяди,

онъ желалъ показашь ей Смоленскъ, и провеси съ нею дни Свяшой Пасхи у ласковой Смоленской Княгини; Евпраксія знала, что намъ увидишь и Князя Феодора Краснаго; при сей мысли сердце ея чувствовало сладкій шрепешъ.

Желанное время наступило. По послѣднему санному пуши, Феодоръ Святославичъ, въ сопровожденіи Бояръ, прибылъ съ дочерью въ Смоленскъ. Скоро пролетѣли дни до Свяшой Пасхи. Въ Смоленскъ ожидали прибытія Великаго Московскаго Князя Симеона Ивановича. Незадолго предъ шѣмъ, лилась супруги, дочери Липовскаго Князя Кеспушія, Симеонъ желалъ найши ушѣшеніе въ новомъ союзѣ. Евпраксія слышала о скоромъ пріѣздѣ Великаго Князя, но не подозрѣвала, что ошець ея и дядя согласились успроишь перемѣну судьбы ея, желая видѣшь ее супругою Великаго Князя Москвы и всей Россіи, какъ именовалъ себя Симеонъ Гордый. Никто изъ Удѣльныхъ Князей уже не осмѣливался оспоривашь у Симеона наименование Всероссійскаго. Умѣя смиряшь предъ Ханами, мнимый чшишель и поклонникъ могущества ихъ, Симеонъ усыплялъ дарами и ласкашельствомъ люшость и хищность Ордынскихъ власшителей; но въ землѣ

своей былъ гордымъ повелителемъ, распростираная предѣлы власни, и стараясь держаніе въ зависимости всѣхъ Удѣльныхъ Князей.

Вскорѣ пріѣхалъ въ Смоленскъ Князь Феодоръ Ѳомиинскій; Евпраксія съ удивленіемъ замѣтила печаль въ лицѣ его, и холоднось въ обхожденіи съ нимъ ея опца и дяди. Она увидѣлась съ Феодоромъ въ Великій день Свѣтлой седмицы въ благолѣпной Свирской церкви Михаила Архангела. Здѣсь, при торжественномъ величаніи праздника, Князь Ѳомиинскій подошелъ къ Феодору Святославичу для взаимнаго поздравленія, и поклонясь Княжнѣ, его дочери, привѣтствовалъ по обычаю. Святое чувство чистой любви представляло ему Евпраксию Ангеломъ, въ шниркомъ радостии; жизнь просвѣтляла въ очахъ его: онъ остановился, устремивъ взоръ на Княжну, и не прежде опомился, какъ замѣтивъ неудовольствіе въ лицѣ Смоленскаго Князя.

Черезъ нѣсколько дней, въ семь самомъ храмѣ, Феодоръ снова увидѣлъ Евпраксию, но она не смѣла поднять на него очей; веселая улыбка, казалось, исчезла съ лица ея: она спояла безмолвно, возлѣ Княгини Софьи, прошивъ Симеона, Великаго Князя Московскаго. Вниманіе присутствующихъ въ святомъ храмѣ было обращено, по слабости че-

ловъческой, болѣе къ новопріѣзжему, знаменитому госпю, нежели къ молишвамъ. Набожные Смольяне усердно кланялись въ землю, но все оглядывались на величаваго Повелителя Москвы и всей Руси. Немногіе могли вынести его гордый взоръ, не чувствуя предъ нимъ своего униженія. Онъ облеченъ былъ въ шубу червленнаго цвѣта, выложенную по краямъ жемчугомъ, съ наплечьями, блиставшими золопомъ и дорогими камнями, ооясанъ злапошканною перевязью, и одинъ изъ приближенныхъ Бояръ держалъ позади его золопую Княжескую шапку, опущенную горностаемъ.

При окончаніи обѣдни, Князь Ооминскій подошелъ поздравить Симеона съ прибытіемъ въ Смоленскъ, но Великій Московскій Князь ошвѣчалъ ему однимъ легкимъ наклоненіемъ чела, и обращаясь къ Князю Смоленскому, пожелалъ видѣть сохраняемые въ церковной ризницѣ желѣзный шишакъ и шуфли Святаго Меркурія, воина-чудошворца. Сіи доспоманяшности подали случай къ воспоминанію о славномъ подвигѣ Меркурія, современника Александра Невскаго. Сей иноземный воинъ, ополчась по гласу чудошворной иконы, для спасенія Смоленска, осажденнаго Ташарами, поразилъ Ташарскаго исполина, и обратился

непріятелей въ бѣгство; но упомаясь ошъ бѣшвы, вздремалъ на конѣ; въ сіе время одинъ изъ Ташаръ, какъ повѣснвуетъ преданіе, напалъ на уснувшего вишязя, и ударомъ меча, опсѣвъ его голову, — но пораженный ужасомъ, скрылся. Смоленскіе граждане снѣшили шолсами изъ городскихъ ворошъ вспрѣпшишъ побѣдишеля, и узрѣли спранное явленіе: на конѣ приближался къ нимъ обезглавленный вишязъ, и въ немъ они узнали Меркурія. Въ одно и шо же время, граждане оплакали и прославляли его, успановили вѣчное празднованіе въ 24 день Ноября, и въ память чудеснаго подвига и спасенія Смоленска, воздвигли каменный шполбъ.

Такъ расказывалъ Князь Іоаннъ Александровичъ Симеону Гордому, и Феодоръ Красный замѣшилъ смущеніе въ лицѣ Московскаго Князя. Ласкашель Ташарскихъ Хановъ не могъ спокойно слышашъ о великодушномъ самоошверженіи иноземца, гонипеля Ташаръ, зашишника Русской земли. Феодоръ съ шайнымъ негодованіемъ смопрѣлъ на Симеона. Благоволеніе Хановъ, на кошоромъ Симеонъ ушверждалъ свою власшь, казалось презрѣннымъ шипломъ въ глазахъ Князя Оминскаго, и въ сію минушу благородной гордосши, Феодоръ лучше бы рѣшился пасшь ошъ месши

Тапаръ, подобно Михаилу и Александру Тверскому, чѣмъ величашься покровительствомъ ихъ, подобно Симеону. Великій Князь Московскій еще недавно прибылъ изъ Орды, гдѣ смиренно кланялся предъ брашубійцею, хищникомъ Ордынскаго престола, Чанибекомъ; но скрывалъ свое униженіе горделивостію предъ Русскими Князьями, и вознаграждалъ самовластіемъ всѣ пожертвованія для честолюбія. Сердце Θεодора спѣснилось тяжкимъ опасеніемъ: одно слово Симеона могло похишить его надежду на счастье — и предчувствіе сбылось!

Черезъ нѣсколько дней, Θεодоръ пораженъ былъ вѣстію, что Евпраксія уже невѣста Князя Московскаго.

Она должна была безмолвно повиноваться родителю; Великокняжескій Московскій престолъ, могущество и знаменитость потомка Рюрика — рѣшили участь ея. Довольно было Симеону избрать ея, чтобы назваться ея женихомъ. Θεодору оспалось съшовать и покинуть Смоленскъ, или быть свидѣтелемъ торжества счастливаго соперника.

Вѣсть о Державномъ женихѣ и объ ошъздѣ Θεодора Краснаго, повергла Евпраксію въ жестокою скорбь; но, спараясь скрывать

поску опъ родилеля, она даже не смѣла опкрыпья добродушной Княгинь, своей шешкъ, зная, что и она не поколеблелся предпочелъ Великаго Князя Московскаго Князю Ооминскому. Уже Симеонъ подарилъ Волоколамскъ въ удѣлъ опцу ея, и Теодоръ Свяпославичъ перемѣнилъ званіе Намѣспника на шипло Удѣльнаго Князя. Евпраксія искала уединенія, чтобы заранѣе оплакашь свой жребій; удаляясь опъ подругъ, она одна бродила подъ швнїю гуспыхъ яблонь Княжескаго сада; иногда заспавали ея сидящею подъ деревомъ у пруда, обсаженнаго шиповникомъ; она обрывала алые листочки, кидала ихъ на спруи, и вздыхая, спопрѣла имъ въ слѣдъ, какъ будшо бы вмѣспъ съ ними оплепали радосши ея жизни.

Въ одинъ вечеръ, она долго не возвращалась въ свой перемъ; 'вспревоженный боярышни побѣжали въ садъ; мѣсяцъ высоко поднялся на чиспомъ небъ, сіяя на дремлющую поляну и куспарники. Въ шипинъ ночи ни одинъ листокъ не шевелился, ни одна спруя не шелохнулась на прудъ, сравнявшемся какъ спекло. Евпраксія сидѣла подъ любимымъ своимъ деревомъ, и что-шо чудное совершалось надъ нею. Она была погружена въ глу-

бокій сонъ, но яркій свѣтъ мѣсяца падалъ прямо на лице ея, и проникаемое лучами таинственнаго свѣтила, оно выказывалось въ необыкновенной бѣлизнѣ, какъ будто бы мраморный ликъ. Уста ея были сомкнуты и подернулись мертвенной бѣдноспью, но глаза опкрыты и недвижимы. Испуганныя симъ зрѣлищемъ, сначала не смѣли подойти къ ней; уже думали, что она бездыханна, однако ободрились. Евпраксія произнесла нѣсколько невнятныхъ словъ, и опомнилась на рукахъ подругъ своихъ, когда, называя ее по имени, онѣ опвлекли ее опъ дерева, подъ коимъ она сидѣла.

Сіе происшествіе не имѣло другихъ послѣдствій, кромѣ помной бѣдноспи, за-спутившей румянецъ въ лицѣ Евпраксін. Ея родные не считали нужнымъ извѣщать о семъ жениха, ожидавшаго ее въ Москвѣ; полагали, что она могла печалиться о раз-лукѣ съ домомъ опеческимъ, могла задумываться о перемѣнѣ судьбы, и что болѣзненный припадокъ былъ только случайный. Скоро прибыла она въ Москву съ опцемъ своимъ, и вспунила въ свѣтлыя палаты своего жениха, на берегу Москвы рѣки, за Кремлевскими спѣнами, именуемая *Дѣтинцемъ*, успроенная нѣкогда для дѣшей Ве-

ликокняжескихъ, но со времени вѣхоспи спараго дворца избранныя для жилища Симеонова.

Евпраксію встрѣшила въ Дышинцѣ прибывшая изъ Твери Княгиня Анаспасія, вдова злополучнаго Князя Александра Михайловича, бывшаго Великимъ Княземъ Московскимъ, въ послѣдствіи Тверскимъ, и погибшаго въ Ордѣ. Съ нею была прелестная дочь ея, Княжна Марія, живое изображеніе доблестнаго ошца. Симеонъ, вѣрояшно чувствовалъ упреки совѣспи за наущенія, которыми онъ способствовалъ гибели Александра и сына его въ Ордѣ, и желалъ, сколько могъ, примириться съ его пѣвнью, покровительствуя оспавшемуся семейству погибшаго, даже упросивъ Хана не брашь съ Тверскаго Княжесшва дани.

Вся Москва была наполнена молвою о приближавшемся бракосочетаніи Великаго Князя; но красота Государевой невѣсшы казалась измѣняющеюся. Самъ Симеонъ началъ думать, чпо Евпраксія изнемогаешъ; въ глазахъ ея не видѣлось прежняго блеска, на щекахъ румянца; но при всемъ шомъ Евпраксія была еще прелестнѣе множесшва красавицъ Москвы. Съ гореспію, но безъ ропоша приближалась она къ перемѣнъ сво-

его жребіи. Наступилъ день, ожидаемый Симеономъ и Москвою. Евпраксія облечена въ въичальныя запыткианныя ферыи: уже въ Соборномъ храмѣ зажжены брачныя свѣтильники; два сорока-соболей лежатъ на подножїи жениха и невѣсты, совершенъ священный обрядъ; хмель и ячмень сыплющя изъ злапаго ковшиа на главы новобрачныхъ въ дверяхъ Собора; поѣздъ Княжескій возвратился въ Дѣспинець, при шумныхъ восклицанїяхъ радоспинаго народа. Евпраксія уже Великая Княгиня Московская, уже супруга Симеона.

Новобрачныя сядятъ подъ образами у красныхъ оконъ свѣтлой палаты. Веселые госпи свадебнаго пира величаютъ молодую Княгиню; но она, какъ будто опягченная жемчужнымъ челомъ съ изумрудами, пошупивъ взоры, не молвишь ни слова, и вдругъ, прижавъ къ персямъ свою бѣлую руку, блѣдная, какъ лилія, оппоргнушая опъ спебля, поникла на плечо сядящей возлѣ нея свахи — Болрыги. Симеонъ, удивленный сею нечаянноспїю, заботился о юной супругѣ, но тиввно и недозришельно смотришь на окружающихъ. Въспревоженныя госпи съ безпокойствомъ и спрахомъ озираются другъ на друга, думая, не успѣли ли злоумышленни-

ки подсыпашь вреднаго зелья, испортивши волшебствомъ молодую.

Княгиню относяшъ на рукахъ въ потчувальный черпюгъ, который опъ остыненія брачнаго одра иконами, и спрѣлами позлащенными, съ висящими на нихъ соболями и другими знаками богащства и плодородія — именовался *стынникомъ*. Тамъ, освобожденная опъ всѣхъ украшеній, въ одной бѣлоснѣжной сорочкѣ, она положена на шелковомъ пуховикѣ, укрыта ашласнымъ одѣяломъ. Юныя дѣвицы обмахиваюшъ ее хвостами соболями; соборный Іерей чипаешъ надъ нею молитву опъ наговора. Наконецъ всѣ удалились; при Княжнѣ осшалась одна престарѣлая сваха Боярыня. Между швми, какъ въ палапахъ Княжескихъ идешъ розыскъ и допросъ; старушка, вздыхая, вздремала, сидя на мягкомъ коврѣ широкой лавки... вдругъ слышишся спукъ, Боярыня-сваха вспрепенулась, и услышавъ голосъ Великаго Князя Симеона, сѣвшишъ опперешъ завѣшную дверь, — и поговоривъ съ нимъ шопотомъ, удаленся. Новобрачный оспался въ глубокой думѣ. Онъ не знаешъ, кого обвиняшъ въ зломъ умыслѣ, но подозрѣнне наиболее падешъ на Княгиню Тверскую, вдову убѣннаго въ Ордѣ Князя Александра Михайловича.

Совѣсьль уличаетъ Симеона, что несчастная Княгиня имѣла право ненавидѣть его. Онъ призвалъ Ханскій мечъ на доблестнаго ея супруга. Симеонъ увѣряетъ себя, что Княгиня могла погубить въ Евпраксіи счастье своего гонителя.

Полная луна свѣтитъ въ широкое окно Княжескаго сѣнника, и какъ будто прозрачнымъ, серебриснымъ покрываломъ, облакаетъ лице Евпраксіи. Симеонъ приближается къ ложу; но, коснувшись руки Евпраксіи, чувствуешь, что она холодна; алые уста поблѣднѣли, долги, темныя рѣбоницы слегка опустились на глаза полуоткрытые и неподвижны.... однако же она дышетъ.... тяжело дышетъ. Симеонъ откидываетъ покрывало, ... лебединая грудь Евпраксіи, какъ волна, подѣмается подъ спонжикъ покрывомъ, но спихо и изрѣдка, а лице, какъ будто восковое бѣлизною, представляло покоящуюся въ мершвенной пишииъ.

Великій Князь призываетъ сваху - Боярыню, сѣнныхъ дѣвицъ Евпраксіи и престарѣлаго Гречина, Минирополипова врача, опытнаго въ цѣлебномъ искусствѣ. Опасаясь за жизнь Евпраксіи, онъ поручаетъ супругу попеченіямъ ихъ... между тѣмъ осматриваютъ брачную палату, чаши, столовые

*

блюда, Великокняжеское ложе, не подкинуто ли вреднаго зелья, и не находятъ признаковъ порчи; угрозы Симеоновы заспаиваютъ блѣдныя приближенныхъ къ нему.

— «Княгиня душно въ чертогъ! дайце ей освѣжиться!» говоритъ врачъ; и вопль, выводитъ Бвпракою маъ чертога, въ Великокняжескій садъ, гдѣ раскинутъ намешъ изъ песпрѣй камки, на лужайкѣ.

Не свислся одинокому супругу въ чертогъ Великокняжескомъ; дума за думою лешаепъ къ одру его въ пишинъ ночи — и Симеонъ не смыкаетъ глазъ; шѣ предаепся скорби, шѣ вылаепъ негодованіемъ; въ уснакъ его молчица и прокляшя зложелашелямъ. Еще на дворъ Великокняжескомъ не раздаеся крикъ предвѣстника упреннаго; спишь будяшій пѣшель, завернувъ голову подъ крыло на нашеспъ, но Великій Князь уже вспалъ съ одра въ пишинъ ночи, и покрывъ голову вишою изъ шелка и эолонта шацарской лафьей, а сверкъ полукафшанъ набросивъ баркашный охобемъ, идець въ садъ. Мѣсяць, какъ серебряный шаръ въ шемносинемъ небѣ, освѣщаепъ иропинки сада и намешъ... вдругъ Симеонъ, взглянувъ на холмисный скапъ къ яруду, увидель спщанный, бляющій призракъ. Озаренное сіяніемъ думы,

легко покрывало разбивалось вѣтеркомъ; закрывая неизвѣстное существо. Симеонъ приближавшяся, и видящъ — Евпраксію, или лучше сказать, тѣнь ея. Лице ея, образное къ лунному свѣту, казалось безжизненнымъ, глаза попустили; она представлялась могильнымъ призракомъ, и тихими шагами прямо приближалась къ Симеону, но съ такою легкостью, какъ будто бы несъ ее вѣтерокъ. Симеонъ опомнунувъ опять ужасался. «Мертвецъ!» воскликнулъ онъ. И въ самомъ дѣлѣ, была часть суевѣрныхъ видѣній: земля нежилась луннымъ сіяніемъ въ шестолетнюю лѣтнюю ночь; блестящая полоса, какъ некрометаллическій глазецъ, огибала земный кругъ; и въ сумрачной высотѣ неба сползалъ нугацъ, среди копораго, какъ Ангелъ ночи, смотрѣлъ на землю полный мѣсяцъ, и что-то таинственное разливалось въ его свѣтъ; цвѣтны блѣднѣли подъ сіяніемъ, деревья и кустарники какъ будто окинутые волшебною сѣтью, казались погруженными въ сонъ. Великій Князь, не вѣря себѣ; слѣдуетъ взорами за Евпраксію.... Она подходивъ къ спящъ, и съ воздушною легкостью безтѣлеснаго существа поднимается по выдавшимся бревнамъ, все выше и выше; къ изумленію Симеона, и очутилась у ограды

крытыхъ переходовъ большого шерема; идешь по стальной жерди периль, шасть, чиво съ каждымъ шагомъ можешь оборванься вылезъ, и появилась возлѣ жилья Тверской Княгини. «Эшо призракъ!» возпорянтъ Симеонъ, неподвижный опгъ удивленія. «Эшо мершвецъ! Чиво свершилось съ Евпраксией? Но она чивоно говоришь.» — Симеонъ прислушивается къ словамъ ея; въперъ опмосинтъ шикіе звуки, и едва можно было разслушашъ:

— «Князь мой, Феодоръ!... люнная судьба моя!... Омнинское было бы раемъ... разо- рвись мое покрывало, какъ сердце....» —

Она разорвала покрывало, и нѣсколько времени споняла, шажело вздыхая. Симеонъ приблизился, чшобы не проронить ни одне- го слова; вдругъ вздохи Евпраксіи обрати- лись въ нѣжные звуки шихаго гѣнія; она пѣла:

«Мена выдалъ не по сердцу мой отецъ,
Не сряжала меня матушка родная,
Тяжель, тяжель зшто-Княжескій венець!
Дай, несчастной мнѣ, пріютъ — земля сырала.

При могилѣ, у родимой успокой,
Свѣтъ зряя моя! что въ тучахъ ты знала?
Я не думала быть горькой сиротой,
Не гадала я, чшобы жизнь моя увала.»

Симеонъ слышитъ шумъ... онвороченся дверь шерема... при сіяніи луны блеснула бѣлая глазенная феразь... въперокъ шелеонипшъ лешнами въ косѣ круглолицой красавицы; это Марія, это дочь Александра Тверского; видно было, что Княжна поспѣшно навбросила на себя сарафанъ, но небрежная простомна одежды въ лѣшнюю лунную почъ еще болѣе выказывала красоту юной Маріи. Увидѣвъ Евпраксію, Княжна вскрикнула, перекрестилась, онпорхнула какъ шничка, однако превозмогая свой спрахъ, снова бросилась къ Евпраксіи, называя ее по имени. Симеонъ приивчаетъ, что Евпраксія слабѣя опускаенся на деревянный помоснъ. Тогда сосирадашельная Княжна, бросясь на колѣни, схвативъ руки Евпраксіи, сотрѣваешъ ихъ своимъ дыканіемъ, и съ любовію сесстры по объемлешъ, по цѣлуешъ ее. О! какъ чисты сіи объшя, какъ нѣжны сіи поцѣлуи! они, кажешся, пробуждаюшъ жизнь... Евпраксія очувствивалась. — Уже бегушъ се свѣшилъ+ никами, и спѣснились на перепадахъ вкругъ Маріи и Евпраксіи. — «Государь! Княгиня опонилась!» говорять Симеону; но Симеонъ видипъ одну Марію, глава ея блещушъ радосшными слезами..., улыбка добродушія украшаешъ уша ея, на чолъ ея крѣпешъ

машери, въ опкрытомъ взоръ величіи ошца. — «Государь!» сказала Марія: «я здѣсь нашла ее почти бездѣланную, но Господь ее помиловалъ!» — Такъ говоря, Марія не знаетъ, что кровь какъ огонь спремился въ оудцѣ Симеопа при каждомъ словѣ ея, при каждомъ движеніи, но вдругъ, вспомнивъ небрежностію своей одежды — она, вспмнумъ въ лицѣ, скрывается въ шеремъ, гдѣ вспроложенная шумомъ, уже проснулася забопливая мать, и юная сестра Марія — бѣжитъ ей на вспрѣчу.

Евпракію снова перенесли въ Кияжескій червогъ. Тамъ поставленъ малой, покрытый пеленою ошъ чудотворнаго образа. На немъ лежилъ животворящій крестъ въ огражденіе ошъ напасней. Восклонясь на край лежа, Великій Князь въ глубокой думѣ спомнѣ, смопря на молящуюся Евпракію. Не имѣя силъ долго споянѣ на колынахъ, она сѣла на парчевой златношраччаной пароловъ шитрокой скамьи... но, ребко взелянувъ на Симеопа, подошла къ нему.

— «Государь! просни меня, безчаспную,» сказала она ему, хотѣвъ поклониться въ ноги, но Симеопа не доуспѣлъ до оего.

— «Скажи мнѣ, Евпракія,» спросилъ ошъ, успремивъ на нее вронцапельный, исцм-

шумѣній взглядъ, и тихо взявъ ее за руку:
«смажи мнѣ, что съ тобою было?»

— «Не вѣдаю, Государь...»

— «И какъ вышла ты изъ-подъ шаптра? какою силою поднялась на вереводы?»

— «Ничего не помню... ничего не видѣла... и шеперь какъ будто шуманъ въ очажь моихъ.»

— «Господь съ тобою Евпраксія! Ты явилась мнѣ призракомъ. Спаси насъ, Боже! это дѣло силы нечистой.»

— «Горе мнѣ, Государь, спрашно слушать небя.»

— «Ты вспоминала о Теодоръ, о Фоминскомъ... жаловалась на судьбу свою...» —

Евпраксія невольно взглянула на Симеона, пораженная удивленіемъ, что онъ узналъ тайну ея, и помупивъ взоръ въ замѣшательствѣ, проронила нѣсколько словъ, конхъ Симеонъ не разслушалъ.

— «Признайся, Евпраксія, что ты по немолъ шла за меня, а желала, чтообъ Князь Теодоръ Красный былъ супругемъ небя?» —

Евпраксія молчала. Симеонъ требовалъ объясненія, — и Княгиня, ушавъ къ ногамъ его, са востю некрепнестію невинной души, призналась въ своей любви къ Теодору.

— «Не обману тебя, Государь! когда Богъ открылъ тебѣ, что я шила въ душу своей. Князь Феодоръ давно мнѣ милъ, а за тебя, Государь, я шла не по своему Великняжескому сану, не по роду и богатству, а по волѣ родительской, боясь навлечь твоей гнѣвъ на отца моего.» —

Съ недоувѣрчивостію и шайнымъ мученіемъ оскорбленной ревности слушала ее Симеонъ. Въ неизвѣстности о своемъ жребіи, Евпраксія уже не видѣла любви въ глазахъ его. —

Симеонъ вышелъ изъ почивальной. Евпраксія тихо заснула, но слѣды слезъ примѣны были на лицѣ ея. Великій Князь не могъ заснуть, волнуемый разными мыслями, и лишь только солнце блеснуло въ вышотѣ надъ шережами *Дѣтница* и стѣнами Кремлевскими, — Симеонъ, пройдя мимо палаты, гдѣ съ разсвѣтомъ собрались къ нему съ дарами свадебными Бояре, Тіуны, ключники и посельскіе, послалъ повелѣніе разошлись имъ, и приказавъ осыдлать любимаго коня, отправился въ Митрополишу Феогносу.

Феогносъ не ожидалъ сего посѣщенія. Онъ бесѣдовалъ наединѣ съ двумя Ташарскими Басяками, коимъ бережно показывалъ Ханскій охранный ярлыкъ, выданный ему Заячьяго лѣша, Арама мѣсяца, съ алою шам-

гою. — При появленіи Великаго Князя, Басмаки почтительно удалились.

Гордость внушила Симеону, что Евпраксія, любя Князя Оминскаго, недостойна быть супругой его. Но Минрополитъ представлялъ ему святость брачнаго союза — и началъ разрывъ невозможнымъ, по крайней мѣрѣ до времени. Послѣдствія еще болѣе утвердили Симеона въ его рѣшимости. Наконецъ велики Евпраксію къ чудотворнымъ мощамъ; болѣзненные припадки ея продолжались нѣсколько ночей сряду, къ безпокойствию Симеона и ужасу всей Москвы. Симеонъ уже проводилъ ночи въ опдаленномъ черпоть онъ Евпраксію, шревожась появленіемъ призрака, такъ называлъ онъ Евпраксію, а во всему городу полковали, что Княгиня испорчена на свадьбѣ, и шужили о Государь. Вдова Александра Тверскаго, оскорбляясь дошедшими до нее слухами, ошъехала изъ Москвы съ прелестною Марією, — и Симеонъ не осмѣливался обвинять ее въ злоумышленіи. Но пняая ненависть къ Феодору Красному, онъ призывалъ одного изъ своихъ любимцевъ, поручилъ ему тайно испытать мысли юнаго Князя Оминскаго, обольщая его увѣреніями и надеждами, но если бы пылкій Феодоръ дерзнулъ обнаружитъ мя-

пещины нагрѣши прѣшнѣ Великаго Князя, тогда Симеонъ почиталъ себя въ правѣ принесши соперника въ жертву справедливому гнѣву.

Любимецъ Симеона былъ увѣренъ, что Князь Бѣлинскій слѣпо ринется въ разсѣявонныя сѣти, но случилось прѣшнѣе: Феодоръ любилъ ошечеснѣ и гнушати междоусобіями, въ конхъ видѣлъ будуще Россіи. Осправивъ подосланнаго Боярина въ Москву, онъ писалъ въ грамотѣ Симеону: «Измѣнникъ предлагалъ мнѣ подианъ на Великаго Князя Московскаго, мечь мой; я довергаю предашеля къ ногамъ своимъ.»

Можетъ быти сіе праводушіе успыдило Симеона, и онъ рѣшился совершити счастье Евдраніи, можетъ быти по ненависти къ сопернику желалъ онъ дати ему въ подруби бродящій призракъ; но чрезъ несколько мѣсяцевъ совершилось событіе, несдѣланное на Руси: Великій Князь опасалъ свою супругу въ Волоколамокъ, къ опцу ея; бракъ Симеона съ Евдранією объявленъ расторгеннымъ по безплодію Княгини, — а въ то же время Симеонъ дозволялъ ей выйти за Феодора Краснаго. Лишась сыновей своихъ отъ первой супруви, Великій Князь могъ непрерывливо склани въ наследника власни стосей; но

Евпраксія, вспушивъ въ супружествѣ съ Княземъ Оминскимъ, со временемъ оправдалась въ обвиненіи. Слукъ о Княгинѣ-мершвецѣ долго наполнялъ Москву и переходилъ изъ устъ въ уста съ увеличеннымъ ужасомъ. Но каково же было общее изумленіе православныхъ, когда узнали, что Князь Оминскій безъ всякаго опасенія женился на бродящемъ мершвецѣ! Думали, что Князь Феодоръ не останется въ живыхъ, но чрезъ волю Евпраксіи была уже матерью прекраснаго младенца. Румянецъ снова появился въ лицѣ ея, а прелестный малюшка игралъ на колыбеляхъ. Прошло еще два года, ее окружали уже широе дѣшеи.

Симеонъ съ своей стороны желалъ изгладить воспоминаніе объ Евпраксіи. Онъ рѣшился порожественно примириться съ семействомъ Александра Тверскаго, избравъ невѣстною дочь его. Не ожидала сего Княгиня Тверская, но страхъ навлечь на юныхъ дѣтей мщеніе Симеона и гнѣвъ Хана, желаніе видѣть дочь на Пресшолѣ Великокняжескомъ, надежда, что Симеонъ будетъ заступникомъ ихъ, — все побуждало вдову Александра Тверскаго рѣшиться: она благословила Марію быть супругою Симеона и сдѣлала еще болѣе, — согласилась выдать младшую дочь

свою, Іуліанію, за Олгерда, Великаго Князя Липовскаго. Угодливый и створчивый Мишрополитъ Феогностъ, благословляя Симеона на прешій бракъ, по желанію его разрѣшилъ бракъ Іуліаніи съ изычникомъ Олгердомъ, который видѣлъ Іуліанію еще въ младенчествѣ, когда ввнцезосный скипалець, ошець ея, жилъ въ Липвѣ, кромь оше гонимшелей.

Андрей, братъ Симеона, не одобрялъ его намѣреній, и недовольный, оше него удалялся. Симеонъ призывалъ его и говорилъ ему:

— «Братъ любезный! не держи на меня нелюбья! Мы съ шобою цѣловали крестъ у опчаго гроба, чшобъ бытъ намъ всегда за одно; спарвйшаго чшипш младшему въ опцево мѣспо. Кшо брату спарвйшему другъ, попъ и младшему другъ. Будемъ единомышны! говорю шобъ по любви, въ правду, безъ всякой хипрошши!» —

Андрей отвѣчалъ Симеону дружественными обьяшніями. Бракъ Іуліаніи совершился, и за прирѣніе Русскаго Князя — дочь его заплашила Липвѣ поколвнїемъ Ягеллоновъ, со славою царшпововавшихъ надъ Липвою и Польшею.

Ошзываемый по рашными дѣлами въ воинскій спанъ, по удерживаемый въ Москвѣ

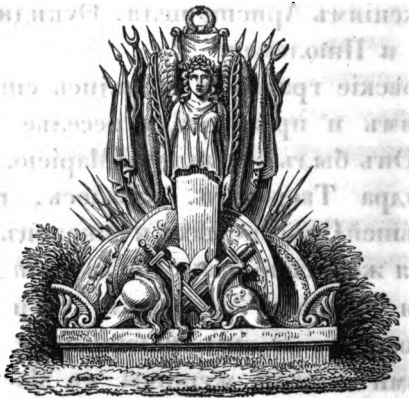
заботами государспивенными, Симеонъ опправиль въ Тверь двухъ любимцевъ своихъ за Княжною Марією. Помолясь въ Тверской Соборной церкви, Марія приложилась къ меднымъ дверямъ Свяшаго вѣрама и проспилась съ машерью. Юный браншъ, принадлежащій Михаилъ, сопровождалъ ее въ Москву.

Бракосочепаніе совершилось въ Успенскомъ Соборѣ, полько чшо разукрашенномъ живописью. Мишрополишовы Греки начертали на спѣнахъ Собора даже изображенія древнихъ мудрецовъ и знаменитыхъ мужей, и благочеспивый Русскій народъ, чеспвуя лики Свяшпшелей, кланялся шакже усердно изображеніямъ Аришпшеля, Оукидида, Анахарсиса и Пшоломел.

Московскіе граждане дивились спраннымъ собышпямъ и праздновали веселье Великаго Князя. Онъ былъ шчеспливъ Марією, но шѣнь Александра Тверскаго, казалось, похищала всѣхъ дѣшпей Симеоновыхъ, и наѡонецъ самъ онъ сдѣлался жерпвою язвы. Когда черная смерть, облешая Европу, раскинула свои крылья надъ Россією, и онъ шлешворнаго воздуха пышпями дадали жерпвы въ Москвѣ, Симеонъ, видя конецъ свой, оспавиль супругъ все, чшѡ полько могъ оспавишъ. Кромъ сель и сокровищъ, онъ завѣщаль Маріи пшпде-

сятъ вдовыхъ коней, хотя переходъ изъ Княжескихъ чертоговъ въ монастырь былъ по обыкновенію жребіемъ каждой вдовствующей Княгини. — Марія въ уединенной своей обители слышала о рожденіи Великаго Князя Димитрія Іоанновича, дожила до славныхъ временъ пораженія Мамаева, — и даже пережила Димитрія Донскаго.

Б. Федоровъ.

РАЗГОВОРЪ

7 АПРѢЛЯ 1832 ГОДА.

(Графиня Е. М. Звадовской.)

Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрьте мнѣ: я предъ собой лукавилъ,
Когда я Васъ на споръ безумно вызывалъ;
Вашъ Май, Вашъ Петербургъ порочилъ и безславилъ,
И въ Вашихъ небесахъ я солнце отрицалъ.

Во лжи рѣчей моихъ, глаза уликой были:
Я Васъ обманывалъ — но могъ ли обмануть? —
Взглянули бъ на меня, и первыя не Вы ли,
Къ тому, что мысляю я, легко нашли бы путь?

Я Петербургъ люблю, съ его красною стройной,
 Съ блестящимъ поясомъ роскошныхъ острововъ,
 Съ прозрачною ночью—для соперницей беззнойной,
 И съ свѣжей зеленью молодыхъ его садовъ.

Я Петербургъ люблю, къ его пристрастенъ лѣту:
 Такъ пышно свѣтится оно въ водахъ Невы:
 Но болѣе всего, какъ не любить поэту
 Прекрасной родины, гдѣ царствуете Вы?

Природы Сѣверной люблюся зеркаломъ,
 Въ Васъ любить онъ ея: величье, тишину,
 И жизнь цвѣтущую подъ хладнымъ покрываломъ,
 И зиму яркую, и кроткую весну.

Роскошенъ жаркій Югъ, съ своимъ сіяньемъ знойнымъ
 И чудно-знойными глазами женъ и дѣвъ —
 Сямъ чуткимъ зеркаломъ ихъ думамъ безпокойнымъ,
 Въ которомъ такъ кипятъ любви восторгъ и гнѣвъ.

Обворожительны ихъ прелестей зазывы,
 Ихъ нѣга, ихъ тоска, ихъ пламенный покой,
 Ихъ бурныхъ прихотей нежданые порывы,
 Какъ вспыхнули молнии изъ душевной тмы ночной.

Любовь бѣснуется подѣ воспаленнымъ Югомъ ;
Не Ангеломъ она свѣтитъ тамъ жизни путь —
Она горитъ въ крови отравой и недугомъ ,
И уязвляетъ въ кровь болѣзненную грудь.

Но сердцу Русскому есть красота иная ,
Сынъ Сѣвера призналъ другой любви законъ :
Любовью чистою таинственно старая ,
Кумирь божественный летѣтъ свято онъ.

Красавицъ Сѣверныхъ онъ любитъ безмятежность ,
Чело ихъ, чуждое извѣстныхъ страстей,
И свѣжесть ихъ лица, и плечь ихъ бѣлоснѣжность ,
И пламень голубой ихъ дѣвственныхъ очей.

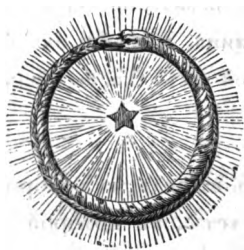
Онъ любитъ этотъ взглядъ, въ которомъ нѣтъ обмана,
Улыбку свѣжихъ устъ, въ которой лести нѣтъ,
Величье стройное ихъ царственнаго стана
И чистой прелести ненарушимый цвѣтъ.

Онъ любитъ ихъ рѣчей и ласкъ неторопливость ,
И въ шумъ свѣтскихъ игръ примѣтная едва ,
Но сердцу внятныя: чувствительности живость,
И, чувствомъ звучныя, немногія слова.

*

Красавицъ Сѣверныхъ царица молодая!
Чистѣйшей красоты высокій идеаль!
Вамъ глазъ и сердца дань, Вамъ лиры пѣснь живая
И лепеть трепетный застѣнчивыхъ похвалъ!

К. Вяземскій.

БРИГАДИРЪ.

(И. С. МАЛЬЦЕВУ.)

=

ЖИТЬ, ЖИТЬ И ТОЛЬКО ЧТО ВЪ ГАЗЕТАХЪ
ОСТАЛОСЬ: « ВЫБѢЖАТЬ ВЪ РОСТОВЪ. »

ДМИТРИЕВЪ.

=====

Недавно случилось мнѣ бытъ при смертной поспелъ одного изъ пѣхъ людей, въ существованіе копорыхъ, какъ кажешся, не вѣщиваешся ни одно созвѣдіе; копорые умирающъ, не оспавивъ по себѣ ни одной мысли, ни одного чувства. Мой покойникъ

всегда возбуждалъ мою зависть: онъ жилъ на семь свѣтъ больше полвѣка, и въ продолженіе этого времени, пока цари и царства возвышались и падали; пока открытія смѣняли одно другое и превращали въ развалины все то, что прежде называлось законами природы и человѣчества; пока мысли, порожденные трудами вѣковъ, разроспались и увлекали за собою вселенную, — мой покойникъ на все это не обращалъ никакого вниманія: ѣлъ, пилъ, не дѣлалъ ни добра ни зла, не былъ никому любимъ и не любилъ никого не былъ ни веселъ ни печаленъ; дошелъ, за выслугу лѣтъ, до чина Спашскаго Совѣтника и — отправился на походъ свѣтъ во всемъ парадѣ: обристый, вымытый, въ мундирѣ.

Непріятно, тягостно это зрѣлище: въ поржешвенную минушу кончины человека, душа невольно ожидаетъ сильнаго пошрясенія, а вы холодны; вы ищете слезъ, а на васъ находить насмѣшливая, едва ли не презрительная улыбка! — Такое состояніе не естественное; ваше внутреннее чувство нагло обмануто, расперзано; а что всего хуже: это зрѣлище заставляетъ васъ обратиться на зрѣлище, еще болѣе несносное — на самого себя; возбуждаетъ въ васъ докучливую дѣлательность, разлу-

часть васъ съ шѣмъ сладкимъ равнодушіемъ, копорое въ гладкую ледяную кору заключаю для васъ все подлунное. Прощай, свинцовая дремопа! прежде съ высокимъ сладоспращіемъ самоубійцы вы прислушивались къ шой глухой боли, копорая мало по малу почишь организмъ вашъ; а шеперь вы боинесь эшого вѣрнаго, неизмѣннаго наслажденія; вы начинаете по прежнему счипать минушы, раскаяванья; снова рѣшаешесь на новую борьбу съ людьми и съ самимъ собою, на шпарья, давно уже знакомья вамъ шпранданія.

Такъ было со мною. Покойника холодно опшѣли, холодно бросили на него горшѣ неску, холодно совсѣмъ закрыли землею. Нигдѣ ни слезы, ни вздоха, ни слова. Разошлись; я вмѣспѣ съ другими. . . . мнѣ было смѣшно, грушно, душно; мысли и чувствванья шѣснились въ душѣ мѣей, перебѣгали отъ предмета къ предмету, мѣшали размышленіе съ безошчепностію, вѣру съ сомнѣніемъ, метафизику съ эшиграммой; долго волновались онѣ, какъ волшебные пары надъ шреножникомъ Калліоспро, и наконецъ мало по малу образовали предо мною образъ покойника. И онѣ явился; шочь въ шочь какъ живой: указалъ мнѣ на свои брюшныя по-

лоспи, вверилъ въ меня глаза, ничего не выражающіе. Тщешно хохоталъ я божась, пщешно закрывалъ лице руками; мершвецъ всюду за мною, смѣешься, прядаетшь, дразнишь мое опшращеніе и щеголяешь передо мною какимъ-шо родспивеннымъ со мною сходспивомъ....

«Ты смопрѣлъ холодно на мою кончину!» вдругъ сказалъ мнѣ мершвецъ, и лице его приняло совсѣмъ иное выраженіе: я съ удивленіемъ замѣнилъ, что во взорѣ его мѣсто безчувспивенности заспушила глубокая, неистощимая грусть; черпы безспивслія выразили лишь холодное, обжившееся опшчаяніе; опшщспивѣ вдохновенія превршилось въ выраженіе безпрспиваннаго, горькаго упрека....

«Ты даже съ насмѣшкою, съ презрѣніемъ смопрѣлъ на мои послѣднія спрадакія,» продолжалъ онъ уныло. — «Напрасно! шы не понялъ ихъ: обшкновенно жалѣюшь, плачушь объ умершемъ Геніи, бросившемъ плодоносную мысль на почву человѣчспива; о художникѣ, опшавившемъ въ звукахъ и краскахъ все царспво души своей; о законодапелѣ, въ себѣ одномъ заключившемъ судьбу миліоновъ; и о комъ жалѣюшь? о комъ плачушь? — о счасспивцахъ! Надъ ихъ смершною

востепелью вынаешь все прекрасное, ими созданное; имъ разлуку съ міромъ услаждаешь ихъ право на гордоспъ, онъ копорого пакъ свѣжо душъ чловѣка; они въ послѣднюю минушу, больше нежели когда нибудь, вспоминающъ о дѣлахъ, ими совершенныхъ; въ эшу минушу и похвалы, ими слышанныя и предполагаемыя, и ихъ шяжкія, шаинсшвенныя шпрананія, даже самая неблагодарноспъ людей — все сливается для нихъ въ громкій, благодарсшвенный гимнъ, копорый чудною гармонією опдаещя въ ихъ слухъ! — А я и мнѣ подобныя? Мы въ штысячу разъ болѣе досшойны слезъ и сожалѣнія! Чшо могло усладить мою послѣднюю минушу? чшо? развѣ безпамятсшво, шо еспъ, продолженіе шого же сосшоянія, въ копоромъ я находился во всю мою жизнь? Чшо я оспавляю по себѣ? *мое все со мною!* — А если шо, чшо я говорю шобѣ шеперь, пришло мнѣ въ голову въ мою послѣднюю минушу; если чшо либо шевелилось въ душъ моей въ продолженіе моей жизни; если послѣднее, судорожное пошрясеніе нервъ внезапно развернуло во мнѣ жажду любви, самосвѣдѣнія и дѣшительности, заглушенную во время жизни: — буду ли я шогда досшойнъ сожалѣнія?»

Я содрогнулся и проговорилъ почти пре себя: — «Кшо же мѣшалъ тебѣ?» —

Мерхивецъ не далъ мнѣ окончить, горько улыбулся и взялъ меня за руку.

«Посмотри на эши Кишайскія пѣни», сказалъ онъ: «вопъ эшо я. Я въ домъ ошца моего. Ошецъ мой заняшъ службою, каршами и псовою охотой. Онъ меня кормишъ, поишъ, одѣваешъ, бранишъ, съченъ и думаешъ, что меня воспитываешъ. Мапушка моя заняша надзоромъ за нравственностію цѣлаго околодка, и попому ей некогда присмотрѣшъ ни за моею, ни за своею собственною: она меня нѣжишъ, лелѣешъ, лакомишъ пошихоньку ошъ ошца; для приличія заспавляешъ меня пришворяшъся; для благоприспойности говоришъ не шо, что я думаю; бышъ почшишельнымъ къ роднѣ; выучивашъ наизустъ слова, копорыхъ она не понимаешъ, — и пакже думаешъ, что меня воспитываешъ. Въ самомъ же дѣлѣ, меня воспитываюшъ челядинцы: они учашъ меня всѣмъ изобрѣшеніямъ невѣжеспва и развращенія, и — ихъ уроки я понимаю!...

«Вопъ я съ училемъ. Онъ полкуешъ мнѣ шо, чего самъ не знаешъ. Никогда не думавши о шомъ, что ешъ у поняшій еспественный ходъ, онъ пересказываешъ ошъ

предмета къ предмету, пропуская необходимы связи. Ничего не оспашся и не можешъ оспашся въ головъ моей. Когда я не понимаю его, — онъ обвиняешъ меня въ упрямствѣ; когда я спрашиваю о чемъ, — онъ обвиняешъ меня въ умничаньѣ. Школа мнѣ мука, и ученье не развершываешъ, а только убиваешъ мои способности.

« Мнѣ еще не исполнилось 14 лѣтъ, а ужъ конецъ ученью! Какъ я радъ! я ужъ запрянушъ въ сержантскій мундиръ; днемъ хожу въ караулъ и на ученье, а больше ѣзжу по роднѣ и начальникамъ; ночью завиваю пукли, пудрюсь и шанцую до упаду. Время бѣжипшъ и подумаешъ физически некогда. Башюшка учипшъ меня ходипшъ на поклонны и подличашъ; мапушка показываешъ мнѣ богатыхъ невѣстъ. Когда я осмѣливаюсь сдѣлаешъ какое нибудь возраженіе, — это называюшъ неповиновеніемъ родительской власти; когда мнѣ случайно удастся выговорипшъ мысль, копорую я не слыхалъ ни ошъ башюшки, ни ошъ мапушки, — это называюшъ вольнодумствомъ. Меня браняшъ и грозяшъ мнѣ за все, за чшо бы должно хвалишъ, и хвалишъ за все, за чшо бы должно бранишъ. И естественное соспояніе души моей преврапилось: я запуганъ, закруженъ; къ

шому же природа, оиъ щедротиъ своиъ, снабдила меня слабыми нервами и я — оторопѣлъ на всю жизнь: на всѣ мои душевныя способности нашло какое-то оиъмѣнiе; нечему развернуть ихъ — оиъ еще въ почкъ, а ужъ раздавлены всѣмъ, меня окружающимъ; нѣтъ предмета для мыслей; можетъ бытъ, могъ бы я думать, да не съ чего начашъ и не умью; я штакже не могу вообразить, что можно о чемъ иибудь думать, кромѣ моихъ бошфортовъ, какъ глухо-нѣмой не можетъ себя вообразить, что штакое звукъ... Между швѣмъ я пью и играю, иио ииаче меня назовутъ дурнымъ шоварищемъ, что бы мнѣ было очень прискорбно.

«Всѣ женяшся. Надобно женишся и мнѣ. Вошъ я женашъ. Жена мнѣ подъ пару. А я все шопъ же: въ головѣ у меня до сихъ поръ оиъ башюшкины мысли: если какъ иибудь придетъ мнѣ въ голову мысль, не похожая на башюшкину, шо я ошъ нея ошмаливаюся, какъ ошъ бѣсовскаго навожденiя; боюся бытъ дурнымъ сыномъ, иио хопъ не понимаю, въ чемъ сосшоишъ добродѣшель, но мнѣ по инспишю хочется бытъ добродѣпельнымъ. Вошъ почему ушромъ мы съ женою шводимъ разные домашнiе счешы —, иио башюшка, пуще совѣспи, наказаль мнѣ

не расперяшь имѣніе, — а пошомъ — попомъ шуалеть, объдъ, каршы, шаницы. Мы живемъ очень весело; время бѣжитъ и очень скоро. Когда мнѣ по инстинкту захочется переменить что нибудь въ нашемъ образѣ жизни, — жена мнѣ грозитъ названіемъ дурнаго мужа, и я продолжаю ей покоряться —, пошому, что мнѣ хочется сохранить уже приобретенное мною названіе истиннаго христіанина и чловѣка съ правилами. Этому много помогаетъ то, что я усердно ѣзжу къ роднѣ, и не пропускаю ни однихъ именинъ и ни одного рожденія.

«Вопшъ у меня дыши; я очень радъ; говоряшь, что ихъ надобно воспитывашъ, — почему не такъ! Въ чемъ состоишь воспитаніе — мнѣ некогда было подумашъ, и пошому я счелъ за лучшее воспользовашъся башюшкиными совѣтами, и спалъ ихъ пошю такъ же воспитывашъ и говоришь имъ пошю шѣ же слова, копорыя мнѣ башюшка говорилъ. Такъ гораздо покойнѣе! Правда, многія изъ его словъ я повшоряю такъ, по привычкѣ, кшашаи и не кшашаи, не присоединяя къ нимъ никакого смысла, — но что нужды! — очевидно, что ошецъ не могъ мнѣ желашъ худаго, и пошому все таки его слова принесушь моимъ дышамъ пользу и омышность»

опщевъ не будетъ пошеряна для дѣшей. Иногда опть шакого повщоренія чужихъ словъ у меня краска вспыхиваетъ въ лицѣ, а опть чего? — не понимаю; ибо чѣмъ, если не такимъ безпреспаннымъ памяшованіемъ онцовскихъ наспавленій, можно лучше доказашъ сыновнее почшеніе, и чшо мнѣ, въ свою очередь, можешъ доспавить больше правъ на шакое же почшеніе дѣшей моихъ?

« По инспинкшу мнѣ захошлось опщашъ дѣшей въ общеспвенное заведеніе; но вся родня мнѣ сказала, чшо въ школь мои дѣши пошеряюшъ пріобрѣшенныя ими въ домѣ правила правспвенности и сдѣлаюшся вольнодумцами. Для сохраненія семейспвеннаго спокойспвія, я рѣшаюсь учить ихъ дома и, не умѣя выбрашъ учипелей, выбираю ихъ и плачу дорого; вся родня моя за шо мною не нахвалишся, и увѣряюшъ, чшо на дѣшей моихъ сошло Божіе благословеніе, пошому, чшо они во всемъ на меня похожи, какъ двѣ капли воды. Но эшо не совсѣмъ правда: жена мнѣ много мѣшаетъ.

« Я жены моей никогда не любилъ, и чшо шакое любовь, я никогда не зналъ; я сначала не замѣчалъ эшого: пока намъ говоришъ было некогда и не о чемъ, мы какъ-шо уживались; шеперь же, какъ народились дѣши и мы

сигали меньше выѣзжашь, — бѣда моя при-
ходишь! мы ни въ чемъ съ женою не согла-
сны: я хочу одного, она другаго; начнемъ
ни съ того, ни съ сего; оба говоримъ; другъ
друга не понимаемъ, и —, самъ не знаю, —
всякій споръ обратится въ споръ о томъ,
кто изъ насъ умнѣе, а эшопъ споръ длин-
ся всегда 24 часа; и такъ только мы
вмѣшпъ, по или молчимъ да сучаемъ,
или содомъ содомомъ! она закричишь — я
уговаривашь; она завизжишь — я кричашь;
она въ слезы, попомъ больна — я ухажи-
вашь. Такъ проходяшь цѣлые дни; время
бѣжишь и очень скоро.

«Опъ чего происходяшь наши ссоры —
право не понимаю: мы оба, кажешся, смир-
наго нрава и истинные хрисіане; я по-
чипшпелный сынъ, она почшпшпелная дочь;
я уже сказалъ, что учу дѣшей моихъ тому,
чему меня самъ ошець училъ, а она учишь,
чему ее сама машь учила, — чего бы лучше?
но, къ несчастію, мой батюшка и ея ма-
пушка пропшворѣчили другъ другу; опъ
того мы свяшо исполняемъ родшпелскій
долгъ, а сбшваемъ дѣшей съ полку: она ихъ
держшп въ хлопкахъ, я вожу на морозъ, —
дѣши мрушп; зачто Богъ меня наказы-
вашь?»

«Мнѣ ужъ приходится не въ шерстьжъ и, хошь для спасенія дѣшей, я хошьль было пустишь мою жену на всѣ чепыре спороны; но какъ я покажусь на глаза людямъ, подавши шакой примѣръ безнравственности? Нечего дѣлать! видно въкъ шерстьжъ муку; унѣшишельно, что хопя чужіе люди насъ за шо хваляшь и называюшь примѣрными супругами, попому, что хопя другъ друга шерстьжъ не можемъ, да живемъ вмѣспѣ по закону.

«Между шѣмъ время все бѣжишь да бѣжишь, а съ нимъ распушь и мои чины, по чинамъ мнѣ даюшь мѣспо; по инспинкшу я догадываюсь, что не могу занимашь его —, ибо опъ непривычки къ чпенію, я, чипная, ничего не понимаю. Но мнѣ сказали, что я буду дурнымъ опцемъ, если не воспользуюсь эшимъ мѣспомъ, чтобы приспроцнть дѣшей; я не захошьль бышь дурнымъ опцемъ, и попому принялъ мѣспо; сначала было посовѣспился, сшаль было чипать, да вижу что хуже; а попому опдалъ всѣ бумаги на попеченіе Секретаря, а самъ принялся подписывашь да приспроивашь дѣшей, — чѣмъ и заслужилъ названіе добраго начальника и попечительнаго опца.

«А время бѣжишь да бѣжишь; вошь я уже переспунилъ черезъ 4-й десяшокъ; не-

рiодъ жизни; въ которомъ умственная дѣятельность достигаетъ высшей точки своего развитiя, уже прошелъ; мои брюшныя полостн раздвигаются все больше и больше, и я началъ, какъ говорилъ, иппи въ ипью. Когда уже прежде, до сего перiода, ни одна мысль не могла прополкаться мнѣ въ голову, — чему же бытъ теперь? Не думаю, сдѣлалось мнѣ привычкою, впокою природой. Когда опъ ослабленiя силъ нельзя мнѣ выхашъ, — мнѣ скучно, очень скучно, а опъ чего? — я самъ не знаю. Примусь раскладывать гранъ-пасiяньс — скучно. Бранюсь съ женою — скучно. Пересилю себя, поѣду на вечеръ, — все скучно. Примусь за книгу — каженсся, Русскiя слова, а словно но-Татарски; придетъ прiятель, да расскажетъ, я какъ будто пойму, спану читаю, — оиашъ не понимаю. Опъ всего этого на меня находятъ, что говорилъ *хандра*, за что жена моя очень бранишъ; она спрашиваетъ меня: развѣ чего мнѣ не доспаетъ, или я въ чемъ несчастливъ? — я приписываю это геморою.

«Вопъ я болѣнь, въ первый разъ въ жизни, я тяжело болѣнь, — меня уложили въ постель. Какъ непрiятно бытъ больнымъ! Нвптъ сна, нвптъ апешипа! какъ скучно! а

вѣсть и спраданія! Чѣмъ заглушишь ихъ? Какъ прѣдупъ люди поговоришь, — ибо вся моя родня свяшо наблюдаешъ родственныя связи, — шо какъ будшо легче, а все скучно и спрашно. Но чшо — шо родные начинающъ чаще прѣвзжашъ; они чшо-нигъ пенчупся съ докторомъ, — падох! Ахши! говорящъ ужъ мнѣ о причаснѣн, о соборованіи масломъ. Ахъ! они все шакіе хорошіе Христіане, — но вѣдь эшо значинъ, чшо я уже при послѣднемъ концѣ. Такъ нѣтъ уже надежды? Должно оспавишь жизнь, — все, и объды, и каршы, и мой шиный мундиръ, и чешверку воронныхъ, на кошорыхъ я еще не успѣлъ поѣздишь, — ахъ, какъ шяжело! Принесите мнѣ показашъ новую ливрею; позовише дѣшей; не лѣзя ли еще помочь? призовише еще докторовъ; дайше какого хопише лекарсва; ошдайше половину моего имѣнія, все мое имѣніе: — поживу, наживу — только помогите, спасише. . . .

« Но вдругъ сцена перемѣнилась: спрашная судорога пошрясла мои нервы и, какъ завѣса, упала съ глазъ моихъ. Все, чшо шревожишь душу человека, одареннаго сильною дѣлательностью: ненасытная жажда познаний, шшремленіе дѣйствовашъ, пошрясающъ сердца силою слова, оспавишь во себѣ

рвкую бразду въ умахъ человѣческихъ, — въ возвышенномъ чувствѣ, какъ въ жаркихъ объятіяхъ, обхватишь и природу, и человека, — все это запылало въ головѣ моей. Предъ мною явилась бездна любви и человѣческаго самосвѣдѣнія. Спраданія цѣлой жизни Генія, неуловимыя никакимъ наслажденіемъ, врзались въ мое сердце — и все это въ ту минушу, когда былъ конецъ моей дѣятельности. Я мешался, рвался, промѣнялъ опривисшя слова, которыми въ одинъ мигъ хотѣлъ высказать себѣ то, на что недостаточно челоуѣческой жизни. Родные воображали, что я въ безпамятствѣ. О, какимъ языкомъ выразишь мои спраданія! Я началъ думать! думать — спраднное слово послѣ шестидесяти-лѣтней бессмысленной жизни! Я понялъ любовь! любовь — спраднное слово послѣ шестидесяти-лѣтней безчувственной жизни!

«И вся жизнь моя предспала мнѣ во всей отвращительной наготѣ своей!

«Я позабылъ все общюшество, воспрѣившя меня съ моего рожденія; все неумолимыя условія общештва, которыя связывали меня въ продолженіе жизни. Я видѣлъ одно: посрамленные мною дары Провидѣнія! И все минушы моего существованія, запоп-

панная въ безмыслии, приличіяхъ, ничтожествѣ, слились въ одинъ страшный упрекъ, и жгучимъ холодомъ обдавали мое сердце!

«Тщешно искалъ я въ своемъ существованіи, одной мысли, одного чувства, копорыми бы я могъ прикрыться отъ гнѣва Вседержителя! Пустыня оживчала мнѣ и въ дѣняхъ моихъ я видѣлъ продолженіе моего ничтожества: ахъ! если бы я могъ говорить, если бы я могъ враумить меня окружающихъ, если бы могъ подѣлиться соброю съ ними, данъ ощушить имъ по чувству, копорымъ догорала душа моя! — Тщешно я преспирала мои руки къ людямъ, — хладныя, загубленыя — онѣ хотѣли познать дружеское пожатіе; но чедовѣчество чуждалось нѣмвющаго шрупа — и я видѣлъ лишь одного себя передъ собою, — себя, одинокого, безобразнаго! Я ждалъ взора, копорый бы оправдою сочувствіа пролился въ мою душу — и вспрѣтнлъ лишь насмѣшливое презрѣніе на лицѣ швомъ! Я понялъ его, я радѣлалъ его! и съ спрашною, нерспвращимую, вѣчною гаречью оспавдлъ земную оболочку!... Теперь, если хочешь, не сожалѣй обо мнѣ, не плачь обо мнѣ, презирай меня!» —

Кровавыя слезы покапнулись по синнимъ щекамъ мершвеца, и онъ исчезъ съ груш-

ною улыбкой. . . . Я возвратился на его могилу, преклонилъ колѣна, молился и долго плакалъ; не знаю, поняли ли проходящiе, о чемъ я плакалъ. . . .

в. в. й.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ.

*(Петръ Первый встрѣчаетъ вошедшаго къ нему
Князь Меншикова.)*

.
Проектъ Академическій Я кончилъ;
Нашель и капиталы на постройку,
И жалованье есть Нѣмецкимъ Членамъ,
И мѣсто выбрали, гдѣ мы теперь же
Заложимъ главный корпусъ, у Василья
На острову; вотъ и еще домъ новый
Прибудетъ Петербургу въ украшенья.

Я радъ, что наконецъ устроилъ это.
 Лишь Академии не доставало
 У насъ: солдаты есть, богатыри,
 Какъ напиривъръ вотъ этотъ, — да не хмурвся жъ! (*)
 А флотъ! Съ такимъ ли Вице-Адмираломъ,
 Какъ Меньшиковъ, ему не разродиться,
 Не натореть, не вырости — на славу!
 Ахъ! если Англичанамъ бы на моръ
 Задать когда Полтавскую баталию.
 Данилычъ, а? — Или, такую радость
 Оставить ужъ впередъ потомкамъ нашимъ? —
 А фабрики! Смотря, сукно какое
 Изъ шерсти Сврюковъ простой Мнѣ выткалъ!
 О! это все пойдетъ у насъ успешно,
 Увѣренъ Я — тутъ нечего и думать.
 Науку лишь на чистомъ Русскомъ полъ,
 Науку лишь осталось Мнѣ засѣять
 А вѣжное растеніе — Наука,
 И тяжело, и мудрено за нею
 Ходить; смотрѣть намъ будетъ съ непривычки:
 Чуть солнце опалить, иль чуть морозъ прохватить,
 Подмочить дождикъ, расколышетъ вѣтеръ,
 Поблекнетъ и завянетъ, — и падолго
 Къ землѣ наклонится она.

(*) Относится къ предыдущему происшествію.

За то,

Какъ выдержать грозу и непогоду,
 Какъ простоять воздушныя измѣны,
 И корни глубоко въ землю раскинуть:
 Тамъ до небесъ ужь послѣ безопасно
 Главою величественной вознесется, —
 И вотъ, тогда въ благодѣянья,
 Съ высокаго, прекраснѣйшаго древа
 Начнутъ надъ Царствомъ разсыпаться махиной!
 Пружинны государственныя ея,
 Невидимыя, видимыя связи,
 Скрѣплятся, отвердѣютъ, — и нѣбемъ,
 Никто того ужь Царства не своротитъ.
 Тамъ всякой понимаетъ свое дѣло,
 И уважаетъ собственное мѣсто,
 И всю съ него великую махину
 Впередъ своею грудью подвигаетъ.
 Обязанность священна тамъ, и дорогъ
 Покой общественный, и смерть за славу,
 За честь и счастье родины мида.
 О, какъ подъ сѣнью благодатной знанья
 Блаженствуетъ такое Царство въ мѣрѣ!
 Все, все растолковалъ Мнѣ это Лейбницъ,
 И сладко, обливаясь слезами,
 Онъ говорилъ, — и понималъ Я все.
 Какая слава вождественнѣй, выше —
 Быть просвѣтителемъ вѣковъ, народовъ,

Винникомъ ихъ счастья на небѣ
И на землѣ!

(Вздыхая.)

Но долго, — онъ сказать —
Вѣкъ должно расти такое сѣмя!

*(Погружается на минуту въ размышленіе,
и потомъ, стремительно нажавъ, въ сильномъ
движеніи ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ.)*

Нѣтъ! Русскаго не зналъ онъ челоуѣка.
Нѣтъ, Лейбницъ, этого не зналъ ты чуда:
Не по годамъ, а по часамъ у насъ
Пойдетъ расти оно. Такъ чуетъ сердце.
О, Русская душа — земли драгая,
Благословенная! Ея слон
Я знаю всѣ. — Лишь кинь ей сѣмя, солнцемъ
Лишь чуть пригрѣй. . . .

(Останавливается съ восторгомъ.)

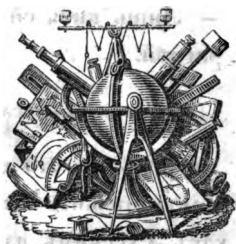
Такъ, такъ! увѣренъ Я, что если двадцать,
Лишь двадцать лѣтъ прожить Мнѣ Богъ назначить,
Услышу Я, какъ Русскимъ языкомъ
Заговорить иль Златоустъ, иль Лейбницъ, (*)
И Русскій умъ найдетъ такую тайну,

(*) Первая Ода Ломоносова явилась чрезъ 14 лѣтъ послѣ смерти Петра Великаго.

522 Отрывокъ изъ Драматической поэмы.

Сокрытую во глубинѣ природы,
Какой и не предвидятъ Европейцы.
Ужъ вотъ потъшилось Мое бы сердце,
Объявъ избранника, и въ нимъ въ подарокъ
Пославъ его добычу дорогую!
Я умеръ бы, спокоенъ, за Россію.
Съ ученьемъ страшнаго пѣть ничего:
Ученье свѣтъ, а не ученье тма!

М. Погдинъ.

ОРДИНЪ-НАЩОКЪНЪ.

Къ числу величайшихъ мужей Россіи должно безпрекословно причислить Боярина Афонасія Лаврентіевича Ордина-Нащокіна, Царственныя Большія Печати и Государственныя великихъ Посольскихъ дѣлъ Обер-гашеля. Знаменистый сановникъ сей, чуждый своекорыстія, прѣчестей и оплчій, подвижался на поприщѣ Государственнаго служенія изъ одного только жеманія быти полезнымъ, и для дѣли сей, жертвовалъ всеми правами, на шо человѣческое честолюбіе, которое оверѣдно увлекало даже и умный-

нихъ мужей. Многими примѣрами извѣдано, что изъ спрасней, обуревающихъ сердца людскія, сильнѣйшія — честолюбіе и жажда къ корысти. Ординъ-Нащокинъ, находясь на высочайшей степенѣ, до коей подданный только достигнуть можешь, чуждъ былъ спрасней сихъ — и посему долженъ былъ признанъ великимъ человѣкомъ.

Намъ неизвѣстно ни время, ни мѣсто рожденія сего притѣрннго мужа. Мы знаемъ только, что онъ былъ Дворянинъ, служившій на войнѣ, и по прекращеніи военныхъ дѣйствій, удалившійся въ монастырь.

Когда Царь Алексѣй Михайловичъ началъ, въ 1654 году, войну съ Поляками, по Ординъ-Нащокинъ, оставя мирное убѣжище свое, шагль въ ряды съ прочими загранинниками Олчечества. Какое занялъ онъ мѣсто? при какихъ находился дѣйствіяхъ? поро не данно до свидѣнія нашего.

Въ олчечесивенныхъ Акнахъ вспрѣтаскъ мы въ первый разъ имя Ордина-Нащокина при взятіи Дерпна и Кокентуэца (30 Июля и 14 Августа 1655 года). — Царь Алексѣй Михайловичъ, наименовавъ послѣдній Димитровымъ, и сооружа храмъ церковь во имя Св. Царевича Димитрія, опредѣлиль Ордина-Нащокина Намѣстникомъ вселъ завоеванныхъ

городовъ Лифляндіи. Современныя Нѣмецкія лѣтописи превозносятъ егo почтеннаго мужа, говоря: «Русскій начальникъ былъ весьма умный и хитрый человекъ.»

Хотя по замиреніи съ Польшею (1656) и продолжались военныя дѣйствія со Шведами, но поелику военачальники спраны сей видѣли, что Намѣстникъ Ординъ-Нащокинъ не только что не опѣснѣлъ покоренныхъ мѣстъ, но, напротивъ, ограждая благооснованіе жителей, даровалъ имъ многія выгоды: шo они оканчивали всѣ недоразумѣнія перепискою, и выдавали плѣнныхъ безъ выкупа. Лифляндскіе Писатели, Кельхъ и Гадебушъ, говорятъ: «Ординъ-Нащокинъ управлялъ пакъ мудро, что снискалъ общее уваженіе ошъ гражданъ и поселянъ.»

Шведскій Король, усмопрѣ, что Россіане медлятъ заключеніемъ мира, хотѣлъ ихъ принудить къ ому сляю. Всѣмъ Шведскимъ войскамъ приказано было напасть на Кокенгузенъ и выгнать Россіанъ. Хотя они въ семъ не успѣли, но причинили намъ весьма много убытковъ; угнали рогатый скотъ и лошадей, захватили провіантъ, разные припасы и два судна, на коихъ Ординъ-Нащокинъ опшравливалъ разныхъ масперовъ въ Москву.

Надобно сказать чинашелямъ, что изъ Риги и Нарвы хаживало много судовъ въ Россію. Держась берега, вливали они въ Кошпельное озеро — шакъ называлась по-Русски часть Финскаго залива, между островомъ Кошплинымъ (Кровшнадномъ) и устьями Невы. Следуя потомъ къ рѣкѣ Лавъ (*), гдѣ по Столбовскому договору была граница наша, представляли акты свои мѣстному начальству, и получали дозволеніе плыть во внутренность Россіи извѣстнымъ намъ воднымъ путемъ.

Вслѣдъ за симъ пришелъ изъ Выборга Фельдмаршалъ Крюкъ и, овладѣвъ Поковскимъ Печерскимъ монастыремъ, началъ приближаться къ Лифляндіи. Гадебушъ говоритъ, что военачальникъ сей былъ совершенно разбитъ Русскими, и сожалѣлъ весьма объ Ординѣ-Нащокинѣ; который лишился въ дѣлѣ семъ роднаго племянника.

Въ Юль (1657) прибылъ въ мѣсто сіе еще новый Шведскій военачальникъ, Ливонъ (Liven), который напалъ прямо на Абзель. Хотя крѣпость сія была хорошо укрѣплена, но Ординѣ-Нащокинъ, опасаясь, чтебъ его

(*) Санктпетербургской губерніи, впадаетъ въ Ладожскіе озеро.

не вытѣснили изъ Лифляндіи, собралъ 10.000 ополченѣйшаго войска и, поруча начальство надъ онымъ Машвѣю Васильевичу Шереметеву, выслалъ его противъ Шведовъ. Современныя Нѣмецкіе и помянушыя Лифляндскіе Писатели называютъ Шереметева весьма искуснымъ военачальникомъ.

Сраженіе (Іюня 18-го, 1657) рѣшилось въ пользу Шведовъ, имѣвшихъ превосходство въ силахъ. Храбрый Шереметевъ, бывъ жестоко раненъ, попалъ въ плѣнъ и, не взирая на старанія побѣдителей своихъ, окончилъ весьма скоро жизнь, и погребенъ въ церкви города Вольмара. Но, не взирая на потерю сію, удержался Ординъ-Нащокинъ во всѣхъ мѣсяцахъ, и причинялъ Шведамъ много вреда частыми вылазками.

Въ исходъ 1658 года, заключилъ Царь Алексѣй Михайловичъ перемиріе со Шведами на три года, съ тѣмъ, что Адзель, Кокенгузенъ, Маріенбургъ, Дерптъ и Вашнарва останутся въ рукахъ Россіянъ до заключенія положительнаго мира. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ при переговорахъ былъ Ординъ-Нащокинъ, и Царь Алексѣй Михайловичъ, оставя его по прежнему Намѣстникомъ справы сей, произвелъ въ Думныя Дворяне. Гадбушъ говоритъ, что Ординъ-Нащокинъ

испросилъ у Царя милосердіе Лифляндцамъ: имъ позволено было сохранити все прежнія права. Къ сему надобно прибавити, что почитенный мужъ сей, постигая все выгоды, копорыя жилиши Двинами могутъ имѣти отъ собственнаго флота, завелъ шланъ спросиіе мореходныхъ и рѣчныхъ судовъ.

Въ Юнѣ 1661 года, долженъ былъ Царь Алексѣй Михайловичъ, по неблагопріятному спеченію обстоятельствъ, заключити миръ со Шведами и возвратити имъ безвозмездно все завоеванія свои. Знаменитый Ординъ-Нащокинъ, сдавъ Лифляндію, прибылъ къ Царю въ Москву.

Недоопатюкъ матеріаловъ не позволяешь намъ слѣдити за Ординымъ - Нащокинимъ по дѣятельному пути полезной жизни его. Мы можемъ только сказать, что пріятный мужъ сей убѣдилъ Царя оправити его, въ 1663 году, ко всемъ блежнимъ Европейскимъ Дворамъ, съ шюю цѣлю, чпюбъ почерпнушь на мѣстахъ нѣ свѣдѣнія, копорыя за опдаленносцію получаютъ съ прудомъ, и повѣрити опитнымъ глазомъ вещественное положеніе Коренованыхъ Союзниковъ Россіи.

Вѣроятно, найдеть будетъ когда нибудъ спашейный списокъ Посольствъ Ордина-На-

нащокина; а теперь можемъ мы только сказать чинашамъ, что онъ былъ въ Польшу, Бранденбургъ, Саксонію, Данию, Швецію, Англию и Голландію. Изъ Посольства возвратился онъ черезъ три года, и произведенъ былъ въ Окольничіе.

Въ 1667 году, заключилъ Царь Алексѣй Михайловичъ весьма выгодный (въ Андрусовъ) миръ съ Польшею. При заключеніи онаго находился главнымъ лицомъ Аванасій Лаврентіевичъ Ординъ-Нащокинъ, а при немъ состоялъ Дворянинъ Богданъ Ивановичъ Нащокинъ, который въ семь же году былъ произведенъ въ Думные Дворяне.

Мудрый Царь Алексѣй Михайловичъ, умѣя цѣнить заслуги сего великаго государственнаго мужа, пожаловалъ его въ Бояре, съ окладомъ во 500 рублей въ годъ. Сверхъ обрядовенныхъ подарковъ Посланъ, дано ему было 500 дворовъ въ Косятрономъ уездѣ и шло *Царственная Большая Печать и Государственныхъ великихъ Посольскихъ для Обергатея.*

Обозрѣвъ внимательнымъ окомъ часть Европы, и пользуясь милостию и довѣренностию Царя, усстроилъ А. Л. Нащокинъ многія новыя и весьма полезныя заведенія, нѣ

коихъ главнѣйшими надобно признаны учрежденіе почтъ и Корабельнаго Приказа.

Исполненіе перваго поручено было иностранцу фонъ-Свендену. Письма начали отправлять на два шрафта: въ Курляндію и Польшу; съ золотника взимали по гривнѣ; а почтарямъ сдѣланы были кашаны изъ Амбургскаго сукна, на конюрые нашивали краснаго суконнаго орла.

Корабельный Приказъ учрежденъ былъ въ Москвѣ, а Верфь заложена была въ селѣ Дядновѣ. Хотя первый корабль и построенъ былъ (1636) весьма удобно въ Нижнемъ Новгородѣ; но, вѣроятно за отдаленностію, предпочли село Дядново, ибо оно находится отъ Москвы во 100 верстахъ. Поелику мы видели, что знаменитый Ординъ-Нащокинъ строилъ уже корабли на Двинѣ, то и можемъ быть увѣрены, что онъ имѣлъ въ дѣлѣ семъ большую опытность.

Черезъ годъ (1669) спущены были въ селѣ Дядновѣ корабль Орелъ и ляхна. Мысль Ордина - Нащокина, учредить корабельное ходженіе по Волгѣ, была въ шопъ вѣкъ весьма полезна и необходима. Разбойниковъ было весьма много, и они причиняли великій вредъ. Если бы въ Астрахани было 3 или 4 двадцати-пушечные корабля, то Спешька

Рязинъ былъ бы пораженъ при началъ разбоевъ своихъ.

Знаменитый Начальникъ Посольскаго Приказа обращалъ также особенное вниманіе на Кашай: заселившись при Амуръ даровалъ онъ многія преимущесва, и хопилъ образованъ въ спранъ шой корпусъ регулярнаго войска.

Взирая на сего великаго мужа въ кругу дѣятельной жизни его; зная, что онъ пользовался уваженіемъ и довѣренностію Монарха, — должно было ожидать, что онъ не поиндесть кормила государственнаго до послѣднихъ дней жизни своей; — но, къ удивленію, находимъ прошивное: въ 1672 году, уѣхалъ онъ въ Псковъ, и принявъ въ шамонѣмъ монастырь вноческій чинъ, названъ былъ Аншоніемъ.

Измѣрля неожиданный поступокъ сей обыкновеннымъ опшивомъ и приливомъ спрашней человеческихъ, — которыя были во всякъ вѣкахъ одинаковы, — надобно полагаешь, что перемена лицъ при Дворѣ была ему не весьма пріятна. Аршамонъ Сергѣевичъ Маштѣевъ и Нарышкины, пользуясь милостию Царицы Анастасіи Кириловны, стали бышь приближенными лицами къ Царю, и получили шѣмъ большій вѣсъ при Дворѣ,

что юная Царица имѣла магическую силу надъ Царемъ, успарьвшимъ подъ бременемъ государственныхъ заботъ. Мысль сія оправдывалась письмами Боярина Машевева, который хвалился, что онъ успановилъ многія полезныя учрежденія въ Посольскомъ Приказѣ, которыми, какъ намъ извѣстно, управлялъ А. Л. Ординъ-Нащокинъ. Бояринъ же Машевевъ успѣлъ убѣдить Царя, послать приближеннаго къ нему Окольничаго, Ивана Михайловича Милославскаго, Воеводу въ Аспраханъ — Спеченіе сихъ душевныхъ огорченій заставило, впрочемъ, Ордина-Нащокина удалиться отъ Двора въ шу монашескую обитель, гдѣ онъ нѣкогда наслаждался полнымъ, душевнымъ спокойствіемъ.

Въ 1679 году, явился Монахъ Антоній въ Москву, и, какъ по актамъ того времени видно, участвовалъ при переговорахъ и заключеніи оборонительнаго трактата съ Польшею. Къмъ былъ вызванъ знаменитый Ординъ-Нащокинъ въ древнюю синодцу нашу, долго ли онъ въ оной прожилъ и часию ли видался съ Царемъ — но пребудеть въ совершенной неизвѣстности. Намъ остается только одна данна — онъ сочинялъ трактатъ, и по данной сей можемъ мы заклю-

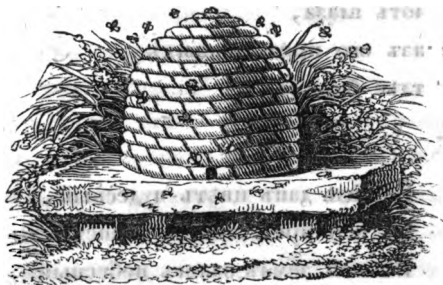
чишь, что дипломатическій умъ его былъ незамѣнимъ.

Когда окончилъ великій мужъ сей знаменитую жизнь свою, по совершенно неизвѣстно. Въ Историческомъ Путеводителѣ Москвы, изданномъ въ 1828 году, сказано нѣсколько словъ о Болринѣ семь, съ присокупленіемъ, что въ Оружейной Палатѣ находился бюстъ его.

Весьма вѣроятно, что истинные любители опечесивенной славы, прочитавъ сіе краткое извѣстіе о знамениѣйшемъ государственномъ мужѣ Россіи, поспараюшя собрать подробнѣйшія извѣстія, и дополнятъ оныя мѣстными изысканіями.

Василій Берхъ.

Ноября 1 числа,
1832.

В П Р Ю З А .

=

Много камней драгоценных
Ярко радуют глаза,
Но для глазъ его прельщенныхъ
Всѣхъ свѣтлѣе бирюза.

Бирюзъ данъ цвѣтъ чудесный,
Въ ней прелестныхъ таинствъ цвѣтъ,
Въ ней землѣ залогъ небесный
Необманчивыхъ примѣтъ.

Разсвѣтаетъ небо Мая
Бирюзовой красотой,
Незабудка голубая
Дышетъ свѣжей бирюзой.

И ему она являетъ
Неземныя красоты, —
И въ душѣ его питаетъ
Незабвенныя мечты.

Все предъ нимъ мертво, уныло,
Гдѣ не видятъ бирюзы;
Будто жизнь пріосѣнило
Мрачнымъ облакомъ грозы.

Околдованный неволью
Дань улыбки, дань слезы,
Онъ приноситъ богомолью
Тайной власти бирюзы.

Бирюза приманка взгляду,
Въ ней нашель онъ талисманъ,
И растраву и усладу
Для сердечныхъ тайныхъ ранъ.

Охлажденный и суровый,
Онъ забылъ ужъ про любовь,
Нынѣ цѣпью бирюзовой
Онъ къ любви прикованъ вновь.

К. Влaемскій.

НИЧТО.

ИЛИ

АЛЬМАНАЧНАЯ СТАТЕЙКА О НИЧЕМЪ.

(Письмо къ А. Ф. Смирдину).

—

«Meine Bitterkeit kömmt nur aus den Galläpfeln meiner Dinte, und wenn Gift in mir ist, so ist es doch nur Gegengift.»

Feine.

То есть:

«Горечь моя происходитъ единственно изъ чернильныхъ орешковъ, входящихъ въ составъ моихъ чернилъ, и если во мнѣ есть ядъ, то это не ядъ, а только противуядіе....»

Глѣнн.

Въ печеніе шестни лѣтъ я въ первый разъ попалъ въ общество Литераторовъ и, такъ называемыхъ, любительей Словесности, именно у васъ, на Новосельѣ. Въ эти шестни

часоваго мастера. Изъ всѣхъ чувствъ только вкусу было хорошо. Зрѣніе спрало ошь необычайной неспропы; органамъ слуха было больно ошь неспройныхъ похвалъ и въжливоспи; обоняніе, какъ- чушь оленя, слѣдло лощевъ и сыпи, а осязаніе сообщало сердцу дрожь, при каждомъ неискреннемъ пожаніи моей руки. Какая-то шоска давала мнѣ предчувствовашь, что я въ эштошь день долженъ разрънишья, непременно, какою нибудь глупосью!

Послѣ обѣда, когда поднесли мнѣ листъ бумаги, на кошоромъ написаны были имена Лишерашоровъ, изъявившихъ желаніе сосшавишь для васъ Альманахъ, — я, взглянувъ на списокъ, побоялся, чтообы гласныя буквы, въ нѣкошорыхъ изъ сихъ именъ, не заревли ошь ужаса, вспрѣпшась съ согласными буквами въ другихъ именахъ, опшвергающихъ союзъ даже въ Граммашикъ. Если бы всѣ сіи имена закупоришь въ бушылку, думалъ я, то бушылка вѣрно лопнула бь ошь броженія. Хорошо, что эши имена вспрѣпшались за бушылкой!...

Я вписался послѣднимъ въ списокъ лучезарныхъ именъ, но вовсе не ошь уничиженія, а пошому, что послѣдняго мѣсна я никогда не почишаю нѣжайшимъ или унижательнымъ,

что знаю много случаевъ, гдѣ похвальнѣе быль послѣднимъ, чѣмъ первымъ; напримеръ, въ *ретрады*, въ *передней*. . . Но довольно и этихъ двухъ примѣровъ. Конечно нѣмъ, что исполняю мое обещаніе.

Но какъ исполняю? Вотъ задача! Вся военныя и высокопочтенныя мои собранія Парнасскіе, вѣроятно, дадутъ вамъ спать, высоко цѣнимыя ими — спать важныя, полновѣсныя, а потому вамъ именно будешь недоспавать того, что даю я, — а я даю вамъ *ничто*. Не пренебрегайте *ничтѣмъ*, любезнѣйшій Александръ Филипповичъ! *Ничто* есть то же, что *муль*, а оны *сочетанія нулей съ единицами* родятся миллионы.

Вѣрше мнѣ, *ничто* не есть вещь значительная. Напробивъ того, *ничто* есть манеръ *всего*. Отглянешь на ваши полки съ книгами, и поразсудите, чѣмъ держатся многие наши Журналы, чѣмъ начислены наши разславленные Романы, наши модныя Поэмы-Повѣсти, Баллады, Оды, Анакреонистики, Нѣсли и Сказки! — Ей Богу, *ничтѣмъ*! — Что есть авторская слава? — При роднѣ, покровнѣ, пельснѣ и искапелснѣ, это ключъ къ почестямъ, а безъ этого — *ничто*, вещь, за которую не дадутъ квасу напишься. — Но это *ничто* имѣетъ свою прелесть, какъ

всякое *ничто*, сооснавляющее цель жизни и занявший большей частью людей. Уверяю вас честно, что если бы в вашем книжном магазине и в вашей Библиотекѣ для чтения не было никакого множества *ничего*, вы бы не имѣли бы никакого множества покупателей и читателей. Величайшая истина, сущая философическая аксіома есть та, что люди больше всего любятъ *ничто*, и всю жизнь гоняюшя за *ничьмь*.

- Взгляните изъ окна вашего на Невскій проспектъ — эпомъ міръ въ миніаншюрѣ, и пробѣгите умственно по богатымъ магазинамъ, которыми гордится Пешербургъ, какъ кошечка нарядомъ. Что вы въ нихъ найдете? Прелестное *ничто*. Войдемъ въ одинъ изъ сихъ въсплалницъ *ничего*, и посмотримъ, что тамъ дѣлается! — Вошь подвѣзжаетъ карету, изъ кареты вылезаетъ баринъ, гордый, надушій, важный — въ *сорокъ пудъ*. Это предсѣвительныя тысячи себя подобныя. Вошедъ въ магазинъ, онъ осматриваетъ все съ величайшимъ вниманіемъ, и покупаетъ нѣсколько янмозыхъ и фарфоровыхъ чашъ, которыя всегда будутъ сполна *пустыя* въ углѣкъ его дома, покупаетъ нѣсколько малахитовыхъ и мозаическихъ спюликовъ, на которыхъ бѣдный никогда не увидишь для себя хлѣба-соли. За эти вещи

баринъ опидаетъ нѣскольго пысятъ четверней ржи и пшеницы, собранныхъ съ полей его въ вошь чела, — и доволенъ, что приобрѣлъ блистательное ничто, потому, что люди удивляются и кланяются тому, у кого болѣе ненужныхъ вещей, но ешь, у кого болѣе ничего. За нимъ входитъ оглашенный Джъ-Секретарь Мараловъ, на котораго добрые люди указываютъ пальцами и крестятся при встрѣчѣ съ нимъ, чтобы не впаснѣ въ покушеніе и избѣгнушь опъ лукаваго. Мараловъ, почивая честь, заслугу, благородство и дворянское достоинство ничемъ, сомкалъ все это, сбиль въ кучу и вышлавлялъ себя, какъ изъ выжиги, значительное сосноленіе, и спавя ми во что людское мѣненіе, наслаждается вполне своею ничтожностью. Уголовные законы и полицейская команда охраняють черномазыя его ланины опъ насильственнаго прикосновенія; почтенные Члены Онекумскаго Совѣта заботятся о приращеніи его капитала, и Мараловъ преспокойно дремлетъ въ клубъ... Посмотрише, онъ покупаетъ ленточки для своего украшенія!!!.. Но вошь чувствительная, нѣжная дама, съ душою, вылиною въ форму нашей свѣтской образованности! Она разгрызаетъ въ домъ своемъ кошперемъ въ пользу бѣдныхъ, и, при

одномъ воспоминаніи несчастныхъ — плачешь горькими слезами. Женскія слезы, по словамъ поэтовъ, сушь перлы. Какъ жаль, что бѣдные не могутъ продать сихъ перловъ, и купить себѣ хлѣба; ибо сострадашительная дама не можетъ дѣлиться съ ними своими деньгами. Ей нужна шаль, а шаль свѣтской дамѣ споль же необходима, какъ шерсть кошкѣ. При шали нужны блонды, кружева, шюли и прочія необходимыя вещи, кошорыхъ, изъ уваженія къ прекрасному полу, никакъ не смѣю называть *ничѣмъ*, пошому, что цѣнность ихъ часно поглощаетъ все живіе мужа и его кредиторовъ. — Кроме того, можно ли называть *ничѣмъ* то, что усмиряетъ женскіе капризы и возбуждаетъ нѣжныя ласки? — Если бъ я сказалъ дамамъ, что цѣнимое ими споль высоко ешь *ничто*, и что онѣ разоряютъ мужей своихъ изъ *ничего*, пошому, что не причудливый нарядъ, а умъ и красота прельщаютъ насъ, по на меня прогнѣвались бы, а женскій гнѣвъ опаснѣе барской въжливости.... Замолчу, и, чтобъ гусей не раздражить, обращаюсь къ самому себѣ.

Другіе никакъ не хотѣтъ признашья, что они обкрадываютъ Вальнеръ-Скопа, Тоиса Мура, Байрона, Гёте, Биргера, Шиллера, Делавиня, Ламартина и ш. п., а я

окоптно сознаюсь, что я выучился псевдо-вашь о ничемъ у молодыхъ нашихъ мудрецовъ, у модныхъ дамъ и у принадлежащихъ къ нимъ авшуровъ, которые не два и не три часа говорятъ *ничто*, но всю жизнь будутъ говорить и писать *ничто* и о *ничемъ*. Такъ, Александръ Филипповичъ, я, подражатель, я литературный воръ! Я выкралъ *ничто* изъ разговоровъ нашихъ свѣтскихъ обществъ и изъ книгъ, которые вы печатаете на свой счетъ, лезете за стекломъ, квалие и продаете съ выгодною для покупателей, ищущихъ съ жадностью *ничего*. Недавно еще, какой-то Крижикъ, разбирая въ Сѣверной Пчелѣ вновь вышедшее сочиненіе, намѣкнулъ на меня бранчиво и насмѣшливо, за то, что я, когда-то сказалъ, что каждая книга (Романъ, Поэма или Сказка) должна имѣть цѣль, основную идею и, въ приличномъ видѣ, разрѣшать какую нибудь философическую или политическую задачу. Посудише, каково должно быть мое пресупленіе, когда меня разругали даже въ Сѣверной Пчелѣ! Это едва ли не то же, если бы госпди приближили хозяина въ его собственномъ домѣ за то, что онъ посовѣщивалъ имъ не бѣгать на четверенкахъ по грязи и вмѣстѣ съ пороссятами. Съ этихъ поръ я рѣшился подра-

жашь пѣмъ, копорыхъ хваляшъ безъ умолку пріатели печашно и изуспно, и спану пишашъ безъ цѣли, безъ мыслей, безъ чувствъ, но гладенько, чисшенько, — національно, ш. еспъ, со всѣми поговорками и прибаушками народными, а если можно, даже съ національною хвалою и бранью. Я швердо увѣренъ, что пиша такимъ образомъ, я превзойду Вальпера-Скопа, попому, что наши пишейные дома гораздо ближе къ природѣ, нежели Шопландскія шаверны.

Вы знаете, любезный Александръ Филипповичъ, что Индѣйцы и послѣдователи секшы Пиагоровой вѣряшъ, будшо душа чловѣка, послѣ смерти, переселяешся въ скопину. Не номню, гдѣ я читашъ или слышашъ, будшо эшо переселеніе душъ въ полной мѣрѣ сущешвуешъ въ лишерашурномъ мѣрѣ, и что духъ великихъ Писателей переселяешся въ ихъ подражателей, по правиламъ Ламайской вѣры. Грѣшный чловѣкъ! я вѣрю эшому и, входя въ ващъ книжный магазинъ, всякой разъ боюсь, чтобы споящіе у васъ на полкахъ Журналы, Романы, Поэмы, Драмы, Трагедіи, Повѣспи и ш. п. не заблели, не замычали и не заревѣли по-Англійски, по-Французски, по-Нѣмецки — и даже по-Латыни и по-Гречески! — Боюсь я опъ

шого, что самъ намъренъ, какъ выше сказано, сдѣлашься подражапелемъ, и для до-спиженія народности въ моихъ писаніяхъ, я уже принялъ къ себѣ въ услуженіе буйна кучера, пьянаго Малороссійскаго паробка, и подружился съ удалымъ дьячкомъ. Присемъ прошу васъ выписать для меня на будущій годъ Московскіе Журналы: *Телескопъ* и *Молву*.

Подражаніе хочу я проспереть гораздо далѣе, за предѣлы Литерапуры. Вы не повѣрите, мой любезный Александръ Филипповичъ, какъ я былъ прежде проспъ, а припомъ и несчастливъ, живя въ свѣспъ своимъ умомъ и чувствомъ! — Выслушайте меня! Однажды (очень давно), я прогуливался по большой дорогѣ, копорую тогда насыпали шоще, чахлые, блѣдные Бѣлорусскіе мужики, въ своихъ бѣлыхъ войлочныхъ магеркахъ и грязныхъ свипкахъ. Бѣлорусскій народъ еспъ чистое Славянское племя, попомки древнихъ Кривичей, и если Кіевъ называющъ колыбелью Русскаго Царства, то Бѣлоруссію можно назвашъ пеленками. На Великороссійскаго мужичка любо взглянушь — крѣпокъ, могучъ, здоровъ, весель, а родной брапъ его — Бѣлорусецъ, произраспаецъ на шой же почвѣ, какъ грибъ подъ дубомъ. Опъ чего же эта разница? — Я разговорился съ Бѣ-

лорусомъ, и возвратился въ городъ въ самомъ неприяжномъ расположеніи духа. На другой день, я пустился навѣщать всѣхъ моихъ пріятелей, и сшалъ полковашъ, какъ бы сдѣлашь Бѣлоруса шакимъ же плошнымъ и шолшымъ, какъ наши Великороссійскіе мужички. Я былъ шакъ проспъ, чшо думалъ, будшо надо мною не спанушъ насмѣхашься. Надо мной спали насмѣхашься, любезный Александръ Филипповичъ, и чѣмъ болѣе я сердился, шѣмъ болѣе надо мною смѣялись! Наконецъ, нашлись добрые люди, копорые убѣдили меня, чшо все эшо *ничто*, и чшо я дурно дѣлаю, бѣснуясь изъ *ничего*. Всѣ эши добрые люди, копорые совѣшовали мнѣ не безпокоишья о чужомъ голодѣ (шогда въ Бѣлоруссіи былъ голодъ), были люди шолшые, жирные, здоровые, веселые, съ ошличнымъ апешипомъ и съ досшашочными средшвами къ удовлешворенію онаго, ошличные игроки въ виспъ и даже любишели Изящнаго, шо ешъ Театра съ принадлежностями. Я вздумалъ подражашъ имъ, и уже сдѣлалъ нѣкопорые успѣхи. Недавно, бѣдная вдова пришла ко мнѣ съ просьбою написашъ ей жалобу на опекуновъ, копорые расшпили оспашки небольшого имущества ея покойнаго мужа, оспавили ее въ бѣдности

*

безъ куска хлѣба, съ чепырѣмя малолѣшными дѣшьями. Я бросился къ перу и кошельку, но, вспомнивъ совѣшпы добрыхъ людей (сышыхъ не дѣлашь себя врагами), сказалъ вдовѣ, чшо все это *ничто*, и чшо мнѣ нѣшѣ времени изъ *ничего* бишься. Бѣдная женщина заплакала и хопя ненѣжно, но горько!... Первый опынѣ мнѣ не удался; но я надѣюсь, чшо скоро исправлюсь, и чшо изъ шакой бездѣлицы, изъ сущаго *ничего* не спану болѣе мучишься. Вы знаете, чшо съ швердою волею можно сдѣлашься чѣмъ угодно, а я хочу бышь счастливымъ, ш. е. спокойнымъ, а пошому непременно достигну до шого, чшобы въ головѣ моей было *ничто*, а въ сердцѣ *ничего*.

Я читалъ въ одной старой книгѣ, чшо, во время оно, жилъ - былъ гдѣ-шо нѣкшо, кошорый всплылъ наверхъ изъ грязи, на риемахъ, и послѣ шого свѣшился, какъ во мракѣ кусокъ гнилаго дерева. Эшошъ нѣкшо слылъ добрѣйшимъ челошѣкомъ, и даже вышелъ въ люди за доброшю. Онъ жестоко не любилъ шакихъ какъ я людей; но я опшдаю каждому справедливосшь, и объявляю, чшо беру его за образецъ, и спану подражашь ему, чшобы нажишь себя сильныхъ друзей и славу добраго челошѣка. Я буду искашь въ женщинахъ, не любви, но милосши, и спану лизашь

и лелѣяшь ихъ дѣшей и собачекъ, писаешь мадригалы, и рассказываешь имъ спрашныя и чувствительныя небылицы. Чрезъ женщинъ я попаду въ милость къ мужчинамъ, и спану льстивъ имъ и сплешничаешь. Потомъ спану дѣлаешь добро моимъ родственникамъ и шѣмъ, копорые льстивъ мнѣ и ругають моихъ прошивниковъ, и, наконецъ, каждое утро буду разсылаешь съ моими записочками по всѣмъ моимъ знакомымъ пьдныхъ бабъ и разныхъ попрошакъ, копорыя приходятъ ко мнѣ просить подаенья. Записочка, какъ бы ни была чувствительно написана, спб-ивъ всегда меньше наличныхъ денегъ, а кроме того имѣешь что преимущество передъ деньгамъ, что сдѣлаешь гласнымъ мою доброту. Въ заключеніе этого предсавленія, я объявлю моихъ прошивниковъ злодѣями и погублю ихъ въ общемъ мнѣніи — во славу и шоржесство добродѣтели, копорая должна быть моимъ капиталомъ, приносящимъ по *пятидесяти на сто* вѣрнаго дохода.

Все это я непременно исполню, любезный Александръ Филипповичъ, точно такъ, какъ описано въ той книгѣ; исполню — для своей и для вашей пользы. Когда я проживу такимъ образомъ лишь пять, и послѣ того вздумаю объявить новую подписку на спа-

рыя мои сочиненія, по хопя бы ими завалены были кладовыя, увидише, какія вычурныя дамы и какіе знашныя господа спанушъ прѣвзжашъ къ вамъ, чшобы подписашся на сочиненія *добраго* чловѣка! — Журналы завопяшъ хвалу, а если кошорый нибудь Журналистпъ осмѣлишся пикнушъ прошиву насъ. . . . апу его! мы выпустимъ на него, шопчасъ, свору моихъ прышкшихъ пріятелей, и если намъ не удастся расперзашъ дерзкаго, шо мы загонимъ его въ нору. Дѣло пойдешъ, какъ по маслу. . . . Держите карманъ!

Но я долженъ признашся вамъ, любезный Александръ Филипповичъ, чшо при всемъ моемъ желаніи подражашъ любимцамъ счастья, для пріобрѣшенія земныхъ благъ, я приступлю къ дѣлу со страхомъ и шрепешомъ. Судьба повѣсила надо мною мечъ Дамоклеса, и эшопъ мечъ — собственныи мой языкъ. Ахъ, прокляшый языкъ! — Зубы мои, слава Богу, шакъ еще крѣпки, чшо я даже въ сошояніи жевашъ бифспексъ на почшовыхъ спанціяхъ, и шакъ воспры, чшо мнѣ спѣишъ шолько показашъ ихъ, чшобы заспавишъ молчашъ шѣхъ, кошорые безъ умолку и безъ причины ворчашъ на меня въ шеченіе нѣсколькихъ лѣшъ. При всемъ шомъ я не

могу удержашь языка за крѣпкими моими зубами! Если бъ вы знали, любезный Александръ Филипповичъ, сколько эпошъ языкъ надѣлалъ разспройснвѣ и замѣшашельснвѣ, поповшисъ въ пріятныя и усладительныя бесѣды плушовъ, взяпочниковъ, лицемѣровъ, низкопоклонниковъ, невѣждъ, полкующихъ нѣжно о честности, о безкорыстїи, о Христіанскихъ добродѣтеляхъ, объ усердіи къ службѣ и о просвѣщенїи! — Куда мнѣ дѣшья съ нимъ, какъ уняшь его, когда я знаю что для прїобрѣшенїя друзей, покровителей и славы добраго чловѣка, надобно умѣшь держашь крѣпко языкъ за зубами? — У насъ есшь множеснво Грамматикъ Русскаго языка, а Грамматика излагаешъ искусство *правильно говорить и писать*. До сихъ поръ, не взирал на множеснво изданныхъ Грамматикъ, у насъ вѣсьма мало людей, умѣющихъ правильно говорить и писать, а что еще хуже, неумѣющіе правильно говорить и писать идущъ впередъ, а умѣющіе или остающся сами назади, или опшпалкивающся назадъ неумѣющими. Нельзя ли вамъ, любезный Александръ Филипповичъ, заказашь—книгу *не-Грамматику* — копорая бы научала искусству *молчать и не писать*? Вы бы оказали эшимъ большую услугу умнымъ людямъ, и прїобрѣ-

ли бы вѣчную славу и благодарносшь попомства!

Предметъ мой, *ничто*, такъ богатъ, что если бы я далъ волю своему перу, то не кончилъ бы эпои снашьи на всей бумагѣ, производимой въ Россійской Имперіи въ печеніе десятильпія. Но я долженъ уступитъ мѣсто другимъ Авшорамъ, и пошому оканчиваю снашью желаніемъ, чшобы въ вашемъ Альманахѣ было хоть что *нибудь*, и чшобъ мое *ничто* не возбудило желчи въ Кришикахъ, кошорые, браня меня, подвергнулся справедливому упреку, чшо они *бьются изъ ничего*.

Ваадей Булгаринъ.

Мыза Карлово, возль Дерпта,
9 Ноабря, 1832.

ЖАВОРОНОКЪ, ОРЕЛЪ

И

ПОЭТЪ.

Когда проснувшись свѣтлѣть
Востокъ росистою зарѣй,
Незримый жаворонокъ рѣть
Въ равнинѣ неба голубой;
И, вдохновенный, безъ науки
Творить онъ пѣснь; и съ высока
Серебряные сыплетъ звуки
На слѣдъ воздушный вѣтерка.

554 Жаворонокъ, Орелъ и Поэтъ.

Орелъ, добычу забывая,
Летить, — и высихъ тучъ,
Какъ парусъ крылья разстилая,
Всплываетъ — весель и могучъ.
Зачѣмъ поютъ? зачѣмъ лѣтаютъ?
Зачѣмъ горячія мечты
Поэта въ небо увлекаютъ
Изъ мрака дальней суеты? —
Зачѣмъ, что въ небѣ вдохновенъ,
И въ пѣсняхъ есть избытокъ силъ,
И гордой воли упоенье
Въ надоблачномъ размахѣ крылъ:
Зачѣмъ, что съ выси небосклона
Отрадно видѣть край земной,
И робкихъ чадъ земнаго лона
Далеко, низко подъ собой.

Хомиковъ.

ПРОЩАНИЕ.

(А. О. Смирновой.)

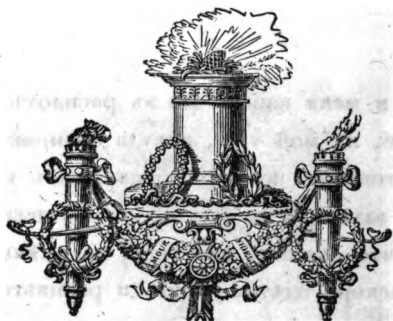
=

На Музу и меня напали вы въ расплохъ.
Ни сердце, ни мой умъ, покуда гриппой сжатый,
Не приготовлены, въ прощальный часъ утраты,
Поднести вамъ грустный стихъ и задушевный вздохъ.
Не знаю, что сказать, иль зная, не умью
Мысль наскоро одѣть, убрать и расцвѣтить,
Дать образъ тайнству, которымъ тихо зрю
И, чувство въ мѣрный стихъ живьемъ заколотить.

Въ экспромтахъ никогда я не былъ паренъ ловкой :
Влюблялся иногда экспромтомъ, — спора нѣтъ —
(И, кажется, вы въ томъ дать можете отвѣтъ);
Но пѣлъ всегда моихъ красавицъ съ подготовкой.
Мнѣ грустно, больно мнѣ, мнѣ душно на груди,
И сердце налилось слезами, будто чаша,
При мысли, что для насъ ужъ завтра Вы не паша,
Что долгая насъ ждетъ разлука впереди.
Вотъ, если эту скорбь глубокую, живую
Хотите вы назвать Поэзіей: будь такъ!
Примите вы ее, какъ сердца дань нѣмую
И преданныхъ вамъ чувствъ простой и вѣрный знакъ.

К. Вяземскій.

17 Января 1833.

ПОЛДЕНЬ ВЪ ВЕНЕЦІИ.

1832.

=

Венеція красой сіяеть,
Когда вечерній солнца лучь
На львъ крылатомъ умираеть
И меркнуть небеса безъ тучь.
Люблю сей часъ заката свѣта —
Какъ восхитительны въ часъ сей
Палаты Дожей и *Пьяцетта*:
Но полдень для меня милѣй.

Люблю я ночь — какъ шумъ стихаетъ —
 И бѣгъ таинственныхъ гондолъ
 Въ каналахъ темныхъ, гдѣ сіяетъ
 Сквозь сумракъ, лампы ареоль.
 Люблю я звуки *баркароллы*,
 Діану въ красотѣ лучей,
 Прогулки позднія вдоль *Модлы* :
 Но полдень для меня милѣй.

Зацнеть ли день свое теченье :
 Венеція, Царица водъ !
 Люблю твое я пробужденье
 И солнца твоего восходъ,
 Въ порогъ твой мраморный плесканье
 Адриатическихъ зыбей
 И утра свѣжее дыханье :
 Но полдень для меня милѣй.

Лишь въ колоколъ *Святая Марка*
Рейтары полдень прозвучать :
 Ихъ звуки вздохами Петрарка
 Душъ влюбленной говорятъ.
 То часъ свиданья, наслажденья
 Объятій, поцѣлуевъ съ *той*,
 Кто жизни сладостнымъ мгновеньемъ
 Меня счастливитъ въ полдень мой.

Зайцевскій.

Венеція.

С К Л А З К А

О НѢКОЕМЪ ПРАВОСЛАВНОМЪ ПОКОЙНОМЪ
МУЖИЧКѢ И О СЫНѢ ЕГО, ЕМЕЛѢ ДУРАЧКѢ.

=

ЛЮБЕЗНЫМЪ БРАТЬЯМЪ МОИМЪ НА ЭТОМЪ СВѢТѢ
И НА ТОМЪ,

КАРЛУ, ЛЬВУ и ПАВЛУ.

==

Везешь счастье безполковое, везешь хи-
просшь пронырливая людская и всякая
кривая неправда, везешь часомъ и проспо,
дурь нагольная, глупосшь просповолосая! И
на чню же, скажише, придумали люди умъ
да разумъ, и придирающся, доискивающся

совѣсти, какъ бывало Соломонида, кума моя, поскребышковъ изъ квашни порожней, и докучающъ и себѣ, и людямъ? По нашему: день прощель, шакъ и спашь пощель; день разсвѣль, — вспаль да поэль; а кто поспоришь со мной, спанешъ поперецись, шому скажу я сказку про нѣкоего православнаго, покойнаго мужичка и про сына его, про Емелю дурачка; а кума придакнешъ, скажешъ: и вѣспимо, родимый, опъ ума лишняго и чернокнижесство родилось; а совѣспный, примолвишь свашъ Демьянъ, и изъ-за сышнаго спшюла голодний вшаешъ!

Сшюяла, на рѣкѣ судоходной, слобода; въ слободѣ шой жилъ спарикъ и при немъ при сына: двое умныхъ, а шрешій дуракъ. Умныхъ не спанемъ мы называшъ по имени; умниковъ на блѣомъ свѣшъ много, всѣхъ не докличешся, не дозовешся; а дурака звали Емелею, Емелею дуракомъ. Спарикъ умныхъ двухъ сыновей своихъ оженилъ, а Емель наказалъ оспавашся холоспымъ, покуда развѣ не проглянешъ душою, не поумнѣешъ. «Пусть будешъ бѣда,» говаривалъ спарикъ: «не было бы грѣха, чшобы не было, чего добраго, его мащси приплоду!» А когда наконецъ спарикъ шопъ задумалъ умирашъ, шю раздѣлилъ всѣ пожишки свои и скошину на двѣ равныя часши,

умнымъ сыновьямъ своимъ, и оспавилъ, кроме того, всѣмъ прѣмъ, и Емель по же, по епу рублевъ; а самъ, прѣспавившись, вознесся душою въ вѣчность. Сыновья умные поплакали, дуракъ голову почесалъ, а попомъ похоронили они опца своего, съобща, честно и порядочно, со всѣми должными обрядами.

Брашья умники, пошолковавъ между собою вдвоемъ, сказали дураку:—«Послушай, Емель, опдай шы намъ деньги швои, спо рублевъ, мы поидемъ съ брашомъ въ городъ шорговашь; а когда, по благословенію въ Бозѣ почившаго опца и родишеля нашего, припоргуемъ великіе барыши, то купимъ шебѣ красный кафшанъ, красную шапку и красные сапоги! А шы, шѣмъ часомъ, сиди дома, оспавайся хозяиномъ, да слушайся невѣспокъ своихъ и дѣлай все, чшѣ они шебѣ не веляшъ!» —

Емель, копорому спрахъ хошѣлось пройшпись по слободѣ въ красномъ кафшанѣ, красной шапкѣ и красныхъ сапогахъ, деньги опдалъ брашьямъ, и охотно на все согласился. И такъ, брашья поѣхали, а онъ оспался съ невѣспками. Емель весь Божій день лежалъ на полапяхъ, либо на печи, и шолько посуливъ ему луку, да шолокна съ квасомъ —

до чего онъ былъ страспный охотникъ и вѣдокъ за семерыхъ, — могли депросинься невѣспки, чшобъ онъ пособилъ имъ по хозяйству.

— «Поди, Емеля дурачокъ,» сказали они ему однажды: «принеси-ка воды!» А дѣло было зимою, и спужа православная! — «А вы что?» опивчалъ Емеля. — «Какъ, что,» сказали невѣспки: «наше дѣло бабѣе; ты знаешь, что кошка съ бабой всегда въ избѣ, а мужикъ да собака завсегда на дворѣ; тебѣ не слѣдъ въ избѣ, на печи, валяться! Видишь какой морозъ на дворѣ, шущъ, не только бабѣ, и мужику впору выйши; а мы тебѣ луку да полокна съ квасомъ припасемъ; а если не пойдешь, такъ скажемъ мужьямъ нашимъ; они тебѣ тогда не справяшъ ни красной шапки, ни краснаго кафпана, ни красныхъ сапоговъ!» — Услышавъ такія лесныя и убѣдительныя рѣчи, слѣзъ Емеля съ печи, одѣлся, обулся, взялъ ведра, попоръ и пошелъ по воду. Пришедъ на рѣку, прорубилъ онъ пролубъ сажени въ двѣ и примѣрялъ попорцемъ по коромыслу, не пѣсно ли будешъ въ оба ведра воды зачерпнуть? Наконецъ сладилъ, воды набралъ, ведра поставилъ на ледъ и глядѣлъ, почесывая голову, въ полыню свою. Вдругъ въ ней всплыла боль-

шая щука. Щука въ полынѣ, умному, въ руки не дася, а Емеля, съ дуру, засучилъ рукавъ, присѣлъ, запустилъ руку въ полынью и — вышацилъ щуку! — «Начпо ты меня поймалъ?» спросила щука, когда Емеля спалъ сажашь ее за пазуху. — «Какъ, начпо!» ошвѣчалъ Емеля: «опдамъ шебя невѣсшкамъ, шакъ онъ сваряптъ шебя, а я шихонько унесу да съѣмъ, да закушу шолокномъ съ квасомъ, да лукомъ! Ты, чай, не знаешь, чпо у меня будешь нынече лукъ и шолокно?» — «Знаю,» ошвѣчала щука: «а начпо же шебъ меня, когда у шебя будешь и лукъ, и шолокно?» — «Толокно шолокномъ,» ошвѣчалъ дуракъ: «и лукъ лукомъ, и квасъ квасомъ, а ты шаки поди въ корчагу!» — «Пусши меня,» просилась щука: «я за это исполню всякое и любое швое желаніе!» — Это не худо, подумалъ дуракъ. — Да дѣлю въ шомъ: жилъ-былъ мужикъ въ бѣдѣ крупшой и посулилъ всѣмъ угодишкамъ, по обѣшу, поставишь по гривенной свѣчѣ — а когда выпушался обѣщаникъ нашъ, шакъ говоришь: не дамъ; подише, ищише на мнѣ! шакъ и я опущу шебя шогда, когда ты мнѣ сперва службу ошслужишь, не прежде; когда рожь, шогда и мѣра! — «Положи же меня опяшь,» опозвалась щука: «на самый край полынши, чшобы я по крайней мѣрѣ могла до-

*

спавашь носомъ воду и въ жабры выпускашь ее, а самъ поди на берегъ, оглянись на всѣ чешыре спороны и, если увидишь галку бѣлохвостую, что подойди попихоньку и поймай ее такъ же искусно, какъ ты поймалъ меня; посади ее за пазуху и скажи: по щучьему велѣнью, по моему прошенью, перекинись галка двуногая, бѣлохвостая, въ чершѣнка двурогаго, чернохвостаго; а что дальше будешь, самъ увидишь; но меня въ пролубъ посадишь не позабудь; если же я усну на льду, пакъ тебѣ худо будешь!»

Емеля вышелъ на берегъ, оглянулся и увидѣлъ на землѣ чернилицу, въ которой спяло бѣлое перо и ошъ въира повершывалось. Земскій Исправникъ, прѣхавшій въ слободу на слѣдствіе, по доносу, которъй былъ имъ ошмысканъ и узнанъ въ печатномъ предсказаніи Маршына Задеки, гдѣ сказано, что въ Россіи скрываюшся еще великія сокровища, — Земскій Исправникъ эшопъ привезъ, для слѣдствѣннаго дѣла, изъ узднаго города чернилицу, далъ ее подержашъ писарю Волошному, а шопъ, ознобивъ съ нею руки, поспавилъ ее на снѣгъ, а самъ дулъ въ кулаки и проминался. Емеля счелъ чернилицу съ бѣлымъ перомъ бѣлохвостую галкой; онъ снялъ съ головы шапку, подкрался къ пшакъ полз-

комъ и благополучно ее накрылъ. Не успѣлъ онъ вынуть чернилицу изъ-подъ шапки, ровно соловья изъ-подъ лучка, и вымолвишь заклинаніе: по щучьему велѣнью, по моему прошенью, перекинься галка двуногая, бѣлохвостая, въ чершѣнка двурогаго, чернохвостаго — какъ въ рукахъ у него зашевелилось и выпомзъ изъ чернилицы смуглый, рогатый, чернохвостый чершѣнокъ! Емеля дурачкѣ поймалъ его, какъ зайченка, за заднія лапки, и хохоталъ, бока насадилъ, кишки порвалъ, когда шопшъ началъ хрюкашь и визжалъ поросенкомъ, рвашься и просишься на волю къ земскому. — «Пуспи меня,» говорилъ чершѣнокъ: «я тебѣ за эшо, чего ни пожелаешь, все сдѣлаю!» — «Врѣшь,» отвѣчалъ Емеля: «обманешь, въ лѣсъ уйдешь; сулилъ панъ шубу, да не далъ; а слово его и шепло; да не грѣешь! Пойдемъ-ка вмѣспѣ на полыню, пошолкуй шамъ съ кумой, со щукой; либо я тебя ушоплю, а ее на берегъ закину, либо дадише напередъ чшо посулише!»

— «А чшо бы ты пожелалъ себѣ?» спросилъ чорпшъ: «проси съ меня службу проякую; пожелай въ шри раза, чего хочешь!»

— «Напередъ,» сказалъ Емеля: «чшобы у меня всегда было въ волю луку, квасу и шолокна; попомъ, чшобы всякая работа, къ какой меня

невѣспки, или другой кшо не приспавяштъ, сама собою дѣлалась; а еще въ прешьихъ.... а въ прешьихъ, еще луку, квасу и шолокна!»

— «Все это передъ шобою,» захрюкалъ черпёнокъ: «помни шолько заговоръ, кошорый тебѣ скажу: по шучьему велънью, по моему прошенью, по земскому ръшенью, будь шо и шо; и будешъ.» — «Попытаешся,» сказалъ Емеля. «По шучьему велънью, по моему прошенью, по земскому ръшенью, луку, квасу и шолокна!» Все явилось. «Ладно,» сказалъ онъ: «сыштъ; не хочю больше! Всегда ли шакъ будешъ?» — «Всегда,» ошвѣчалъ черпёнокъ. Емеля шеперь оппустилъ черпёнка на волю, посадилъ шуку въ пролубъ, спалъ передъ своими ведрами, кошорыя шѣмъ часомъ примерзли ко льду, шакъ, чшо онъ не могъ ихъ опорвашъ — «по шучьему велънью, по моему прошенью, по земскому ръшенью, подише, ведра, не расплескивая воды, на гору, да спаньше въ избу, подъ лавкой!» Ведра пошли сами на гору, съ боку на бокъ, какъ Фря какая, съ башмачка на башмачокъ, переваливаясь, коромысло долговязое плакалось на скороходовъ и чрезъ силу ихъ догоняло. Сосѣди, глядя на это, крайне удивлялись шакому чуду: ведра сами идуштъ, а Емеля нашъ вслѣдъ за ними, лукомъ завдаешъ, ихъ какъ

ушокъ, передъ собою погоняешь! Полныя ведра спали въ избѣ, на лавку, а Емеля нашъ взлѣзъ опяшь на печь. Но невѣспки не давали ему покоя и говорили: «Ты бы, дуракъ, пошелъ да дровъ нарубилъ.» — «А вы чшо?» спросилъ Емеля. — «Какъ, чшо?» ошвѣчали шь: «женское ли эшо дѣло, дрова рубишь! Теперь время холодное, не пойдешь, шакъ шы же озлбнешь, на холодной печи лежа! а краснаго кафшана, красной шапки и красныхъ сапоговъ и во снѣ не увидишь!» — Тогда Емеля, лежа на печи, шихо промолвилъ: «По шучьему велѣнью, по моему прошенью, по земскому рѣшенью, поди, шопоръ, наруби дровъ; а вы, дрова, сами въ избу спупайше, въ печь полъзайше!» И опколъ ни взялся шопоръ, выскочилъ на дворъ, нарубилъ дровъ охабку большую, а самъ пришелъ, да и легъ подъ лавку. Дрова въ избу ввалились и спали, полъно чрезъ полъно, съ полу да въ печь кидашься — а Емеля лежалъ себѣ на печи, въ лукъ, да шолокномъ съ квасомъ прилѣбывалъ!

— «Емеля,» сказали ему невѣспки: «дрова у насъ вышли всѣ; повъзжай-ка шы въ лѣсъ, да привези; а не по шакъ и не будешь шебъ краснаго кафшана!» — Емеля не спалъ на эшошъ разъ и опнѣкивашься, а вздумавъ еще кспа-

ни подпушишь надъ цѣлой слободой, слѣзь онъ съ печи, одѣлся, обулся, вышелъ на дворъ, вышацилъ изъ-подъ сарая дровни, навалилъ въ нихъ луку и шолокна, сѣлъ и велѣлъ невѣспкамъ распворишь вороша поширь. Сани, по шуцѣму велѣнью, по земскому рѣшенью, понеслись слободою — да прямо въ лѣсъ, шолько нодъпомозьями снѣгъ скрыпишь! Но въ лѣсъ должно было ѣхать черезъ городъ: народъ шамъ сбѣжался, на улицахъ давка, зашоръ, всѣмъ хошѣлось поглядѣшь на ша-кое чудо, чшо ѣдутъ сани безъ лошадей, а оглобли завожаны! Но дуракъ Емеля, не разумѣвъ, чшо должно кричать: пади! а сѣзжаясь съ другими санями: держи правѣишны! — передалъ въ шумъ городъ множество людей, конныхъ и пѣшихъ, и санныхъ. Дѣхавъ же до лѣсу, сказалъ онъ: «По шуцѣму велѣнью, по моему прошенью, по земскому рѣшенью, поди, шопоръ, на руби дровъ — да шевелись у меня! — А вы, дрова, въ вязанки вяжишесь, да на дровни ложишесь!» — Топоръ пошелъ долбишь, съ березы на березу, какъ дяшелъ; нарубилъ дровъ, навязалъ беремей съ десяшокъ, навалилъ въ сани — дуракъ сѣлъ, лукомъ закусилъ, и сани пошли чесашь по мороженному какъ по писанному! Но въ городъ, гдѣ онъ

передавиль народъ, его уже сперегли, ки- нулись и ухватились за него, спали пла- щипь съ саней и бишь. Тогда Емелья прого- вориль ниho, про себя: « по щучьему ве- лѣнью, по моему прошенью, по земскому рѣ- шенью, разсыпсь одно беремя, которое по- больше, на полѣнья, а вы, полѣнья, по спа- райшесь около эшого зашора, пересчишайше- ка всѣмъ имъ ребра, поломайше имъ голо- вы!» — Не успѣль вымолвишь Емелья закли- нанія, какъ полѣнья выскочили изъ саней и ношли крешипь по народу, по чемъ попа- ло; прескопня, по лбамъ, по зашылкамъ пошла шакая, чшо небу жарко спало! А Емелья понукнулъ оглобли: — «Эй вы, милень- кія, аль вы забыли, какъ прежде любили!» — Самъ пряхнулъ возжами — оглобли помчали его, онъ прівхалъ въ слободу свою, во дворъ, въ избу, и полвзъ на печь.

Вскорѣ весь шопъ край заговориль о Еме- ль дурачкѣ и о проказахъ его; народъ схо- дился и сбѣгался со всѣхъ концевъ на родину его, чшобы поглядѣшь на эшого чудодѣя, а онъ, и усомъ не ведешъ! Лежа на печи, вѣспъ калачи, шолокно съ квасомъ да лукъ, и знашь никого не хочешъ!

Накоонецъ вѣспъ объ эшомъ дошла и до Короля шой спраны; Король захопѣль не-

премѣнно увидѣвъ Емелю, послалъ одного чиновника своего, и приказалъ привезши его немедленно. Чиновникъ шопъ вскорѣ попалъ на слѣдъ, ошныскалъ слободу, въ конпорой проживалъ Емеля дурачекъ, позвалъ спаросшу и велѣлъ привезши дурака къ себѣ. Старосша пошелъ, но ворошился съ ошвѣпомъ, что Емеля нейдетъ: ему дома, на печи и сыпно и шепло! Тогда чиновникъ шопъ созвалъ всѣхъ присѣшниковъ своихъ, приказалъ подашь себѣ всѣ уборные припасы и снаряды и лучшіе цвѣшныя наряды, и пошелъ самъ за Емелею. — «Слѣзай съ печи, дуракъ,» сказалъ онъ Емель: «да одѣвайся.» — «А зачѣмъ?» спросилъ шопъ. — «Какъ зачѣмъ,» ошвѣчалъ чиновникъ: «шны слышишь, дуракъ, что шебя шребуешъ Король; я шебя повезу къ Королю!» — «А чего я памъ не видалъ?» ошяшь спросилъ Емеля, «у меня луку да квасу съ шолокномъ и здѣсь въ волю!» —

За шакую дерзость чиновникъ ударилъ его по щекъ; а Емеля, не марая рукавицъ, сдалъ его на руки помелу, и велѣлъ: по шучьему велѣнью, по своему прошенью, почишишь ему галуны, нафабришь усы и вышолкашь позагривку. Сказано, сдѣлано. Чи-

новникъ сълъ и повхалъ во свояси, и пушемъ-дорогою былъ, сказывающъ, послъ Емелиной чистки, пише воды, ниже правы. Король опвѣшу его весьма изумился и послалъ немедленно другова, поменьше чиномъ, да поумнѣй аршиномъ, и велѣлъ какъ нибудь обманушь дурака и привезти его непременно. Тотъ, прѣхавъ въ слободу, позвалъ спароспу, и велѣлъ привезти къ себѣ людей, съ кошорами Емеля дуракъ живешъ. Спароспа побѣжалъ, накинувъ зипунъ, и позвалъ невѣспокъ дурачка Емели. — «Чшо вашъ дуракъ любилъ?» спросилъ чиновникъ у нихъ: «и чѣмъ бы его съ печи сманишь и въ спелицу заманишь?» — «Милоспивый государь,» опвѣчали невѣспки: «дуракъ нашъ любилъ когда-то шолокно съ квасомъ, да лукъ; бывало, посулишь, шакъ и въ огонь и въ воду гошовъ — а нынѣ онъ разжился самъ на свою руку, эшимъ добромъ, сыпъ по горло и по уши! Но дуракъ нашъ не терпилъ угрозы, а любилъ, чшобы его просили до шрехъ разъ, и посулили наконецъ красный кафшанъ, красную шапку и красные сапоги; тогда уже вѣрно онъ сдѣлаешъ шо, о чѣмъ его просяшъ.»

— «Слвзай съ печи, Емеля,» сталъ уговаривашъ его новый посланецъ Королевскій.

«Поедемъ въ городъ преспольный!» — «А зачѣмъ?» спросилъ дуракъ: «чего я шамъ не видалъ?» — «Будешь большимъ бариномъ,» ошвѣчалъ посланецъ: «вельможею; развѣ ты не знаешь, что близъ Короля и живущъ и родящя все только бары да вельможи?» — «Близко родящя, да далече умирающъ,» ошвѣчалъ дуракъ: «нѣтъ, мнѣ и здѣсь хорошо! А когда Королю швоему завидно, что я досыпа доѣдаю, плошно досыпаю, шакъ возьми, вошь шебъ, охабка луку зеленого, да набери ему, пожалуй, шолокна въ шапку, да и сшуй!» — «Поедемъ, Емеля,» просилъ посланецъ Королевскій: «шебъ Король сошьешъ красный кафшанъ, красную шапку и красные сапоги!» — И невѣспки спшали шакже просишь его и уговаривашъ. «Ну, когда шакъ, шакъ поедемъ,» ошвѣчалъ Емеля. «Поезжай же ты у меня впередъ, очищай дорогу, а я шебя обгоню.» — Посланецъ спросилъ невѣспокъ, не обманешъ ли его дуракъ? Но онъ ему ошвѣчали: «что Емеля однажды скажешъ, то по глупосши своей и сдѣлаешъ непременно.» Посланецъ съшъ и поѣхалъ; а Емеля наѣлся шолокна съ лукомъ да съ квасомъ, выпался, а когда невѣспки его наконецъ разбудили, сказавъ ему, что уже пора ѣхашъ, шогда онъ, не

слъзая съ печи, вымолвилъ: «По щучьему велѣнью, по моему прошенью, по земскому рѣшенью, поѣзжай-ка ты печь во спольный градъ, да прямо къ Королю на дворъ!» — Изба запрещала, разсупилась, печь зашопленная поползла въ городъ преспольный по гладкой зимней дорогѣ чпо по маслу! Емеля обогналъ дорогою посланца, и поспѣлъ къ Королю на дворъ: еще труба экипажа его дымилась и сало во щахъ не оспымо!

Король и всѣ Бояре придворные, Сшольники, Чашники, Окольничьи, Воеводы, крайне чуду сему изумились: имъ не случилось еще видѣшь, чшобы кшо разѣзжалъ, лежа на печи! А дуракъ лежалъ, полокно хлебаль, лукомъ закусывалъ, съ боку на бокъ повершывался, кряхшѣлъ, ни на кого неглядѣлъ!

Король подошелъ къ нему и спросилъ:—«Скажи-ка ты мнѣ, если самъ знаешь: кшо ты шаковъ, и къ кому ты прѣвхалъ?»

—«Я—Емеля дурачекъ, ѣмъ съ квасомъ чесночокъ, а прѣвхалъ къ шебѣ, за краснымъ кафшаномъ, красною шапкой и красными сапогами! Здравствуй Король! Для чего же ты меня призвалъ?»

—«А для чего ты дуракъ?» спросилъ Король.

— «Не скажешь никому,» ошвѣчалъ Емеля: «шакъ я тебѣ, пожалуй, ошкрою душу свою, разскажу всю подногошную! Я было, признашся, родился у ошца да у машери умницею, шакъ меня бабка подмѣнила — я подкидышъ!»

— «Зачѣмъ ты народъ въ городъ передавилъ?» спросилъ его Король. — «Не я давилъ — сани давили,» ошвѣчалъ дуракъ. «Да кто же виновашъ, когда они спояшъ, какъ лабазники на перещоржкѣ — ршы разинувъ, глаза вылупивъ; ихъ дѣло ошсшупишся!..... Здравствуй! подсолнечникъ!» продолжалъ онъ, повершываясь на брюхо и кивнувъ по-пріятельски головою на одного почешнаго кавалера. — «Развѣ ты знаешь его?» спросилъ Король. — «Какъ не знаешь, я всѣхъ ихъ знаю!» ошвѣчалъ дуракъ. «Эшо міряне, родомъ дворяне; на шеъ Крешпа нѣшъ, а шабакерка серебряная! Вошъ эшопъ, чшо рожа съдымъ мохомъ поросла, эшо парень добрый: онъ съ нишаго суму сыметъ, когда самому занадобишся; послѣдній кушакъ на глаголь ошдасъ, а самъ по міру пойдешъ! они ребяша дружные; да и не мудрено; клинъ плшнику товарищъ — а рыбакъ рыбака далеко въ плесъ видишъ! А эшопъ, чшо пригладился, прикомадился, шакъ чшо и кованый

комарь на лбу не удержишся, надакался, да напакался, до того, что оскомину набилъ — какъ репивая кобыла сухимъ ячменемъ: это — наволока камчатная, да соломой набита! А ты что чужому смѣху смѣешься? Найди свой, немогузнайка, да и смѣйся! ты малый съ ногшемъ, черезъ волосъ посядѣлъ, а все прикидываешься олухомъ Царя небеснаго! Съдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро! Онъ воду мушишь, да рыбу удишь — будь плохъ, не подасъ и Богъ; ну да всего не переймешь, пріятель, что по рѣкъ плывешь; оставь поудишь и дѣшкамъ своимъ! А пошь, что шапкой подъ мышкой мозоли нашѣрь, свиду просъ, ходишь за побой, какъ за лисою хвостъ, а самъ звѣремъ въ лѣсъ глядишь, походя хвѣлишь, что на зиму обулъ тепло и своихъ, и чужихъ, — онъ, правда, пещроилъ на нихъ варежки шерстяныя, да дырья-то въ нихъ нишяныя! Я бы его пожаловалъ за это изъ поповъ да въ діаконы! Ну, да онъ, правда, и чисто спрочишь, и концы хоронишь; — у него рыбы нѣтъ, нѣтъ! а поглядишь — ушица ешь!... Что? не любо? наморщились все, словно голенища смазныя! — Да, поговорка моя не крупичатая: она ржаная, хлѣбная; ваше пузо ошь нее и пучишь и дуешь! она — была, не была; а убы-

ли госпила, да и къвамъ, на печи, въ задапокъ, погоспишь пріѣхала! Она, по напушному обычаю, со мною побрапалась, и служишь нынѣ у меня на печи заурядъ-хозяйкою; а спаруха помолошь, охулы на свою руку не положишь; баба съ печи лешаешь, семьдесаешь семь думъ задумаешь!»

Въ это время Емеля увидѣлъ споящую въ окнѣ шерема Королевскаго прекрасную дочь Короля, драгоцѣнную Махлаиду, и, подумавъ про себя вскользь, что, ка бы, по щучьему вельнью, по моему прошенью, по земскому рѣшенью, да влюбилась бы въ меня прекрасная Махлаида? А попомъ, понукнувъ пѣмъ же заговоромъ печь свою, онсправился во свояси: пріѣхалъ не здоровался, поѣхалъ не проспился! Изба родимая его расшупилась, печь спала на свое мѣсто и Емеля опяшь принялся за работу; спишь — съ него паръ валишь, бока грѣешь, да лукъ съ поллокномъ уписываетъ: полько пицишь, да за ушами шрецишь!

Но у Короля въ золоченыхъ шеремахъ спало тою порой нездорово. Драгоцѣнная дочь его, Махлаида Королевна, вспосковалась по Емель, что по суженомъ; возьми, да подай — хопъ роди, да подай!... Безъ ножа зарѣзалъ! всплакался погда опець Король, на Емелю

дурака, и велѣлъ позвашь къ себѣ того чиновника своего, копорый въ первый разъ безуспѣшно за Емелею ѣздилъ. — «Ты въ моемъ цѣвѣшномъ кафшанѣ ходишь, ходишь,» сказалъ онъ ему: «хлѣбъ-соль мою ѣспь, ѣшь; а службы моей служишь неслужишь — и пакъ, если не хочешь бышь шамъ, гдѣ и самъ чорпгъ рѣдки не спрогалъ, пакъ поѣзжай, да привези мнѣ Емелю дурачка во дворець!» —

Чиновникъ поѣхалъ, прибылъ въ шу слободу, гдѣ Емеля ему помеломъ усы нафабрилъ и пражку почиспилъ, высыпалъ спароспѣ мѣшокъ пѣшаковъ, и велѣлъ ему загошовишь споль, звашь Емелю къ себѣ и напоишь его ньянымъ, до упаду, а пошомъ укласпѣ спашь. Спароспа ослушашься чиновника того не носмѣлъ; по сказанному, какъ по писанному, сдѣлалъ и исполнилъ все; а когда дуракъ уснулъ, то чиновникъ связалъ его по рукамъ и по ногамъ, уклалъ пьянаго и соннаго въ сани свои и примчалъ во весь духъ въ пре-спольный градъ и къ Королю во дворець. Король немедленно позвалъ къ себѣ одного заморскаго Нѣмца, искуснаго на всякія нечиспья издѣлія и чернокнижныя ремесла и художесшка, и повелѣлъ ему учинишь немедленно шакую замысловашую хипроспѣ, что-бы пуснишь подъ облака закупоренную и за-

смоленную бочку, въ коцорой были засажены дочь Королевская и дурачекъ Емеля; ибо Король, за горячую и неприличную любовь ихъ, изволилъ непомѣрно разгнѣваться. И Нѣмецъ пошъ, вынувъ изъ живой севрюги пузырь, всшавилъ въ него соломенку, раздумъ его въ при копны сѣна, изладилъ и привязалъ къ бочкѣ шой, въ копорой сидѣла дочь Королевская съ милымъ дружкой своимъ Емелею дуракомъ — и бочка снялась съ мѣста и пошла подъ облака, словно спрѣла пернашая!

Махлайда Королевна плакала горько и обнимала во пмѣ непроницаемой предметъ жаркой спраспи своей — а дуракъ нашъ спалъ, спалъ, насилу выспался и опвѣчалъ прекрасной Махлаидѣ Королевнѣ, копорая заклинала и умоляла его всѣми святыми высвободить себя и ее изъ неволи шемной: «мнѣ и здѣсь тепло; не хуже печи, да только голова болишь съ похмѣлья!» Но Махлайда Королевна начала, весьма жалобнымъ нагвтомъ и слезами, изображать печальное положеніе свое и разжалобила чувспвищельнаго дурака до того, что онъ рѣшился пособишь горю ея, чтобы только избавишься отъ эшихъ нѣжныхъ и жалобныхъ пѣсень; что скорѣе, по лучше! — «И такъ» онъ шихо промолвилъ: «по щучьему велѣнью, по моему

прошенью, по земскому рѣшенью, лепи, бочка, за придевять земель, въ государство придесятое, на оспровъ пустынный, среди моря-окиана, и сядь шамъ на лужокъ, какъ на кровлю снѣжокъ — а вы, клѣпки, раздайтесь разсыптесь; а ты, край чужой, гостей новыхъ принять и угоспий изготвься; хлѣбъ-соль къ новоселью припаси позабошься!»

И бочка съла на луга шелковые, во цвѣтны лазоревые; клѣпки разсыпались, и чепа наша разгульная вступила во спрану привольную; мало пого чшо яспвь прѣсныхъ и пряныхъ, напишковъ сладкихъ и рьяныхъ, въ волю, но и чудесъ разныхъ припасено и приспособлено ко всякимъ нуждамъ и попребноснямъ; спойтъ напрымъръ, корова — золошые рога, на одномъ рогу баня, на другомъ кошель — еспь гдѣ помышья, попарисья, на лбу промежь рогами выпашья! Но Махлайда Королевна спала проситъ неотспуно возлюбленнаго дурака своего, чшобы онъ постарался и поспрудился оспстроитъ ей жилище, подобное пѣмъ, каковыми пользуются люди въ земляхъ и спранахъ нашихъ; ибо всѣ эти чудеса хороши для праздника — говорила она Емелье — а въ будни намъ здѣсь ошъ причудъ и дѣвашья некуда! «По щучьему вельню,

*

по моему прошенью, по земскому рѣшенью, спаньше, палаты Венецейскія, бѣломраморныя, зеркальныя, золопыя хрустальныя, среди оспрова нашего пуспыннаго!» И палаты со всѣми причудами и барскими зашѣями явились и спали. Но Махлайда Королевна, по той же пословицѣ, баба съ печи лешипшъ семдесятъ семь думъ задумаешъ, начала теперь просипшъ Емелю дурака, чпобы онъ пошцился опкрышъ сообщеніе съ маперою землею; ибо, какъ не весело ей было жившъ съ Емелею, но все она безъ людей скучала и не могла припомъ одолѣшъ желанія своего увидѣшъся съ дражайшимъ родителемъ своимъ и Королемъ. Емеля дуракъ поспроилъ немедленно по шучьему велѣнью, по своему прошенью, безъ чершежей на планъ, профиль и фасады, хрустальный мостъ, на шаковымъ же сводахъ, украсилъ камѣнями самоцвѣпными и перилами жѣмчужными, и вывелъ другой конецъ его прямо подъ парадное крыльцо Короля, опца родителя прекрасной и драгоцѣпной Махлаиды, а самъ хопѣлъ было съ нею немедленно пуспитшъся, по новому мосту своему, въ пущь-дорогу — какъ вдругъ спохвапился про себя, чшо всѣ люди, какъ люди, а онъ одинъ дуракъ; и чшо ему спыдно и совѣсно будетъ съ

Королевскою дочерью въ люди показаться; а по завѣшу покойнаго опца своего, нельзя даже на ней и женишься, даколѣ не сдѣлаешься умнымъ — а что уже теперь безъ свадьбы дѣло не обойдется, эпо, сказалъ Емеля про себя, и я своимъ умомъ смѣкну, и кукса по пальцамъ перечтешъ! И шакъ, пожелаю я еще разъ, напоследяхъ, для себя ума палашу, про свой обиходъ и про женину распрашу, да и зарекусь, закаюсь, опъ щуки и опъ земскаго опчураюсь! По щучьему велѣнью, по моему прошенью, по земскому рѣшенью, спань я уменъ, молодець какъ орель и удалъ какъ соколь! И сдѣлавшись немедленно умнымъ и пригожимъ, раздумалъ ипши къ пешню своему а послалъ почепныхъ кавалеровъ, изъ числа дворни своей, пройши по новому моспу и звапъ Короля со свипюю своею и челядью къ себѣ, на новоопкрыпый оспровъ, въ новоопспроенный дворець Венецейскій, на богатый пиръ. Король посланію сему изъ новаго царства весьма удивился, а еще болѣе, когда узрѣлъ неслыханный, и почпи баснословный моспъ, споящій радугою самоцвѣпною, одною пяшою на оспровъ среди моря-Окіана, другою пяшою на парадномъ крыльцѣ замка его — и опправился въ назначенный часъ

со свншою своею къ явленному, великоименишному, великодарованному царю-сосѣду своему, на пирь.

Миняспры и Царедворцы Короля нашего, видя шакое необыкновенное великолѣпіе, пышность и роскошное убранство, разсудили, что это долженъ бышь непременно Принцъ Лападійскій, поселившійся близъ царства ихъ на оспровѣ Вѣчнаго Веселія; и пошому подходили къ нему съ подобоспрашнємъ и колънопреклоненіемъ.

Послѣ пышнаго обѣда, Емеля умница спросилъ наконецъ Короля, не узнаётъ ли Его Величество въ немъ стараго знакомца? «Лице пріятельское — истинно пріятельское,» ошвѣчалъ Король, «а узнашь не могу!» — «Я пошѣ самый молодець,» сказалъ шогда Емеля умница: «копорый врѣвжалъ къ вамъ въ гости на печи.» —

Царедворцы при эшомъ словѣ всѣ до шого изумились, что у нихъ, у всѣхъ, рожи вышпанулись по шесшую пуговицу!

— «А вопъ это,» продолжалъ Емеля: «дочь ваша, прекрасная Махлаида, съ копорою я намьренъ прижишь дочерей-бѣлоручекъ и сыновей-богатырей; а пошому и прошу покорнѣйше вашего Королевскаго ошеческаго благословенія; а какъ народу изъ царства

вашего перешло, за вами вслѣдъ, по хруспальному моспу моему, весьма довольно, да припомъ и время для насъ дорого, по можемъ немедленно, избравъ, благословясь, посаженныхъ, присупишь честнымъ пиркомъ да и къ свадебкѣ; дѣвишника же, прошу на эпошъ разъ не взыскашь съ насъ, не прогнѣвашься, у насъ не будешъ; а я, какъ спалъ нынѣ разумомъ поумнѣе, умомъ помышленѣе, накажу будущимъ дочерямъ своимъ бѣлоручкамъ, чшобъ онѣ попщились соблюсти поспроже всѣ повѣрья и обычаи земли нашей и безъ дѣвишника свадьбы не играли!» —

Король съ радоспю великою благословилъ молодыхъ, и хошѣлъ было успунишь имъ Королевство свое и упвердиль ихъ въ княженіи; но Емеля умница, снявъ шапку и опшѣсивъ одинъ поклонъ въ поясъ, другой въ полпояса, и замахнувшись еще на прешій шаковой же, опшѣчалъ: «Я двадцатый годъ на свѣшѣ бьюсь, перемаиваюсь и самъ съ собою не справлюсь; а я одинъ, и, кажись, самъ себѣ господинъ; шакъ чшо жъ я спану дѣлашь если шы на меня душъ, чшо волось на головъ, навалишь? — И за какую благодашь спану я съ ними возишься, какъ сыпой пѣсъ съ краюхою, чшобы мнѣ здѣсь

не было ни радости ни опдышки, да еще посулили бы и тамъ, на помъ свѣшъ, не найши ни дна, ни покрышки? Нѣшъ, Ваше Величество, опецъ и башюшка и родишель нашъ, вспоминайше-ка лучше сами вы, царспвуючи и здравспвуючи о помъ, что было сказано вамъ мною, когда я былъ еще въ дуракахъ, о благольпныхъ и достохвальныхъ царедворцахъ вашихъ; пріосаньпесь, пріосмоприпесь, а мнѣ дозвольше въ покоѣ живъ да поживашъ совокупно со дочерію вашею, прекрасною драгоценною Махлаидою; мы чепа разгульная, земля наша привольная; покуда живы, сколько земли пой въ горспъ ни ухвашимъ, сколько, походя, спунней ни накроемъ, вся наша, благопріобрѣшенная! А придетъ пора, чшѣ зандобишся свой неизмѣнный уголь, шакъ найдешся и родовое; опмежуюшъ, по неволъ; съ брюхомъ, съ ногами, и самъ нѣмецъ швой многоискусный, никого на помъ свѣшъ не подымешъ!

«А пирушку, задамъ я всѣмъ подданнымъ швоимъ шакою, чшобы предспавишъ примѣрный приспупъ и сраженіе; чшобы изъ пиროговъ подовыхъ, здобныхъ и слоеныхъ были выспроены пвердыни неприспупныя, обнесены раскапами изъ крушой каши масляной, опоясаны премя рвами широкими;

въ первомъ медь, въ другомъ пиво, въ прешьемъ вина Фряжскія, а когда народъ пвой пойдешъ на присшупъ, брашь швердыни мои съспшныя, неприсшупныя, по пущь запасается зубами бычачьими, неушомимыми, языкомъ и зубами хлѣбсольными, ушробою бездонною; онъ повиненъ испишь при пошока широкіе, пивомъ, медомъ, виномъ Фряжскимъ по самый край переполненные; поѣспь раскашпы изъ крупной каши масляной; и доберешся онъ тогда до пироговъ здобныхъ, слоеныхъ и подовыхъ, до луку, шолокна и до квасу! А когда все сіе устроишся и учредишся, о шомъ будешъ по всему царспву швоему пущено ошъ меня особенное повелѣніе и объявленіе! Въ ожиданіи чего и пишемъ:

«СЕЙ

РУССКОЙ ПОЛНОЙ СКАЗКѢ

КОНЕЦЪ!»

— «Погоди!» закричалъ Емеля: «не пиши *ко-нецъ*, безъ хвоста не родился и огурецъ, Въдь у меня никакъ брашья были, двое да еще и умники оба; гдѣ же они? позвашь ихъ сюда!»

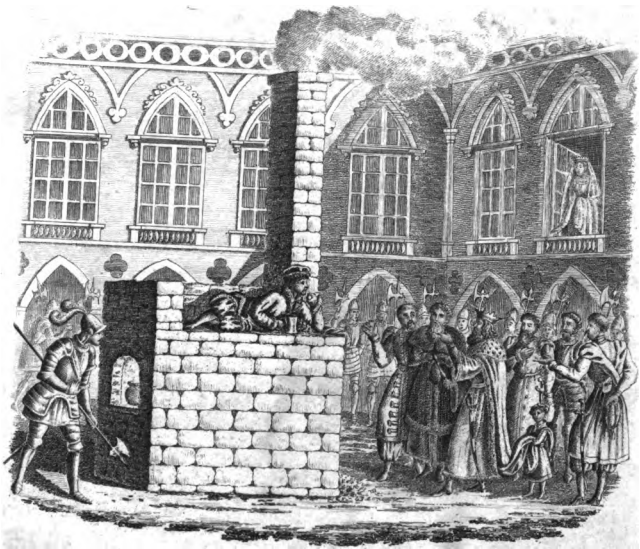
— «А брашья швои,» отвѣчалъ посланецъ по учиненной справкѣ, «разжились было съ шрехъ сопъ на при пысячи, да чужое добро впрокъ не пошло. Какъ только разжились, шакъ и не спали ладись промежь собою, и раздѣлились. Одинъ вскорѣ позамопался, а другой накопилъ денегъ кучу. Одинъ спалъ *пипъ съ горя*, другой *съ радости*; оба запоемъ. Первый, горемычный, преспавился въ одной рубашонкѣ, въ кабачишкѣ, подъ спойкою; другой, разгульный, Богу душу опдалъ въ Губернскомъ городѣ, примѣромъ сказапъ въ Ярославль, въ знаменипой *рас-тараціи Росславовой*, когда ворошился, о сваяшкахъ, въ шонкомъ синемъ кафшанѣ, изъподъ качелей, опморозивъ себѣ ноги по колѣни и руки по самыя локши!»

— «Ну, быпъ шакъ,» сказалъ Емеля: «а ка бы они волею Божіею, да скончались на моихъ рукахъ, шакъ я бы покойникамъ опдалъ послѣднюю чеспъ, похоронилъ бы ихъ, ум-

никовъ, въ красномъ кафтанѣ, въ красной шапкѣ и въ красныхъ сапогахъ!» — •

Ну, вошь шеперь, конецъ!

Казакъ Луганскій.

11601293

M-1849(1)

Handwritten scribble

100

